АЛЕКСАНДР ЯШИН

3

АЛЕКСАНДР ЯШИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

АЛЕКСАНДР ЯШИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ

•

ДНЕВНИКИ

•

ПИСЬМА

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

ББК 84Р7
Я 96

Составление, подготовка текста, комментарии
З. К. Яшиной, Н. А. Яшиной

Оформление художника
Н. И. Крылова

●

Я $\frac{4702010200-340}{028(01)-86}$ подписное

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

ПОЭЗИЯ ДОБРА

«Все творенья в божьем мире
Так прекрасны, хороши!
Но прекрасней человека
Ничего нет на земле!»

А. Кольцов. Человек (Дума)

«На заре туманной юности», и долго после, мне казалось, что такие поэты, как Пушкин, Некрасов, Кольцов, существуют вечно: они не рождаются, как все, не умирают, они просто *всегда* есть и *всегда* будут.

Поэзия в ту пору входила в сознание напрямую, без каких-либо опосредствований. Мы еще не изучали пространных предисловий к книгам, сдобренных, и часто не в меру, различными социологическими изысканиями, не пытались разбираться во всевозможных «измах», а просто читали и заучивали стихи, которые нравились. Все зависело от того, какие чувства пробуждали они в душе. И я еще не задумывался над тем, что «выражали» Пушкин или Кольцов, представителями каких общественных сил и слоев они являлись, были ли их стихи оптимистическими или пессимистическими, что они утверждали и что отрицали.

Одной из первых моих книжек в жизни был томик кольцовских стихов издания Народного комиссариата просвещения РСФСР. Серая газетная бумага, блеклая печать... Не помню, читал ли я весь томик подряд или нет, но стихи, заученные тогда наизусть, навсегда остались в памяти. Я распевал их под балалайку, взятую напрокат из школьного оркестра, распевал, часто подбирая мотивы по своему усмотрению и бесконечно повторяя одни и те же строфы:

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Все заказаны?

Кольцов пробуждал в моей душе добрые, хорошие чувства! И этого было довольно, чтобы навсегда полюбить его.

При отборе стихов, которые нравились, я не руководствовался ничем, кроме своей внутренней потребности, я не знал, превозносил ли кто-нибудь их или охаивал, да для меня это было и не важно. Стихи Кольцова сами формировали вкус. Над грустными я плакал, размышляя о своей сиротской доле; стихи о молодецкой удали бодрили, укрепляли веру в свои силы; романтические стихи о труде пахаря удивляли и поражали непохожестью этого труда на тяжелые полевые работы моих односельчан; неясное еще чувство любви тоже находило свое выражение в кольцовских песнях и думах.

Все это: и слезы тоски и одиночества, и ощущение русской удали, и молитвенный восторг перед красотой природы, перед тайнами мироздания — все было нужно душе, все необходимо. И все это я находил в стихах Алексея Кольцова.

А разве душе нынешнего читателя меньше надо?

Вероятно, следует благодарить судьбу, когда она в доверчивые руки школьника, тянущегося к поэзии, вкладывает в числе первых даров своих книгу такого поэта, как Кольцов. Особенно если этот школьник сам начинает писать. И сколько бы потом ни пытались увлечь его за собой другие, ненастоящие поэты, как бы ни ломали его вкус, запугивая измышлениями об опасности «лирического самовыражения», какую бы тяжелую дань ни довелось ему позднее отдать голой риторике и поверхностному одописательству — все равно здоровые начала, воспринятые с детства, должны взять верх над громкой фальшью, он устоит на ногах, выправится и поймет, наконец, каким должно быть подлинное служение народу в поэзии.

Лирика Кольцова и поныне оказывает благотворнейшее влияние на формирование любого творческого дарования, любого поэтического характера. Наследие Кольцова полно благородной человечности, сердечной доброты к людям, уважения и любви к простому труженику на земле. Поэт не приемлет несправедливости и неправды, в какой бы они форме ни проявлялись.

Будь добродетелен душою,
Велик и знатен — простотою...—

обращается он с наказом в стихотворении «Маленькому брату», —

Пробудишь струны — пой без лести!
Будь неподкупен в деле чести...

Поэзия Кольцова — добрая поэзия, это поэзия подлинного гуманизма. Она — образец такой моральной чистоты и искренности, такой душевной распахнутости и доверия и внимания к лирическому герою, к его внутренней жизни, какого достигали редкие поэты.

«Жгучим чувством личности» называл Салтыков-Щедрин это качество кольцовской поэзии.

Об «энергии лиризма» говорил Чернышевский применительно к стихам Лермонтова и Кольцова.

Душевный мир человека всегда был основой лирической поэзии. Без человека нет поэзии, нет литературы. Человеконенавистничество в искусстве — это фашизм, это вырождение искусства. Любовь к человеку, вера в великое предназначение своего народа, глубокое сочувствие к его горестям и бедам, страдание за трудовой народ — главное в традициях русской демократической поэзии.

Советская поэзия приняла эти традиции и обязана в новом качестве продолжать и развивать их.

Деяниями советских людей, их подвигами и самоотвержением восхищается ныне весь мир. Мы накануне новых великих свершений. Народ наш призван историей к творческим дерзаниям, к всестороннему рассвобождению способностей каждого человека. Почему же поэзия наша часто ограничивалась лишь откликами на отдельные события? Ей не хватало широты и смелости, лирической проникновенности и философской глубины. Советской лирике особенно не хватало доверия к внутреннему миру родного человека.

В душах людских наряду с новыми чувствами и качествами, порожденными великой эпохой труда и испытаний, есть еще место и для многого другого, унаследованного от старого мира. Никуда не делись зависть и злоба, стяжательство и клевета, эгоизм и безудержное хвастовство. А мы робеем перед всем этим, когда беремся за перо. Говорим о появлении у человека шестого и седьмого чувства, а в творческой практике ограничиваемся разве что двойками да тройками. Возвращение к иконописи не может помочь в создании сильных характеров, героических образов современника.

Но думается, что перелом уже наметился. Пришло «время зрелости суровой», пора браться за ум. Не надо бояться дерзать. Все должно быть отпущено поэзии полной мерой — и гордость и горе, торжество и боль, слезы восторга и слезы разочарования. Все краски на рабочий стол!

У Кольцова есть «Песни», но есть и «Размышления» и «Думы». А как нужны нашей поэзии умные, глубокие «думы» о современности. Есть «Первая песня Лихача-Кудрявича» и есть «Вторая песня Лихача-Кудрявича».

Прошла пора бездумной поэзии и для нас. Подчас нашим стихам еще не хватает лирической философии, размышлений о жизни, откровений души, сердечной распахнутости. Ощущение этого сказывается ныне даже в названиях новых романов, поэм и стихотворных циклов. Пусть перестанут быть пугалами для нас старые термины: «лирический субъективизм», «поэтическое самовыражение». Они уже переосмыслены и наполнились новым содержанием. Не надо умалять значения своих переживаний. Кому как не нам должно быть присуще «жгучее чувство личности».

Душу свою надо вложить в поэзию, чтобы завоевать душу читателя. Любовь к человеку предполагает и борьбу за него. Служить народу — значит служить человеку. Поэзия должна делать добро людям. «Без этого к чему слова любви о родине, о речках, о березках!»

12 октября 1959

С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

1

Писать о Фадееве трудно. Он был личностью большой и сложной, находился всю жизнь в эпицентре литературно-общественных бурь, испытывал мощное влияние добрых и злых сил, и воспоминания о себе у разных людей оставил разные. Я знал его только с одной — с хорошей, светлой стороны, и, сколько бы сейчас ни слышал о нем самых противоречивых рассказов, у меня нет оснований менять сложившееся свое понимание этого человека.

С личностью Фадеева для меня всегда было связано представление о первых годах революции, о ее молодости и романтической чистоте, о народной войне за Со-

ветскую власть, о ледовом походе против кронштадтских мятежников, в котором участвовал Фадеев как делегат партийного съезда.

Когда мы поем: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед»,— я вижу перед собой юношу Фадеева среди дальневосточных партизан. Фурманов и Чапаев, Фадеев и Лазо неизменно стоят для меня в одном ряду.

Я верю в красивую цельность души Фадеева, в незапятнанность его помыслов, так же, как он до последних дней своих верил в великую правду нашего народа, в неразделимость народной мечты о счастье с идеалами партии.

Конечно, я знал о Фадееве не все, но я знал и любил Фадеева-человека. Об этом я и хочу рассказать что смогу и как сумею. Иногда Фадеев присутствовал в моей жизни незримо, и мои воспоминания о нем — это воспоминания и о моей литературной судьбе, о разных состояниях моей души.

2

В орбиту фадеевского доброжелательного внимания я попал, будучи еще студентом Литературного института. С той поры мы время от времени общались: я бывал у него на переделкинской даче, он, случалось, заходил ко мне в бывшую баню, в Переделкине же, перестроенную в студенческое общежитие, в котором у меня имелась тогда отдельная комнатка с кухней и верандой.

Вероятно, наше общение могло бы стать более частым и глубоким, особенно после войны, если бы я с годами смог преодолеть свое первоначальное ощущение, что перед ним я всего-навсего студент, всегда мальчишка. Думаю, что Александру Александровичу меньше всего нужно было такое к нему отношение, но изменить его я так и не смог и очень об этом жалею.

Началось с того, что году в 1936—1937 Фадеев выступил на одном из студенческих поэтических вечеров в Клубе писателей и очень хорошо отозвался о прочитанных мною стихах. Но настоящее наше знакомство, мне кажется, состоялось позднее и при несколько необычных обстоятельствах. О них хочу рассказать, потому что это имеет отношение к главному, ради чего пишу.

На учебу в Москву из Архангельска я приехал после Первого Всесоюзного съезда советских писателей, на котором был делегатом от Северной краевой организации.

Когда вышел стенографический отчет съезда, оказалось, что я числюсь в составе Всесоюзного правления. Это была ошибка, и я не придавал этому значения,— ошибка хотя бы уже потому, что на съезде я имел совещательный голос и по уставу не мог быть избранным в руководящие органы Союза. Избран был, по-видимому, узбекский писатель Камиль Яшен. В Правление Союза писателей я не ходил, а от иронических замечаний друзей относительно моей принадлежности к «начальству» просто отшучивался.

Но в 1939 году в Литературный институт на мое имя как «члена Правления СП СССР» пришло официальное приглашение в Киев на юбилейный шевченковский пленум Союза писателей. Искушение было слишком велико, Киева я еще не видал, да и времени на объяснения уже не оставалось. К тому же я перевел перед этим поэму Шевченко «Наймічка» и перевод мой получил премию на институтском конкурсе. Совесть сама себя успокаивала: «Не за премию ли и приглашают па шевченковский пленум?»

Я решил ехать. А в поезде зашел к Фадееву в купе и рассказал ему все как есть. Помню, я начал с того, что чувствую себя «зайцем», что я «незаконный» в этом спецпоезде.

— Еще один «заяц»! — удивился Александр Александрович.— Но вы первый, который сам идет на охотника. В чем дело?

Я показал ему приглашение на пленум.

— Почему же вы незаконный? Это моя подпись. Может быть, вы и ее объявите незаконной?

Я рассказываю все по порядку. И о премии добавляю. Судя по всему, моя «исповедь» не просто позабавила Фадеева, а понравилась ему, он даже не смеялся, как обычно, и очень пристально всматривался в меня.

Он сказал:

— У вас в руках приглашение, значит, все в порядке. Воспользуйтесь случаем, познакомьтесь с украинскими поэтами: могучая поэзия! А из членов Правления выведем, не огорчайтесь, это мы можем.

После этого он спрашивал меня о работе — не о студенческих отметках, а о литературной работе, что мне польстило. Оказалось, что он читал мой первый московский сборник «Северянка» и что-то слышал уже о поэме «Мать», позднее вышедшей в Гослитиздате (теперь «Мать и сын»).

Не могу точно сказать, что́ больше поначалу заинтересовало Александра Александровича — мои стихи или моя «исповедь» в железнодорожном купе, но думается, что для Фадеева, каким я его знаю, разговор в купе имел не меньшее значение для первого знакомства с человеком, чем любые стихи.

Думаю так еще потому, что о разговоре в купе Фадеев напомнил мне много лет спустя, после Второго Всесоюзного съезда, на котором я был избран, уже по-настоящему, в состав Правления СП СССР:

— Ну, теперь все по закону. Надеюсь, оспаривать не будете?

На пленуме в Киеве и на теплоходе во время поездки в город Канев он сам знакомил меня с украинскими поэтами.

С тех пор я неизменно видел в Фадееве только доброго друга. Он навсегда вошел в мою жизнь как человек с большой буквы.

Мне кажется, что я любил Фадеева-человека даже больше, чем Фадеева-писателя.

Люди часто по-человечески влюбляются друг в друга. Писатели тоже. Ничего удивительного в этом нет. Но бывает, что влюбишься в писателя по его произведениям, а потом познакомишься с ним лично, сблизишься — и пожалеешь, что познакомился. Иногда теряешь интерес даже к книгам своего недавнего кумира, настолько сложившееся представление об авторе не совпадает с тем, что ты увидишь и узнаешь.

Ничего подобного не могло случаться в отношении к Александру Александровичу. Знакомясь с ним, люди влюблялись в Фадеева еще больше — в него самого и в его книги.

К сожалению, из робости или ложного самолюбия, из-за боязни показаться неинтересным мы часто не используем в полной мере счастливой возможности общаться с людьми, которые нам дороги, и тем самым как бы уступаем их другим, возможно, гораздо менее интересным для них, зато неробким. Обе стороны при этом оказываются в проигрыше: и робкие влюбленные, и те, к которым их тянет душа.

Друзей у Фадеева было, конечно, немало, но еще больше было всевозможных льстецов вокруг него. А он искал друзей.

В течение всей жизни я часто, как и многие мои сверстники, нуждался в Фадееве-человеке. Бывало,

открывал ему свою душу с полной верой в его абсолютное благородство и никогда не имел причин раскаиваться. Но до моего сознания, кажется, ни разу не доходило, что Фадеев также может нуждаться во мне, как я в нем, что ему самому так же было необходимо порой «выговариваться». И когда это случалось, я многое пропускал мимо ушей.

Вероятно, такое бывает в отношениях отца с повзрослевшим сыном: отцу легче почувствовать другом своего сына, чем сыну — отца.

Не могу себе простить, что и в последнюю встречу с Александром Александровичем, когда он зазвал меня к себе и подробно рассказывал о крушении своего первоначального замысла романа «Черная металлургия», я не оказался достойным его слушателем и собеседником.

Сидели мы на втором этаже его переделкинской дачи, в кабинете, среди книг, лежавших грудами на столе, на полу, на полках. Я захотел вина, он принес бутылку сухого, но сам не прикоснулся к нему. В последнее время, и до самой смерти, он совершенно не позволял себе этого.

«Потребовать» бутылку вина, да еще сказать что-то прямое и резкое на вопрос о характере развития советской поэзии — дальше этого я не пошел. А он долго и с болью — конечно же, с болью! — рассказывал мне, почему конфликт, положенный в основу «Черной металлургии», оказался ложным и как это нелегко все переделывать, все начинать заново.

Да только ли о крушении романа шла речь!

Нельзя сказать, что я совсем не почувствовал его боли. Но почему-то мне казалось невероятным, чтобы и такой человек, как Фадеев, мог нуждаться в утешении, в тех простых человеческих словах сочувствия, за которыми мы сами, сотни и сотни писателей и поэтов, постоянно ходили к нему.

А что́ бы мне тогда отрешиться от своего закоснелого представления о нем как о человеке, живущем только для нас, что́ бы мне догадаться и сказать ему: «Дорогой Александр Александрович, случается же такое со всеми! Мало ли книг не удавалось сразу, мало ли романов остается недописанными! А вы еще совсем молодой, сильный, красивый, вас любят, Александр Александрович!..»

Или что-нибудь в этом роде. Что́ бы мне догадаться сказать ему что-то доброе, сердечное, пусть не сразу

сказать, а хотя бы потом, когда он повел меня в сад, на склон к речке, и смешно хвалился небольшим, вроде угольной ямы, бассейном для рыб,— хоть бы там что-нибудь сказать, ведь не об одной же рыбке он и тогда думал! В душе у меня таких слов для него было всегда много — вдруг они помогли бы ему...

Нет, не умудрил господь!

Как часто Александр Фадеев выручал людей, попадавших в беду. Все мы знаем об этом. Позднее, в трудные минуты жизни, я сам с особенной остротой ощутил, что рядом со мной нет Фадеева.

А кто из нас догадался прийти к нему на выручку, когда это потребовалось ему? Кто вовремя почувствовал его беду, его трагедию?

Я не почувствовал...

Меня рядом не оказалось...

3

Как, вероятно, все современники Фадеева, я много раз слушал его выступления, видел его на трибуне, в служебном кабинете Союза писателей, за столами президиумов.

Но я видел его и за домашним письменным столом. На той же даче в Переделкине я бывал, когда Александр Александрович работал над романом «Молодая гвардия». Поражали меня и его рабочий стол, и его кабинет: ничего лишнего, как в библиотеке.

По-разному работают писатели, разные с годами появляются у них привычки, и никогда нельзя сказать, кому что помогает сохранять длительное состояние сосредоточенности, усидчивости, трудолюбия.

Разные у писателей и письменные столы. Не обходится, конечно, и без чудачеств.

Есть столы, напоминающие витрину антикварного магазина, настолько они заставлены всевозможными сувенирами и безделушками — от фотокарточек и коллекций коктебельских камней до головы царицы Нефертити. Диву даешься, как люди трудятся за такими столами — ведь руки положить некуда.

На столах с уклоном военным, героическим — гильзы от зенитных и противотанковых снарядов, россыпь минометных осколков с Мамаева кургана или с Курской дуги, пресс-папье в виде танка...

Встречал я на писательских столах и совершенно

редкостные реликвии, например, у одного поэта — пожелтевший человеческий череп с сабельным якобы разрубом. Невозможно было избавиться от ощущения, что находишься в кабинете самого доктора Фауста.

А у писателей, причастных к сельской тематике, и бутафория, конечно, сельскохозяйственная. Тут и чугунные лошадки, и бронзовые лапти, и пепельница в виде берестяной коробицы. В кабинете одного ленинградского прозаика даже кресло «стильное»: спинка — резная дуга, а вместо подлокотников — два воткнутых в сиденье топора.

Теперь, когда иные литераторы по заграницам ездят чаще, чем по своей стране, меняется соответственно и обстановка их кабинетов. Пишет человек статью за статьей о прогнившей насквозь капиталистической системе, воюет с абстракционизмом, а дома у него все от Запада: и тонконогие скульптурные конструкции из проволоки, и ультрамодные картинки, и подлинно абстракционистская мазня, да еще вставленная в золоченые рамы культовой поры. Должно быть, все специально для подогрева негодования и классовой ненависти.

На письменном столе Фадеева я ни разу не видел ничего, кроме книг, рукописей и белой неграфленой бумаги. Это был поистине рабочий стол. За спиной Александра Александровича, прямо за креслом,—полки, набитые книгами, а слева — балконная стеклянная дверь и окна во всю стену. Там — зелень, цветочные клумбы, лес, небо, «мир, открытый настежь бешенству ветров».

«Вот,— говорил он, указывая на стопку исписанной бумаги.— Адская работа...»

Я тогда еще не полностью представлял себе всю напряженность труда прозаика, взявшегося за объемную книгу, и только чутьем угадывал, что в комнате Фадеева царствует азарт, своеобразный творческий запой.

Помню, одну руку он держал на рукописи, а другой, с растопыренными пальцами, привычно поглаживал свои серебристо-голубоватые сухие чистые волосы, настолько наэлектризованные, что, казалось, слышно было, как они потрескивают.

4

Фадеев помогал мне в работе над первой послевоенной поэмой, которая поначалу так и называлась «После войны» и начиналась стихами:

По дороженькам знакомым
Отчей стороны
Возвращался к жёнке, к дому
Инвалид войны...

Прочитав один из первых набросков поэмы, Александр Александрович вечером пришел ко мне в бывшую баню, в которой я продолжал жить и по окончании института. Кажется, он в то время не секретарствовал в Союзе.

Разговор был долгий и взволнованный. Фадеева поэма заинтересовала. В ней рассказывалось о том, как нелегко и по-разному происходила душевная перестройка людей, вернувшихся в свои деревни после четырех лет войны, во время которой они уже свыклись с условиями иного, солдатского существования, с иным к себе отношением, прошли половину Европы, чувствуют себя победителями и освободителями, приобщились даже к славе. Трудность душевной перестройки героев моей поэмы осложнялась тем, что некоторые из них вернулись с войны инвалидами и не могли уже заниматься простым физическим трудом, как раньше, а иные даже считали такой крестьянский труд ниже своего достоинства.

Фадеев почувствовал подлинность характеров и жизненных ситуаций поэмы. Он принял в ней все, он хвалил меня за правду, он одобрил даже эпизод, где пожилые колхозницы, впрягаясь в плуг, вспахивали свои приусадебные участки,— эпизод, которого я тогда и сам еще боялся, хотя взял его из жизни. Александр Александрович радовался правде и хвалил за правду. Войну он воспринимал как народную трагедию.

Редко встречаются люди, которые так умеют радоваться удаче товарища, поощрять и побуждать его к труду, как умел Фадеев.

Ухватившись за главное и доверившись автору в главном, он уже не лез ни с какими мелкими редакторскими поучениями — качество, присущее только истинным художникам,— а лишь требовал ускорить работу, не прерывать работу, торопил, торопил.

Помню, он не раз повторял: «Куй железо, пока горячо! Куй железо!..»

Александр Александрович читал два первых варианта моей поэмы. Кроме того, я сам читал ему несколько раз новые главы и отрывки. Для меня это была большая и

хорошая школа. Он любил стихи и легко отличал проходные строки от подлинно поэтических.

Фадееву нравились разноударные рифмы, над которыми я тогда работал. Он запомнил и повторял:

Только вершу окуни́ —
Караси да окуни...

И еще:

Стихнут шорохи лесные —
Оживают ивняки:
Выплывают расписные
Из укрытий вы́водки.

Но однажды с явным лукавством спросил:

— Не считаете ли вы это новаторством? Помните, у кого подобные рифмы уже встречались?

Я назвал Николая Ушакова, прочитав несколько народных частушек.

— Правильно! — подтвердил он.— И все-таки интересно! Только новаторство начинается не с рифм. Главное — поднять большую общественно значимую тему, и правдиво поднять. Правда жизни — вот откуда приходит новаторство. Так было всегда. Достоверность характера, правдивость образа — не измышленного, не вычерченного по желаемому образцу,— вот что необходимо. А новизну в людские характеры, в психологию людскую, в отношения людей вносит уж сама жизнь. Только надо уметь наблюдать, да отбирать, да подавать.

Весьма возможно, что я не дословно записал сказанное Александром Александровичем о необходимости следовать жизненной правде в искусстве, но суть передаю верно. И говорю я сейчас об этом потому, чтобы снова напомнить, что сам Фадеев как художник пришел в литературу с произведением подлинно правдивым и всю жизнь рвался к истинно правдивому изображению судеб народных, несмотря на сковывавшие всех нас, и его в не меньшей степени, произвольные толкования законов реализма в эпоху культа личности.

А поэму свою «После войны» я вынужден был снова переработать и перекроить, потому что, когда Алексей Недогонов напечатал «Флаг над сельсоветом», оказалось, что моя поэма, особенно в первых главах, чем-то очень напоминала его поэму. До этого мы с Недогоновым при встречах разговаривали о чем угодно, только не о работе над поэмами, и, очевидно, сюжетные и композиционные совпадения в них определялись просто сходством жизненного материала. Но поэма Недогонова уже была напеча-

тана, и меня это сходство испугало. Я прежде всего прибежал к Фадееву: как быть?

— Как быть? — переспросил он.— Опаздывать не надо. Опаздывающих бьют.

— Это, кажется, моя судьба — всю жизнь опаздывать.

— Плохо дело. Значит, всю жизнь бить будут,— сочувствует он и добавляет обнадеживающе: — Ничего, за битого двух небитых дают...

Я взял поэму из редакции «Октября» и стал переписывать ее заново, выводить на первый план образ Алены Фоминой.

К сожалению, от этой дополнительной работы поэма моя все больше разбухала. Ясность и четкость первоначального замысла исчезали. Постепенно наслаивались неумеренная лакировка и все прочее, что требовалось по тому времени. А такие главки, как вспашка приусадебных участков без лошадей, вручную, конечно, были сняты. Но Фадеев тут уже был ни при чем.

Когда «Алена Фомина» была опубликована в «Новом мире», Александр Александрович, вернувшись из заграничной поездки, сказал мне, что прочитал ее еще раз где-то на пути между Францией и Италией. И снова похвалил.

Что-то он подумал тогда о моих доделках и переделках?!.

Готовя поэму к отдельному изданию, я попросил у него разрешения посвятить «Алену Фомину» ему. Фадеев предупредил меня:

— Вы понимаете, какие могут быть разговоры?

— Я думал об этом.

— Кривотолки возможны...

— Я не боюсь их. Я же не начальству посвящаю, не генеральному секретарю, а писателю. Вы очень помогли мне в работе.

— Ну, смотрите... А в общем — спасибо!

Видит бог, мною руководили только добрые, чистые чувства. Все же редактор «Советского писателя» официально и чуть ли не в письменном виде запросил о согласии А. А. Фадеева поставить его фамилию на моей поэме.

В последние годы я не раз возвращался к «Алене Фоминой», сократил ее почти на тысячу строк, старался выкинуть все, что оказалось в ней наносного. Буду работать еще, возможно, обращусь к первоначальному варианту, чтобы, насколько хватит сил, сделать поэму достойной памяти человека, которому она посвящена.

5

Чем только не приходилось заниматься Фадееву в Союзе писателей! В воспоминаниях других товарищей, вероятно, немало места будет уделено литературной борьбе и творческим дискуссиям с его участием. А я позволю себе рассказать об одной «квартирной истории», в которой Фадеев сыграл решающую роль.

Демобилизованный в конце войны по второй группе инвалидности, я вернулся в Москву к семье. Долгое время у нас не было своей квартиры. На моем заявлении, поддержанном Правлением Союза писателей СССР, председатель Моссовета наложил резолюцию: «Предоставить первую свободную жилплощадь».

Казалось, все ясно. Но последующее знакомство с Мосжилотделом разубедило меня в этом. После многомесячного хождения по мукам я рассказал обо всем на общемосковском партийном собрании писателей. Один из товарищей немедленно обвинил меня ни много ни мало как в дискредитации органов советской власти.

Не знаю, что бы за этим последовало, если бы Александр Александрович Фадеев не обратился к собранию с вразумляющими словами:

— Что, собственно, происходит? Человек, доведенный до отчаяния, рассказывает своим товарищам по партии о том, что он увидел в Мосжилотделе, и почему ясное, недвусмысленное предписание Моссовета не выполняется подведомственным ему органом. Рассказал, пожаловался — что ж тут такого, по-человечески-то?

В перерыве ко мне подошел Ю. Н. Либединский и сообщил, что на улице Беговой, где он тогда жил, есть в новых корпусах много свободной жилплощади. По неизвестным причинам там подолгу не заселялись десятки готовых квартир. Из-за отсутствия центрального отопления с наступлением морозов в них начали лопаться водопроводные трубы.

На другой день я побывал у Либединского и, облачась в свой фронтовой офицерский китель, снова стал по суткам просиживать в очередях то в Моссовете, то в Мосжилотделе. Но добиться ничего не удалось. А на руках у меня — распоряжение о «первой свободной жилплощади».

Что же оставалось? Занять свободную площадь без ордера?

Я снова пришел в Союз писателей посоветоваться со старшими товарищами. Один из них убеждал меня: «Саша, не делай этого, заплюют!»

А Фадеев только весело и озорно похохатывал.

И я решился: в ночь под Новый год занял одну из пустых квартир по соседству с Либединскими.

Мое новоселье было обнаружено Мосжилотделом лишь спустя две недели.

Кроме категорической резолюции председателя Моссовета, я ничего не мог привести в свое оправдание и, естественно, оказался вне закона. Вслед за агентами Мосжилотдела меня стали навещать милиционеры с самыми невероятными предложениями и угрозами. При любом характере выдержать это было нелегко. Ни о какой творческой работе, конечно, не могло быть и речи. Но тяжелей всего было то, что я более чем на полтора года лишился прописки, и вся семья моя осталась без продовольственных карточек.

Ныне мы отлично знаем, что это было за время, но в ту пору многое, чему я стал невольным свидетелем, мне казалось чудовищно необъяснимым.

Кое-кто из Союза писателей отнесся к моему делу формально: сам залез в беду, сам и выкручивайся!

Не так отнесся ко всему Фадеев. Он поддерживал меня и гласно и негласно. И спас прежде всего тем, что настоял на регулярной выдаче моей семье продовольственных лимитов.

Распределение продовольственных лимитов имело в те годы чрезвычайное значение, и Фадеев брал на себя и это неблагодарное для литератора дело.

Позднее один из видных наших писателей, конечно, не без ведома Александра Александровича, пробился на прием к председателю Моссовета, куда мне самому доступа уже не было, и блокаду с моей квартиры сняли.

Если когда-нибудь мне доведется писать об этом времени, я не смогу обойти послефронтовой жилищной эпопеи и снова вспомню добром своего защитника.

6

В 1949 году я участвовал в работе Всесибирского писательского совещания. Нашу московскую бригаду возглавлял Борис Горбатов. Совещание уже закончилось, и мы отдыхали, когда в Иркутске остановилась делегация

работников советской культуры, направлявшаяся в Китай. Были там А. А. Фадеев, К. М. Симонов, артисты, художники, еще кто-то. Перед этим я успел побывать в колхозе, на охоте, и к ужину в ресторан принес блюдо свежего жареного мяса и сырую шкуру косули, чтобы похвастать личным трофеем.

Было очень весело, светло на душе, счастливо. Фадеев отдыхал вместе с нами, он сидел за столом на «адмиральском месте», оживленный, прямой, просто и элегантно одетый, красивый. Артист эстрады проникновенно пел только что появившуюся тогда песню «Вот солдаты идут», Сергей Васильев читал пародии, ресторанный джаз, чтобы потрафить московским гостям, вдруг перешел на классическую музыку.

Я рассказывал об охоте. В Сибири в том году я впервые встретился с обычаем крещения охотника-новичка: старшина охотничьей бригады вспарывает живот только что убитого зверя и неожиданно вываливает требуху и кишки — теплые, с кровью и со всем прочим — на голову молодого победителя: «С полем тебя!..»

— А косуля у тебя была первая? — допытывались товарищи.

— Первая, конечно.

— Все ясно!

Не сочувствие, а только смех вызвало мое признание, что рассказ относился непосредственно ко мне.

Больше всех смеялся Фадеев. Как он умел смеяться! Об одном его смехе можно вспоминать и писать без конца.

— Выходит — охотники, а благословляют новичка вроде некоторых наших критиков,— говорил он, не переставая хохотать.— Похвалить бы за удачу, а они ему на голову — требуху, а они на него все кишки, и толстые, и тонкие!

Я тогда заметил, что все касавшееся Сибири волновало и радовало Фадеева как-то особенно сильно. Не потому ли, что в Сибири он чувствовал себя почти как на родине: ведь до Приморья, до Владивостока оставалось рукой подать. И направлялся он тогда в сторону родной земли, к местам своей юности.

Сидеть в ресторане и ничего не пить считается чуть ли не зазорным. Ни в Москве, ни в Сибири это не принято. Но Фадеев тогда пил только боржом. Так было нужно! Когда я заметил это и вгляделся в Фадеева — раскрасневшегося, хохочущего, доброго ко всем, я даже

не поверил вначале, что — только боржом. Ведь мы иногда любили подшучивать над «слабостями» Фадеева.

На другой день мы вместе с сибиряками были на Байкале. Специальный экскурсионный пароход причаливал то к одному берегу, то к другому. Мы осматривали драги, промывающие золотоносные пески, посетили Байкальский музей, взбирались на отвесные кручи над озером-морем, пели песни об озере-море Байкале.

Что делалось с Фадеевым! Не может быть, чтобы он никогда не слышал легенду о красавице Ангаре, единственной из красавиц рек, решившей убежать от Байкала. Разгневанный старик бросил ей вдогонку огромный камень-скалу, чтобы преградить дорогу беглянке. Но и скала не остановила реки, Ангара обогнула холодный камень с двух сторон и помчалась дальше. Конечно же, Фадеев слышал эту легенду и раньше, но снова и снова слушал ее как впервые. Порой он появлялся то на борту парохода, то на носу, как впередсмотрящий или как полновластный капитан, и подолгу стоял и заглядывал в прозрачные глубины чудо-озера.

Какие глубины собственной жизни вставали перед его глазами в это время?

Однажды на берегу он спустился к самому озеру, попробовал устроиться среди камней, чтобы, опираясь на руки, припасть к воде прямо губами, но не смог и напился байкальской воды ладошкой.

...Всюду был Фадеев — веселый, компанейский, расшумевшийся. И опять он пил только боржом да байкальскую воду.

Нет, слабым этот человек никогда не был.

И какая же непомерная тяжесть должна была свалиться на плечи такого человека, чтобы сломить его. Да и можно ли сказать, что сломился он?

7

Вероятно, многие видали, как иные бравые моряки щеголевато приветствуют друг друга.

Какой-нибудь главстаршина-сверхсрочник всю душу вкладывает в этот лихой воинский ритуал. На ходу, выпрямившись весь, он откидывает руку в сторону, сгибает ее в локте, подбрасывает к козырьку фуражки, не раскрытую, а сжатую в кулак, затем, резко ломая кисть, с шиком выпрямляет пальцы, прикладывает их к виску,

словно каблуками щелкает, на мгновение замирает и, наконец, стремительно бросает руку вниз. Все это проделывается с какой-то удивительной артистичностью, с отчетливыми паузами: кажется, очень быстро и в то же время неторопливо. Глаза моряка при этом молодцевато вспыхивают, во всей его фигуре появляется что-то победоносное. Спорт! Искусство!

Об этом священнодействии я вспоминал всякий раз, когда смотрел, как Александр Александрович плавал саженками. И сейчас будто вижу над водой его длинные крепкие ладони с плотно сжатыми пальцами и слышу легкое пошлепывание: шлеп, шлеп, шлеп!..

Мы купались вместе в переделкинском пруду. Не помню случая, чтобы Фадеев забредал в воду постепенно, оглядываясь и подрагивая, как делают другие,— нет, он кидался в воду сразу, сколь ни была она холодна. Опытный пловец, атлетически сложенный, он выбрасывал далеко вперед свои сильные руки и в последний момент перед гребком как-то изящно чуть приподнимал ладони и ритмично, плашмя ударял ими по воде, словно ласково похлопывал ее по плечу. Плавал он быстро, щеголевато и почти бесшумно, слышны были только влажные сочные шлепки ладоней.

Слава у переделкинского пруда недобрая. В нем много несуразных течений, холодных ключей, нижние слои воды местами леденят: стоит опустить ноги, и жестокие судороги парализуют человека. Редкий год проходит без жертв. Но Фадеев знал свою силу и, не задумываясь, плыл. Настоящий «морской разбойник», как он в шутку порой называл себя.

Я никогда не поспевал за Фадеевым и потому делал вид, что меня просто не тянет к другому берегу.

8

Идет как-то Александр Александрович мимо нашей избушки в сторону лесничества, а я сижу с топором на высоченной ели, сучья толстые обрубаю для топки.

Жена моя, заприметившая его издали, кричит приглушенно:

— Слезай скорей, неудобно!

А он услышал:

— Поздно! — и хохочет: — Застукал?

— Куда вы, Александр Александрович? — спрашиваю я.

Но Фадеев настроен весело, он не хочет разговаривать всерьез.

— Думал — в лес, на прогулку, а сейчас придется завернуть в лесничество, сообщить о нарушителе.

Тогда пробую шутить и я:

— Выходит — под собой сучья рублю?

— Это уж ваше дело.

— Ну ладно, если вы не совсем Бирюк, заходите — умаслю.

— Чем? — заинтересовался Фадеев.

— Смолку жевать будем. Высший сорт. Сейчас спущусь.

С детства мы, жители северных лесов, приучались жевать еловую смолку. Бывало, не только летом, но и зимой соберемся поутру и целой ватагой на лыжах — айда в лес смолку собирать. Жевательную смолку зимой особенно любили девушки-пряхи на беседках: она помогала смачивать скручиваемую нитку да и зубы от нее становились белыми.

Не всякая еловая смолка годится для жевания. Осмотришь иногда не один десяток елок, а все не то, все только кремовые мягкие натеки, либо полужидкие желтые капельки, которых даже муравьи опасаются, либо твердые массивные смоляные кувалды, прослоенные корой и даже древесиной. И вдруг вскинешь голову и увидишь: высоко-высоко едва держатся полупрозрачные, совершенно янтарные шарики — это и есть то самое, что нужно. Экстра!

Отличная жевательная смолка может быть и не шариками, но она всегда янтарная, с пузырьками внутри и хрупкая — так и рассыпается под ножом. А во рту она, разогреваясь, сначала делается белесой, чуть липнет к зубам и немного горьковатая на вкус, но потом цвет ее меняется, становится нежно-сиреневым, а вкус — я даже не знаю, что сказать об этом аромате и вкусе!

Мне ни разу не приходилось пробовать жевательную американскую резинку, но думаю, что она, конечно, ни в какое сравнение не может идти с нашей лесной янтарной, сиреневой смолкой: все-таки у нас натуральный продукт! И, уж конечно, лучший в мире!

Сосновая смолка для жевания не годится — я все виды ее перепробовал. А насчет еловой — не знаю одного: почему образуется она лишь на немногих елках, и на каких именно, и почему в одних местах встречается чаще, в других реже?

На той елке, па которой меня «застукал» Фадеев, высококачественной смолки оказалось почему-то необыкновенно много, и чем выше, тем ее было больше. Почти каждый сучок имел продольную трещину, и трещины эти были как бы залиты, заплавлены пахучим прозрачным лекарственным составом. Все эти сучья я обрубил и осторожно сбросил вниз отдельно от простых, ничем не примечательных.

И вот мы с Александром Александровичем склонились над драгоценным даром леса — я с жадностью, он с любопытством — и заработали челюстями.

— Полегче жуйте, полегче поначалу,— учил я его,— а то все зубы забьете.

— Ладно, ладно! — смеется Фадеев.— Неграмотный я, что ли? Можно подумать, что у меня во рту никогда смолы не бывало.— И вдруг: — Эх, как запахло дальневосточной тайгой!

— Да, и архангельскими и вологодскими лесами потянуло.

— Урожайное дерево! — восхищается он, оглядывая елку, всю снизу доверху.— А на соседних нет?

— Я никогда не встречал, чтобы на двух сразу. Вот не пойму — почему так: на одной мед, на другой деготь!

— Ну что вы! Понять, наверно, все-таки можно,— говорит Александр Александрович.— А почему среди людей: один — человек как человек, другой — скотина, один стихи пишет, другой — доносы? А живут рядом, под одним солнцем, одному богу молятся.

Мы собрали с сучьев всю смолку, сложили в бумажные кульки про запас,— Фадеев взял несколько шариков себе в карман,— и втроем пошли бродить по переделкинскому ельнику. Идем, жуем да поплевываем на обе стороны.

— А я, Александр Александрович, тоже во Владивостоке родилась! — расхвасталась вдруг моя жена.

— Что же вы молчите? — удивляется Фадеев.— Об этом кричать надо, чтобы все знали. Я всю жизнь об этом кричу. Выходит, мы земляки с вами?

— А Вологду отшить хотите? — говорю я.

— «Пущай стоит!» — отвечает он строкой из Маяковского.

Переход разговора в литературное русло Фадеев в тот день не поддержал: устал, должно быть.

•

Чуть ли не каждый день я прохожу ныне или проезжаю мимо того места, где стояло когда-то бывшее студенческое общежитие в бывшей бане — все теперь уже в полном смысле бывшее, потому что нынче этого нет.

Бывшей землей поэзии завладел огромный гараж, а для студенческого общежития Литературного института выстроено многоэтажное современное здание в самой Москве.

Но елки с обрубленными нижними сучьями стоят. Стоит и та, что однажды одарила нас с Александром Александровичем счастливым днем, напомнив о дорогом детстве, о смолистых запахах хвойных лесов, о Владивостоке и Вологде. Трудно сейчас забраться на эту елку, а хорошо бы попробовать, может, на ней, поближе к вершине, есть еще смолистые катышки и пузырчатые наплывы? А может, и новые появились за это время?

Обязательно попробую как-нибудь. И опять вспомню Александра Александровича. Все равно, пока я жив, никуда мне от этих воспоминаний не уйти.

•

Из более ранних воспоминаний.

В гараже Союза писателей среди многих легковых и грузовых машин стоял один посверкивающий никелем и лаком черный фадеевский ЗИС-110. Про эту машину я слыхал среди писателей шуточки: она «для барина». Но «барин» никогда не был барином и не любил ездить на ЗИСе, им пользовались больше другие,— главным образом гости из братских республик.

На ЗИСе этом как-то пришлось прокатиться даже мне.

Однажды зимой я позвонил в гараж Союза писателей и попросил свободную машину, чтобы доехать до Переделкина. Для членов Союза там давались иногда напрокат и легковые и грузовики.

Пока я добирался с женой и ребенком от улицы Беговой до улицы Воровского, наступил вечер. Похолодало, заметелило. Гараж был уже пуст, из него вывели даже неприкосновенный фадеевский ЗИС: Александр Александрович куда-то спешил.

Фадеев подошел, поздоровался со мной и, узнав, в чем дело, не задумываясь, совершенно просто и естественно распорядился, чтобы на ЗИСе отвезли меня, а сам пошел пешком.

И в этом не было ничего барственного.

А я, грешный человек, в тот вечер, пожалуй, действительно чувствовал себя «барином».

●

Я не мог уйти от воспоминаний о Фадееве и во Владивостоке, когда несколько лет спустя после его смерти жил в этом городе с выездной редакцией «Литературной газеты». Куда бы мы ни поехали, где бы ни бродили — память о нем, рассказы о нем сопутствовали нам всечасно. Краеведы, патриоты своего города, знают о Фадееве все и с благоговением показывали нам десятки мест, связанных с его именем.

Мне почему-то особенно запомнился небольшой домик, в котором молодой Фадеев бывал будто бы часто. А жила в этом домике девушка, и была она хороша собой... А напротив домика — бухта, море, а над морем — небо, и даль, и дороги на все четыре стороны света...:

По одной дороге пойдешь — коня потеряешь,
По другой дороге пойдешь — голову потеряешь,
По третьей пойдешь — и коня и голову свою потеряешь.
По четвертой пойдешь...
Эх, мать честная!.. Один конец!

●

В первую годовщину со дня смерти Фадеева, вечером, мы, пятеро московских писателей, поехали на его могилу, на Ново-Девичье кладбище, поклониться праху нашего общего большого друга. Мы были очень взволнованы только что закончившейся встречей с руководителями партии и правительства. Жизнь продолжается. Родина вступила в новый этап своего развития. Литература остается в партийном строю. В партийном строю остается и Фадеев. Внутренне сосредоточенные в этот день, мы по старой привычке нуждались в сердечном разговоре с ним, человеком с большой буквы, и мы пришли к нему. И разговор состоялся — душевный и откровенный...

●

В истории советской литературы Александр Фадеев для меня фигура трагическая. Сколько у него осталось неосуществленных, несвершившихся замыслов.

Человек большого таланта, волевой и трудолюбивый, с ясным умом и живым восприятием жизни, с богатой революционной биографией молодости, он был рожден для непрерывного творческого труда, а вместо этого, волею обстоятельств, всю свою жизнь писал, думал и заботился больше о том, как пишут другие. В этом была какая-то жертвенность. Почти юношей оказался он в центре литературной борьбы и сам стал затем признанным вожаком не одного литературного поколения. Не верю, что это когда-нибудь было для него простым служебным долгом. Не удовлетворенный собою, он часто рвался с секретарской должности в Союзе писателей к письменному столу, но гражданский темперамент не позволял ему оставить свой партийный пост.

Всем, конечно, памятен большой праздничный вечер-концерт в Зале имени Чайковского, посвященный пятидесятилетию Фадеева. Юбиляра чествует вся Москва. Бесчисленное количество цветов, шагреневых и всяких прочих папок с адресами, телеграмм, речей, даже рапортов. Юбиляру кланяются, его целуют, артисты МХАТа исполняют какую-то шутливую, созданную для этого торжества песенку; объясняясь в любви, разливается под гитару Иван Козловский; гремят аплодисменты.

А знаменитый, рано поседевший и все понимающий Фадеев вдруг выступает с трагическим признанием, что он автор, в сущности, только двух законченных книг: повести «Разгром» и романа «Молодая гвардия». Эта исповедь потрясла меня тогда своей беспощадностью. Фадеев обнажил перед нами постоянную боль души и вырос в моих глазах так, что слезу прошибло.

Я, кажется, видел не седину, а сияние вокруг его головы.

Преклонялся и всегда буду преклоняться перед личностью Фадеева, перед чистотой и благородством его души, перед его человеческой красотой. Он поступал так, а не иначе, потому что верил и пока верил. А верил он безгранично, фанатически. И не имел привычки сваливать свою вину на других, если в чем оказывался неправ.

На одном из собраний в Клубе писателей Александр Александрович как-то с воодушевлением рассказывал, что в колхозе на Волге, где он только что побывал, было принято решение отказаться от приусадебных участков и сдать всех личных коров в колхозное стадо, так как люди посчитали, будто общественное хозяйство способно

уже обеспечить колхозников всеми необходимыми сельскохозяйственными продуктами. Фадеев увидел в этом начало новых больших преобразований в колхозной жизни, поверил, что время для них уже наступило, и призывал своих товарищей писать об этом.

Конечно, ни о каком сознательном отступлении от правды жизни речи не было. Просто призыв его оказался преждевременным. Сейчас я это хорошо понимаю. Но, вспомнив об этом на Втором Всесоюзном съезде писателей, я в своем выступлении бросил упрек Фадееву, что он-де сам иногда побуждал нас к лакировочному изображению действительности. Я тем самым как бы сваливал на него часть нашей общей писательской вины.

Фадеев не обиделся. Он бывал беспощаден в принципиальных схватках, когда верил в свою правоту. А тут не обиделся. Значит, и у него начинался уже какой-то свой новый «переходный возраст».

Сваливать свою вину на других легче всего. Гораздо труднее брать вину других на себя.

Фадееву часто приходилось брать вину других на себя и отвечать за нее. А выносить такое не всегда способны даже самые сильные люди.

Трагедия Фадеева — это трагедия сильного, чистого и честного человека.

1962—1963

ПОЭЗИЯ ПОДВИГА

Существует легенда, что первую песню на земле сочинил охотник, который ничего не убил. Если это так, то люди никогда не перестанут сочинять стихи и песни.

Интерес к поэзии не ослабевает и в двадцатом самоуверенном веке. Она по-прежнему «существует и ни в зуб ногой». Приятно знать и думать об этом.

Собираются люди в кружок — на квартире, в клубе, у походного костра геологов или туристов, на охотничьем привале, на борту корабля,— возникает разговор о поэзии, о поэтах. И сколь бы ни был узок перечень названных фамилий, в нем всегда найдется место для Ольги Берггольц. Начинают припоминать полюбившиеся строки, читать стихи наизусть — опять же не обойтись без ее стихов, мужественных, сердечных, очень добрых, а порой очень суровых.

О любви? Есть у нее о любви, и много.

Взял неласковую, угрюмую,
с бредом каторжным,
с темной думою,
с незажившей тоскою вдовьей,
с непрошедшей старой любовью,
не на радость взял за себя,
не по воле взял, а любя.

О женской доле, об испытаниях, выпавших ей в дни войны? Слушайте:

Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова —
я тоже — ленинградская вдова.

Есть стихи о счастье жить, о ненависти к недобру, к несправедливости и восторженный гимн душе человека. Без конца можно читать и выписывать по любому поводу, если не бояться, что многое уже цитировалось, и не раз.

Пишущих стихи бесконечно много. Подлинных поэтов всегда единицы. Настоящая поэзия начинается с биографии, с характера, с накопления духовных богатств, с жизненного опыта, с героизма.

Поэзия не волшебство, а сама жизнь, одна из форм ее проявления. И ежели поэт окажется готовым к свершению подвига, ежели суровый зов времени не застанет его врасплох — талант его развернется во всю ширь и мощь и сама биография его станет общественным явлением.

Ольга Федоровна Берггольц всей жизнью своей была подготовлена к высокому служению поэзии. С самых ранних лет ей в исключительной мере присущи были чувство времени, ощущение полной слитности с революцией, с делами своего беспокойного романтического поколения. Она всегда была на труднейших рубежах пятилеток — комсомолка, коммунистка, боевой журналист. И когда пробил ее час и поэзия поставила ее своим глашатаем на одной из самых опасных баррикад войны, Ольга Берггольц в ряду других оказалась на высоте призвания.

Тайна рождения поэта, поэзии, вероятно, не менее велика, чем тайна рождения Человека. Может быть, появление поэта можно сравнить с тем, как включается электрическая лампочка под потолком. Ольга Берггольц написала об этом в «Дневных звездах» так:

«...когда дедушка тихо чикнул выключателем и под старым зеленоватым абажуром вспыхнул приветливый огонек, мне показалось, что у меня внутри тоже что-то чикнуло и зажглось,— так хорошо стало!»

Одно бесспорно: настоящую поэзию порождает не легкомысленное отношение к жизни, не бездумное бодрячество.

Ленинград всегда был городом большого искусства, колыбелью талантов. Был и остается. Не будем говорить о далеком прошлом, достаточно примеров из наших дней. Это город большой музыки, большого балета, театральных триумфов, высокой гражданской и лирической поэзии.

Невозможно ходить по Ленинграду и не вспоминать Шостаковича, Соловьева-Седого, Товстоногова и Акимова, Уланову и, конечно, Ольгу Берггольц. Как звуки Седьмой симфонии воскрешают в памяти каждого, кто жил в блокированном Ленинграде, картины его заснеженных улиц с голодными очередями, с мертвыми трамваями, с тропками вместо тротуаров и обледеневшими лестницами и решетками лифтов, как за лебединым полетом Галины Улановой всегда возникало видение божественно прекрасной ленинградской архитектуры, так за стихами Ольги Берггольц встают перед нами картины тяжких мук, перенесенных ленинградцами, напряжение их великого и трагического подвига.

Сама Берггольц стала одним из символов этого города-героя. Ленинград и Ольга Берггольц — это уже неразделимо. В 1942 году она писала:

Нам от тебя теперь не оторваться.
Одною небывалою борьбой,
одной неповторимою судьбой
мы все отмечены. Мы — ленинградцы.

Дмитрий Шостакович назвал свою знаменитую Седьмую симфонию Ленинградской. У Ольги Берггольц есть поэма, которая называется также «Ленинградская поэма». Это понятно: оба эти произведения рождены в Ленинграде в дни войны.

Во фронтовом Ленинграде музыка и поэзия шли рука об руку. Известно, что на нотных листах Седьмой симфонии Шостаковича, которая писалась в условиях постоянных вражеских бомбардировок и артиллерийского обстрела, сохранились пометки «В Т». Композитор ставил эти буквы каждый раз, когда начиналась воздушная тревога.

Тогда же Ольга Берггольц создавала свои лучшие стихи и поэмы и записывала речи для выступления по радио, а в часы обстрелов и бомбежек вместе со всеми дежурила на крышах. Ее личная, человеческая биография полностью слилась тогда с биографией миллионов ее соотечественниц, слились дневник и поэзия, стихи и жизнь, и Ольга Федоровна стала подлинным трибуном Ленинграда. Голос ее зазвучал, как тот вечевой колокол, о котором она сама так сердечно написала в книге «Дневные звезды». В результате этого слияния и появились ее предельно отточенные, афористические строки, которые сразу и навсегда входили в читательский обиход. Это «Сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам», или «Что может враг? Разрушить и убить. И только-то? А я могу любить...», или, скажем, «Из блокнота сорок первого года»:

В бомбоубежище, в подвале,
нагие лампочки горят...
Быть может, нас сейчас завалит.
Кругом о бомбах говорят...
...Я никогда с такою силой,
как в эту осень, не жила.
Я никогда такой красивой,
такой влюбленной не была...

Лирическое самовыражение поэта стало самовыражением времени. Время взвалило на Ольгу Берггольц свою святую ношу, и она сумела поднять и понести ее. Все это произошло как бы само собой.

Вот как у нее написано об этом:

Я никогда героем не была,
не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не геройствовала, а жила...

И если чем-нибудь могу гордиться,
то, как и все друзья мои вокруг,
горжусь, что до сих пор могу трудиться,
не складывая ослабевших рук.
Горжусь, что в эти дни, как никогда,
мы знали вдохновение труда.

Популярность поэта начинается порой с какого-нибудь одного стихотворения или даже строчки. Можно

вспомнить «Гренаду» Михаила Светлова, «Балладу о гвоздях» Николая Тихонова, «Его зарыли в шар земной...», Сергея Орлова...

Поэтическая популярность Ольги Берггольц — большая и непреходящая — началась с ее гражданского подвига в годы ленинградской блокады. В то тяжелое время слава ее росла как легенда, изо дня в день, с каждым новым выступлением по радио, с каждым новым стихотворением, обращенным к соседке Дарье Власьевне, к голодным и неукротимым согражданам, к морякам, к солдатам Ленинградского фронта. Голос Ольги Берггольц поддерживал тысячи и тысячи изможденных, но не покорившихся врагу ленинградцев, и всенародная популярность ее тем прочнее и благороднее, что в основе этой популярности лежит не одна поэзия, но и чистота и цельность человеческой личности самой поэтессы.

Судьба всякого большого поэта — прежде всего человеческая судьба. Не мы выбираем поэзию как профессию, а поэзия выбирает нас из тысяч и тысяч и отмечает своим перстом. В нелегкой человеческой и женской судьбе Ольги Федоровны Берггольц скрестились многие трудные судьбы советских людей, и она стала выразителем их. Она не устрашилась смотреть суровой правде в глаза и рассказала о пережитом не только в войну, но и в годы, предшествовавшие войне, начиная с тридцать седьмого, когда несправедливые репрессии коснулись и ее лично. И в глазах своих читателей она стала как бы олицетворением непреклонного торжества верности и твердости советского человека. Средь многих подвигов, совершенных в годы Великой Отечественной войны, подвиг поэзии Ольги Берггольц достоин любой награды.

Мне иногда кажется, что во всем Ленинграде нет такой улицы, парка, угла, о которых в стихах Берггольц нельзя было бы найти хотя бы одно слово.

Я пишу эту статью в Ленинграде, на Московском проспекте. По утрам, выходя из дому, я вижу слева завод «Электросила», который, по словам Ольги Федоровны, является ее родиной,— там принимали ее в партию.

Справа от меня Парк Победы, созданный трудящимися города в ознаменование народного подвига в Отечественной войне. О Московском проспекте (раньше он назывался Международным) и о Парке Победы у Берггольц есть стихотворение:

Есть на земле *Московская* застава.
Ео от скучной площади Сенной
проспект пересекает, прям, как слава,
и каменист, как всякий путь земной...

А для меня ты — юность и тревога,
Международный, вечная мечта.
Моей тягчайшей зрелости дорога
и старости грядущей красота.

За Невской заставой в фабричной стенгазете впервые были напечатаны стихи тринадцатилетней девочки Оли. Об этой стране детства и юности Берггольц вспоминает с такой же теплотой, как о сказочном городе Угличе, как о певучей валдайской дуге.

На знаменитом «Красном Путиловце», ныне Кировском заводе, она, молодой поэт, работала в многотиражке и была свидетельницей создания первых советских тракторов.

А на каком заводе, на какой ленинградской фабрике не выступала она, будучи уже известным поэтом? Ее голос слышали набережные, проспекты и парки, ближние и дальние пригороды Ленинграда, слышали и помнят, как солдаты помнят своего звонкоголосого запевалу.

В 1965 году Ольга Берггольц выпустила поэтическую книгу «Узел», которая была принята читателями и нашей прессой с исключительной сердечностью [1]. Об этой книге нельзя было ни говорить, ни писать спокойно. «Узел» — не рядовой сборник стихов, он читается и с радостью, и с болью, и с гневом, и со слезами — только без равнодушия.

О стихах, вошедших в эту книгу, мы знали давно, они накапливались поэтом в течение многих лет, какая-то часть их попадала к любителям поэзии еще до опубликования, кое-что появлялось время от времени в нашей периодике. Собранные воедино, они расширили и углубили мир наших чувств, наши представления о жизни, пополнили наше поэтическое достояние.

О чем эта книга?

О преодолении страдания, о неистребимой творческой любви к жизни, к людям, о великом мужестве и стойко-

---

[1] Эта книга посвящена памяти друга и мужа Ольги Берггольц Николая Степановича Молчанова, погибшего в Ленинграде в январе 1942 года от голода. *(Примеч. А. Яшина.)*

сти советского человека, о негаснущей вере, что правда и справедливость на земле в конце концов всегда торжествуют. В книге есть то самое доверчивое глубинное самораскрытие, если хотите — есенинская обнаженность души, без чего немыслимо рождение настоящей лирики, настоящей поэзии.

А это поэзия настоящая, поэзия большого, страстного сердца, высоких гражданских страстей, тяжких испытаний и духовного подвига. Иной она и не могла быть, потому что Берггольц всей жизнью своей сама определила ее направление.

От сердца к сердцу.
Только этот путь
Я выбрала тебе. Он прям и страшен.
Стремителен. С него не повернуть.
Он видим всем и славой не украшен...

По существу, все предыдущие книги Ольги Берггольц послевоенного периода были автобиографией советского человека, но в этой, последней, главная ее тема — лирическая и гражданская, глубоко личная и в то же время общезначимая,— выявилась с наибольшей полнотой, остротой и законченностью.

Да, здесь все собрано в один узел и крепко затянуто. Да, это «трудная книга». Но она не угнетает человека, не ослабляет его, есть в ней какой-то скрытый заряд энергии от сильного, щедрого сердца поэта.

Поэзия Ольги Берггольц — это поэзия неспокойной, честной души, и утверждает она достоинство и незыблемую самоценность человеческой личности в нашем обществе. Железный стих ее предельно четок и афористичен. Такому стиху нельзя не верить, как нельзя, даже преступно не доверять человеку, требовательно, по-хозяйски обращающемуся к своей Родине, которую он заслоняет грудью от всяческих зол и бед.

Не искушай доверья моего.
Я сквозь темницу пронесла его.

Сквозь жалкое предательство друзей.
Сквозь смерть моих возлюбленных детей.

Ни помыслом, ни делом не солгу.
Не искушай — я больше не могу...

В стихах Берггольц при всей их суровости волнует сердечное отношение поэта к людям, трогательное жела-

ние добра и счастья каждому, кто так или иначе встретился ей на жизненном пути.

С этой мной развернутой страницы
я хочу сегодня обратиться
к вам, живущим в дальней стороне.
Я хочу сказать, что не забыла,
никого из вас не разлюбила,
может быть, забывших обо мне.

Верю, милые, что все вы живы,
что горды, упрямы и красивы.
Если ж кто угрюм и одинок,
вот мой адрес — может, пригодится? —
«Троицкая, семь, квартира тридцать.
Постучать. Не действует звонок...»

И это не простая поэтическая декларация. Известно давно, что Ольга Берггольц живет по заповедям подлинного добровольного слуги народа, который первым бросается на выручку туда, «где трудно дышится, где горе слышится». В стихотворении «Мой дом» она сама говорит о том, почему иначе жить не может:

Я так хочу, чтоб кто-то был счастливым
там, где безмерно бедствовала я.

Поэзия Ольги Берггольц стоит в том ряду великой русской литературы, который с наибольшим правом может называться совестью народа. А ее личный гражданский облик невольно и естественно связывается в нашем представлении с чистотой и красотой некрасовских русских женщин.

Эти заметки — не исследование, а выражение моей любви к творчеству Ольги Берггольц. Мне одинаково нравятся поэзия и проза ее, может быть, проза даже больше. Но проза Берггольц тоже идет от поэзии. Она — типичный пример того, что принято называть «прозой поэта». Я имею в виду прежде всего «Дневные звезды» и, пожалуй, некоторые выступления из книги «Говорит Ленинград».

Раскованность мастера, сердечная доверительность в беседе с читателем, свободное обращение с материалом, полет фантазии, покоряющие поэтические ассоциации, непринужденный переход от воспоминаний к сегодняшнему дню, от прошлого к представлениям о будущем, поэтическая символика — все воспринимается как его

собственный задушевный разговор с большим, умным и добрым другом. Это золотой сплав поэзии и прозы.

Когда вышли первые главы «Дневных звезд», могло показаться, что ежели в стихах и поэмах Ольга Федоровна медленно и с трудом добиралась до своих «вершин», то в прозе мы стали свидетелями ослепительного взлета прямо к звездам. Но это не совсем так. У прозаика Ольги Берггольц, как и у поэта, не было легких побед. К ее книгам «Ночь в Новом мире», «Журналисты» и к некоторым очерковым работам я отношусь как к творческой лаборатории писателя — богатой, талантливой, но все-таки лаборатории, без которой немыслим наш труд. Зато главы ее «Главной книги» — «Дневные звезды», в том числе новые, еще не опубликованные, радуют высоким совершенством и благородным устремлением.

Не случайно, что над «Дневными звездами» уже поработали талантливые кинорежиссеры и актеры, которые по-своему переосмыслили это замечательное творение и воспроизвели его на экране с использованием и музыки, и драматургии, и поэзии, и живописи — всех новейших и древнейших видов искусства. Когда еще такое бывало, чтобы поэт при жизни стал объектом искусства, смог бы увидеть самого себя на киноэкране!

На этот раз — все вполне оправданно и заслуженно.

И мне хочется закончить свои заметки об Ольге Берггольц ее же словами:

Еще тебе такие песни сложат,
так воспоют твой облик и дела,
что ты, наверно, скажешь: — Не похоже.
Я проще, я угрюмее была.

1966

ОЧЕРКИ

МЕЧТА ОКРЫЛИЛАСЬ

Я с детства мечтал увидеть железную дорогу на своей родине. Помню, как учитель показывал нам в районе города Никольска широкую и уже затянутую мелкой порослью лиственника просеку, по которой должен был прийти к нам из далекого и неведомого мира, словно из сказки, первый поезд. Я отчетливо представлял себе, как в проеме густого леса вдруг со свистом появится чудо-конь, у которого «из ушей дым валит, из ноздрей пламя пышет». И низко поклонятся ему наши березки и осинки, густо зашумят мачтовые сосновые боры, засияет чистая и быстрая Юг-река, когда перекинется через нее чугунный мост, будто сплетенный из вологодских кружев. Настоящих паровозов никто из моих сверстников тогда еще не видал.

О железной дороге в Никольске мечтали как о всеобщем благоденствии и личном счастье каждой семьи.

— Будет дорога — будут у всех сахар, соль, керосин, мануфактура. Наведаются столичные артисты и лекторы. А от нас повезут в страну лес, лен, масло...

Казалось, что других путей к благоденствию района и быть не может.

Но годы шли, а железная дорога все не строилась. Я покинул родные места. О своем районе иногда думалось как о позабытом богом захолустье. От ближайшей железнодорожной станции Шарьи до Никольска двести километров тяжелого пути. Если людей на грузовике маловато и вытаскивать его из грязи не хватает сил, то и за четверо суток не доедешь — легче пешком идти.

А в стране в это время строились города, огромные промышленные комбинаты, гидростанции, каналы, создавались новые моря. Я бывал на многих великих стройках, писал, радовался вместе со всеми быстрому преображению страны.

Но как же с моим Никольском? Неужели же, думал я, никогда не докатится до него индустриальный гул, неужели не коснется моей глухомани великое преображение? И разве уж так трудно провести железную дорогу в мой район? Жалко было расставаться с мечтой детства, она была неотделима от моего представления о счастье. И хотя я знал, что в планах пятилеток Вологда не обойдена, знал о многом новом, другом, а все-таки «обиду» за свой район переносил на всю область. Казалось, что моим землякам нужна железная дорога и ничто иное. Где же она?

И вот в прошлом году я впервые попал в район, не испытав ужасов северного бездорожья. Вечером сел в поезд в Москве, а утром был уже в Никольске. Путь от Шарьи до Никольска по воздуху занял всего 35 минут. Самолеты ходят ежедневно. Ходят они и из Вологды. Все отдаленные районы области теперь соединены воздушным сообщением. Самолет стал для всех доступным и удобным.

Три раза за одно прошлое лето побывал я в своем районе, все по воздуху, и в душе ничего не осталось от боли за несвершившуюся мечту детства.

А недавно ко мне в Москву из деревни приехала сестра, она также летела на самолете.

— Не успела,— говорит,— испугаться, как уже садимся. Чудо!

Правильно — чудо! И какая беда, что оно оказалось несколько иным, чем мы его себе представляли. Мечта сбылась. У нее появились крылья.

Случалось, я хвастался, будто хорошо знаю свои родные места, свою область. Но проходили год-два, и я опять раскаивался в своей самоуверенности. Так произошло и в прошлом году. В первый раз я приехал на Череповецкий металлургический комбинат, увидел огромный индустриальный город, настоящие домны, настоящие мартеновские печи, всякую химию и, конечно, трубы, трубы — те самые трубы, уходящие в небо, которые для нашей поэзии стали не менее необходимыми, чем луна и звезды. И все это в нашей Вологодской области! Все старые представления о ней менялись в самой основе. Раньше я знал в Вологде только паровозовагоноремонтный завод, небольшой завод «Северный коммунар», выпускавший лесопильные рамы, да разные полукустарные

ремонтные мастерские, а за ними возникали перед глазами бесконечной чередой избы-пятистенки с резными петухами на крышах, черемухи да рябины в палисадниках, маленькие поля, словно лесные поляны, и непроходимые звериные волока. А большая жизнь, большая индустрия, казалось, была где-то далеко — где угодно, только не в нашей Вологодской области, туда и надо было ездить в творческие командировки.

Теперь все не так. Уже собирается мощный прокатный стан. Череповец — это вроде второй Магнитки, кажется, даже покрупнее будет. И хотя уже стало известно, что и у нас в реках начала дохнуть промысловая рыба, все-таки невозможно не радоваться, что без труб вологодских промышленных гигантов скоро не сможет обходиться и московская поэзия. Кроме Череповецкого комбината, у нас появился комбинат по переработке льна с прядильными и ткацкими цехами, второй целлюлозно-бумажный комбинат в районе города Сокола, с войны вступила в строй большая железнодорожная магистраль Коноша — Котлас и многое другое. Промышленный потенциал становится главным в экономике области.

И еще удивительнее. Впервые в прошлую поездку,— как говорится вдруг,— дошло до моего сознания, что ведь есть в моей Вологде и свое рукотворное море, и оно нисколько не меньше, не хуже других, прославленных на всю страну. И корабли по нему ходят винтовые, и рыба водится в нем метровая. Как же это я раньше не заметил, что Рыбинское водохранилище— это же наше Вологодское море, что есть у нас и свои каналы, и свои шлюзы. (Кстати, перестройка Мариинской водной системы уже подходит к концу.)

Как же можно теперь говорить о забытой богом и людьми лесной глухомани, оставшейся в стороне от большой жизни пятилеток?

Всему свой срок. Верю, придет время — будет проведена железная дорога и в мой Никольский район. Сбудется и эта мечта — верю!

Люди живут мечтой о счастье. Пока живы мечты, застоя в жизни не будет. А мечты наши неистребимы.

Хозяйственные итоги осени не оправдали многих надежд вологжан, и область по-прежнему оказалась в числе

отстающих. Но я видел, как люди работали, и меня это уже не пугает. Появилась надежда, что все можно исправить. Вера осталась. И сейчас дело только во времени.

О счастье мечтают все, и все ищут пути к нему. По тому, что лежит на столе секретаря райкома партии, можно догадываться, о каких кратчайших путях к благосостоянию мечтает район. В одном райкоме встречаешь образцы льна, в другом — тончайшие цифровые расчеты по молочному животноводству, в третьем — куски какой-то породы... А вдруг это что-то ценное, нужное для всей страны и район окажется в центре большого строительства!

Мы в свое время мечтали о железной дороге, но экономические расчеты пока не совпали с нашей мечтой. Но вот где-то обнаружили признаки нефти, и весь район опять заволновался: а вдруг нефть? Что, если ее много? Начали рыть, писать в Москву, вызывать геологов. В другом районе неожиданно забил фонтан минеральной воды. А что, если здесь будет всесоюзный курорт? Ведь какая красота кругом!

На взлетной площадке вблизи Никольска рыли колодец и на большой глубине наткнулись на пласты серо-зеленой глины с какими-то блестящими твердыми кристалликами. А вдруг это нечто важное, ценное! Несколько человек тотчас бросились в райком: счастье нашли! Образцы глины и кристаллов немедленно послали на исследование. Хорошо бы, повезло!

А если не повезет? Ничего страшного. Счастье все равно будет! Не в том, так в другом виде — будет! Жизнь часто вносит поправки в наши устоявшиеся представления о счастье, что ж такого! Важно, что люди сами хотят счастья для всех, сами ищут его, работают на него — и они своего добьются. Мечта живет, вера не гаснет, силы народа неиссякаемы.

И не закончить ли мне свою повесть на том, как врывается в мой родной лесной городишко первый поезд? Я уже слышу его гудок... Ведь это все равно случится!

1959

ТВОРЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Во владивостокском порту стоит дизель-электроход «Советский Союз» — самый большой в нашей стране пассажирский океанский корабль. Среди бесчисленного ко-

личества других кораблей — разных классов, размеров и разного назначения — он, весь белый, сверкающий на солнце, выделяется своей громадой, как выделялся бы белый медведь среди тюленей или морских котиков.

Этот корабль в зимнее время нередко превращается в первоклассную гостиницу. На нем были размещены делегаты Третьего съезда учителей Приморья.

Погода во Владивостоке отличается непостоянством: даже в декабре здесь чаще не морозы, а изморозь и не снег идет, а дождь либо какая-то грязная крупа. Очень часто стоят туманы. Но зато если уж разгуляется денек, да проглянет солнце, то улыбается и сияет все — и небо, и земля, и море, и, конечно, люди. В такие дни заметно оживают улицы Владивостока — Ленинская, Китайская, Пекинская, Морская, больше гуляющих на набережных, гуще толпы у кинотеатров и магазинов, веселее людские лица.

Только не связано с погодой оживление на краевом учительском съезде. С утра идут учителя группами из порта, с корабля — лучшей городской гостиницы в Клуб офицеров флота — в один из лучших городских клубов. Все лучшее в городе было в эти дни предоставлено учителям.

Взволнованные разговоры о самых сокровенных проблемах перестройки системы школьного обучения, начавшиеся в каютах и в роскошных салонах океанского гиганта, продолжаются на улице и в кулуарах офицерского клуба. Равнодушных нет. Я присоединяюсь к идущим. Даже по обрывкам фраз, подслушанных на ходу, можно судить, насколько важно все то, что сейчас происходит в советской школе.

— Любовь к труду у детей искусственно сдерживалась годами. Дети охотно идут на поля, к станкам...

— Интересно, что успеваемость повышается...

— Для взрослых вводится семичасовой рабочий день, а у детей он все еще девятичасовой...

— Десятичасовой!

— Перегрузка заметнее в городских школах...

— Надо ломать организацию уроков в самой основе. Догматизм и здесь калечил душу.

— Заштамповали, забюрократили урок! Развязать творческую инициативность учителя — вот что необходимо.

Я вслушиваюсь в разговоры, стараюсь уловить самое

главное, о чем идет речь, даже меняю шаг, чтобы идти со всеми в ногу, как в строю. Для меня это очень важно.

В свое время я был учителем и до сих пор волнуюсь, когда попадаю на какое-либо учительское собрание или конференцию, словно после долгой разлуки вдруг оказываешься среди земляков-односельчан. Совершенно незнакомые люди становятся родными и близкими, как только узнаю, что они — учителя. На всю жизнь, по-видимому, сохранятся в памяти неповторимые впечатления о первой моей профессии — неспокойной, трудной, но гордой профессии учителя, а в ушах всегда будет стоять веселый говор школьных перемен и строгая, сдержанная тишина классных занятий.

Не так ли мы всю жизнь помним об океане, если хоть раз соприкоснемся с ним, постоим на скалистом берегу да вглядимся в его изменчивую многоцветную даль. Не так ли в морской раковине, куда бы ее ни завезли, навечно остается ровный шум соленого морского прибоя.

И сейчас для меня очень важно почувствовать, чем живут мои бывшие товарищи по работе. Важно не для того, чтобы только очерк написать,— вообще важно, чтобы и жить и писать, пусть не об учителях, вообще писать обо всем.

Но сколько ни вслушиваюсь я в разговоры, а сам принять участия пока не могу. Хочу, пытаюсь — и не могу. Все кажется близким душе моей и понятным,— да, конечно, необходима связь обучения советских людей с производительным трудом; конечно, необходимо еще со школьной скамьи приобщить молодых граждан державы к общественно полезному труду! — но откуда взялись эти проблемы? Разве это не само собой разумеется?.. Все понятно, и все-таки что-то ново для меня. Понятно общее направление, незнакомы частности, конкретные формы и пути перестройки. В чем, собственно, дело?

И я начинаю испытывать чувство неловкости. Ведь, кажется, так недавно жизнь школы была моей личной жизнью, моей судьбой. Все меня касалось, и сам я кипел так же, а теперь вот словно бы я и не учитель.

Что, собственно, произошло за эти годы, когда я перестал быть учителем? Разве мы раньше не пеклись о политехнизации школы, не приучали детей к труду, не знакомили их с колхозным производством, не водили на

ближайшие промышленные предприятия? Разве у нас не было пришкольных участков и своих мастерских?

Все это было раньше, и при мне.

Значит, я что-то просмотрел, значит, за эти годы система преподавания в школе коренным образом изменилась, а я не заметил этого? И почему изменилась? И как изменилась?

Если я этого не пойму, мне не понять существа нынешней перестройки школы, не подобрать ключа ко всему происходящему. И не суметь вступить в разговоры, споры, которые вокруг меня.

Я начинаю вспоминать время, когда сам учился в семилетке и в Никольском педагогическом техникуме Вологодской области. В техникуме у нас были свои мастерские: слесарная, столярная; был за рекой Юг большой земельный участок, были лошади, коровы. Мы не пренебрегали никаким трудом, учились вести сельское хозяйство, делали стулья, парты, переплетали книги. Душой «трудового воспитания» был у нас учитель — агроном Матвей Ксенофонтович Киселев, человек, влюбленный в землю, в природу и сам порой казавшийся нам глыбой родной плодородной земли. Каждую весну, когда начиналось потепление и чернели дороги, мы целыми классами выходили на широкую базарную площадь вблизи городского кладбища и граблями и вилами собирали в кучи вытаявший конский навоз вместе с сенной трухой и свозили его за реку на свой учебный участок. Хорошо унавоженная, любовно обработанная, засеянная и засаженная по всем правилам агрономической науки — разве могла эта наша земля давать низкие урожаи? А чем выше были урожаи, тем охотнее мы брались за новые очередные хозяйственные работы. К тому же все дары с участка шли в нашу же студенческую столовую.

Любовь к физическому труду систематически и самоотверженно прививал нам и другой мастер педагогики — Рыжков Михаил Никифорович.

В семилетке он был учителем рисования, в педтехникуме значился как преподаватель «ИЗО», т. е. изобразительного искусства. Но разве наш Михаил Никифорович мог заниматься одним рисованием! Страстный и неутомимый наставник, человек большой и доброй души, он, может быть, только сапоги шить не умел и все делал, чтобы подготовить из нас людей со всевозможными трудовыми навыками и разносторонними интересами. Он

воспитывал нас с тем, чтобы мы воспитали других, и хорошо знал, что для этого нужно.

Эти учителя были, так сказать, энтузиастами трудовой политехнической педагогики. И школьные программы того времени соответствовали системе обучения, совмещаемого с производительным общественно полезным трудом.

Что же произошло потом? И почему выставка всевозможных изделий школьников, размещенная в кулуарах учительского съезда, воспринимается теперь многими как открытие новых путей в постановке образования?

Слов нет, выставка интересна. Сшитые девочками и вышитые платья, кофточки, наглядные пособия по зоологии, изготовленные умелыми руками мальчиков, наконец, два искусно сервированных столика с гастрономическими и кондитерскими изделиями, с красивым тортом посредине как результат занятий по домоводству — все это хорошо, но все это было и раньше. Почему же это ново? Для меня новым явился только торт. Раньше таких работ на школьных выставках я не встречал. Домоводство как дисциплина для нас не существовало. Наоборот, мы с полной серьезностью считали, что молодым людям не следует заниматься домашним хозяйством, они должны строить коммунизм.

Не решаясь вступить в общий разговор, я начинаю обдумывать происходящее и сопоставлять с тем, что в последние годы имело место в других областях нашей жизни.

Учителя рассказывают, что догматизм, шаблон вытравливали живую мысль из преподавания, что творческая инициатива учителя была постепенно заменена обязательной, отработанной в кабинетах министерства схемой урока с четырьмя постулатами: опрос — объяснение нового материала — закрепление — задание на дом. Такая стандартизация урока, повторение одной и той же схемы изо дня в день, из года в год отбивали охоту к занятиям у учащихся и в не меньшей мере у самих учителей. Менять эту схему было нельзя ни при каких обстоятельствах. Мысль переставала работать. Самостоятельное решение той или иной задачи пресекалось: есть учебник, и выходить из этих рамок было опасно как

вольнодумство. Зубрежка, как в старой бурсе, начала постепенно укореняться в советской школе.

На съезде особенно хорошо все это сформулировала заведующая учебной частью владивостокской средней школы № 13 Т. Д. Смирнова.

Я стал думать, вспоминать, искать параллели.

Позвольте, а разве не о том же самом шел разговор в колхозах страны? Разве не к развязыванию творческой инициативы колхозников призывают нас все буквально последние постановления партии и правительства по вопросам сельского хозяйства? Разве не с шаблонами и штампами в идеологической и культурной жизни ведем мы сейчас борьбу, когда отстаиваем свободу теоретической мысли, рост художнических талантов, взлет производительности труда во всех отраслях народного хозяйства?

А разве в поэзии не о том же самом печемся мы, мечтая о ее многообразии и процветании?

И чем больше я думал обо всем этом, тем яснее становилось, что появление крупных недостатков в работе нашей школы, отрыв обучения от производительного труда, академизация и стандартизация учебного процесса — все это есть порождение того же самого трудного периода нашей жизни.

Уяснив это, я стал свободнее разбираться во всем происходящем ныне и смог проложить мостик между тем временем, когда сам учился и учил, и тем, чему оказался свидетелем сегодня. Для меня теперь уже не существовало никакой пустоты, никакого пробела в жизни школы, я теперь знал все ее периоды. Ясно стало также и то, что необходимость перестройки народного образования нельзя рассматривать в отрыве от других великих преобразований и перемен последних лет, что все это один творческий процесс, один путь подъема, который организовала и возглавила наша партия.

Теперь я уже смог включиться в общий разговор о жизни советской школы, смог беседовать по коренным и частным проблемам ее работы.

Хорошо, когда за большое дело берутся сразу тысячи и сотни тысяч единомышленников, когда идея овладевает массами и не остается равнодушных.

Биолог Резонова Софья Владимировна из средней школы № 11 города Уссурийска рассказывает с увлечением

и любовью о своих воспитанниках. Проходит пятнадцать минут, тридцать минут, проходит час — ей не остановиться, ей кажется, что не все фамилии лучших учеников названы, а как же это можно, если именно они обеспечили урожай свеклы, в четыре раза превышающий норму, достаточную для представления отличившихся на сельхозвыставку.

А помидоров собрали килограммов по десять с одного куста — разве о таком успехе можно не рассказать? А кролики? А молоко, сыр, творог, полученные из сои? Только вот кабинета биологического разместить негде, помещения нет. Как тут быть? Кабинеты нужны в каждой школе.

Пучкова Валентина Михайловна, историк, директор средней школы села Хороль, рассказывает не только о своей школе, но передает опыт многих других школ района:

— Да, наши учащиеся истосковались по физическому труду! Им не нравится только, когда их используют как простую грубую механическую силу. Хлопот они не боятся никаких, лишь бы это было интересно и на пользу школе и колхозам. В Хорольском районе учащиеся заработали сорок тысяч трудодней, выкармливают 2500 кроликов. Отношение к кроликам трогательное: если где-нибудь случается падеж, дети плачут и делают все, чтобы вызволить своих питомцев из беды.

Валентина Михайловна только что отмечена высокой правительственной наградой: ей присвоено почетное звание заслуженного учителя школ РСФСР. Поблагодарив за поздравление, она продолжает выкладывать волнующие ее до глубины души вопросы. Ей хочется обратить внимание общественной организации на то, что не одни школы должны воспитывать детей.

Как можно взяться строить школу и за два года возвести вчерне только один этаж из четырех. А старое помещение почти вышло из строя, начальные классы занимаются в двух жилых домах. С июня месяца стройка приостановлена.

Как можно произносить с высоких трибун хорошие речи об оснащении школьных мастерских всем необходимым и стараться сбыть этим школам вместо техники и инструментов всякую старую рухлядь! Попробуйте-ка воспитывать у молодых людей любовь к механизации, скажем, полевых работ, имея в своем распоряжении списанные трактора образца 1934—1938 годов, которые даже

завести невозможно. Так легко отбить у ребят охоту и к труду и к технике навсегда.

Еще Валентина Михайловна говорит об использовании кино в целях политехнического воспитания. Хорошо бы наладить регулярный выпуск учебных кинофильмов и показать бы в кино работу, скажем, одной образцовой школы московской и одной образцовой сельской. Выпускать бы фильмы приключенческие, да чтобы попадали они и на село. А то наши школьники по пять-шесть раз смотрят одну и ту же картину «Чапаев».

Хорошо бы наладить выпуск специально для школ репродукций картин лучших художников, чтобы в каждой средней, особенно сельской, школе, можно было открыть свою «Третьяковскую галерею».

Творческая мысль учителей заработала. Плодотворное оживление преображает всю учебную жизнь школы. Совершается и здесь тот же процесс, что и повсюду, по всей стране, во всех ее уголках.

Хорошо бы сделать так, чтоб никто и ничто больше не тормозили этого великого творческого преображения.

1959
Владивосток

ДУНАЙ-РЕКА

В начале нынешнего года, зимой, я был приглашен на сельскую свадьбу в Вологодскую область: замуж выходила моя двоюродная сестра (кузина). Поехал я на одну свадьбу — побывал на трех, в разных деревнях.

Дремучая поэтическая старина на этих народных празднествах так своеобразно переплелась с чертами нового, что я описал свадьбу со всеми ее любопытными подробностями — разговорами, песнями, плясками, обрядами,— и это оказалось, по-видимому, интересным и для других: рассказ печатается в ноябрьском номере журнала «Новый мир».

А в прошлом году я в составе бригады советских поэтов ездил по Румынии. Казалось бы, что общего между этими двумя поездками? А так получилось, что в далеких вологодских деревнях во время обрядовых смотрин невесты, во время кра́соты и вечерины да и на самом свадебном пиру я часто вспоминал о Румынии, потому что в старорусских северных песнях-причетах то и дело упоминается Дунай-река.

Много великих рек на земле, и о каждой из них поются песни. Особенно часто славит наш народ Волгу, Дон, Дунай.

Шестидесятилетняя причитальщица-плакальщица Поникарова Клавдия Ильинична ни разу за всю свою жизнь не выезжала из родной лесной деревни, не видала ни пароходов, ни железной дороги (самолеты не в счет), а поет про Дунай. Поет и про Северную Двину, и про Сухону, которые рядом, но и обязательно про Дунай, о котором она слыхом не слыхала. И почему-то в свадебных песнях древний город Великий Устюг стоит не у Великого устья Юг-реки, а опять же на Дунае.

Конечно, Клавдия Ильинична не ответит, как попал далекий Дунай в ее песни. «За что купила — за то и продаю!» — скажет она. Причеты свои она разучила еще в детстве и пронесла их через все свои шестьдесят лет.

...Уж я думаю да подумаю, да возьму свою кра́соту,
Унесу девью кра́соту на Дунай, на быстру́ реку,
На Дунай па быстру́ реку да во легкую лодочку,
Посажу в легку лодочку: «Ты плыви, плыви, кра́сота,
Да пристань, моя кра́сота, не к кусту да не к бережку,
Ты пристань, моя кра́сота, ко Великому Устюгу!..

Клавдия Ильинична поет эти стихи от лица невесты, которая расстается со своей вольной девичьей жизнью. А сама невеста сидит на кухне в окружении подруг и плачет в голос: так заведено от века. Не поплачет она — отец с матерью обидятся, скажут: рада дочка, что уходит от них.

Слушаю я волокнистые, протяжные песни Клавдии Ильиничны, и невольно перед глазами встает Дунай-река, настоящая, живая, какой я впервые увидел ее в Румынии: для меня она теперь — прежде всего румынская река.

Мы проехали по румынской земле в пору ее осеннего плодородия на юго-восток до Черного моря, до Констанцы, и на северо-запад через Плоешти, Брашов и Сибиу до университетского города Клужа, напоминающего красотой, зеленью и студенческой молодостью наш эстонский город Тарту.

Сельская страда, все ее напряжение и торжественность нам с Виктором Боковым и Максимом Танком, выросшим в деревне, знакомы с детства. В душу вливались волнующие запахи свежего сена и свежей соломы, аромат последних цветов и первых яблок. Много солнца,

много воздуха, особенно в долине Бэрэган на Дунае.

Поля, с которых убирали хлеб, становились на наших глазах шире, просторнее, горизонт как бы раздвигался. Красота садов и приволье полей, дополняя друг друга, облагораживали землю, отлично сочетались краски лета и осени, сочная зелень и спелая желтизна с прозрачным румянцем.

На все стороны, как бамбуковые рощи, вздымались могучие заросли кукурузы. Войди в нее — и затеряешься, и никто не найдет тебя, не увидит даже с воздуха. Кажется, я еще нигде в жизни не встречал такого великолепия кукурузы на больших площадях. Понятно, что Румыния по кукурузе занимает второе место в Европе.

И среди этих зарослей кукурузы и пшеницы, среди лесов и садов течет Дунай — могучая, многоводная, полусказочная река, которую и поныне славят вологодские причитальщицы и сказительницы. А знаменитый александровский ансамбль поет из года в год:

Эй, Дунай, ты мой Дунай,
Селиванович Дунай!

Почему Дунай — Селиванович? — вряд ли знают об этом и ученые фольклористы.

Слушал я свадебные причеты Клавдии Ильиничны Поникаровой, в которых наряду с колхозным правленьицем и новыми прибаутками о трудоднях сохранились еще и терема тесовые, и столы белодубовые, а невеста зовется княгиней, а жених — князем, тысяцкий — бояриным,— слушал, и перед глазами вставали терема и дворцы в бывших владениях румынских господарей и королей в Могошоае и в Синае, где ныне отдыхают и работают писатели, художники, артисты народной Румынии.

Вспоминались мне и гигантские буковые рощи, и райские кущи университетских парков в древнем, как наш Киев, городе Клуже.

Но, когда мы ездили по Румынии, седая старина все более отступала на задний план.

Приятно было увидеть, как много ныне на полях Румынии самых разных машин,— и все они отечественные: свои, румынские тракторы, свои комбайны, свои грузовики. Четырнадцать комбайнов насчитал я в поле зрения, и все они работали, а не стояли. На радиаторе одного развевался маленький красный флажок, видимо, на

лучшем, так же как и у нас. Впечатление высокой организованности и слаженности на хлебоуборке особенно взволновало меня.

Еще больше почувствовали мы новую Румынию, когда побывали на ее индустриальных предприятиях, выстроенных в последние годы. Значительная часть современного оборудования для нефтедобывающей промышленности, выпускаемого одним из таких предприятий, идет на экспорт. Экспортируются в разные концы света также и сельскохозяйственные машины. Это от избытков, от богатства, а не от нужды.

Прошел уже год. Много, наверно, воды утекло за это время в Дунае, много добрых перемен произошло в городах и селах Румынии — год прошел! Но в течение года мы не раз встречались в Москве с румынскими поэтами: Марией Бануш, Ниной Кассиан, Михаем Бенюком... И дружба наша не остыла. И не померкли в памяти счастливые недели, проведенные на румынской земле. Стоят перед глазами дорогие лица людей, ставших для нас родными и близкими отныне и навеки.

А в моих ушах звучат еще песни вологодской причитальщицы:

Уж я думаю да подумаю, подыщу себе легку лодочку,
Уплыву в легкой лодочке на Дунай на быстру реку,
На Дунай на быстру реку ты плыви, плыви, моя лодочка,
Ты пристань, пристань, моя лодочка, не к кусту да не к бережку,
Не к кусту да не к бережку, а к друзьям моим да товарищам.

Звучат эти песни на родной Вологодчине и зовут, зовут меня снова в дальнюю дорогу от Северной Двины на Дунай-реку.

Побывать бы еще разок в полюбившейся мне Румынии!

17 октября 1962

СНЫ СБЫВАЮТСЯ...

(Поездка на родину Есенина)

Я впервые приехал в эти дорогие для русской поэзии места, вышел на берег Оки, где он, Есенин, бегал еще босиком, и глянул в бесконечную распевную есенинскую даль. Невозможно было не ахнуть, не удивиться простору: «Да, знал поэт, где родиться!..» Вот уж поистине:

Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Конечно же, с первых лет жизни человека природа участвует в формировании его характера, всего строя его души, способствует выявлению его врожденных дарований и склонностей.

Мне вспомнилась родина Ломоносова, Холмогоры на широкой Северной Двине, особенно тот берег, где причаливает пароход и откуда начинается путь в село Ломоносово, бывшую Денисовку. Там такие же необозримые просторы, правда, более суровые, без яблоневых садов, такие же до горизонта заливные луга и темные леса вдали, на краю неба, где оно влюбленно сливается с землей.

Вспомнилось также пушкинское Михайловское. Крутой спуск к птичьим заказникам, земляная, выложенная дерном скамейка — и мир, распахнутый настежь от самого крыльца, с которого затосковавший, но счастливый, что хорошо поработал, поэт скрывался верхом на коне от непрошеных гостей в лес, в Тригорское, к Анне Петровне Керн.

Вспоминается здесь и волжская ширь, которая дала миру много великих русских талантов.

А эпические былинные дубровы и березняки Ясной Поляны, без которых немыслим Лев Толстой!..

Посещение родины любимого поэта в какой-то степени заменяет нам личное знакомство с ним. Вы приобщаетесь к истокам его творчества, начинаете больше понимать и чувствовать его поэзию.

Паломничество на родину Есенина никогда не прекращалось. А в последнее время уже не десятки — сотни поклонников его лирического дара ежедневно останавливаются у небольшой деревенской избы со скромной мемориальной доской:

Здесь родился и жил
известный русский поэт

СЕРГЕЙ
ЕСЕНИН
1895—1925

Повсюду звучат его стихи:

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом,

Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном...
Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню...

Москвичи, рязанцы, киевляне, ленинградцы ходят по зеленому селу, по извилистым берегам Оки сосредоточенные, тихие. Они приехали поклониться действительно святым для них местам. Здесь стихи поэта о Родине становятся для них зримыми.

Скоро село Константиново будет называться иначе: Есенино, и район будет Есенинский, а не Рыбновский — так решило наше правительство.

Восстанавливается дорога от Рязанского шоссе. Когда ее заасфальтируют — «все флаги в гости будут к нам».

В Константинове уже открыт новый гастрономический магазин «Ока» из стекла, белого металла и цветных пластиков. Он, правда, выглядит здесь чужеродным, зато прилавки и витрины его заставлены продовольственными товарами. Запроектировано строительство гостиницы, водной пристани...

— Вот теперь — да! Теперь понятно! — говорят пожилые земляки поэта, знавшие его еще в детстве и, видимо, только сейчас начинающие осознавать в полной мере, кем стал для страны их односельчанин Сережка Есенин.

— Выходит, повезло вам,— говорю я,— что Есенин родился в вашей деревне. Сейчас благодаря Есенину...

— Так я тоже Есенин,— перебивает меня один из них.

— А ваша фамилия? — спрашиваю у другого.

— Есенин.

— А твоя? — спрашиваю у подростка.

— Тоже Есенин. У нас чуть не половина деревни Есенины.

Признаться, я как-то не ожидал этого. Почему-то казалось, что Есенин только один на свете. Ну что ж! Пусть будет хорошо и всем другим Есениным и не-Есениным, живущим в Константинове и в смежных деревнях. Так и должно быть всегда.

Бывают случаи, когда деревне и ее жителям, а то и целому району вдруг «повезет» из-за того, что вблизи обнаружатся какие-либо рудные богатства и начинается

промышленное освоение их, прокладываются железные и шоссейные дороги и так далее. А тут обнаружилось другое богатство — человеческий талант. Деревня подарила стране выдающегося человека! Разве это меньше?..

Недавно на моей Вологодчине встречали прославленного земляка Павла Ивановича Беляева, и благодаря этому случаю точно так же повезло всем другим Беляевым и не-Беляевым — землякам космонавта: от Бабушкина до Рослятина и дальше, до деревни, в которой родился и вырос Павел Беляев, была срочно восстановлена на десятки километров проезжая дорога — на совесть поработали бульдозеристы! Конечно, пришел бы срок, и дорогу отремонтировали бы и в обычном, в плановом порядке. Но ведь до этого срока еще дожить надо.

Пусть же прославленные земляки почаще навещают свои родные деревни!

Под крутым яром, ближе к селу Кузьминскому, Ока перекрыта плотиной. Плотина была и при Есенине, только без гидростанции. С высокого берега далеко видны идущие для шлюзования сверху и с низовья пароходы. Сигнализация здесь не запрещена, пароходы гудят долго и протяжно. И шумит, и пенится день и ночь вода у плотины. Но ни гудки пароходов, ни вечный шум воды не нарушают глубокого покоя природы.

На прибрежье у самой кромки воды лежат огромные деревянные баржи, будто доисторические чудища, выброшенные на сушу штормами. Громоздкие баржи эти устарели, таскать их стало убыточно, новые — металлические — легче и рентабельнее их во много раз, поэтому речное пароходство списывает деревянные баржи со счета и продает колхозам вразборку. Добротного просмоленного леса, и тесу, и железа только от одной баржи хватает на целый скотный двор.

Это уже новое, при Есенине этого не было.

Каждое утро задолго до восхода солнца по плотине начинают ходить спиннингисты. А удильщики садятся в лодки и бросают якоря где-нибудь на струе либо забредают в бурный поток в высоких резиновых сапогах и так стоят часами. Ребятишки, конечно, босиком.

Та же картина вечером, на закате.

Есенин все это видел. Он сам любил ловить рыбу по целым дням. И в стихах у него это есть:

Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать...
Где-то вдали, на кукане реки,
Дремную песню поют рыбаки...

Рыбаки говорят, что в его пору рыбы, конечно, было больше. Правда, и сейчас ни один любитель не возвращается домой без улова, а все-таки нет того, что было раньше. И опять начинаются разговоры о том, что разные заводы безнаказанно травят рыбу промышленными отходами и когда же с этим будет покончено. Кроме того, в последнее время в колхозы стало поступать много химических удобрений, и нередки случаи, когда у нерадивых хозяев лежат эти удобрения ворохами на полях, пока весенние талые воды и ливневые потоки не смывают их в реку. Вот от чего гибнет рыба. А войну ведем со спиннингистами!

По плотине я перехожу на левый, низкий берег Оки, где тянутся нескончаемые поемные луга. Там, меж озер, бродят стада коров, знаменитые рязанские стада. По-разному они знамениты... В последние два-три года коров на Рязанщине стало заметно больше — и в колхозах, и в личном пользовании у колхозников.

Рязанские коровы знамениты и по стихам Есенина, он любил писать о них. И о стихах своих он говорил,

Что читать их может каждая корова,
Отдавая плату теплым молоком.

Во всю ширину лугов, вплоть до лесного горизонта, рядами стоят стога сена, как «скирды солнца». Кажется, этих копен даже больше, чем коров. Из озерных камышей то и дело взлетают стаи уток. Проехал молоковоз с полным возом бидонов. Между прочим, в деревне Волхоне, примыкающей к Константинову, начато строительство нового маслозавода...

Не эти ли луга видел перед собою поэт, когда писал стихи: «Я иду долиной»?

Выйду за дорогу, выйду под откосы, —
Сколько там нарядных мужиков и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль не слаб?

На земле милее. Полно плавать в небо.
Как ты любишь долы, так бы труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль крестьянским
не был?
Размахнись косою, покажи свой пыл».

Недавно в Москве на Кутузовском проспекте в магазине подарков я видел среди прочих эстампов новый портрет Сергея Есенина, совсем юноши. Наверно, он только что приехал на родину, побродил по родным местам в Заречье и прилег к сенной копне — то ли отдохнуть, то ли стихи записать. Очень хороший портрет, живой! И сено свежее — кажется, даже запах его чувствуешь, и — «волос золотое сено»...

Вспомнил я об этом портрете здесь и начал оглядываться, не увижу ли и на самом деле живого поэта у одного из этих стогов.

А еще показалось, что стóит самому присесть к такой же копне — и осенит тебя по-есенински...

В Константинове при нас то в одном дворе, то в другом палили свиней. Я впервые в своей жизни увидел, как хитроумно это делается ныне. Раньше свиную тушу подвешивали над костром, обжигали ее, потом снимали, обливали кипятком, закрывали соломой, отпаривали, при этом ложились на нее всей семьей, и в первую очередь, конечно, ребятишки. Затем уже остатки щетины соскабливали ножами. Священнодействие это тянулось по нескольку часов. Обливание кипятком повторялось, значит, к великому удовольствию детей, свиную тушу не раз заваливали соломой и прикрывали своими телами.

Современная рационализация упростила и эту работу. Никаких костров, никакого кипятку. Свинью обливают бензином и поджигают, а остатки щетины выжигают при помощи паяльной лампы. И делает все это один человек.

Не знаю, пострадала ли от такой рационализации поэзия, но ничего похожего при Есенине, конечно, быть не могло.

Под жарким факелом паяльной лампы свиная кожа пузырится, становится коричневой. И бензином от свинины будто бы не пахнет.

Само собой разумеется, свиней палили без всякой связи с есенинским юбилеем, но нас в Константинове не покидало ощущение предстоящего праздника, и потому нам казалось, что земляки поэта готовят в его честь большой всенародный пир.

Дом ремонтировался, чтобы стать музеем. По существу, он давно уже был превращен в музей стараниями сестер Есенина. Сейчас все экспонаты — портреты, книги,

фотоснимки, вещи — были сложены во дворе. Справа от есенинского дома сносили давно сгнившую избенку под соломенной крышей.

За всем следила сестра поэта, Александра Александровна Есенина, та самая «сестра Шура», которой он посвятил много проникновенных стихов:

Ты — мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную теребя?

Нам повезло: Александра Александровна оказалась к нашему приезду в Константинове. Лучшего проводника по есенинским местам желать не надо. Вместе с нею мы снова идем к крутым обрывам над Окой, на участок, отведенный недавно для постройки новой избы сестрам Есениным взамен той, что станет отныне музеем.

— Вон лес, видите? — показывает она.— Туда мы с Сергеем бегали по грибы, а там, на заболоченных низинах, морошку собирали. А в этой вот излучине реки, на Глубоком, ершей много, я и сейчас оттуда по ведерку ершей ношу. Крупные ерши, жирные...

Рыболовные снасти Александры Александровны таковы, что трудно не улыбнуться: толщина жилки, наверно, не меньше миллиметра, грузило — целая гиря.

— Ничего — берутся ерши,— говорит она.— А тоньше здесь нельзя, судаки попадаются, на тоненькой жилке не вытянешь. И глубина большая.

Много добрых слов в свое время будет сказано об Александре Александровне. Любовь к брату и к его поэзии она мужественно пронесла через все испытания.

Энергия ее и сейчас не утихает: готовясь к юбилею, кое-кто ломает установленные правительством сроки. А все-таки и не радоваться нельзя: справедливость в конце концов торжествует. Поэзия Есенина победила. Все к лучшему. И тут есть о чем вспомнить и подумать всем нам.

В 1954 году, выступая на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, я еще имел основания сказать, что «мы до сих пор не можем добиться, чтобы советский читатель, отредактировавший и отстоявший для себя от всяких ханжей и перестраховщиков богатейшее лириче-

ское наследие Сергея Есенина, получил бы наконец его книги».

Ныне Есенин не нуждается в подобной защите. Многочисленные однотомники его и собрания сочинений расходятся по всей стране и делают большое патриотическое дело. Все к лучшему. А я сейчас не могу без улыбки вспоминать, как году в 1928—1929-м, когда я учился в педагогическом техникуме, страстно любил Есенина и сам начинал писать стихи о природе, конечно, с явными есенинскими интонациями, в газете «Советская мысль» города Великого Устюга вдруг появилась громовая подвальная статья: «Дадим бой чужой идеологии». Мне тогда было 16 лет, стихи мои печатались только в стенной газете, и вряд ли я отчетливо понимал, что такое «чужая идеология» и почему все это может относиться ко мне.

Из-за увлечения Есениным — а в этом я не был оригинален среди своих сверстников — меня в техникуме не приняли в комсомол; но без комсомола я жить не мог и потому вступил в него позже, в сельской организации, где мои единомышленники понятия не имели о «вреде» Есенина и судили об общественном лице своего товарища лишь по тому, как он участвует в коллективизации деревни и в раскулачивании.

Все-таки очень трудной и странной бывает порой судьба настоящей поэзии. История литератур дает немало примеров, подтверждающих это. В разные времена у разных народов, сколько бы ни говорилось об индивидуальности подлинно поэтического творчества, о свободе творческих дерзаний, стоило лишь появиться книге или даже отдельному небольшому произведению, выходящему за рамки утвердившихся литературных канонов и так или иначе возбуждающему умы современников, как немедленно настораживалась литературоведческая законность: ладно ли? Не бунт ли это? И против нового слова в поэзии с новым строем мыслей и чувств пускались в ход монументальные имена классиков, хотя сами-то эти классики в свое время подвергались точно такому же сдерживающему здравомыслящему началу.

Мы уже забываем, что нелегким был жизненный путь и Владимира Маяковского, что далеко не всегда терпимо относились к нему ходившие когда-то рядом с ним разные литературные ультрареволюционные догматики и фарисеи, многие из которых ныне нередко клянутся его именем.

А серые книги, серые стихи, даже если они называются белыми, продвигаются порой легко, им дается зеленая улица.

Литературная посредственность, как правило, тоскует и жалуется, что «нет в наши дни Пушкиных, Гоголей и Салтыковых-Щедриных», а вместе с тем спокойно относится к тому, что для новых, свежих и, возможно, посвоему значительных, но еще не освоенных, не осмысленных литературных явлений по-прежнему существуют всякого рода «вытрезвители».

Короткая у нас память, друзья мои!

Конечно, велика русская литература. Но не следует думать, будто для советской культуры ничего не стоило, когда мы по каким-либо, порой очень странным соображениям вычеркивали из нее — пусть на время — тех или иных наших предшественников — прозаиков, поэтов, художников. Ущерб от этого мы несем не меньший, чем от уничтожения в горячке борьбы с религией многих древнейших памятников отечественного зодчества или, скажем, от грубого утилитарного отношения к богатствам родной природы. Позднее нам самим бывает стыдно подобной горячности. Уроков этих забывать не следует.

Совсем по-иному воспринимает всякое живое слово в литературе сам читающий народ. Да, это он отстоял от всяческих административных пут и давно по-своему отредактировал своего любимого поэта Сергея Есенина.

Да, стихи Сергея Есенина ходят уже не в списках. Все к лучшему. Нынешние ценители поэзии могут свободно иметь на своем столе томики его удивительной лирики. И это одна из добрых примет нашего времени.

На родине Есенина, вероятно, даже сам воздух располагает к поэтическому творчеству.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Не потому ли сюда каждое лето приезжают для работы московские литераторы? А двое из них живут и трудятся здесь постоянно уже несколько лет. Правда, они прозаики, не поэты, но хочется верить, что муза поэта Есенина поможет и им успешно завершить свое большое хорошее дело. В их распоряжении богатейший

жизненный материал, интересные и разнообразные человеческие судьбы, кипение страстей и доброе людское отношение.

А уж о красоте здешней природы и говорить не приходится. Кому из нас не снится всю жизнь один и тот же сон: будто заберешься на какую-то большую высоту, раскинешь руки — и полетишь над рекой, над лугами, над лесом, под ясным небом свободно и плавно?

И вот, когда мы на прощание вышли все на крутояр над плотиной, мне показалось вдруг, что я узнал это свое место. А узнав свое место, я захотел немедля раскинуть руки и, ринувшись вниз, проверить: может быть, сны все-таки сбываются?

Наверно, и друзьям моим показалось то же самое. Вслед за мною то один, то другой так же кидались вниз опрометью, кубарем, подгоняемые крутизной,— к воде, к солнцу, к простору, каждый к своей мечте.

Так или иначе, а все-таки сбываются наши сны...

22 сентября 1965

ПИШЕТ СЕЛЬСКИЙ СХОД

В годы ранней юности случилось в моей жизни такое, что осталось в памяти навсегда как событие необычайное. Я рвался из деревни на учебу, а отчим не отпускал меня, потому что в хозяйстве ему нужен был работник. Тогда на мою защиту встал сельский сход. Как сейчас вижу, по стуку березовой колотушки собрались мужики на угоре, расселись у деревянной часовни и вынесли моему отчиму приговор: раз ты пришел в дом, в приемки, и парень хочет учиться —учи парня!

Так я попал в районную семилетку.

Мог ли я тогда думать, что через много-много лет такой же примерно сельский сход, в той же самой, в моей, в лесной деревне снова встанет на мою защиту, но уже не от кого-нибудь, а от чрезмерно торопливой, необоснованной, по их мнению, литературной критики. Могло ли мне прийти в голову, что наступит такое время, когда мои однодеревенцы, вологодские мужики, вдруг сами, по своей воле, без указания бригадира, без согласия председателя колхоза, а скорее вопреки ему, будут созывать сельские сходы (не назовешь же колхозным собранием сходку, на которой ни председателя, ни секретаря

и никакого другого начальства!) и читать вслух литературные произведения, чтобы пристрастно, по-хозяйски вмешиваться в разговор критики с автором.

А такое случилось в 1963 году. И письмо этого схода, адресованное редакции одной из центральных газет, среди множества читательских писем, касающихся моего рассказа «Вологодская свадьба», поныне является для меня одним из самых дорогих. Оно поразило меня, как что-то совершенно неожиданное, невероятное, и обрадовало: до чего же, значит, изменилась наша деревня и люди ее в самой своей сути, если даже литературные дела в стране стали касаться их близко и непосредственно.

Конечно, это письмо однодеревенцев далеко не из самых грамотных и не самое аргументированное среди множества других, но лучшей защиты от критических передержек и нарочитых искажений я тогда, пожалуй, и желать не мог.

Вот оно — на листочках, вырванных из школьной тетради в клеточку, написанное химическим карандашом, привожу его с сохранением орфографии — мне все дорого в нем!

«От членов с/х-артели колхоза Родина д. Блудново, Пермасского с/с Никольского р-на, Вологодской области. 15-II-63 г. В редакцию газеты «Комсомольская правда», копия Яшину А. Яков.

Уважаемая редакция!

В феврале текущего года Никольский район Вол. обл. получил журнал «Новый мир» за 1962 год, № 12, в котором была написана статья писателя нашего земляка и односельчанина А-лдра ЯШИНА «Вологодская свадьба».

В том числе пришел журнал и в Пермасский с/совет. Мы как земляки Яшина прочитали всю статью дословно. Мы считаем что выдержки и записки Вол. свадьбы справедливы поскольку эта свадьба была в его родне у его тетки на Скочкове, на которой он присутствовал сам.

В записках Яшина было упомянуто что в деревне Скочково не было кино больше года. Оно так и есть. И у Яшина на родине в дер. Блудново где он вырос за 62-й год было всего показано зрителям 2 кино в году. Первое кино было показано в апреле — а последнее в декабре. Вот уже 2-ой месяц проживаем в 1963 году а кино так же не кажут колхозникам, смотреть кино до сих пор возможности не имеем.

Когда станешь почаще требовать от колхозного руководства кино, они всю вину ложат на Райотдел культуры а район мотивирует тем — что у них не в достатке работников. Так — кто же повинен в этом деле?

До сего времени не имеем лампочки Ильича сидим с керосиновыми лампами наполовину даже без стекол, поскольку их в магазине бывает редко как — какая-то случайность.

Свадьба в которой избе происходила и где был Яшин правда происходила по старому обычаю как это было написано в опровержении газеты Красный север № 22 от 26/I-63 г.

Студент Берсенев пишет — что не прав Яшин. А мы считаем что прав Яшин. Жизнь колхозников нашего района материально недостаточно обеспечена.

Было написано Яшиным правильно что колхозники косят по льду, да, у нас это не новое. Косили и косят только потому — что не обеспечивают сеном личную корову кохозника по трудодням.

Из-за неимения уборочной техники до сих пор косим вручную. Техники у нас такой нету и на сегодняшний день.

Теперь во всем лапти повинны, как это пишет — студент Берсенев и тут он не прав. Да, они были у нас и есть поныне. Ходят и теперь ни мало, даже сама мать писателя не против надеть в дальнюю дорогу за грибами, ягодами и т. д.

Правильно, что действительно живем в таком глухоманьи. От железной дороги до Никольска расстояние 150 км. а летом не проедешь на автомашине без трактора.

Записки Яшина Вол. свадьба, действительно — так оно и есть, как оно и происходит.

Уважаемая редакция!

Просим наше коллективное письмо опубликовать в вашей газете.

За ошибки просим извинить.

Журнал читался на собрании, присутствовало на котором 57 человек».

Далее идут подписи: Горчаковы, Поповы, Мишеневы, Меньшиковы (фамилии-то какие знаменитые на моей родине), Колтаковы, Коноплевы, Чербунин...

Пять с лишним лет прошло с тех пор, многое изменилось в нашей жизни и в жизни людей деревни, многое из того, на что жаловались тогда мои земляки, ныне

сошло на нет. Правда, на карликовых лесных ложка́х попрежнему затруднено использование сенокосной техники, не легко также по нашим дорогам и с доставкой ламповых стекол и всякого иного стекла. Но с этим пока ничего не поделаешь!..

Совсем изменились и условия нашей литературной жизни. Недавно в журнале «Журналист» (№ 6 с. г.) было рассказано о том, как в 1963 году организовывались на Вологодчине т. н. «открытые письма» против рассказа «Вологодская свадьба». Поэтому я оставляю в стороне все преходящее и все свои личные горести и обиды. В душе моей по-прежнему живо первое впечатление от письма настоящих моих земляков — удивление и восхищение ими. Я стараюсь осмыслить совершившиеся перемены в характере моих односельчан.

Где, когда это видано, чтобы русские крестьяне, вологодские мужики, сами, без подсказки со стороны, на своем крестьянском сходе вмешивались в литературные дела страны — строго и по-хозяйки заинтересованно? Разве это не сама революция? Разве в этой особенности нашего читателя не сказываются те самые коммунистические черты советского человека, которые воспитывает в нем партия в течение уже полувека. Разве не о таком читателе мечтал Николай Алексеевич Некрасов: «Эх! Эх! Придет ли времечко...»?

Только представьте себе обстановку той поры, 1963 года: живы еще показуха и бахвальство, администрирование и волюнтаризм, в прессе резко осуждается только что появившееся новое произведение о северной деревне (а в «Правде» еще не было опубликовано интервью главного редактора журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского, в котором он сказал добрые слова и об этом произведении), а сельские читатели на своем сходе самостоятельно и раньше всех прочих уже берут под защиту это охаянное сочинение писателя-земляка.

«Вологодскую свадьбу» я писал, конечно, с любовью к своим людям, с желанием всяческого добра им. Искажения и передержки в «открытых письмах» были слишком заметны для всех. Ведь даже разговор о лаптях был сплошным измышлением: я вовсе не пропагандировал лапти, хотя, вообще-то говоря, ничего плохого в этой легкой и удобной летней сенокосной обуви нет, если не считать, что их объявили символом старой дореволюционной деревни, как нет ничего плохого и в старинных берестяных туесках, и в пестерях, и в кованых сундучках, и

поддужных колокольчиках, и в кружевах, и в великоустюгской черни по серебру... Я писал, думая о правде, и за эту же правду вступились мои земляки — смело, по-государственному, по-партийному.

В дни, когда приезжавшие в Осиновский колхоз газетные фоторепортеры устраивали в домах колхозников постыдные спектакли, собирали в одну избу цветы со всей деревни и таскали из дома в дом один и тот же конторский радиоприемник «Муромец», только бы дать хорошие кадры — в эти дни сами колхозники с болью и гневом ополчились на явное очковтирательство, по существу, осмелились возражать самой центральной прессе, авторитет которой для них всегда был непререкаем.

Вот каким стал наш читатель! Можно ли не гордиться таким читателем?! Конечно, трудно писать и не печататься, и один бог знает, чего порой стоят нам не в меру ретивые проработки тех или иных произведений, но родственное общение с таким читателем, ощущение его локтя нередко может заменить писателю многое.

Совсем недавно я снова побывал в родных местах. Да, огромные перемены в жизни деревни произошли за это время. Честно говорю, лучше пошли дела в колхозах, заметно лучше стали жить мои товарищи, мои герои. Деревни заставлены свежими сосновыми срубами — строятся новые дома, обновляются старые. Колхозники уже ворчат, когда в деревенской лавке почему-либо не оказывается белого хлеба,— а раньше, даже на моей памяти, белые пироги пекли только к большим престольным праздникам да на свадьбы. Хороший уродился ленок в нынешнем году, да и хлеба своего понаросло немало. О груздях и ягодах и говорить нечего...

Не по дням, а по часам растут семьи, в любой деревне полно ребятишек. В самые глухие уголки района пробираются по вызовам санитарные машины с врачами либо с сестрами. Опять появились в деревне охотничьи собаки... Появилось наконец радио и в Блудно́ве.

Но остались в силе и некоторые из старых претензий колхозников, тем более что количество претензий этих с годами тоже увеличивается. Вот, например, клубы понастроили почти в каждой деревне, особенно в связи с той памятной мне шумихой, а настоящей работы в них, как правило, все еще нет, и опять по году «кина не кажут...». И электричества на моей родине пока нет. Хотя

еще в 1964 году директор Всесоюзного научно-исследовательского института Энергосетьпроект заверял меня лично, что в четвертом квартале 1965 года будет дан ток от государственной энергосети для всего Никольского района. Что ж, не всякие обещания выполняются в срок...

А все-таки столбы уже установлены, нынешним летом и провода навешены, и лампочки уже ввернуты в патроны. Надо думать, что к концу этого года в блудновском и липовском клубах новые сочинения советских писателей будут обсуждаться уже при электрическом освещении.

Верю в это!

Октябрь 1967

МЫСЛИ О РУССКОЙ ПОЭЗИИ

«У лукоморья дуб зеленый...

Там русский дух... там Русью пахнет!» — это мог написать только поэт, выходец из русского народа, воспитанный па сказках русской няни, чувствующий, какой поэзии жаждет русская национальная душа.

Традиции русской национальной поэзии в фольклоре,— в былинах, сказках, ста́ринах, колыбельных народных песнях — байках, частушках, прибаутках.

Эту национальную традицию, эту исконную любовь русского народа к определенным поэтическим интонациям и к своему родному словарю нам не искоренить в русском народе, и чем меньше мы их чувствуем, тем дальше мы уходим от народа, от истоков русской национальной поэзии.

Народ наш не сделает своим кумиром поэтов, не чувствующих его духа, его поэтической традиции, как бы их ни популяризировали газеты. Примеров много. Он будет ждать своего поэта, чтобы поднять его. Газеты не популяризировали Исаковского, его поднял сам народ.

Русский дух — Пушкин, Грибоедов (пословицы), Крылов, Некрасов, Кольцов, Ал. К. Толстой, Лермонтов с его песней о купце Калашникове, Есенин. Стихи о загранице — сразу отличишь русского поэта.

Западники и славянофилы (борьба полярностей).

Союз писателей плохо поддерживает поэтов с ярко окрашенной национальной русской самобытностью, поэтов, идущих от русского фольклора, чувствующих дух русской национальной поэзии.

Мы люди не бойкие, и нам очень трудно. Только счастливчики, сумевшие сразу сделать вещи большого масштаба, у нас получают возможность нормально работать. Большинство удача не балует сразу, а вокруг нас слишком много бойких людей. Они и наши первые критики.

Они не чувствуют тех зерен настоящей русской национальной поэзии, которые есть в наших произведениях, и не поддерживают их.

А Белинский именно эти зерна и ловил и выискивал, ибо пропади они — и подлинно русской поэзии, того, чем она отличается от других национальных литератур, не будет.

Антокольский поддержал Мартынова, но он же и подвел, скомпрометировал его, дав ему включить в книгу «Лукоморье» очень слабые стихи о сегодняшних днях. Поэзия Мартынова — общественно малоактивна, она больше обращена в экзотику, в историю, Мартынову надо помочь больше почувствовать и полюбить бурлящее сегодня, помочь ему научиться писать о нем, только тогда печатать его стихи о новом, чтоб не компрометировать хорошего поэта.

Прекрасный поэт Пастернак очень далек от той русской поэтической самобытности, о которой я говорю. Честно работает в русской поэзии и Антокольский, но разве в его стихах хранится традиция нашего национального искусства?

Разве у него могут прорваться строки, так любимые нашим народом: «во поле березонька стояла...»

Беречь нужно зерна эти, вынашивать их, сохранять.

Статью начать с определения национальных черт русской поэзии. Связь ее с богатствами русского народного языка, быта, склада души. Естественно, что больше других это чувствуют, конечно, люди, вышедшие сами из недр русского народа.

Славянская поэзия. В русской поэзии работает очень много поэтов нерусской национальности, которые зачастую клянутся русским народом, его историей, культурой, но не чувствуют духа русской национальной поэзии. И много примеров: мы их поднимаем, возвеличиваем, а народ наш не знает ни одной строчки из их стихов и знай себе поет:

И кто его знает,
Чего он моргает,
На что намекает...

Забывают о национальном зерне и поэты из русских. Пишущий по-русски в этом смысле еще не значит русский поэт.

Боюсь, чтобы в наш век интернационализма мы не утратили способности дорожить своей самобытно-национальной поэтической культурой.

За фольклор бьемся, а в рядах профессиональных поэтов я не вижу этого любовного выращивания людей, работающих над своим родным словом в поэзии.

Русским народом клянутся все, русским языком тоже. Неповторимые интонации, ритмы, рифмы — русское, славянское.

Твардовский, Исаковский, Тихонов, Михалков, Васильев (иногда очень небрежно пишет), Прокофьев, Мартынов, Сурков (за войну написал ряд хороших стихов, вроде «Парасковьи»).

Сельвинский — крупнейший советский поэт, честнейший человек в отношении оценки всего хорошего, что появляется в наших книгах. Поэт, владеющий всеми жанрами от романа в стихах и трагедии до частушки. Но как он иногда не чувствует национального зерна в русском стихе и как тщетно старается сам добывать его. Сколько он ни писал песен, подделываясь под русский фольклор, песни эти даже на музыку положить не могут. Частушки его скорее идут от венка сонетов, чем от русского фольклора.

Что касается взаимной поддержки, «взаимной выручки», как говорят на фронте, то нам ее не хватает, у нас ее нет. Мы со всеми одинаковы, мы не поддерживаем друг друга, у нас нет человека, объединяющего нас.

Нет слов, что в идейном отношении мы, вторя своей советской эпохе, идем впереди поэзии мира, но боюсь, что в отношении формальном мы слишком не бережем особенности своей национальной неповторимости и все больше становимся общеевропейской безнациональной поэзией.

Август 1945

ЖИЗНЬ ТРЕБУЕТ!

Все лето текущего года, с апреля по сентябрь, провел я в Алтайском крае, в районах освоения целинных и залежных земель. Жил на полях, в тракторных бригадах, немного работал и сам, научился водить трактор, получил права тракториста. И мысли мои о поэзии связаны с тем, что я перечувствовал за это время.

Как-то в часы дружеской беседы с одним секретарем райкома партии я обратил внимание на его глубокую и всестороннюю осведомленность в делах своего района и

самое пристальное внимание к жизни каждого человека. Мой собеседник был смел в суждениях и прозорлив. И я подумал, что хорошо бы каждому из нас, писателей, так же знать жизнь и людей «своего района».

Но вот секретарь райкома вышел на трибуну и начал излагать суконным языком общеизвестные истины, всячески избегая постановки острых вопросов жизни,— словно его подменили. На мой упрек он ответил не без иронии:

— Посмотрим, о чем и как вы, поэты, будете писать, когда вернетесь с Алтая.

Эта фраза заставила меня вновь серьезно задуматься об отношении читателя к нашей сегодняшней работе, о наших творческих связях с жизнью, о путях нашего искусства к народности.

И думается, что разговор об этом надо вести более серьезно, чем в предыдущих статьях И. Сельвинского, Н. Грибачева, С. Смирнова, с меньшим налетом «взаимных болей, бед и обид».

Сергей Есенин свою автобиографию с краткими, почти анкетными данными заключил характерной фразой:

«Что касается остальных автобиографических сведений,— они в моих стихах».

Пусть Есенин не был солдатом в советской поэзии в том широком смысле, как нам хотелось бы,— в этой его фразе есть правильное понимание существа работы поэта.

«Стихи мои! Свидетели живые...» — писал Некрасов.

Стихи поэта — это не только жизнь его героев, но и собственная его жизнь, его автобиография. Настоящим поэтом, при всех прочих данных, становится лишь тот, кто не *сочиняет* стихи, а *живет* в них, кто избрал их как форму своей активной общественной жизнедеятельности.

В этом плане я считаю правильной постановку вопроса Ольгой Берггольц о лирическом самовыражении советского поэта-гражданина. Нечего бояться старого термина, его надо наполнить новым, нашим содержанием и снова ввести в обиход. Без самовыражения какая же поэзия, тем более — лирическая!

Всесторонняя, глубокая связь с народом, с его трудовой повседневностью — единственный живой и благородный источник творчества советских поэтов. Только на этом пути решаются все вопросы нашей поэзии, в том числе и проблемы народности, и так называемого «самовыражения». Только при этом условии естественно, не по

учебникам, вырабатываются у поэта и свой голос, своя форма. И в этом случае не может быть опасным для него даже сознательное следование, скажем, манере Маяковского или Некрасова, пока есть у поэта свое дело в жизни, своя точка зрения, свое отношение к материалу.

Наоборот, никакая техническая изощренность не выручит и талантливого поэта, если он утрачивает интерес к большой жизни народа, к его борьбе, если он не живет в стихах, а сочиняет их. Самый большой мастер при этом сближается с самым заурядным версификатором. И даже искусственное возвеличивание и популяризация таких поэтов не дают им большого круга читателей.

НЕ ПАСОВАТЬ ПЕРЕД СЛОЖНОСТЯМИ!

На Алтае я прежде всего убедился еще раз, как важно для писателя почаще бывать вместе со своими героями, поменьше сидеть взаперти, в кабинете, вращаясь лишь в узком литературном кругу.

Маяковский писал: «Мне необходимо ездить. Обращение с живыми вещами почти заменяет мне чтение книг».

В бунинские времена жизнь текла медленно, и русскому писателю достаточно было родиться в деревне, провести там свое детство и отрочество — и он чуть ли не до конца дней своих мог считать себя знатоком русского крестьянина и условий его существования.

Ныне приезжаешь в свой родной колхоз и каждый раз поначалу чувствуешь себя невеждой, отсталым человеком, настолько много происходит там нового и важного в течение даже одного года.

Но мало «изучать жизнь». Нет, надо жить той же жизнью, что и герои наши, и так же активно, как они.

Мне приятно было еще раз убедиться, что наши люди смотрят на советского поэта не как на какого-то «летописца», «певца», а прежде всего как на газетного корреспондента, на рядового труженика и своего собрата, идут к нему с жалобами, с вопросами, требуют, чтобы он не проходил мимо явных нелепостей и недостатков. Советский поэт — свой человек. Живет в вагончике, в палатке? — Правильно, так и должно быть. Спит на промасленном тюфяке на свободной койке тракториста, ушедшего на работу в ночную смену? — И это нормально. Начал сам учиться работать на тракторе? — Тоже правильно.

Но вот если в тракторную бригаду новоселов не подвезли продуктов и уставших людей утром и вечером «кормят» только чаем без сахара; если тракторы простаивают из-за отсутствия дизельного топлива, а его на базе МТС хоть пруд пруди; если бригадир тракторной бригады в самую горячую пору начал запивать и на полях появилась явно негодная пахота и директор МТС не реагирует на сигналы, а советский поэт, видя все это, все же остается ко всему этому безучастным, не звонит никуда, не добивается наведения порядка,— вот это уже ненормально, неправильно, неестественно! В бригаде готовится очередной номер стенной газеты или боевой листок, а поэт не предлагает ни заметок, ни фельетона, ни боевого стихотворения,— тоже неестественно! И тут уж не помогут поэту никакая слава, никакие разговоры о «творческой лаборатории». Люди перестают чувствовать поэта своим человеком, доверие и близость к нему исчезают.

Не так ли многие наши стихи последних лет теряли доверие и внимание читателей из-за того, что они перестали воплощать в себе *биографию* советского человека и порождались не подлинностью жизненных нужд и интересов народа, а схоластическим представлением о том, какою должна быть советская поэзия?

Во время войны большая и трудная жизнь с ее потом, кровью, слезами вошла в наши стихи, и поэтому их принял и полюбил народ.

Почему же сейчас наши стихи стали меньше читаться, играть меньшую роль в жизни советского общества?

Прибедняться нет нужды. В те небольшие сроки, которые нам даны историей, поэзия сделала очень много. Это ясно всем. Но мы свою работу меряем не только на столетия. Поэтому даже один «неурожайный» год вызывает законную тревогу в наших сердцах.

Что же произошло?

Дело в том, как мне кажется, что сама-то послевоенная жизнь и деятельность советских людей стали значительно разнообразнее, богаче, сложнее, а советская поэзия не смогла сразу охватить все это многообразие и сложности жизни и борьбы советских людей в мирных условиях. С нами произошло примерно то же самое, что с рядом солдат и офицеров, которые, вернувшись по домам после длительной отлучки и отвычки от мирного труда, тяжело и со всевозможными издержками перестраивались и входили в новые для них условия жизни,

Война закончилась великим праздником. Торжество победы, естественно, стало завершением всей нашей поэзии о Великой Отечественной войне. И печать праздника надолго легла на наши стихи.

Начался новый этап в жизни советских людей, требовавший нового трудового напряжения всех сил, появились новые трудности и испытания. А поэзия не перестроилась, атмосфера праздничности затянулась. И жизнь оказалась шире наших стихов. Во многих из них появились элементы лакировки действительности, ненужного хвастовства, праздничных преувеличений, риторика. Кое-кому казалось, что мы глядим в будущее, тщась об исключительно хороших концовках, о ситуациях исключительного благоденствия. Приукрашивая же явления действительности, можно только обеднить ее.

Наступательная сила нашей поэзии в послевоенные годы ослабла, мы перестали воевать за становление новой жизни так, как воевал Маяковский. Это в разной мере относится ко всем нам, советским поэтам. Это относится и ко многим прозаикам, особенно к тем из них, которые работают на материале современной колхозной деревни.

Кое-кто из литераторов порядочно потрудился за это время в газетах, чтобы трескучими стихами отвадить наших читателей от поэзии.

Всем этим мы облегчили проникновение в литературную среду халтурщиков и приспособленцев, лжецов и подхалимов.

И стоит ли сейчас, задним числом, искать виновников всего этого, пытаться все свалить на рецензентов, критиков, редакторов! Ведь их функции нередко выполняли и мы сами.

Хвастовство — порок страшный, он закрывает нам глаза на собственные недостатки, он враг критики и самокритики. А критика и самокритика — закон развития советского общества. Надо и в поэзии избавиться от бездумного бахвальства, от ложнопатетического умиления, которое ведет лишь к зазнайству, к успокоенности.

Обнаружив собственную творческую слабость, мы стали искать для себя всевозможные оправдания. В литературной среде нередко слышались разговоры, что не обо всем можно написать, не все «лезет в строку». Делались ссылки на вражеское окружение, на необходимость

оглядки на заграницу, на то, что реакционная пресса мира нередко использует в своих гнусных целях наше пристрастие к суровой самокритике.

Время побило эти «спасительные» доводы. Последние решения партии и Советского правительства по сельскому хозяйству, сопровождавшиеся глубоким и суровым анализом отставания его от темпов развития социалистической промышленности, показали еще раз, что писать можно обо всем. И нужно!

Народ наш хочет видеть в своих поэтах не иконописцев, а боевых соратников, которые не отворачиваются от будней, борются за все хорошее против всего плохого.

Творческая практика таких писателей, как Валентин Овечкин, Владимир Тендряков, Анатолий Калинин, чьи очерки о людях послевоенной колхозной деревни встретили признательность многомиллионных советских читателей, явилась упреком в адрес тех, кто спасовал перед сложностью и богатством послевоенной жизни.

ВСТРЕЧИ И РАЗДУМЬЯ

...На Алтае в этом году выдался небывалый урожай. Алтайская земля славится плодородием. Машин здесь много самых разных. И только временами не хватает влаги. В нынешнем году дождей было больше чем достаточно и пшеница уродилась на редкость обильной. Никакие другие красоты Сибири — ни тайга, ни знаменитые ленточные боры с их озерами, полными всевозможной дичи, ни горы с их белоснежными вершинами — «белкáми», ни горные водопады — не могли сравниться с покоряющей красотой алтайских степей, когда в них на все четыре стороны заколыхались рослые хлеба. Только по цвету, по оттенкам зелени можно было определить, где какая культура. В колхозе «Советский путь», у Татьяны Изосимовны Ткачевой, даже овсы были такие, что председательская «Победа» скрывалась в них, как в камышовых зарослях.

Большое и радующее оживление наблюдал я в жизни алтайской деревни. Три предыдущих года были засушливыми, и немало колхозников ушли в города, в промышленность. Сейчас они начали возвращаться. Этому способствовала и глубокая забота партии о повышении материальной заинтересованности колхозников в труде. Молодежь, окончившая средние школы, ныне в большин-

стве своем остается в родных селах. Все это волнует и должно стать предметом поэзии.

Потомственные сибиряки Овечкины Иван Винарьевич и Соломея Федоровна из села Гилёвка Завьяловского района написали в Алма-Ату своему сыну Ивану:

«Приезжай домой, родимый. Жизнь в деревне меняется с каждым днем все к лучшему... Права шофера первого класса можешь получить и здесь. В МТС прибыло много машин, к нам едут люди на жительство даже из Москвы. Ждем богатого урожая. Работы всякой хватает и здесь. Переезжай...»

Иван Овечкин вернулся в свою родную деревню.

Много нового принесли в колхозную жизнь и молодые патриоты, приехавшие из городов на освоение целинных и залежных земель. Среди них можно встретить истинных героев нашего времени.

По путевке комсомола приехал в Гилевскую МТС из Москвы столяр Нарыман, юноша лет 18—19. Он скоро затосковал о своем верном друге Вадиме. Кое-как устроился, пообжился и стал звать его к себе.

Вадим, слесарь-техник по приборам, не смог получить на своем заводе разрешение на выезд. Он был в райкоме, в МК комсомола, наконец, написал письмо товарищу Хрущеву и добился своего.

И вот он ввалился в контору МТС с огромным, очень тяжелым чемоданом.

— Ну, значит, всерьез и насовсем прибыл товарищ! — сказали о нем.

Что же привез юноша с собою, какие личные вещи счел необходимым взять для своего благоустройства на новом месте?

Открыл Вадим чемодан, и растроганные работники МТС увидели набор очень здесь дорогих и нужных инструментов.

Все есть в нашей жизни для поэзии, ничего не надо выдумывать и измышлять.

Но советский поэт не вправе замалчивать и другие стороны жизни: факты бесхозяйственности, очковтирательства, воровства, которые у нас пока встречаются.

Немало нелепостей мне пришлось встретить на Алтае.

В знаменитом многоотраслевом колхозе имени Молотова, председателем которого является депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда Федор Митрофанович Гринько, окраину центрального поселка прозвали «Копай-городом». В этом богатейшем колхозе

часть колхозников все еще живет в землянках. Разве можно на такие вещи закрывать глаза и ограничиваться лишь восхвалением преуспевания колхоза и его руководства, как это делалось до сих пор?

В совхозе «Пролетарий» Троицкого района я встретился с фактом, до слез обидным. На фермах совхоза — большое стадо коров симментальской породы, дающих по двадцать пять и больше литров молока в сутки. И это молоко время от времени доярки сдаивают... на землю. Они возмущаются не только потому, что заработок их исчисляется соответственно количеству сданного молока, но потому главным образом, что не могут видеть, как пропадает народное добро. Узнав, что в совхоз приехал писатель, они бросились ко мне за помощью. А главный агроном совхоза А. И. Броницкий, человек уважаемый и опытный в своем деле, видимо, уже привык к этой чудовищной нелепости и объясняет все с философским спокойствием:

— Видите ли, не хватает бидонов. Централизованное снабжение. Покупать бидоны на стороне совхоз не имеет права, а самим делать не из чего, нет белой жести. Сначала коров вообще переставали доить, но это невыгодно и для доярок: молоко «присыхает». Сейчас мы уже нашли выход из положения: приказали сдаивать молоко на землю...

Вот и всё. «Выход» найден.

В степных МТС края не хватает сборных домов. Они должны прибыть, их ждут, но они не поступают. Кое-где положение с жильем для новоселов катастрофическое. До чего же странно мне было видеть, что в далеком селении Турочак Горноалтайской автономной области, где живут лесозаготовители, где из-за лесу солнца не видно, доставляются откуда-то издалека по непроезжим почти дорогам сборные домики. Зачем это нужно? Кто это делает? Никого такие дома здесь не радуют. Перевозка, вероятно, обходится дороже их стоимости.

Кош-Агач — крупнейший животноводческий аймак (район) Горного Алтая. Этот район сдает ежегодно государству десятки тысяч голов скота. Какой благодарности заслуживают скотоводы Кош-Агача — алтайцы и казахи! Но торговые организации не хотят замечать их элементарных бытовых нужд. Алтайцам и казахам нужны пиалы, простые пиалы. А их нет. И в какой дом, в какой аил не зайдешь — разговор заходит о пиалах. Кумыс пить не из чего. И вот прославленный верблюдовод, се-

мидесятипятилетний Кадыр и его жена, мать-героиня, вынуждены доставать пиалы всевозможными способами «на стороне». Разве это хорошо! И люди опять надеются, что писатель выручит их, скажет где нужно и об этой мелочи, не скроет ничего.

Я сознательно решил перечислить здесь ряд фактов с минусами, чтобы не писать по каждому случаю в отдельности, и рассчитываю, что ненормальности эти будут замечены и устранены.

Перед началом уборки и в первые дни ее на Алтай было брошено много тысяч комбайнов и автомашин из южных районов страны. Радостно было видеть, как идут по железным дорогам состав за составом и на каждой платформе вздыблены к небу хоботы степных кораблей. Верилось, что ни один колос богатейшего алтайского урожая не пропадет.

Но далеко не в каждой МТС радовались этому пополнению. Так, в Вишневской МТС Рубцовского района большинство комбайнов, прибывших из Самаркандской области, не могло быть использовано на уборке, требовало капитального ремонта. Одиннадцать комбайнов не имели своего хода, не добрались от железной дороги даже до МТС. А в сводки они все, конечно, попали.

Неужели не будет наказано такое формальное, бездушное выполнение постановления партии и правительства?!

Приведу еще один подобный случай.

По всему Алтайскому краю произведена замена директоров МТС, не имеющих высшего образования, людьми с дипломом об окончании высших учебных заведений. Мероприятие это повсюду должно было дать только наилучшие результаты. Но в отдельных случаях были отстранены от работы в МТС талантливые организаторы, практики, прекрасно знающие сельское хозяйство и умеющие руководить людьми, а вместо них поставлены люди с дипломами, но безынициативные, работавшие на каком-либо производстве, далеком от сельского хозяйства, или годами сидевшие в канцеляриях.

Так, к руководству Харитоньевской МТС Завьяловского района пришли инженеры-железнодорожники. Вероятно, немало лет потребуется, пока они смогут по-настоящему заменить ушедших товарищей. Зачем также освободили от директорской работы в Гилевской МТС умного и энергичного Тихона Родионовича Кияна, который в свое время был послан сюда «на прорыв» и вывел

МТС в число передовых в районе? Люди его любили и поныне жалеют о нем, независимо от качеств нового директора.

ЛЮБИТЬ НАРОД — ПОМОГАТЬ ЧЕЛОВЕКУ

Вот так, думаю я о поэзии, а перед глазами стоит все, с чем довелось столкнуться в жизни за одно только лето. И во многом виню себя и своих товарищей. Разве упрекали бы наши стихи в серости, сухости, односторонности, если бы мы более активно вмешивались во все, чем живет наш народ?

Поэт Илья Сельвинский один из первых ринулся за молодежью на целинные земли. В «Литературной газете» были опубликованы его интересные очерки из Казахстана, в которых пробились и настоящая жизнь, и страсть журналиста. Но в цикле стихов его «Большая весна», к сожалению, не оказалось той атмосферы, той сложности и простоты человеческих отношений на целине, свидетелем которых, судя по очеркам, он был. Стихи неестественны, тяжелы. Правда, в этом случае, может быть, сказалась новизна материала для поэта,— что ж, будем ждать его новых работ.

Поспешил с опубликованием своих «целинных» стихов и А. Чивилихин. Большая тема в его «Наступлении весны» свернута и отведена на боковые линии.

Стать активным помощником народа, занять свое место в рабочем строю — вот о чем прежде всего должен заботиться каждый из нас, когда приходит чувство неудовлетворенности нашей поэзией и когда мы размышляем о народности нашего искусства. Вместе с тем нам всем следует почаще обращаться к первоисточникам своим, к неиссякаемому богатству устного народного творчества, вечно живого, постоянно пополняющегося, развивающегося, из которого черпали свою силу все лучшие передовые русские поэты. И если при этом мы иногда и будем немного походить друг на друга, так это будет сходство единокровных братьев, сходство по матери, а не по одежке. В народном творчестве — начало всех начал поэзии. Там и вековые традиции русского стиха, там и наши национальные особенности формы.

Мы часто говорим о развитии советской культуры — национальной по форме и социалистической по содержанию — и редко задумываемся о применении этого положения к собственной поэтической практике. Слишком

беспечны мы в отношении сохранения русского национального духа в современной советской поэзии.

Речь идет не о внешнем колорите, не о сарафанах, тальянках и прочих архаических побрякушках псевдонародности. Передовая русская литература и поэзия отличались широтой социальных тем, вниманием к простому человеку, политической остротой, умением поднимать самые волнующие вопросы современности. Это и определило своеобразие формы русского стиха. Отказ от вековых традиций русской поэзии, пренебрежение широтой ее души, отказ от понимания и усвоения специфики русской речи, богатой образным строем, не сделают поэта народным. И, конечно, всем нам, и в том числе Илье Сельвинскому, стоит задуматься над истоками огромной популярности поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», стихов и песен М. Исаковского. Такая популярность в народе не создается одним простым, пусть даже очень частым упоминанием фамилий поэтов в печати.

И не об утверждении приоритета какой-нибудь одной школы я говорю. Нет! Важно, чтобы русская советская поэзия, при всех ее стилевых направлениях, все-таки оставалась национальной русской поэзией, понятной, родной и близкой душе русского человека. Тем выше будет и ее интернациональное значение. Тем дороже и ближе она будет для прогрессивных людей мира.

Боевое служение родине, желание стать народным предполагают и необходимость для поэта быть «с веком наравне».

О жизни советских людей может хорошо написать только человек со светлой душой. А свет в душу несет нам всестороннее знание советской жизни, умение разбираться в явлениях действительности с точки зрения марксистско-ленинской науки. Нам не понять светлого мира героев наших, если мы сами в своей душе не несем ощущения счастья нового мира. Чтобы получить право воспитывать других, надо прежде всего воспитывать себя.

И это не отвлеченные рассуждения. Это разговор о нашей поэтической повседневности. Чем иным, как не постоянным отставанием от жизни, можно объяснить тот факт, что целый ряд наших товарищей, талантливых поэтов, вдруг утрачивает творческую активность или совсем выпадает из советской поэзии?

«Исписался!» — говорят. Талантливый человек, живущий большой жизнью, с веком наравне, не может

«исписаться». Этот дар дается поэту на всю жизнь, и он сам обязан трудом своим поддерживать горение поэзии в своей душе. «Исписался» — значит отстал, утратил правильное ощущение и понимание современности, а этого нельзя ни оправдать, ни простить.

Единственный источник счастья для нас — это постоянный, упорный труд на благо родины. А работать для родины, любить ее — значит прежде всего любить людей, желать добра им. Смысл всей великой работы нашей партии — внимание к человеку, к народу. И не отвлеченно надо любить людей и желать им добра. Надо постоянно делать людям добро, где только это представляется возможным: своим товарищам по работе, своим близким, своим друзьям. Нельзя равнодушно проходить мимо человека, который попал в беду или терпит лишения. И такой активности требует от нас народ! Без заинтересованности в судьбе *отдельного* советского человека нельзя стать писателем, «инженером человеческих душ».

Благоустроить жизнь, обеспечить народу удовлетворение всех его высоких материальных и духовных потребностей, помочь партии избавить общество от всевозможных родимых пятен капитализма — значит научить людей жить лучше, красивее, больше беречь и любить друг друга.

Вот счастье! Вот поэзия!

1954

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ СТРУКТУРНАЯ ПОЧВА В ПОЭЗИИ?

Соображения в связи со статьей Н. Н. Асеева

Статья Николая Асеева «О структурной почве в поэзии» является как бы продолжением большого разговора о положении дел в нашем поэтическом хозяйстве, начатого еще накануне Второго Всесоюзного съезда советских писателей. Она продиктована тревогой за «грозящую советской поэзии опасность выветриться из памяти читателей» и вызывает чувство благодарности старшему поэту за многие честно сказанные им верные слова.

Говоря о канцелярщине и делячестве, о ханжестве и приспособленчестве, уродующих чистое и светлое лицо

советской поэзии, Н. Асеев ставит правильный вопрос: «Как могло все это случиться?..» Но, к сожалению, ответа на этот вопрос он дать не смог и дальше констатации печальных фактов не пошел. Для читателя, да, видно, и для самого автора статьи, осталось неясным, что́ он понимает под структурностью поэтической почвы. Нельзя же остановиться на утверждении, будто все наши беды явились лишь следствием того, что просто «люди перестали обращать внимание на изобразительные средства», что нужна была простота во что бы то ни стало и что «в погоне за простотой мы пришли к упрощению, к примитивному пониманию задачи поэтической речи, как к чему-то обиходному, не требующему неустанного внимания и поисков ее обновления».

Опрощение заметно. Но разве это результат простого злого умысла отдельных стихотворцев? Нет, разговор об изобразительных средствах еще не есть разговор о «почве», об истоках наших бед. И не случайно, что Н. Асеев, принимая за основу всего выразительные средства, внешние признаки сходства или несходства поэтов, называет Андрея Белого (вторым, наряду с Блоком) непосредственным преемником некрасовской «музы мести и печали», как якобы наиболее выразившего и продолжившего его струю в русской поэзии. Против этого, естественно, нельзя не возражать, как и предполагал сам автор статьи. Такие поэты, как Некрасов, встают перед нами не отдельными стихами и не суммой стихов, а во всем величии своего творческого и гражданского облика. И вряд ли можно даже с большими натяжками и при хорошем знании книги «Пепел», на чем настаивает Н. Асеев, представить Белого в качестве преемника великого Некрасова.

Наши сегодняшние беды, если говорить в большом плане, пошли, конечно, не от злой воли тех или иных поэтов, а в значительной степени явились отражением и следствием общих бед... Поэзии вне времени не существует. И почва у поэзии и у жизни одна, и одним плугом она пашется. Появятся огрехи в пахоте на ниве народной, начнет разрушаться структурность ее почвы — это немедленно отзывается и в литературе.

Должен заранее оговориться. В моей заметке пойдет речь о негативных сторонах нашей работы, ибо этому посвящена статья Н. Асеева. Но я не считаю правильным утверждение, будто советская поэзия жила полнокровной жизнью лишь в двадцатых годах, по крайней мере до

смерти Маяковского, а «затем началось распределение мест и наградных», а «позже дело стало оборачиваться по-иному». Формирование советской поэзии, накопление ее богатств продолжалось непрерывно, и мы можем назвать ряд крупных имен и отдельных значительных произведений, появившихся после двадцатых годов. Важно установить, что те большие накладные расходы в общем литературном процессе, о которых говорит Н. Асеев, обусловлены серьезными причинами, и не сводить разговор к фактам простого невнимания отдельных поэтов к форме.

Нарушение демократических норм и ленинских принципов в жизни не могло не сказаться всюду, на всех сторонах общественной деятельности и в том числе на всех видах советского искусства. Длительный культ одной личности порождал неверие в разум коллектива, неверие в творческие способности рядового человека труда, неуважение к его самостоятельности, к его индивидуальной свободе и разносторонним духовным и материальным потребностям. Суживались формы общественной жизни, догматическое цитатничество в агитации и пропаганде шло на смену творческой мысли. В практической работе аппарата управления стали укореняться бюрократические методы руководства, отрыв от масс, попиралась социалистическая законность, росло расхождение между словом и делом. Применительно к искусству все осложнялось господством одного личного вкуса. Вот почва, которая породила тревожные явления и в советской литературе, в советской поэзии.

Что поэзия без человека, без доброго отношения и пристального внимания к нему — живому, реальному, а не выдуманному? А этот живой человек, борец и созидатель, у нас нередко подменялся голыми абстракциями, схоластическим представлением о том, каким он должен быть в социалистическом обществе. Требование правды в поэзии не выходило из области чисто теоретической, умозрительной. И естественно, что появилась лакировка действительности, искажение истории и прочее и прочее. Тут и теория бесконфликтности, и фактическое неприятие сатиры... Служение народу, партии стало пониматься упрощенно. Снизили и упростили образ великого поэта революции Маяковского. Утвердились особого рода газетные стихи,— как правило, бездушные, поверхностные, праздничные стихи-отклики, стихи с примитивно служебным назначением. Конечно, появились и приспособлен-

цы, поэты-чиновники, у которых энергичность и пахрапистость восполняли талант. Администрирование проникло в издательскую практику. Мелкая редакторская опека над писателем стала тормозить развитие творческих индивидуальностей; многообразие в литературе только декларировалось, а по существу происходил процесс нивелировки дарований. И все это от боязни предоставить писателю самостоятельность. Отсюда пошло и снижение литературного мастерства.

Мне думается, что пора несколько уточнить и наше понимание работы Маяковского в газете. Потребность поэта в ежедневной творческой реакции на очередные события в жизни страны, умение служить злобе дня есть особенность таланта. Нельзя требовать этого умения от всех и каждого, как это делалось у нас. Обязательная ориентация на Маяковского породила поток праздничных, бездушных стихов-откликов, которые шли в газетах «на подверстку». А работа Маяковского была действительно боевой, и его поэтические выступления в газетах существенным образом отличались от «школьных поздравительных стишков», о которых пишет Н. Асеев. Немалую дань стихам подобного рода отдали если не все, то очень многие ныне здравствующие поэты, и в том числе в свое время «близкие ему (Маяковскому) поэтические люди». Получилось так, что чем больше мы клялись Маяковским, тем чаще изменяли ему в существе работы.

В стране начался процесс рассвобождения всех творческих сил. Начался он и в литературной жизни. Началось обновление поэзии. Одним из примеров этого, нам думается, может служить настоящий сборник московских поэтов «День поэзии». Вероятно, мы будем по-новому писать. По-новому зазвучит и наша гражданская поэзия, гражданская лирика. Конечно, будет и сопротивление. Кое-кому будет и трудно и невыгодно отказываться от парадности, искать подлинных жизненных конфликтов, углубляться в сложный духовный мир советского человека, ибо для этого потребуется не одна энергичность, но и талант, и размышления, и настоящее общение с народом. Мы уже видели, какими яростными нападками были встречены первые попытки по-новому осмыслить и обосновать требование права на лирическое самораскрытие, самовыражение советского человека-поэта.

И чем последовательнее мы будем улучшать структурную почву поэзии (целиком принимаю этот прекрасный образный термин Н. Н. Асеева!), чем настойчивее

отстаивать от всяких бюрократов право советского поэта на доверие, на творческую самостоятельность, чем глубже будем пахать, тем скорее в нашей поэзии появятся новые большие имена, любимые народом.

1956

ПОЭТ — ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЛИЧНОСТЬ

Поэты всех времен и всех народов жаждали бурь. Нас, можно сказать, бог не обидел: мы находимся в самом эпицентре современных социальных бурь. История поставила нас на передовые рубежи века, сделав не только свидетелями, но и участниками великих битв и преобразований. Нам очень повезло в жизни.

Особенно гордимся мы тем, что Отечество наше поднялось ныне на такую высоту, когда любое его дело и слово становятся событиями международного значения. Голос наш гремит на весь мир, каждый шаг наш виден отовсюду.

Международными, общечеловеческими по значению событиями стали первые полеты наших земляков в космос. Таким же общечеловеческим событием явилось опубликование проекта новой Программы Коммунистической партии Советского Союза. В свете этого великого, глубоко волнующего документа эпохи каждому советскому человеку хочется поразмышлять о своем кровном деле — о своем месте на планете.

Советская поэзия прошла уже большой путь творческих исканий и побед. На этом пути у нас бывали разные, порой наивные ошибки и заблуждения, мы спотыкались и после освежающих потрясений набирали новую качественную высоту. Но в одном, в главном, мы не ошибались никогда: мы всегда счастливо сознавали, насколько деятельность Коммунистической партии, творящей волю народов и самой истории, значительнее всего, что может сделать и делает любой из нас по отдельности, и потому с полной готовностью и радостью целиком подчиняли, когда это требовалось, свою личную волю, со всеми ее творческими капризами, единой воле сотен миллионов людей и при этом не терпели ни урона, ни поражения.

Совершенно понятно и естественно желание советского поэта помогать всеми силами и средствами своему народу в его великих трудах и удивительных свершени-

ях. Как же лучше служить нашей героической повседневности и не изменять самой поэзии, ее специфике и характеру своего дарования? При этом я имею в виду, конечно, и работу поэта в газете.

Мне думается, что некоторые наши ошибки и заблуждения шли именно от неправильного понимания самой сути поэзии и ее возможностей. Поэтому «накладные расходы» возникали нередко там, где их можно было ожидать меньше всего. Как ни странно, например, а чистое, честное желание поэта выполнять любой так называемый социальный заказ, делать как можно больше, а главное, как можно скорее, на практике приводило порой к обыкновенной спешке, к голой лозунговщине, к одической риторике. Уступая настойчивости и срочности каждодневного заказа, мы еще брали на себя, так сказать, встречные социалистические обязательства и вместо пользы в конечном счете приносили вред литературе и политике. При этом, конечно, открывали ходы и для всякого рода бойких ремесленников и приспособленцев, работающих по принципу «чего изволите». А им помогали редакторы-перестраховщики. Упрощенное представление о назначении поэзии в жизни общества и ее существе порождает скороспелки, приводит к поверхностному отображению действительности и ослабляет поэзию. Никакие ссылки на остроту идеологической борьбы, якобы оправдывающие срочность социальных заказов, конечно, неуместны. Партия всегда говорила нам о литературе как об оружии. А тупое оружие непригодно в идеологической борьбе.

Времена, когда звезды сравнивали с заклепками, уже прошли. Всем давно ясно, что поэзия социализма не есть поэзия железобетона и машин. Социалистическое искусство должно быть в высшей степени гуманистическим, целиком обращенным к человеку, к его духовной и материальной жизни. Благородные гражданские традиции нашей демократической классики, ее внимание не только к праздникам людским, но и к ежедневным нуждам и заботам человека простого труда и сочувственное к ним отношение целиком принимаются на вооружение как великое и животворное наследство.

Все для блага человека, все во имя человека! — записано в Программе Коммунистической партии. А разве поэзия служит не тому же?!

Социальные бури проходят прежде всего через душу человеческую. Как же поэзия может обходить этот

основной, если не единственный, источник вдохновения!

Поэт — прежде всего личность. И личность поэта в конечном счете, и главное в поэзии, в лирике, в эпосе, личность свободная, осознавшая свое место в обществе, не приспосабливающаяся, а борющаяся вместе с народом, идущая с веком наравне. Поэту в своем творчестве очень важно быть самим собой, найти себя, не изменять лицу своего дарования.

У К. Бальмонта есть книжка «Поэзия как волшебство». Это скорее руководство для стихотворца, чем для живого деятельного поэта, потому что истинная поэзия есть форма жизнедеятельности человека.

Перелистайте под этим углом зрения томики таких, к примеру, поэтов, как Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Блок, наконец, Маяковский, и их жизнь со всеми страстями, радостями, муками заново встанет перед вами. Не случайно Сергей Есенин в заметке «О себе», сообщив ряд анкетных данных, заявил: «Что касается остальных автобиографических сведений,— они в моих стихах».

Истинного поэта легко отличить от сочинителя стихов. Для первого поэзия — его рабочее место на планете, он сам живет в своих творениях и рассказывает о том, чем живет; для второго —что-то вроде побочной профессии, отхожего промысла.

О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу, —

говорит о своей жизни в поэзии Александр Твардовский.

«Я сам расскажу о времени и о себе»,—говорил о том же Маяковский.

«Оружия любимейшего род» — вот что такое стихи для поэта. Не речами, а стихами он отстаивает свои убеждения, доказывает, борется, поддерживает друзей, бьет противников. Вспомните пушкинские эпиграммы, гневное выступление Лермонтова «На смерть поэта», вспомните приказы по армии искусств Маяковского, его многочисленные обращения к пролетарским поэтам и к «литературной шатии», его разговор с фининспектором о поэзии. Все — в стихах, все — стихами. В стихах и переписка с друзьями-лицеистами, и самоанализ, и самооценка, и назначение свидания, и критическая заметка о своем собрате, в стихах «и про то и про это».

Вот что такое быть самим собой в поэзии. Истинный поэт не сочиняет, а пишет, и «не ради славы, а ради

жизни на земле». Весь «Евгений Онегин», как и «За далью — даль» — это не литературные сочинения, а рассказы о времени и о себе.

Наш современник Константин Паустовский сказал в одной из статей: «...писательство — это не профессия, а жизненное призвание».

Для истинного поэта и чистая поэзия существует лишь как поэзия чистой совести, чистого сердца, ибо поэта невозможно представить в изоляции от общества, от общественной жизни, особенно в такое время, как наше. И, борясь за высокую поэзию, он прежде всего борется за чистоту своей души. Душу свою надо очищать от всяческой скверны, а не бояться ее «самовыражения» в поэзии. Какая может быть поэзия, если нет авторского доверия и должного уважения к собственной личности поэта.

В спорах о лирике часто ссылаются на публицистичность Маяковского. Но Маяковский сам при всей его явной и видимой публицистичности был сугубо лиричен. Даже в лозунгах, в плакатах, в рекламных надписях он не отказывается от собственного «я». Личность Маяковского, всесторонне выразившаяся в его стихах, волнует и восхищает не менее, чем все его творчество. Поэт прежде всего должен доверять самому себе.

Мне думается, что лирическая поэзия может получить в наше время особенно могучее развитие. Процесс этот мы уже наблюдаем повсюду. Самые разные гражданские мотивы облекаются ныне в форму лирических записей, сокровенных раздумий и высказываний. Не случайно, что после первого в истории облета Луны и сделанных фотоснимков ее обратной стороны советские поэты заговорили о желании своем показывать и душу нового человека — покорителя космоса не только анфас, но «и с обратной стороны».

Поэзия и виршетворчество — вещи разные. Равнодушие не создает искусства. Следует приветствовать книги, которые «будоражат умы», волнуют людей. Надо отстаивать право поэта на вдохновенное отношение ко всему, что волнует его лично. Поэзии не обойтись без вдохновения. «Музы с крылышками» существуют и поныне, это не мистика и не мифология. Без этих «муз с крылышками» поэзия наша не сможет в полной мере выполнить своей великой миссии. Обрежь крылышки — и место поэта в нашей жизни немедленно займет бойкий стихотворец.

Труд истинного поэта тяжел, как труд самой истории. Он никогда и не был легким. Поэт подобен тому пахарю, о котором написал замечательный румынский поэт, наш современник Ту́дор Арге́зи:

Ждет урожая бедный человек,
Он пашет, жнет, в бразды бросает семя...
Он в радость обратил и это бремя
И потому прославился навек!

Участвуя ныне во всенародных встречах первых советских героев, возвращающихся из космоса, я вспоминаю, как мы во Владивостоке встречали челюскинцев, как позднее столица осыпала цветами летчиков, впервые преодолевших без посадки расстояние от Москвы до Америки, от Москвы до Дальнего Востока. Как все это было недавно! Как быстро изменяются масштабы героизма. Поэзия все это должна сохранить для будущего. И сделать это могут только поэты, а не стихоплеты. Пусть же они пишут обо всем, не ограничивая себя, не робея, не пренебрегая движениями своей собственной души. Пусть *живут* в поэзии.

Мы счастливы, что находимся не на задворках истории, а на баррикадах ее, и благодарны за это своему великому времени, своей судьбе.

Вот о чем я думал, читая проект Программы КПСС.

1961

ЛАДНО ЛИ?

«ОВ» — это, оказывается, «очередная взбучка».

«НВ» — «неочередная взбучка».

Впервые я узнал об этом в городе Великом Устюге в июне текущего года на совещании при территориально-производственном колхозно-совхозном управлении.

За полчаса до открытия совещания несколько председателей колхозов Никольского района собрались у парадного подъезда Управления.

— Что-то сегодня будет? — с тревогой спрашивали они друг у друга.

— Вот начнется, увидим.

— ОВ или НВ?

— И то и другое.

— Тогда пойдемте подкрепимся, успеем еще. А то сил не хватит.

Председатели пошли на Сухонскую пристань и подкрепились пивом. После информационного доклада начальника производственного управления Николая Семеновича Першакова о ходе сева взбучка действительно состоялась — очередная и внеочередная, весьма основательная, и уже с областных высот:

«У вас в голове сцепление не работает!»

«Это вы в своем колхозе — герой, а здесь, думаете, на вас управы нет!»

«План выполняйте, пока очки целы!..»

Были, конечно, и угрозы исключить из партии: «Хватит, мы для вас землю под кукурузу искать не будем. Не будем!»

Когда один из председателей решился положить свою голову на плаху и дважды попросил, чтобы его не оскорбляли: «Вы не кричите на меня, пожалуйста!» — ему пришлось оставить трибуну.

Это происходило вскоре после того, как в вологодской газете «Красный Север» было опубликовано решение: обком поддержал инициативу горкома, организовавшего цикл лекций о ленинском стиле руководства.

Естественно, что ход совещания в В. Устюге породил впоследствии много разговоров на самые животрепещущие темы жизни. Дела наши в колхозах могут идти еще вернее и повсеместный перелом наметится значительно скорей, если будет устранена неразумная торопливость во всем, какая-то нервозность, а излишнее администрирование заменится убеждением.

С трибуны было сказано:

— Для чего мы так обостряем вопросы сельского хозяйства? Для того, чтобы людям в нашей стране жилось лучше.

С этим никто не спорил. Такой поворот успокаивал даже тех, кто считает, что обострение вопроса не обязательно должно сопровождаться грубым обострением отношений. После совещания разговоры касались и методов руководства в колхозах и колхозами. Люди думали, обменивались мнениями...

Нет слов, колхозники в массе своей живут сейчас заметно обеспеченнее, чем несколько лет назад. Тем более хочется, чтобы никакие побочные обстоятельства и несообразности не темнили общего хорошего тона. А обидных несообразностей приходится видеть пока еще много.

Вот и я, теперь уже наполовину городской человек, приезжаю в родные места и тоже начинаю думать, при-

глядываться и прислушиваться ко всему, вникать в мелочи сельской жизни, и у меня появляется потребность высказываться — ведь может статься, что подмечу и выложу на общий суд что-то и правильное. Пользы же я хочу, а не вреда! И меньше всего, конечно, хочу я обострять отношения, кого-то обидеть или по-журналистски «прокатить», как говорят в нашей Вологодской области.

Трудная весна была в этом году на Севере, не менее трудной оказалась и осень. И чем тяжелей приходилось колхозникам на полях, тем больше заседаний и совещаний проводилось в районных центрах, тем категоричнее были директивы, поступавшие на места сверху, и тем строже накачки и взбучки. Сверху диктовались сроки начала и окончания сева, сверху определялись размеры посевных площадей под кукурузу, под лен, под свеклу с точностью до одного гектара — и все в обязательном порядке, все во имя государственной дисциплины. Никакие ссылки на непросохшую землю, на заморозки, на дожди не принимались во внимание.

Председатель колхоза «Каменный» Воронин Николай Михайлович слезно просил:

— Христом богом молю, разрешите недосеять только десять гектаров кукурузы, больше земли подходящей нет, все равно не вырастет.

Ответ был один:

— Голову снимем!

— Семян уже не осталось...

— Голову снимем!

Какой же твердый характер нужно иметь руководителям колхозов, чтобы остаться верными своей хозяйской смекалке, своему многолетнему опыту, сообразовать действия свои с погодой и не оскорбить государственную дисциплину!

И вот в прошедшую весну я снова был свидетелем, как лен сеяли в грязь, прямо в воду, а кукурузу на неудобренных землях, аж бы только выполнить погектарный план.

— Что же вы опять головотяпите? — возмущались молодые трактористы.— Машины не идут, а вы заставляете лен сеять.

— Сейте, вам говорят. Приказано!

— Не вырастет ведь ничего.

— Пускай не вырастет, сейте! — махнул рукой доведенный до отчаяния колхозный вожак.

И посеяли. И не выросло. И повторилось все, что происходило в разных вариантах на наших глазах в течение многих лет. И не подумайте, что это происходило в одном, в двух колхозах. Сотни, тысячи гектаров пришлось засевать заново, закупать льносемя на стороне. А стоит оно четыреста пятьдесят рублей тонна — шутка сказать! И все свалили на погоду, с которой даже горсть волос не снимешь.

А ведь сколько уже говорилось и писалось по этому поводу: были и статьи и фельетоны, даже книги, даже фильмы. Я вспоминаю кинокартину по книге В. Овечкина: приезжает председатель на «Москвиче» в поле торопить сев, вылезает на полосу и оставляет в грязи свои галоши... Много чего было, и ничто, оказывается, не взято в толк...

...Как с лесом, который вырубают и, не успев вывезти и сплавить заготовленное, оставляют гнить на катищах тысячи кубометров и продолжают рубить еще и еще, иначе зарплаты и премиальных не будет.

...Как с унизительными прочерками вместо имени отца в метрических свидетельствах «незаконнорожденных» детей.

Сколько ни писали — все без толку.

Да что же это такое?

А ведь Земля вертится! Вокруг нее спутники наши летают, космос осваиваем! Жизнь не стоит на месте. ⟨...⟩

Многочисленные «директивные» посевы кукурузы, прихваченные заморозками, конечно, пришлось пустить под пар. Наихудшие опасения председателей колхозов оправдались. И винить некого! Те, кто сочиняет и спускает сверху обязательные директивы, никакой материальной ответственности за причиненные колхозам убытки не несут. А убытки эти порой превосходят все денежные субсидии колхозам, на которые так щедро наше государство, превосходят и выигрыш, полученный от того же повышения заготовительных цен на мясо и другие сельскохозяйственные продукты. И выходит: одной рукой даем, другой отнимаем.

А сколько было за одну прошедшую весну противоречивых команд относительно распашки клеверов!

Ладно ли делаем, дорогие друзья и товарищи? Ладно ли? Может быть, пора уже и остепениться? Ведь из-за этого у людей и руки опускаются. Недоверие оскорбляет и опытных колхозных вожаков, и рядовых колхозников.

Обижаться начинают уже и в райкомах партии, и в новых колхозно-совхозных управлениях.

Нужно было видеть, как обрадовались люди и сердечному письму знаменитой звеньевой из Житомирской области Надежды Григорьевны Заглады — «Дорожите честью хлебороба!», ее словам об умных и неумных командах, ее встревоженности непорядками в ряде наших колхозов. Надежда Григорьевна заставила людей снова задуматься и поверить, что работают они не ради одной отчетности и что только от них самих — непосредственных производителей хлеба — зависит рост урожайности на наших полях.

— Давайте успокоимся и подумаем, товарищи! — сказал один из выступавших на обсуждении письма.— Тут много добрых и умных слов, есть над чем думать. Надежда Григорьевна Заглада и о нас беспокоится...

Казалось бы, что все эти добрые и умные слова дойдут до сердца каждого и в сельском хозяйстве области наступят лучшие времена...

Но вот наступила северная осень, трудная пора для деревни, осложненная в этом году несуразной погодой, и опять посыпались из области директивы одна другой категоричнее.

На восьмое сентября район засеял 12 300 гектаров озимых. Это больше, чем в прошлом году, на 3400 гектаров. Кажется — хорошо, и похвалить людей можно! Время уже позднее, начались заморозки, по целым дням льют беспрерывные дожди. Мужики (так называют здесь председателей колхозов) один за другим заявляют, что продолжать сеять дальше неразумно: нецелесообразно, рискованно. На больших площадях вместо озими торчат пока только жалкие желтые иголочки, их уже прихватывает инеем. И успеют ли взойти дополнительные посевы — неизвестно.

Но нет, область обязывает во что бы то ни стало довести посев до 14 000 гектаров. Почему именно до четырнадцати тысяч? Потому, что так было запланировано заранее.

Но обстановка уже изменилась! А сельское хозяйство требует к себе сугубо творческого отношения!

Нет, все-таки поступают телеграммы: «Вашему району установлено задание на вторую пятидневку сентября посевы озимых на зерно и зеленый корм в количестве 1700 га тчк обязываем принять исчерпывающие меры по выполнению этого задания».

Значит, опять сеять в воду, под заморозок, а весной все заново распахивать и пересевать? Опять убытки и опять спросить будет не с кого, и бог будет ни при чем? Ладно ли это?

Недавние решения нашей партии по сельскому хозяйству разбередили умы, и люди стали высказывать свои личные соображения — ка́к, каким образом с наименьшими затратами сил и времени устранить неполадки, доставшиеся нам от культовой поры. «Мало ли людей вынужденно шли тогда против собственной совести!» — пишет и Н. Г. Заглада. На работе и на отдыхе, на собраниях и при случайных встречах, за праздничными и за свадебными столами все разговоры об одном — как лучше вести дело.

А последствия и пережитки культа оказались живучими. Выяснилось, например, что мало одних деклараций о развязывании творческой инициативы колхозников. Уже сами колхозники привыкли ждать команды по всякому поводу (об этом говорит и Заглада), да и руководители некоторые все еще считают, что инициатива и своеволие чуть ли не одно и то же. Захочет какой-нибудь энергичный председатель строить свое хозяйство, сообразуясь с экономической выгодой и со всякими местными, ему одному известными, почвенными и климатическими условиями, а его начинают пугать «интересами государства», да «государственной плановой дисциплиной» да еще обвинят, того гляди, в непризнании партийного руководства.

Как будто у государства могут быть другие интересы, кроме того, чтобы каждый колхоз разбогател, и как можно скорей.

В колхозе «Восход» — старый, опытный и всеми уважаемый председатель из москвичей, Алексеев Владимир Сергеевич. Он попросил разрешения предоставить только одной из его многочисленных бригад (в колхозе 36 деревень) полную самостоятельность в планировании севооборота и выборе культур. Он ручался, что эта бригада за короткое время покажет чудеса. Немало сторонников было у этой идеи. Но противники ее, из боязни анархии, восторжествовали.

Конечно, не все и не всегда личные соображения колхозников верны, но раз уж люди начали думать и высказываться, их надо слушать и не кричать на них. Тогда и дело пойдет, и совесть хлеборобская проснется.

Надежда Григорьевна Заглада пишет, что «без труда, без совести нынче не проживешь, не возьмешь таких темпов, какие запланированы партией». Это замечательно сказано! Вместе с тем она считает, что надо «не только с человека требовать, но и заботиться о нем». И это до всех доходит.

Непосредственные производители хлеба обижаются, что слишком много развелось у них разных иждивенцев, надсмотрщиков, что на каждую работающую в поле старуху зачастую приходится по два, по три приказчика. (Конечно, тут неизбежны и преувеличения!) На собраниях уполномоченных зачастую собираются теперь люди, которые сами на земле не работают, хотя они решают дела колхоза, они голосуют. А руководители колхозов сетуют на обилие разного рода уполномоченных и указчиков, которые играют в колхозах примерно ту же роль, что толкачи в промышленности. Их так и зовут толкачами. К ним кое-где так уже привыкли, что без команды толкачей ни одно дело с места не двигается.

А вот председатель колхоза «Родина» Берсенев Владимир Николаевич считает, что причины всех бед кроются в том, что народ в последние годы «распустили», что надо «гайки закручивать».

Можно подумать, что он говорит это в шутку. Владимир Николаевич — очень энергичный человек и, конечно, хочет добра людям, он всегда на народе и сам покоя не знает. Его мотоцикл носится по полям, по проселкам, из деревни в деревню с утра до ночи. И к совести колхозников он так же взывает постоянно. Но, к сожалению, его разговор с народом часто похож больше на брань: «Совесть у вас собаки съели, бессовестные вы!» Даже в выступлениях по колхозному радио усовещевания председателя переходят порой в самую заурядную грубость с употреблением кличек-прозвищ, и это приводит к нежелательным результатам.

Берсенев осуждает председателя соседнего колхоза Воронина Николая Михайловича, который еще зимой пообещал своим колхозникам дать один выходной день на заготовку кормов для личных коров и сдержал слово, несмотря на противодействие районного аппарата. Речь идет, как видите, даже не о грибах и ягодах, о которых пишет Н. Г. Заглада. Воронин же считает, что его колхоз от этого только выиграл: люди после работали с еще бо́льшим рвением на артельных сенокосах, и колхозное стадо ныне обеспечено кормами лучше, чем в прошлые

годы. Главное же — колхозники стали больше верить своему председателю, поверили и в то, что он заботится не только о колхозном стаде, но и о них самих, о людях. Прекращается обоюдный обман, самовольное сенокошение.

Об этом тоже нельзя не задуматься. Когда разных запретов слишком много, люди начинают хитрить, а то и уходить из колхоза.

Хорошо, если дела в колхозе идут споро и для содержания личных коров хватает процентного сена, получаемого с общественного сенокоса. А если этих процентов хватает не для всех?

Людям говорят: для своих коров будем косить, когда выполним колхозный план по заготовкам кормов. А если этот план не выполняется из года в год и много сенокосных угодий нескошенными уходят под снег? Появляется взаимная озлобленность: руководители во всем винят нерадивых колхозников, а колхозники обижаются на руководителей. Коров в личном пользовании иметь можно, часть молока от них идет даже государству, а косить для этих коров нигде нельзя в течение всего лета. В результате ни общественное стадо, ни личные коровы полностью кормами не обеспечиваются.

Начинается воровство. Я ходил по окрестным лесам и запольям и повсюду видел упрятанные под елками, в овражках замаскированные стожки сена. Охапками, вязанками собирают его в укромные места и на восходе и на закате солнца, а то и ночами — каждая семья для своей коровы-кормилицы. Косят на заполосках, на лесных опушках, на заброшенных дербах.

Правление колхоза в порядке «завинчивания гаек» организует розыски этих стожков, их либо вывозят на колхозное гумно, либо — и такие случаи бывали! — сжигают на месте. Проводят такие розыски бригады. А они-то отлично знают заранее, где и чье сено нагребено и припрятано. И тут открываются широкие возможности для всякого рода злоупотреблений. Обнаруживаются и конфискуются далеко не все стожки, нередко у бригадира оказываются в деревне люди «свои» и «не свои». Про уцелевшие стожки тоже говорят, что их «без бутылки не вывезешь».

С обыском ходят и по дворам, и по поветям. Взаимная озлобленность растет еще больше. Сами-то бригадиры, вернее — жены их, тоже заготовляют сено для своих коров, им также не хватает процентов. Лишь коровы пред-

седателей всегда обеспечены сеном полностью, потому что он имеет законное право брать его в колхозе по государственной заготовительной цене столько, сколько требуется.

И люди начинают изощряться в добывании кормов. Поздней осенью, когда озера сковывает лед, начинается сенокос на озерах: скашивается и убирается вся осока, торчащая поверх тонкого ледяного покрова. Но какая уж калорийность у такого сена!

А нынешним летом я наблюдал совсем невероятное: на ручном тереблении льна колхозницы выпрашивали у бригадира наиболее засоренные участки. Не лен, не заработок на этих участках привлекал их, а колючие заросли сорняков, которые они потом скашивали и волокли домой — это не запрещалось.

Не является ли чрезмерное количество запретов, а в особенности система штрафов, укоренившаяся в колхозах (штрафуют либо списывают по три трудодня даже за неявку на собрания!),— не является ли это остатками административного усердия культового периода? Я неоднократно убеждался, что штрафы и разные запреты не лучшая форма работы с людьми и в наше время.

В колхозе, где председатель считает «завинчивание гаек» главным средством от всех бед, нынешним летом только из одной бригады ушло «на города» более десяти трудоспособных. Вместо коров колхозники начинают обзаводиться козами.

— Враги колхозного строя бредут! — говорит Владимир Николаевич Берсенев, кивнув из окна на белое, надрывно блеющее стадо.— Выродки!

Коза — животное не поганое, хотя в этих местах крестьяне издавна относились к ней пренебрежительно, с брезгливостью. Ее, так же, как лошадь и корову, человек приручил и вырастил для себя, но от козы семья не получает нужного количества молока, да и в государственные бидоны его не попадает ни капли. Зато козу легче прокормить, как известно, она жрет даже афиши и газеты.

В соседнем колхозе, где председателем Н. М. Воронин, где меньше обижают людей, меньше на них кричат, а больше выслушивают, идет обратный процесс: рабочая сила пополняется за счет так называемых «репатриантов», возвращенцев из городов.

Возникает новая проблема: ненужно разрастаются районные города и поселки.

В районном городке Никольске, например, нет никаких промышленных объектов, если не считать таких, как маслозавод, кирпичный завод, где занято несколько десятков человек, а городок ширится из года в год с невероятной быстротой. По утрам улицы его также запружены козами. Окраины уже слились с ближними деревнями и поглощают их, тем более что городские дома — те же деревенские избы, перевезенные из разных концов района. За один 1961 год в районе самоликвидировалось 1005 колхозных дворов, из недавних тринадцати тысяч хозяйств осталось только восемь тысяч.

Не все, покинувшие деревню, едут на целину и в Череповец, многие оседают в собственном райцентре. Зачем, что они там делают, чем занимаются? Любопытно, что почти все становятся «служащими», все что-то делают или где-то числятся «на постах».

Н. С. Першаков, начальник В. Устюгского производственного управления, не может говорить о росте непромышленных районных городков иначе как о бедствии и мечтает о переселении всех новоявленных горожан-мещан в обратном направлении — в деревню. Но разве такое может решить один человек, даже депутат Верховного Совета республики, каким является Першаков, и разве одна простая команда что-нибудь может изменить?

И над этим следует задуматься. Задуматься и поступать так, как подсказывают совесть и разум.

Партия подбирала председателей колхозов долго и упорно. Многие отсеялись. Кого-то еще заменит сама жизнь. Но тем, которые уже вынесли на плечах огромные испытания и выстояли, тем надо доверять в полной мере. Им доверяют колхозники.

18 сентября 1962

О МОИХ КОРНЯХ

Наверно, на всей земле нет человека, который бы никогда не летал во сне.

Я за свою жизнь летал во сне часто и подолгу и каждый раз при этом чувствовал себя всемогущим. Стоит раскинуть руки — и отрываешься от земли, паришь над крышами, над лесами, над увалами. Стоит пожелать — и все самое необходимое сбывается: к людям приходит

счастье и достаток, и самого тебя начинают любить, потому что ты сильный и добрый.

Конечно, во сне пишутся и лучшие книги, такие, которые способны влиять на судьбы людей.

Хорошо все-таки быть сильным и добрым — всемогущим!

Говорят, что с годами человек перестает видеть сны, в которых он летает. Не дай бог мне дожить до такой поры!

Я все еще летаю, хотя в марте этого года мне исполнилось уже пятьдесят лет. Летаю и все еще мечтаю, что смогу сделать что-то очень хорошее. Мечтаю даже больше, чем раньше, особенно теперь, когда всерьез взялся наконец за прозу.

Перевалила жизнь за половину,
А я все думаю, что горы сдвину...

«Горы сдвинуть», конечно, никому из писателей не дано, но послужить «правде-матке» хочется. Тем более, что теперь атмосфера в нашей Советской стране после XX и XXII съездов партии располагает к серьезной и плодотворной творческой работе.

До последнего времени я печатал в основном стихи и поэмы. Из тридцати с лишним поэтических сборников лучшей считаю книгу стихов «Совесть», вышедшую в 1961 году. Это плод моего запоздалого «переходного возраста», она выстрадана, а не сочинена.

Прозаический дебют свой отношу к 1956 году, когда был опубликован рассказ «Рычаги». После этого я долго ничего не печатал, хотя писать продолжал, и в 1962 году у меня вышло сразу три вещи: «Сирота», «Две берлоги» и «Вологодская свадьба».

Если в дальнейшем все пойдет так, как задумано и как хочется, то в текущем году напечатаю еще две-три из имеющихся у меня повестей и пьесу «Переходный возраст». Готовлю также новую книгу стихов.

Писать много о себе не хочется. Верю, что у меня еще «все впереди». Но для новых моих читателей, вероятно, не будут лишними несколько слов о том жизненном материале, которым я располагаю.

Я родился и вырос в северных лесах, среди охотников и звероловов. Бездорожный край наш труден для жизни, но полон поэтического своеобразия и дремучей старины с ее былинами, сказками и бывальщинками. В Вологодской и Архангельской областях — что ни район,

то свой особый говорок: мы окаем, цокаем и чокаем. Новое и старое, самобытное, как бы сплелось у нас в затейливые кружевные узоры. Рядом с колхозными электростанциями стоят еще деревянные шатровые церкви, а в Тарногском районе женщины и по сей день носят расшитые бисером кокошники и встречным вместо приветствия молчаливо отвешивают низкие поклоны, касаясь земли рукой. Многие из моих земляков не видели железной дороги, но зато летают на самолетах.

Я с детства приобщился к тяжелому и радостному крестьянскому труду — умею пахать плугом, косить косой, метать стога, жать серпом, плести лапти и даже прясть лен с веретеном и ткать пестрядь на самодельном стане. В 1954 году на целинных землях Алтая, чтобы лучше сблизиться с молодыми хлеборобами, я окончил вместе с ними курсы трактористов и сейчас могу работать и на тракторе.

Жизненный путь мой не прост. Я с детства знал, что буду поэтом, но вначале работал избачом, учителем, газетчиком, затем, по окончании Московского Литературного института, прошел всю войну с моряками, а сельский материал мне как писателю все-таки роднее и ближе всего.

Страну свою я исколесил вдоль и поперек и знаю не только северную деревню, но писать хочется больше о тех местах, где я вырос, о своей заблудившейся в лесах деревне Блуднове, в которой и поныне живут мои неграмотные мать и сестра, мои «родичи и дядичи».

Конечно, землякам моим нелегко, много еще на Вологодчине дикости и прочих темных пятен, но я люблю свою сельщину такой, какова она есть, и большую часть года провожу не в Москве, а в родных никольских и велико-устюжских суземах. Бывает, что друзья тянутся на благодатные южные пляжи, в разные заморские страны, а я хоть и мечтаю о заграничных путешествиях, но оказываюсь неизменно в Вологодской области. Там все мои корни, все мои начала, там моя литературная судьба, мои герои.

И сейчас, когда мне и радостно и немного завидно, что они, герои моей повести «Сирота», отправляются в первую заграничную поездку, сам я снова собираюсь в свою деревню Блудново.

10 января 1963

1. Понимаю, что литературный процесс расчленять рискованно, и все-таки решаюсь сказать, что для писателя важнее всяких языковых проблем умение войти в атмосферу правды жизни, почувствовать ее в самом начале каждой новой работы.

Об этом особенно должны заботиться те, кто уже немолод и в свое время добросовестно служил ложным литературным схемам. Никогда не следует недооценивать вредоносности этого нашего заплечного груза. Избавляться от него нелегко.

Атмосфера правды жизни, готовность бесстрашно следовать велениям собственной совести — начало всех начал в нашем деле. Все остальное — производное.

Уместно привести к этому случаю слова Сент-Экзюпери: «прежде чем писать, нужно жить». И еще: «нужно учиться не писать, а видеть».

Более или менее опытному и неленивому беллетристу не так трудно создать для себя (только ли для себя?) условный мир героев, видимость жизненной правды, условный правдивый язык и с успехом служить всю жизнь этому условному миру.

Между прочим, не только некоторые из нас, литераторов, но и определенные слои читателей настолько отвыкли в свое время от подлинно художественного, честного взгляда на объективный мир, что и поныне пугаются самого безобидного правдивого слова о жизни и, суеверно открещиваясь: «Чур меня, чур меня!» — с ходу подписывают подсунутые им разными служивыми доброхотами изготовляемые по стандарту «коллективные» читательские письма.

Мне думается, что настоящая писательская страсть исключает равнодушное отношение к жизни, она безрассудно смела и до конца непримирима ко всякого рода болоту, бесстыдству, демагогическому беззаконию.

В каком же виде и когда возникает перед писателем проблема языка: «сама собой», в процессе творчества,— или как совершенно самостоятельная забота?

Желание писать всегда идет от душевной полноты, от желания что-то рассказать людям, по поводу чего-то высказаться, с кем-то поспорить, в чем-то кого-то убедить. Если все это за душой есть, то остальное формируется, можно сказать, «само собой», в силу и в меру врожденных способностей и благоприобретенных данных.

Проблема художественной выразительности, собственно, возникает при любом разговоре, поскольку вы — рассказчик и вам необходимо в чем-то убедить своего собеседника, передать ему свое волнение,— при этом вы, конечно же, прикидываете, как вернее это сделать.

В какой мере рассказчик или спорщик — осознанно или неосознанно — решает, что поможет ему расшевелить, убедить своих собеседников, в такой же мере, вероятно, и писателю присуще сознательное отношение к отбору художественных средств в работе над произведением.

А перемены во взгляде на эти проблемы, в понимании их и есть творческая учеба. Не было бы перемен — не было бы и учебы, роста.

2. Прежде всего опять никакой нарочитости. «Система словесного искусства» вне конкретного произведения не существует, ее нельзя выдумывать, создавать искусственно. Я за естественность. Образный язык писателя есть отражение строя его мышления. Любое насилие над собой, над своим творческим материалом становится сразу заметным и тягостным, как насилие над самой жизнью, над жизненной правдой.

Вспоминаю, как Николай Николаевич Асеев однажды сказал о «словесном искусстве» известного современного прозаика: «Пишет правой рукой через левое ухо».

Нельзя заранее обязать себя писать «густо» — метафорически или в манере «нагой простоты», «нагим» языком «Повестей Белкина» или так, как Андрей Платонов, Леонид Леонов. Хочется писать так, как хочется, как убедительнее, писать, чтобы убедить. А когда на душе голым-голо, рассказывать не о чем — ни образная густота, ни «нагая простота» не спасут.

Юрий Казаков пишет «густо», потому что видит густо. В живописности его рассказов, в «густом», метафорическом богатстве их нет никакой нарочитости, манерности, заданности. Густо, но просто.

Если же земля не удобрена, сколь ни обрабатывай пахоту, какими хитроумными боронами ни боронуй, урожая это не прибавит. А еще бессмысленнее ухищрения механизации, коли и засеять-то поле нечем. Метафоричность во что бы то ни стало идет от слабости художника. В этом случае и метафоричность становится надуманной. Так же как в поэзии: ставка на изощренность рифмы никогда не вывозит эпигона и звонаря.

Что же касается долговечности языковых традиций в русской литературе, думаю, что и сегодня наиболее живой

и современной является та, которая питается соками живого, разговорного языка. И так будет всегда.

Ужасен литературный язык без национального колорита, этакий общеевропейский, вполне грамотный, но вроде эсперанто. У нас появились даже поэты, и довольно популярные, с таким среднеевропейским, переводческим языком, поэты-роботы.

3. Конечно, банально говорить об этом, но я не могу писать, пока не увижу и не услышу своих героев. Легче работается и вероятности удачи больше, когда берешь как основу для своих персонажей людей из жизни, живых и знакомых, которых чувствуешь и понимаешь. А если не видишь героя в воображении своем и не слышишь его, тогда и получается, что язык одного сливается с языком другого, а речь обоих не отличается от языка автора.

4. Взаимовлияние прозы и поэзии и, добавлю, критики и прозы в последние годы у нас нередко выражается самым прямым образом: поэты и критики берутся за прозу. Но я не думаю, что «проза поэта» — это обязательно плод работы тех, кто раньше сочинял стихи. Тем более трудно ожидать поэтической прозы от критиков. Писать прозу не менее трудно, чем писать стихи. Слабое литературное дарование скорее разоблачает себя в прозе, чем, скажем, в поэзии: там «нагую простоту» рифмой не прикроешь, нарочитой прозаизацией языка — тоже.

Прозаизмы в поэзии как стилистический прием признаю лишь в меру. Меру должен устанавливать вкус. Сознательная прозаизация в работе отдельных современных поэтов идет опять же от манерности, а не от подлинного, глубинного искусства. Эти фиговые листки недолговечны.

1967

ЗА НОВОГОДНИМ СТОЛОМ

Земля моя любимая, вологодская!

Люди добрые, многотерпеливые, воины верные, трудолюбы извечные!

Говорок родной, окающий, милый сердцу моему!

Сосны красностволые, не гнущиеся ни перед какой бедой, березы — утешение души человеческой, заповедные вязы на Темном мысу, забывчивый Липин Бор, Угор Бобришный — горе и радость мое!

Бедные наши медведи и зайцы, жаждущие, как все живое, доброты людской и ласки!

Мир вам всем! Мира и счастья желаю вам в новом году, бодрости и радостей, любви и согласия! Новой славы и новых свершений! Бог на помощь вам, труд на пользу! Да процветает земля, породившая и вырастившая нас, а мы — ее надежные и верные сыны навеки!

И я — ваш поэт. Я ныне живу со счастливым ощущением в душе, что в каждом городе на вологодской земле, в каждой деревне, в каждом лесном поселке есть у меня близкие люди, родственники, хоть один, да есть. А вологодские литераторы, молодые талантливые прозаики и поэты — мои родные братья. Пусть им дружно живется и хорошо пишется в новом году!

Но есть у меня еще один человек, самый дорогой мне, в лесной, заблудившейся, далекой даже от Вологды деревне Блуднове, моя родимая мама, Евдокия Григорьевна, старенькая, так и оставшаяся неграмотной, много страдавшая, как все старые русские крестьянки, потерявшая половину своих дочерей и всех сыновей своих, кроме меня, самоотверженная и незлобивая, как все матери,— и ей сегодня мой особый земной поклон. Пусть праздник посетит и ее душу, пусть хоть сегодня высохнут ее материнские слезы.

С Новым годом, мама моя родимая, живи дольше и будь счастлива, насколько сможешь! За твое здоровье!

За ваше здоровье, матери и отцы и дети наши! С Новым годом!..

1 января 1968

ВМЕСТО ОТВЕТА НА АНКЕТУ О НАРОДНОСТИ ПОЭЗИИ, О НАЦИОНАЛЬНЫХ И КЛАССИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ ЕЕ

Дорогие друзья!

Завтра мне предстоит операция. Насколько я понимаю — трудная. Делать ее будет «сам Блохин», директор института, в котором я сейчас нахожусь, академик. Конечно, я рассчитываю жить и работать вместе с вами еще долго, но это не исключает особой обостренности сегодняшних моих чувств и мыслей о нашем общем деле. что, возможно, скажется и на ответе, потому прошу заранее извинить за всякие перехлесты.

Так вот насчет народности и традиции в поэзии. Оглядываясь назад, я думаю о том, что мы неправомерно много

тратим времени на ненужные хлопоты (на всяческие якобы теоретические изыскания и разговоры о сущности поэзии, путях ее развития, о традициях и народности), когда нужно просто писать. Писать, у кого пишется. Писать, пока пишется. Писать, пока хочется, пока тянет к столу. Писать и писать, а там... видно будет, что чего стоит, кто чего сможет достичь. Разные же теоретические сочинения и выкладки пускай берет на себя кто-то другой, из тех, кто, вероятно, умнее нас. А дело художника — сидеть и трудом своим, постоянной творческой напряженностью, сосредоточенностью и прилежанием расплачиваться за великое счастье жить на земле.

Много времени и сил тратим мы еще на разные удовольствия, на чепуху, между тем как истинное удовольствие писатель может найти только в работе, за столом, за бумагой.

Трудно представить себе что-либо более печальное, чем подведение жизненных итогов человеком, который вдруг осознает, что он не сделал и сотой, и тысячной доли из того, что ему было положено сделать. Думать об этом необходимо с первых шагов литературной жизни. К сожалению, понимание этого к большинству из нашего брата приходит слишком поздно, когда уже разболтанность, тяга к разного рода утехам, к «клубному шмыганию» берет верх над трудолюбием, над творческой страстью.

Любой трудолюбивый в литературе человек даже с небольшими сравнительно способностями может достичь очень многого, и в конце пути ему не будет стыдно оглядываться на пройденное. «Работа ума прибавляет!» — говорится в народе. Писать надо, друзья мои! Писать о том, о чем хочется и как хочется, и только так писать, как можно полнее. Высказывать себя, свое представление о жизни, свое понимание ее, и, конечно, как можно правдивее,— правдивее настолько, насколько позволяют собственный характер и уважение к своему человеческому достоинству. Лишь в этом случае можно быть счастливым и достичь в литературе чего-то своего, не изменив ее великим традициям. Только такая работа будет и партийной и народной. Впрочем, о том, что из нашей работы станет «народным», что нет, пусть скажут другие, пусть время скажет. А оно обычно не спешит с оценками, не то что мы сами. А «теоретизирование» на эту тему — не наше дело, не стоит на него тратить время и силы.

24 апреля 1968

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ПОЭЗИЯ И ЖИЗНЬ

(Речь на Втором Всесоюзном съезде советских писателей)

Первый Всесоюзный съезд советских писателей прошел под знаком консолидации всех творческих сил страны, поддержавших платформу Советской власти.

Главным содержанием и смыслом работы Второго съезда, мне думается, должны стать утверждение полного торжества метода социалистического реализма, борьба за устранение причин, мешающих всестороннему и правдивому показу жизни и деятельности советских людей.

В приветствии Центрального Комитета партии Второму Всесоюзному съезду советских писателей сказано, что «отступления от принципов социалистического реализма наносят ущерб развитию советской литературы» и что «на развитие нашей литературы отрицательно повлияли проявившиеся в ряде произведений тенденции к некоторому приукрашиванию действительности, к замалчиванию противоречий развития и трудностей роста».

Отступление от принципов социалистического реализма происходило по разным линиям и порождалось разными причинами. Мы все сошлись на том, что в годы Великой Отечественной войны советская поэзия, как и вся литература в целом, оказалась на высоте своих задач. Жизнь народа этих лет показывалась широким планом. Мы все тогда, в той или иной степени, испытали счастье взаимного доверия и полного творческого единения с читателем. По окончании войны народ наш с огромным напряжением всех сил взялся за восстановление разрушенного войной хозяйства, жил трудно, терпел всевозможные лишения, а в поэзии затянулась атмосфера ликования после победы. Мы в значительной степени оказались не подготовленными к новым испытаниям. Давно уже было пора переключить поэзию на обслуживание борьбы народа

за лучшие условия жизни, воевать за них вместе с народом, а мы сглаживали противоречия и жизненные конфликты и часто подменяли изображение подлинной жизни и борьбы схоластическими представлениями о том, какою она должна быть, отрывали мечту от действительности.

Мы сочиняли слова о завтрашнем дне и слабо, плохо воевали за сегодняшний день, выдумывали всевозможные ситуации о том, например, как будет распределяться бесплатный хлеб в хрустящих пакетах, и не сражались по-настоящему за изобилие хлеба сегодня.

Разрыв, наметившийся между поэтическим изображением жизни и ее подлинностью, особенно был заметен в большом количестве наших стихов и поэм о деревне. Разными путями создавалась та атмосфера лакировки и хвастовства, которая снижала партийную действительность нашей прозы и поэзии. Шло это и по линии критики, и по линии журналов, и издательств, и газет. Во многом виноваты и мы сами, писатели.

Был такой случай. Несколько лет тому назад т. Фадеев на писательском собрании рассказал о том, как в одной приволжской сельскохозяйственной артели колхозники отказались от мешавших им приусадебных участков и просили разрешения сдать всех собственных коров на МТФ, потому что общественное хозяйство колхоза уже полностью обеспечивало их всеми необходимыми продуктами питания. Руководители района и области якобы испугались, что это будет нарушением устава сельскохозяйственной артели.

Все это было, все правильно, и хорошо, что Александр Александрович нам рассказал об этом, но почему он, наш руководитель, к словам которого мы внимательно прислушиваемся и ориентируемся на него, не счел тогда возможным и нужным поведать и о том, что вокруг богатого колхоза были колхозы с запущенным общественным хозяйством, которых он не мог не видеть? Почему не мобилизовал наше внимание и энергию и на то, чтобы глубже понять причины отставания других колхозов, вмешаться и своевременно сигнализировать о появлении новых конфликтов и противоречий в жизни советской деревни? Почему для этого нам нужно было ждать специальных решений по сельскому хозяйству пленумов ЦК партии?!

Изображая единичное как массовое, утвердившееся уже повсюду, мы начали приукрашивать жизнь деревни

и тем самым обедняли, принижали духовный мир и стойкость советских людей. В стихах появились риторика, одноплановость, оптимизм во что бы то ни стало.

Это было первым отступлением нашим от принципов социалистического реализма. Здесь наметилось начало того охлаждения читателя к стихам, о котором мы так много писали и говорили в последнее время.

Постепенно живые люди стали заменяться в стихах манекенами, машинами, станками. И часто уже не интерес к тому или иному человеческому характеру определял выбор героев для литературного произведения, а прежде всего их производственная специальность. Соответственно и читатели наши стали понимать стихи слишком прямолинейно. Появилось страшное слово «не отобразили». Каждый стал требовать от писателей «отображения» людей своей специальности.

Во многих поэмах последних лет поступки героев определялись не естественным развитием их характеров и сюжетных событий, а ходульной, заранее намеченной автором схемой произведения. Интерес к человеку как к главному объекту художественного творчества стал ослабевать.

В живописи в эти годы появилась масса невыразительных, фотографических портретов, на которых больше всего выписывались ордена и медали. Человек сам по себе, без орденов и медалей, не вдохновлял художника.

Проторенными дорогами от одной машины к другой, от станка к станку, стало ходить бойкое перо приспособленцев. Их меньше всего интересовали люди.

В Белоглазовском районе Алтайского края была в свое время у секретаря райкома партии ездовая лошадь. За многие годы своей райкомовской службы она усвоила неизменный путь от одного полевого стана к другому. Стоило выехать в поле, она сама поворачивала к первой завидевшейся вдали машине. Увидит трактор — сворачивает к трактору, увидит сеялку — к сеялке, простую телегу — к телеге. Даже править ею не надо. И не важно было для нее, что у телеги может не оказаться ни одного человека. О такой лошади говорят — умная лошадь. Но для писателя мало одних условных рефлексов.

Нельзя сказать, что мы все поголовно не видели сложностей в жизни послевоенной колхозной деревни. Но мы бежали от них. Не случайно, что и в творческие командировки из Москвы мы старались ездить в отдаленные южные колхозы страны — на Кубань, на Украину,

в другие союзные республики,— потому что больше всего недоделок и запущенности было в колхозах северных и центральных областей России.

В 1951 году на моей родине, в Вологодской области, был неурожай. В отдельных колхозах и районах хлебов почти не собрали. А местные перестраховщики начали отдавать под суд председателей колхозов за невыполнение хлебозаготовок.

Я был в это время в своем родном колхозе и видел, что сложившаяся в результате стихийного бедствия обстановка требовала совсем других мер. И я до сих пор чувствую себя виноватым перед партией, перед своими земляками, что не проявил достаточного гражданского мужества и не сделал сразу всего необходимого, чтобы добиться исправления явно ненормального положения. Оно было исправлено партией без моего, писательского участия.

У меня, видимо, не хватало внутренней убежденности, что в наших советских условиях все, что в той или иной мере мешает людям жить счастливо и работать спокойно, все, что не соответствует нашим понятиям о справедливости, ничем не может быть оправдано.

А такая внутренняя убежденность должна быть у нас в крови, ибо интересы народа есть интересы Коммунистической партии, а значит, и наши писательские интересы.

С позиций советского человека, а не с позиций обывателя и ворчуна, мы можем и должны писать и говорить обо всем, что встречаем в жизни неверного, ошибочного, и мы никогда не ошибемся. Мало поклясться в верности принципам социалистического реализма, надо драться за их торжество и в литературе, и в самой жизни.

Другой пример. Проведенное укрупнение колхозов дало огромный экономический эффект, создало условия для наиболее полного использования могучей сельскохозяйственной техники и всех резервов и возможностей, заложенных внутри колхозной системы. В этом я убедился сам еще раз летом текущего года на Алтае. Но я до сих пор не убежден, что укрупнение колхозов, проведенное одновременно и в лесных районах севера, продиктовано хозяйственной целесообразностью и не преждевременно. Мелкие поля колхозов, отстоящих одно от другого на пять, восемь и больше километров и разделенных лесными массивами, пока никак не могут быть слиты. Колхозные бригады в отдельные сезоны просто не общаются

друг с другом из-за отсутствия дорог. Создались дополнительные трудности, а использование техники не улучшилось.

Я высказал свои соображения министру сельского хозяйства СССР на встрече с ним актива «Литературной газеты». Товарищ Бенедиктов ответил, что если будет доказано, что укрупнение колхозов в лесных районах Вологодской области проведено по шаблону, без должного хозяйственного расчета, то кое-где это мероприятие можно будет пересмотреть. Я не считаю такой ответ министра серьезным.

Кем будет доказано? Когда, кто это сделает?

Но, как советский писатель, я сам считаю себя виноватым, что до сих пор не смог поставить этот вопрос серьезно и с необходимой обстоятельностью. А ставить такие вопросы мы обязаны.

Мы больше сделали бы для партии, для народа, если бы глубже чувствовали свою ответственность за все стороны жизни в стране и ни при каких обстоятельствах не прятали голову под крыло. ⟨...⟩

И поэтому мы все были особенно благодарны писателям Валентину Овечкину, Владимиру Тендрякову, Сергею Антонову, Анатолию Калинину, которые первые начали искупать нашу общую вину перед народом и партией, найдя путь для честного, прямого и страстного разговора о новых противоречиях и контрастах в колхозной деревне.

Лакировка вместо критики и самокритики и бездумное бахвальство сдерживают развитие нашей могучей литературы, ослабляют ее воздействие на жизнь и людей.

У нас появился даже так называемый свой «внутренний редактор», сбивавший с толку писателя, появились всевозможные перестраховщики, которые готовы были устанавливать точные схемы для каждого стихотворения. Сами конфликты сплошь и рядом становились схематичными, надуманными и создавались по указке «внутреннего редактора».

Надо раз навсегда освободиться от этих указок. Только жизнь народа, его борьба могут диктовать социалистическому искусству свои законы. А борьба не признает никаких схем, никаких шпаргалок. Советский писатель должен больше доверять себе и своему читателю. Этого доверия надо требовать от всех, имеющих отношение к советскому искусству.

Мне вспоминается характерный случай, когда летом 1954 года в одной МТС Алтайского края готовили бригадира тракторной бригады, уже немолодого человека, для ответственной поездки на совещание передовиков сельского хозяйства Сибири. Дирекция МТС решила заранее строго определить и рассчитать каждый шаг своего представителя. Его наставляли: что говорить, что делать, как отвечать на вопросы. Пытались предусмотреть все его поведение, весь распорядок его жизни в Новосибирске. Конечно, для него написали и перепечатали на машинке речь, которую он должен был произнести, и заставили его заучить эту речь наизусть, чтобы он не вздумал сказать ни одного слова от себя. Наконец, в последнюю минуту перед отъездом директор МТС вручил бригадиру костюм со своего плеча и заставил надеть рубашку с галстуком. Бригадир молчал и делал все, что от него требовали.

Но, покинув контору МТС, бригадир, как об этом после рассказывали, сбросил с себя директорский пиджак и непривычную рубашку с галстуком, надел украинскую вышитую сорочку, а шпаргалку порвал с ожесточением.

«Неужели я не могу сказать своими словами что следует? Командируют, а веры человеку не дают!» — сказал он.

В течение многих лет с подобным же недоверием к человеку мы встречались и в тех случаях, когда дело касалось лирики.

Сейчас некоторые критики стараются свалить все вины за отсутствие богатства и многообразия в советской лирической поэзии на самих поэтов. Поэты якобы «боялись» писать стихи о любви, о ревности, о всей сложности духовной жизни человека. Но кто из нас, поэтов, не испытал на себе угнетающего недоброжелательства по отношению к тем нашим лирическим стихам, которые в какой-то мере не отвечали установившейся оптимистической схеме? Замордовали лирику — и нас же в этом винят.

Разве не факт, что даже из сборников Маяковского все еще выбрасывают его потрясающие по силе трагедийные стихи и поэмы о неразделенной любви и что мы до сих пор не можем добиться, чтобы советский читатель, отредактировавший и отстоявший для себя от всяких ханжей и перестраховщиков богатейшее лирическое наследие Сергея Есенина, получил бы, наконец, его книги?

Из любовной лирики у нас не вызывали ничьих возражений и прославлялись разве только стихи о вечной верности собственной супруге. И чтобы не было никаких

ссор, никаких размолвок и подозрений! Насаждался своеобразный лирический бюрократизм. Не случайно, что в лирической поэзии у нас больше всего распространилось стихов халтурных, приспособленческих, фальшивых, которые сами по себе напоминают пародии. А широко апробированную читателями талантливую книгу лирики Константина Симонова «С тобой и без тебя» старались и поныне стараются всячески опорочить, скомпрометировать под разными предлогами.

К слову, о Симонове. Я не могу не сказать о своем огорчении, что позавчера в интересном и живом выступлении Валентина Овечкина содержались несерьезные и, по-моему, бестактные, продиктованные какими-то мелкими чувствами выпады против этого писателя.

Я не понимаю этих разговоров о «гениальности». Талант Константина Симонова развернулся на наших глазах в большую силу. Я недавно прочитал в издательстве «Советский писатель» в рукописи его новую книгу стихов и смею сказать, что это работа крупного поэта.

В нашей стране ценится труд. Я убежден, что если бы все мы умели трудиться так, как Симонов, советская литература была бы уже неизмеримо богаче и многообразнее, чем сейчас. Похвалы могут навредить только бездельнику, а Симонов живет большой жизнью и труженик, какие встречаются не часто.

О гениальности или негениальности при жизни писателя обычно не говорят, несерьезно это. Но говорят, что гений — это прежде всего труд.

Вообще у нас в Москве в последнее время стало почти модой всячески поносить людей, которые много работают в Союзе писателей, на которых мы сами взвалили этот нелегкий и не всегда благодарный труд. Странное понимание внутрисоюзной демократии!

Несколько слов о стихах в газете. Всем известно, что при нынешних, малых для нашей огромной страны тиражах поэтических книг и при безобразном «распределении» и организации книжной торговли — в отдельных районах вы не найдете стихов любимого поэта. Не хватает там и журналов. Читатели стихов и огромная масса пишущей молодежи довольствуется тем, что попадает в газеты. Совершенно понятно поэтому желание каждого поэта напечатать свои лучшие стихи в газете.

Иногда нас упрекают в том, что мы не хотим работать в газете. Это неправда. Поэты в массе своей хотят

и могут работать в газете. У нас есть для этого и силы и способности.

Но почти во всех наших центральных газетах отношение к стихам стало чисто утилитарным, однобоким. Принято печатать стихи в праздничных номерах как украшение, и лишь в том случае, если для стихотворения окажется местечко где-нибудь на подверстку. Ни о каком многообразии поэзии и популяризации ее тут, конечно, и речи быть не может. Из года в год идут стихи первомайские, новогодние и т. д., причем круг авторов очень узок. Для серьезно работающих поэтов такое отношение газеты к стихам просто оскорбительно.

Я считаю, что творческая практика отдела литературы и искусства нашей «Правды» в течение многих лет не соответствует ее же собственным статьям и теоретическим установкам по вопросам поэзии. Наибольшее количество рифмованных штампов создано именно здесь. Были случаи, когда в «Правде» печатались одно за другим стихи, не только не имеющие ничего общего с поэзией, но просто неграмотные. Долгое время, например, честь печататься в газете «Правда» предоставлялась Борису Филиппову. Можно представить себе, какие образцы для творческой учебы и подражания получала поэтическая молодежь!

А в последнее время литературный отдел «Правды» почти перестал печатать оригинальные русские стихи, ограничиваясь в редких случаях переводами.

Неуважительное на практике отношение некоторых наших главных газет к работе поэтов не способствует росту и развитию поэзии. Дело доходит до того, что даже «Литературная газета» не считает уже зазорным без ведома автора вставлять в его стихи строчки и целые строфы, написанные наспех работниками редколлегии.

Социалистический реализм требует от нас правдивого, исторически конкретного изображения жизни в ее революционном развитии. Для нас, советских писателей, мало «создавать образы» — мы обязаны участвовать в формировании самого нового человека на земле.

Для этого необходимо, чтобы партийное, активное отношение к жизни пронизывало всю нашу работу. Мы должны чувствовать себя журналистами, боевыми соратниками народа во всех его великих и трудных делах. Бюрократизм проник в литературу и даже в наше сознание и поведение. Выжечь его, вытравить, заговорить во весь голос, помогать людям жить лучше, не оглядываться

на перестраховщиков, на «Марью Алексеевну», не фальшивить, не бояться правды во имя торжества единственной великой правды на земле — правды коммунизма!

21 декабря 1954

О НОВОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГЕ

Выступление по радио

Жизнь наша чрезвычайно богата событиями, и поэту все труднее отделаться от ощущения, что живет он с постоянным запозданием.

Вот уже не один год, как я накапливаю стихи для новой лирической книги. Конечно, порой бывает тревожно, что дело подвигается слишком медленно, гораздо медленнее, чем хотелось. Но с возрастом к нам приходит потребность в бóльшей душевной сосредоточенности, в размышлениях и обобщениях, когда для каждого нового стихотворения бывает необходим материал уже многих лет жизни, а не одного-двух дней. Для поэта наступает как бы заново своеобразный переходный возраст со всеми его, так называемыми, проклятыми вопросами...

Писать в это время труднее, но и радостнее.

Острее и глубже становятся чувства, любовь к родной земле, к родному языку, острее ощущение причастности к жизни и делам своего народа и ответственности за все. Хочется быть предельно правдивым, я бы сказал, хочется быть совестливее и искреннее перед самим собой и перед людьми, как на исповеди.

Хочется, чтобы и душа, как и луна, была увидена со всех сторон.

21 ноября 1959

О ПОЛЕТЕ КОСМОНАВТОВ БЕЛЯЕВА И ЛЕОНОВА

Для Московского телевидения

«Вот и наши вологодские мужики полетели!» — сказал я себе, когда узнал с гордостью, что среди новых героев космоса есть коренной вологжанин, мой земляк, Павел Иванович Беляев.

Сердечный земляческий привет Вам, Павел Иванович, и Вашему другу Алексею Архиповичу. Привет и поздравления и восхищение. Спасибо, что прославили Родину нашу, ну и *Вологду-матушку*, нашу семнадцатую республику, как у нас в шутку говорят (Вы, конечно, знаете об этом).

Мне особенно приятно было узнать, что Вы, Павел Иванович, заядлый охотник с детства. Ваш Рослятинский район и мой Никольский — рядом. Лес у нас один, медведи, и зайцы, и лисы общие. В космос я с Вами не прошусь, а вот, может, сговоримся и встретимся как-нибудь на охоте в родных местах. Все-таки лучшей охоты, чем у нас, я не знаю. Да и вообще, вологодская земля, конечно, самая прекрасная на всей планете. Мы-то с Вами хорошо знаем об этом.

Во всяком случае, примите поклон от всех вологодских медведей и глухарей, зайцев и лисиц, тетеревов и рябчиков.

Если вы согласны, да сговоримся — я готов гарантировать, что в следующую зиму подыщем и берлогу медвежью для Вас.

Только приезжайте. Сейчас отсюда до Рослятина, до Вашей деревни Челищево не так далеко, может, чуть-чуть подальше, чем до космоса. Пусть без особого комфорта, но добраться можно. Можете прихватить с собой и кого-нибудь из своих друзей-космонавтов. Ну, конечно, на медвежью охоту надо, чтоб были не из робкого десятка.

Все-таки космос космосом, а охота на медведя — тоже не шуточное дело.

1965

ДНЕВНИКИ

ИЗ ВОЕННЫХ ДНЕВНИКОВ

1941—1942 гг.

22 июня 1941 г. День нападения Германии на Советский Союз.

Буду записывать себя как можно откровеннее — пригодится после для работы.

У нас ночевала Людмила Татьяничева. Видел сон: выпал зуб с раздвоенным корнем. Дуся и Людмила говорят: перед смертью кого-либо; без крови — значит умрет не из кровных родных. Пошли читать конспект по русской литературе. Людмила купила мне трубку за 35 р. Я был возбужден и дурашлив. В магазине Гали решила купить отрез на платье. Я вернулся домой за деньгами и услышал окончание речи Молотова (12 ч. 15 м. дня). В 4 ч. ночи немцы напали по всему Западному фронту, перешли финскую границу. Бомбардировали Житомир, Каунас, Киев, Севастополь и др. города. Я немножко похолодел, как и в день объявления войны с Польшей, но уже меньше.

Занятия не получились. Я позвонил в ССП. Там митинг с 3-х часов. На митинге были с Галей. Хорошо выступали Уткин и Вишневский, В. Бредель (на немецком языке). Многие же — по старому трафарету. Вишневский начал: русские уже дважды были в Берлине, немцы никогда не были в Москве и не будут. Потом я с группой поэтов был у Храпченко — нужны песни. Далее в Союзе композиторов прослушивали музыку песен, к которым нужно дать новые свежие тексты.

В Москве спокойно, только очереди в магазинах сразу. Будто бы быстро все выбрали и разошлись. Очереди в сберкассы. Обидно смотреть. Дома с Галей поговорили. Она уже стала спокойней.

Надо приготовиться ко всему. Я все еще нахожусь под обаянием «Войны и мира» Л. Толстого. Решил быть на войне, все видеть, во всем участвовать. Сейчас будет делаться новая история мира, и тут бояться за свою жизнь стыдно. Надо быть впереди, быть везде, чтоб после,

если останусь жив, не было стыдно и жалко, что в такое время и что-либо упустил. Николай и Петя Ростовы и Пьер Безухов — образцы для меня. Я их вижу как живых.

Жалко, что поэмы опять не кончил, мало после меня останется, если умру. Я очень спокоен. Послезавтра хочу сдать зачет по русской литературе.

Итак, началась война, большая, и именно с Германией, которую мы ждали и знали, что она будет, рано или поздно. Лучше было бы, если бы она началась позднее и мы еще больше окрепли бы.

Москва объявлена на военном и угрожаемом положении. Также и многие другие области и города. Подвалы давно приготовлены. На пл. Дзержинского установлены зенитки. В 11 ч. ночи мы пошли по городу. Он затемнен. Все спокойно, хорошо. Сходили в кино: «Кино-концерт», «Старый двор». Сообщений фронтовых никаких нет. Сейчас 2 ч. ночи.

23 июня. Ночь спокойна. Но радио не выключали, и оно утром мешало спать.

В трамвае разругались две женщины (из-за пустяка). Раньше бы это забавило других или раздражало. Сейчас сказали им спокойно: «Перестаньте же ругаться. Как вам не стыдно!» В Книжной лавке писателей никого нет. Я взял для Людмилы Багрицкого.

Облигации займа 38 г. в сберкассе уже не покупают. На бульваре у Кировских ворот устанавливают зенитки. Милиционеры, дворники, почтальоны ходят с противогазами. 〈...〉

24 июня. В ночь на 24/VI я не спал, читал конспекты по русской литературе. В 3 ч. утра услыхал сирены. Не сразу поверил. Пришел в комнату. Галя и Дуся уже вскочили. *«Воздушная тревога».* Радиосирена неприятна по звуку. Только на одно мгновение оробел — когда вообразил, как бомбы летят на крышу нашего дома. Появилась нервная дрожь. Сначала велено было сидеть всем в комнатах. Сидим. Вот над нами гудят самолеты. Стреляют зенитки, с Наркоминдела застучали пулеметы. Потом послышались взрывы бомб (бомб — как нам казалось) около Кремля. (Это работали зенитки.) Сошли в подвал. Народ спокоен, только одна старенькая куксится. А подвал не готов — ни бомбо-, ни газоубежище.

Галя не пускает меня, а меня тянет на улицу — посмотреть. Одна женщина — сама взвинчена донельзя — предлагает «выбрать комиссию» — собирать детей и не пускать их никуда.

Я пошел к себе в комнату, надел другие брюки, надел пальто — дрожь прошла. Снял одеяла с окон. На улице — носятся машины, работники НКВД. После отбоя (4^{20}) долго еще в стороне к Северному вокзалу рвались бомбы. С Говоровыми выпили вина. После я ходил по городу: Земляной вал, Красные ворота, вокзалы. Нигде никаких следов бомб.

В 11 ч. поехал в институт сдавать зачет Поспелову. И только там уже узнал, что это была учебная воздушная тревога (есть сообщение в газетах). Зачет сдал. Галя сдала последний экзамен. ⟨...⟩ Вечером в связи с окончанием института Галей и Людмилой собрались у нас.

25 июня. Сегодня сведения с фронта даны не в форме «Сводки Гл. командования Кр. Армии», а «Сообщения *Советского информбюро*». Немцы все же пока продвигаются. Сильны, сволочи! Новые приказы: о борьбе с зажигательными авиабомбами, о том, что делать во время воздушной тревоги и др. В комнатах на ночь заполнять водой все баки, ванну, ведра и прочую посуду. На улицах мешки с песком.

Писал стихи, но не доделал.

26 июня. Ночь прошла спокойно. Спали хорошо. Дописал стихотворение «Всем миром». Был в «*Молодой гвардии*» у Светлова. Взял старые стихи обратно. Светлов говорит, что подал в ССП заявку о посылке его на фронт; что написал песню: плохо, но петь будут; что сейчас надо печататься в газетах: «Что будут печатать журналы — мне дела нет». «Всем миром» посоветовал дать в газету, но не в большую. «Пиши ежедневно, плохо — порви, потом будет лучше».

Сдал стих-е в газету «На страже». Там теперь редактором Лихачев. Рутман и Чудковский ушли на фронт.

27 июня. Пишу стих. «Танк» (по рассказу Льговского). Гали мешала, и я разнервничался (клеили из обоев темные занавески на окна). А не время для ссор. Вечером были в Клубе писателей па докладе «Противовоздушная и противохим. оборона в соврем. войне». Интересны сообщения о мужественном поведении лондонцев во время воздушных боев за Лондон. 56 дней непрерывных бомбардировок.

28 июня. И Венгрия вступила с нами в войну. Сейчас уже 4 государства — наши противники: Германия, Финляндия, Румыния, Венгрия.

Утром хотел дописать стихотворение, но срочно вызвали в институт. Ходили в РК ВКП(б): решением ЦК

ВКП(б) проводится мобилизация коммунистов на фронт. Берут пока только бывавших в армии, обученных. У нас взяли Артемова, Семенова (с него сегодня сняли выговор: прибавил на 4 месяца стаж, чтобы поступить в КИЖ), Евдокимова, Хайкина. Я еще не нужен. Ходил с Галей в Оборонную комиссию к Карцеву. Я — в особом списке Наркомвоенморфлота. «Когда будет нужно — позовут»,— говорят мне.

Потом снова сбегал в РК за анкетой. Вечером на партсобрании меня из кандидатов приняли в члены партии. Рекомендовали Щирина, Дубова, Жучков. Принимали хорошо, душевно.

Позднее был на совещании поэтов в «Правде». Фадеев — он сейчас заправляет там литературным отделом — послал за мной курьера. «Надо писать больше, упорнее, конкретнее. В эту войну должны, так же как и в прошлую, выработаться какие-то новые формы агитационной поэзии, поэтического выражения».

В «Правде» Кассиль в фартуке из газеты и Павленко что-то клеят.

29 июня. Увез стихи в «Правду» — «Танк». Кое-что надо изменить. Сидел там, но Фадееву нужно было поехать на вокзал на свидание с братом-бойцом, и мы уехали вместе — Фадеев, Петров и я.

30 июня. Ездили с Бершадским на призывной участок по путевке Бюро пропаганды худ. литературы. Выступление не состоялось. (Как мы неслись, боясь опоздать.) Были в Гослите, на радио, в «Правде». Луконин сидит в «Правде», правит стих-е. Стихи у него плохие.

Потом был у детей. Елена неумолима. Едва успел до 12 приехать домой. *Ночью вторая воздушная тревога.*

1 июля. Вчера образован *Государственный Комитет Обороны.*

2 июля. В институте собрание. Создается народное ополчение из людей, не годных для фронта в нормальных условиях, и истребительные батальоны по уничтожению диверсантов.

Писал стих. «Рассказ колхозницы». Редактор «Краснофлотца» батальонный комиссар Коломейцев сказал: «Пока вас не посылаем, оставайтесь в тылу и работайте на нас». По радио два раза передавали мой «Танк».

3 июля. Утром — в 7 ч.— Сталин выступал по радио. «Над страной нависла серьезная опасность», «Дело идет о жизни и смерти Советского государства».

Сдал на радио «Рассказ колхозницы» и «Письмо вологодским колхозникам».

4 июля. Ночью была воздушная тревога (3-я), но бомбежки опять не было. В светлом утреннем небе видны были аэростаты воздушного заграждения — формы цеппелинов. Они, по-моему, слишком низко висят. Писал стих-е «Остров». Написал.

5 июля. Ночь была спокойной. Около часу дня — воздушная тревога (дневная — первая). Записались оба на краткосрочные курсы МПВО при Клубе писателей. Галя ходила, я — нет.

Ночью около 0.30 м. дежурные девушки разбудили весь дом — «Тревога». А радио молчит. Где-то, видно, были даны гудки. Оказывается, вся Москва была поднята и наши девушки тут ни при чем. Немного погодя по радио было сообщено: «Граждане! (Мы опять готовы были вскочить.) Спокойно отдыхайте, в Москве тревоги не было. Сообщает штаб местной ПВО». Включенный репродуктор временами немножко гудит, как включенная электроплитка в самом начале или как нагревательная печь. Пишу новое стихотворение о призыве к геройству и отваге.

6 июля. Воскресенье. Был на радио. Передал стих-е «Пусть в каждом забьется сердце героя».

Приезжала Смирницкая, без меня, взяла валенки для Яши. Ездили с Гали в Покровское-Стрешнево и там за реку. Я в гольфах. Крестьяне смотрят с недоверием: близко аэродром. Девочка кричит: «Ваши документы!» Долго был с детьми. Яшу мыл в ванне. Детей скоро эвакуируют. С ними поедет бабушка.

7 июля. Днем был в «Правде» у Павленко, отдал стих-е «Пусть в каждом забьется сердце героя».

Вызвали в институт, дали повестку. Меня берут в народное ополчение. Записали в 1 роту 1 батальона. Был по адресу. Очередь. Регистрируют человек 6. Партийно-комсомольский состав отдельно в здании. В Оборонной комиссии, в Наркомфлоте сказали, что мобилизации в народное ополчение я не подхожу.

8 июля. К 8 ч. утра с Галей приехал на сборный пункт с котомкой. И вдруг объявили: ждать особого распоряжения, пока — по домам. Посмеялись и все. Гитлер пока все продвигается. Ничего, скоро устанет. Только бы Япония не ввязалась.

Как раз накануне нападения Германии я получил от Архангельского облгиза 60% за книгу, сразу же

решил купить облигаций 1938 г.— и вот остались без денег.

Вчера в ЛФ записал своих детей на эвакуацию со второй партией. Из Москвы выезжают все лишние. Гали тоже подумывает о Блуднове. Ничего не жалко — *жалко будет только книг*, я их собирал с огромной любовью и трудом в течение многих лет.

9 июля. Звонил в Наркомат флота, Корниенко. В народное ополчение меня призвали неправильно. Был в институте, Щирина подозревает, что я просто укрываюсь, потому и говорю, что не должен быть в народном ополчении. Таскал бочки на чердак через Литфонд.

Видел в хронике (кино) немецких пленных летчиков: сильные, здоровые, спокойные лица. Смотрят в объектив даже с презрением. Ничего, *будут* глядеть иначе!

10 июля. Узнал через Сажина по телефону, что бригадный комиссар Корниенко (Главное управление политической пропаганды Наркомата ВМФ) вызывает людей к себе. Я поехал к нему без вызова. Еще раз попросился на фронт, рассказал об инциденте с секретарем парторганизации Щириной, и он меня мобилизовал. Сказал: в Балтийский флот, на крейсер редактором многотиражки («можете?»). Дал справку: «Отбыть до 15 июля». Щирина и эту бумажку подвергла сомнению. Обвиняет меня уже в том, что я сказал: «Буду я склады стеречь! Я на фронт хочу». Это-де непартийное отношение к народному ополчению. А я просто повторил фразу Жучкова. Я сказал, что она должна отказать в рекомендации мне в партию. Она так и сделала. «Там покажешь себя — и примут». Я позвонил Корниенко. Дал трубку Щириной. Она поняла, что я не подлежал мобилизации в народное ополчение. Все изменилось. Решила в партию провести.

В «Правде» мое стихотворение «Пусть в каждом забьется сердце героя».

11 июля. Жучков рекомендацию написать забыл и ушел на фронт. Ходил в «Красноармеец» к Эделю, он дал.

12 июля. Утром писал стих-е «Ты — действующий поэт».

Днем пошли с Щириной в РК ВКП(б). В 5 ч. бюро. Провели в члены. Только парторганизацию обвинили в нарушении устава за принятие меня за шесть дней до исполнения годового стажа. Стаж установили с 12 июля 1941 г. Около 8 ч. вечера получил партбилет № 4131514.

Зашел в институт. Итак, с 12 июля 1941 г. я член ВКП(б).

В институте размещен истребительный батальон. Много наших ребят. Пока ничего почти не делают. Всюду полосатые мешочки с песком. Вход в институт через дверь Литературного фонда (для студентов).

Прошел по ул. Горького — от Грузин к Пушкинской. Все строительства новых домов заморожены. Мертвые краны — странно видеть. Дома не растут — для Москвы это так необычно. Рамы, вставленные в стены, сверху даже не в камне, торчат голые.

13 июля, воскресенье. Я дописываю «Бронепоезд «Гром». Вчера из Сталинграда от Ани получил телеграмму о том, что Лобачев напишет письмо, книгу, может быть, у них можно еще издать.

14 июля. В Москве все более становится заметно, что страна ведет войну. На днях вводятся продовольственные карточки. В институте — истребители, и у обоих ворот часовые (штыки кинжальные). Такси в городе нет. В военных отделах райкомов постоянно толпы народа.

Вечером ходили к Льговским. Маруся из Литвы выехать успела. Александр жив, где-то уже недалеко от Москвы, письма посылает, но сам получить не может, т. к. все время в движении. Он еще не знает, выехала ли Маруся из фронтовой полосы.

15 июля. Сегодня вызвали в военкомат, сегодня же и выезжаю в город Кронштадт. 11.45 вечера — выехал с Октябрьского вокзала на место назначения. Провожала Гали. На мобилизационном листке печать была не гербовой, и мне не дали билета. Пришлось еще раз съездить в военкомат — приписной пункт. Шереметьевская, 63—67. Там дали авто — на нем съездили в Дзержинский военкомат и прибыли на вокзал. На агитпункте графин морса.

16 июля. Поезд пятился, чтобы перейти на другой путь. Едут люди уже 40-летние. Один хвастун: еду доколачивать. У женщины в сумке противогаза две бутылки молока.

Родные леса, зеленые склоны, холмы, болота, трава, цветы. Километрах в 150—100 от Ленинграда много воронок у линии. В 11.30 — Ленинград. Сразу поехал на Балтийский вокзал. Там ночевал на скамье. Ночью масса женщин и детей, один разбудил меня.

17 июля. Утром на электричке до Ораниенбаума. Страшный холод здесь. На пароходе в Кронштадт, Стро-

гий город. Памятник Петру — основателю Кронштадта. *«Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело».*

Обратно в Ленинград. Ленинградский флотский полуэкипаж (около Театральной площади). Завтра обмундируют и направят редактором. Сходил под душ. Толкучка. Ехавшие со мною в поезде получили краснофлотское обмундирование и моются. Гам...

Ходил по Ленинграду. Разводят мосты, корабли идут вверх по Неве. Был в ленинградском отделении «Известий»: Детков, Романов. Был в редакции «На страже Родины». Там Тихонов, Прокофьев. Предложил «Танк». Прокофьев зовет к себе ночевать.

В маленьком ресторанчике пил с двумя командирами, только что приехавшими от Выборга из боевых действий. Хорошие ребята. У обоих финки, наганы. Жалею, что фамилии их не узнал, возвратился, да не нашел их. О смерти даже не говорят, видно, не принято. Когда я пожелал выжить — это было бестактно. Выжить — само собой разумелось. Ночевал в общежитии флотского полуэкипажа. Крысы изгрызли рюкзак.

18 июля. По ошибке заставили ждать распоряжений полкового комиссара, а нужно было просто ехать в Мурково. Обмундировали. На складе были сразу человек 40—50. (2 кителя, брюки, ботинки, шинель, три пары белья, 2 простыни, матрац, наволочки для подушек и даже носки и носовые платки — богато.)

Ходил по городу в форме, но без эмблемы и нашивок. Во дворе экипажа у лотка покупал нитки и иголку, тогда впервые был назван краснофлотцем «товарищем командиром». Интересное ощущение.

18-го выехать не смог, поезда не идут. Свой мешок отдал Александру Прокофьеву и заехал 2-й раз к Сорокиной Августе. Сорокина была со мной до вечера. На медпункте: соринка в глазу. Ночевал у Прокофьева Александра Андреевича. Жена Виктория Петровна разговорчива, гостеприимна.

19 июля. Утром снова был у Сорокиной, но не застал ее. Был в семье Ани Рожавиной. Клара — сестра. Чинил утюг, смотрел альбом, читал письма Ани. Клара — это Наташа Ростова. Восхищен ею. Гриша — брат ее где-то... Потом воздушная тревога.

В 6.50 выехал. Поезд в Котлы. Дорогой спросил рабочего (он рассматривал, видимо, только что полученные продуктовые карточки), где мне сходить, и попал под

подозрение. На остановке милиционер проверял документы. Показал даже стихи, которые писал.

Приехали ночью после 12. Провел меня матрос с орденом Красной Звезды. Ночевали в одной комнате с военным ветеринарным фельдшером, тоже только что приехавшим (с Дальнего Востока). Берег озера.

20 июля. Первый день военной службы в ЗУРе. Штаб. Полковой комиссар Якобсон. Район только что формируется. Газеты еще нет. Буду начинать с азов. Задаю наивные вопросы начальнику агитпропчасти батальонному комиссару Краснову. Начальник оргпартчасти — Белов. Хороший парень, открытый.

[*Из блокнота.*] Совещание политработников: Политико-моральное состояние здоровое. Но есть отрицательные настроения. Случаи трусости, членовредительства; в 21 дивизионе самоубийства, случаи паникерства. Слабость партполитработы — приказ о переходе на краснофлотский паек бойцы узнают от кока.

Основные задачи на сегодня. 1. Постановление Государственного Комитета Обороны.— Отдельные бегут, как стадо баранов. Список преданных суду. Навести порядок в частях. Железной рукой укреплять дисциплину, сметать трусов, паникеров. 2. Перестройка отделов политпропаганды. Недостает оружия. Усвоить традиции комиссаров Гражданской войны: забота о бойце, чтоб был сыт, обут, одет. Создать элементарный воинский порядок. Подготовить людей к боевым действиям. Политработник должен быть в курсе боевой обстановки и доводить задачу до личного состава. Связь плохая. Связь — нервы боевого организма. 3. Всем коммунистам дать отдельные задачи. Боевой листок — показ героизма, энтузиазма.

Партийное собрание. Вступительное слово полкового комиссара Якобсона. «Нам на долю выпала большая честь и счастье грудью защищать подступы к городу Ленина».

К озеру пошел (шагов 20) — боец не пустил. Жить устроился в штабе, опять рядом с ветфельдшером Прохоровым. Название стихов «Моряки на берегу».

21 июля. Готовлю 1-й номер газеты и одновременно вожусь с памятками бойцу (Краснов поручил). Частые воздушные тревоги. Котлы жгут. Сегодня три самолета летели с бомбежки низко, как на параде. Зенитки били, но очень неудачно. С крыши пулемет стрелял, как

винтовка, и то лишь после того, как враги прошли над нами. «Ястребки» поднялись поздно.

Когда была объявлена воздушная тревога, начальник агитпропчасти остался сам в кабинете, но кошку просил взять в убежище. Много кошек оставлено в этих домах, где раньше жили военные. Кошки голодны. Сегодня я принес макарон из кухни. Много собак, все без хозяев.

Высокий сосновый лес, точеный. Глубокий крупный боровой песок. Пыль. Меня познакомили (вчера и сегодня) с расположением ЗУРа по карте и с местонахождением противника (бронетанковые части в 50—60 км. от нас). Когда я сказал полковому комиссару, что хотел бы быть в действующих частях, он заявил: «Будьте покойны, вы уже почти на передовых позициях».

22 июля. Совещание всего политсостава. Выступает генерал-майор Денисевич. Подчеркнутая простота и широкость натуры. Много — от партизанства. Пыльный ботинок ставит почти на стол (ставит на стул, но таково впечатление от этого движения). А говорит великолепно. Только глаза были мутные, невыразительные: видно, устал. Зато подбородок огромный, волевой. Маленькие лопаткой усики и картофельный нос (разбухший на конце). Говорит: прикажут — будем наступать, будем и грибы собирать, будем из пушек бить по воробьям — устарела пословица. Подсушите крылышки, у кого подмокли. В некоторых частях учат бойцов, как подходить к командиру, докладывать и отходить от него, а военной работы нет. «На плечо!», «К но-ге!». Краснофлотец уснул в дозоре. Кочегар потерял винтовку. На одной батарее живут как на даче. Спят все раздевшись догола, пулеметы в помещениях, окопы далеко от палаток, а с дозорным и связи нет (его легко снять). Замаскируют объект, но рядом с ним стоят и колют дрова. Кино ежедневно. А винтовку хорошо не знают, колоть не умеют. Командиры не знают, как обращаться с пистолетом.

К вечеру приехали артисты эстрады Ленинградской госфилармонии. Пишу песню «Если Сталин за дело взялся».

23 июля. Утром большой воздушный бой над головами. Дописал песню и отдал ее композитору Будашкину, приехавшему вместе с артистами. Слушал концерт. Павел Долматович Росций читает мое стих-е «Шел к подружке парень». Любовь Григорьевна Шах и Росций исполняют композицию из «Укрощения строптивой». № 1 газеты готов. Надо типографию.

24 июля. Артисты уехали. Частые воздушные тревоги и разрывы бомб в стороне. А по утрам всегда кричит петух... Есть наседка с цыплятами. Вчера с верхнего этажа каменного дома перетащили мою кровать в деревянный. Сегодня опять переехал — уже в подобие общежития, где все постельное белье дается готовое за 30 р. в месяц.

Политработников много. Больше половины коммунистов, и я в том числе, не знаем оружия, да и не имеем его. А мы должны при случае показать образец устойчивости и умения воевать. Я предложил полковому комиссару Никулину — председателю парткомиссии, организовать военное обучение коммунистов-политработников.

Лучше всех, пожалуй, батальонный комиссар Белов. Открытый, не лукавящий, прямой и человечно-честный. Много в нем подкупающей непосредственности. Секретарь парторганизации старший политрук Стадниченко грубоват в обращении, тон держит начальнический, независимый. Посмотрим, каков будет в бою. Мало военных людей. А деньги все мы получаем огромные. Зачем, например, мне, никогда не воевавшему и не бывавшему в армии, выдали 100% к зарплате — подъемные «в связи с военным временем».

Москву уже бомбили не один раз. Очень беспокоюсь за Гали. Здесь сосны, сыпучий песок. Птицы еще не улетели. Близко подошедший к нам враг будто бы окружен и чуть ли не разбит.

25 июля. Выехал в Ораниенбаум за типографией. Ночевал в комендатуре города. Хотел ехать ночевать в Ленинград, но без разрешения не решился. Вечером искал кинопрокатную базу за озером, не нашел: жители молчат, военные не знают — приезжие. Долго бродил и безрезультатно. В комендатуру водят пьяных военных, разбитые машины и пр.

26 июля. Все получил, но не все смог взять. Перевел Гале 500 р., маме 500 р. Обратно ехали ночью. Требуют устный пропуск — пароль, не знаем. А постов масса. Блудились. Мужик с бабой, чтобы их довезли до дому, указали неверный путь.

Надо записывать даже все мелочи, наблюдения — после для книги все пригодится.

Генерал-майор просит хранить его деньги «в ящике» (с книжки получать можно только по 200 р.). «Дайте мне генеральскую фуражку! — требует он от начальника снабжения.— Вам полагается больше. Генеральское обмундирование стоит 32 000 р.— Ну, это для обольщения

задрачившихся баб. А мне сейчас нужен рабочий костюм».

27 июля. Выехал в Ораниенбаум за бумагой (тонна), шрифтом, тискальным станком и пр. с командой в 3 человека. Шофер — жучок. Ночевали в Ижорах, куда привезли отряд ветфельдшера за лошадьми для разведывательного кавалерийского взвода (в Ленинград снова заехать не пришлось). Напоили кипятком и дали хлеба. Спали на сене в огромном доме.

28 июля. Утром моих бойцов хотели посадить на 2 часа под арест за питье воды из бака кружками. Бойцы в Ораниенбауме снимались. Бумагу грузили в порту с баржи. Шрифт ПФ — 8 ящиков + 1.

В зеленом лесу, в соснах стоят телеграфные столбы. Столбы теряются в зелени, но видны белые чашечки изоляторов.

Приехали поздно. Стали разгружать бумагу в подвал, где типография. Генерал-майор узнал и вызвал меня к себе. Я прибежал с папиросой в руке. Козыряю. Проборка: «Вы к генерал-майору пришли». Я сказал: «Я не считаю, что мы с Вами поссорились».

Ночью разбудили всех: чиркали спички и давали читать приказ по ЗУРу о порядке хранения секретных бумаг и их эвакуации.

29 июля. [*Из блокнота.*] Совещание комиссаров. Директива Сталина. Замечать мелочи. В газете отрицательное давать конкретно. О совещании Ленинградского партактива. Речи Ворошилова, Жданова, Кузнецова.

Ворошилов: Армия наша сильна. Не хватает организованности. Не все ленинградцы понимают, как велика опасность (и для Ленинграда). Боевой дух не подкреплен делами. Трудности преодолевать придется такие, каких мы за эти 24 года не преодолевали. Ленинградцы сделали очень много, но это детская забава по сравнению с тем, что нужно сделать. Дело серьезное.— Да, истинно так. Об этом заявляю вам я — старик Ворошилов.

2-я задача. На укреплении должны быть хорошие люди. В Ленинграде создать 4 дивизии. Из них 2 гвардейских дивизии — из партактива. В дивизии народного ополчения люди брались огулом. Людей не обучили — большие потери.

3-я. Фронта нет. Легко действовать в тылу противника. Создать 300 отрядов по 40—50 ч. из людей, которым сам черт не брат. Громить тылы. Сеять раздор.

4-я. Охрана Ленинграда от воздушного нападения. 24/VII пытались прорваться 62 самолета. Пытаются ежедневно. Тактика — налетают с разных сторон, выматывают. Все деревянные заборы в городах и пригородах ликвидировать. Не соседа бьют, а нас. Мы — здоровый парень, которому сопляк бьет по морде, а он улыбается. Враг силен нашей неорганизованностью и беспечностью. Тактика врага — шквальный огонь, наводит панику. Прут нахалом. Тылы не закрепляются. Территорию (занятую) противник не освоил. Силищу нашу надо превратить в действие.

Жданов. Развивал отдельные положения Ворошилова.

Кузнецов. Комиссия по обороне Ленинграда. Неорганизованность нашей Армии идет не от бойца, а от командиров. Флот активизируется. На Ханко даже берут еще острова.

Собираем «американку». В столовой генерал-майор узнал меня.— Как называете газету? — Дамский заулыбался, думая, что у меня все еще названия нет.— «Балтийский залп». (Одобрил!)...

30 июля. С 9 вечера до 9 вечера 31/VII дежурил по ПО. Ночью выправлял материал для газеты. Ночью снова осрамился перед генерал-майором: не смог отрапортовать, подал (ночью) команду «смирно».

31 июля. Приехал Л. Соболев. Приехал лейтенант Солостей и собрал типографскую машину.

1 августа. Решили поднять машину на шпалы, чтобы легче было работать в случае надобности вручную. Сделан первый пробный оттиск случайного набора (прямоугольник из букв).

Л. Соболев провел беседу в клубе: в Эстонии в населении произошел резкий перелом в нашу сторону, когда из Латвии появились беженцы, натерпевшиеся от фашистов. 〈...〉

Все время стоит сухая погода. В бору, где мы стоим,— песок. Ходят наседки с цыплятами.

Начиная с 21/VII Москву, видно, бомбят ежедневно. Сегодня ночью опять был налет. Объявлено: шли эшелонами, прорвались 4—5 самолетов. Плохо верится, вероятно, больше.

Вечером ели консервы батальонного комиссара Бережного. Он приехал из Москвы, был начальником ПО, пока полковой комиссар Якобсон был военкомом. Сейчас

военкомом бригадный комиссар Фомин, нач. ПО снова Якобсон, и Бережной — пока в резерве, ждет распоряжения из Москвы, хочет остаться здесь. Он — деловитый, спокойный, всегда серьезный и сдержанный.

2 августа. Когда ездил в Ораниенбаум, видел — противотанковые рвы, сосновые надолбы. Днем воздушный бой. Бомбардировки вблизи. Готовлю второй номер газеты. Типография начала работать. Печатали пропуска для автомашин. Военком 11-й батареи капитан Новиченко ночью вырвался из боя, вернулся, рычит: не дали им продолжать стрельбу, а хорошо было пристрелялись по мосту и арточкам. Он возбужден, был в огне.

3 августа. Сегодня ночью снова дежурил по ПО. Все еще печатаем пропуска для автомашин. Нет гранок, роликов, заключек, бечевки, гаечных ключей и пр. Завтра провожу беседу: «Грудью прикрывать командира и комиссара в бою». Стихи не пишутся, даже думать о них сил нет. Не пишу и корреспонденций.

4 августа. Вместе с Якобсоном едем в Ленинград за наборщиками, штампами для цензора и пр. Шофер Зыбарев — большой растяпа, машина неисправна.

Вечером в Ленинграде заходил к Прокофьеву. Дома только сын Александр, в очках, с трубочкой, а самому только 18 лет. Из народного ополчения вернули из-за сильной близорукости. Видно, обиделся, когда я сделал замечание, что он слишком рано начал курить. «Мне уже 18 лет!» — сказал он недовольным тоном. Оставил у них еще постельное белье (матрац, 2 простыни, 2 наволочки, 2 полотенца).

В Ленинграде 2 тревоги подряд. Отбой дают трубными звуками — вроде побудки. Был у жены бригадного комиссара Фомина (наш военком). Больная, седая, стонет, просит, чтоб муж ее вывез из Ленинграда.

Нуднейшие сидения в военкоматах, в Обллите и пр. Ночевали во флотском полуэкипаже.

5 августа. У меня время пропадает зря. Вечером так и не съездил к Рожавиным. Красные трамваи, много красных, цвета железнодорожных водокачек, зданий. Якобсон говорит: уличное движение резко сократилось. Спали в полуэкипаже. Прокофьева и Виктории Петровны не было дома. Перевел деньги от Краснова его матери.

6 августа. Утром выехали из Ленинграда. В Ораниенбауме взяли литературу, гранки, заключки и ролики для типографии, 4 мандолины и пр. Кинофильм: «Песнь о

любви». В Лебяжьем был у редактора Кириллова. Целый дом под типографией и редакцией.

Все мосты, столбики при подходах к ним, верстовые и указательные столбы замаскированы — это давно уже. В лесах проволочные заграждения, противотанковые рвы, дзоты, надолбы. Рвы иногда просто игрушечные, несерьезные.

Привезли с собой наборщика Гаврилова с 25-летним стажем. Будут еще два и печатник. Есть оттиск 1-й полосы. Вечером — «Песнь о любви». Полковой комиссар дал задание организовать радиопередачи. По радио передавалось: «Говорит радиоузел Мукково. Сегодня в клубе гарнизона кино...» и т. д. Ну и засекретились.

Ночью один командир в нижней рубашке полез по пожарной лестнице, чтобы взглянуть в лицо женщины в окне второго этажа.

7 августа. Прибыли новые два наборщика и печатник. Сейчас их больше, чем надо. Берем 4-х ленинградских, самых квалифицированных. Получил удостоверение ВМФ — книжкой. Получил открытку от Гали от 1/VIII. Пишет, что ради сохранения здоровья должна покинуть Москву. Видно, что она уже писала, но не получено. Совершенно не пишу стихов — плохо это. Не пишу и корреспонденций.

8 августа. Полковой комиссар Зеленюк — нач. особого отдела сидел, задумчиво опустив голову. Когда я вошел к нему (ФЭД зарегистрировать) и заговорил, он быстро встал. Что на душе у этого пожилого человека — мягкого, неторопливого? На груди 2 ордена.

Боялся Ваня смерти. А фашисты убили его жену, детей. Не спаслась даже старуха мать.

Вчера и сегодня артиллерийская канонада: бьют наши дальнобойные, железнодорожные батареи. В деревнях, находящихся на территории наших частей, народ заброшен нами и встречаются факты разложения его. Женщине — пред. сельсовета, угрожают, ждут смены. Районам работать некогда, а войска забыли близкий тыл. Сейчас исправляем ошибку.

С 12 ч. дня — *боевая готовность № 1.* Ни днем, ни ночью уходить со своих мест нельзя. Спать ложимся на полу, на диванах в политотделе же, и каждый — только с разрешения вышестоящего начальника. Я буду спать на койке Бережного, если ночь пройдет спокойно. Противник продвигается. Сдал в печать 4 памятки — тираж 1500 экз.

9 августа. Отпечатали 4 памятки — 1500 экз. каждой. Окончательно сверстан и выправлен 1-й номер газеты. Сегодня, верно, начнем печатать.

Приехал участник Цусимы Нозиков Николай Николаевич, герой книги «Цусима». Он читает лекции по истории военно-морских сражений русского ВМФ. Старенький, тощий человек — угнетающе вежливый, благодарный и предупредительный. На крейсере «Владимир Мономах» он был старшим артиллеристом, лейтенантом флота.

Бережной едет в Москву — отозвали. Посылаю с ним письмо в Литинститут и Гале. Наборщика из 21-го артдивизиона артиллериста Дмитриева И. В. возвращаем обратно, новые квалифицированней. Дмитриев очень обрадовался. Он — здоровый, сильный, спокойный — засмеялся, чуть не взвизгивая от удовольствия, как иногда смеюсь я сам. В парне заиграл ребенок, человек.

Есть здесь старшина орденоносец — участник финских боев. Это тип моряка первых лет революции. Широкий, разухабистый, в вагоне спал, раскинув ноги, что не пройдешь, грудь доверчиво открыта всем ветрам, за поясом гранаты. Есть немножко лени во всей этой развалке.

Час ночи. Отпечатали 70 экз. газеты «Залп балтийцев» № 1, и пришлось их уничтожить из-за лозунга: «Грудью своей отстоим город Ленина!» Надо «...подступы к городу Ленина!» У меня так и было, но Краснов изменил... Ошибку заметил военком — бригадный комиссар Фомин.

10 августа. Допечатываем газету № 1. Сегодня недоспал, очень болит голова, просил у Краснова разрешения немного отдохнуть — не дал. Хотя причин для этого не было. А сегодня еще придется и дежурить ночью (сутки в ПО). В 4 ч. 30 м. новый налет самолетов на аэродром Котлы. Сирена. Зенитки. Носится броневик. Проехали пожарники.

В 7.15 дня буду передавать по радио материалы из первого номера газеты «Залп балтийцев». Так что отдохнуть до дежурства не придется. С 5 ч. партактив штаба. С 9 вечера мое дежурство по ПО. Ночью объявлен был план операции по уничтожению прорвавшихся за Лугу частей немцев. Стадниченко и Семенов выехали на батареи. К шести утра все части должны быть на исходных для атаки позициях. Артподготовка и авиабомбежка начались раньше. *Итак, воюем.*

11 августа. Дежурил весь день, не отдыхая, и готовил 2-й номер газеты. Война идет. Полковой комиссар Якобсон передал мне свой карабин с патронами.

12 августа. Готовил, верстал газету. Готовые оттиски газеты читали Якобсон и Фомин — исправили только одну фразу, да Фомин спорил насчет слова «бюллетень».

13 августа. Выпустил 2-й номер «Залпа балтийцев». Очень рад, что дело идет. Фашистская авиация стала действовать очень активно. Постоянно бомбят. Наши пулеметчики (у штаба) работали плохо. Частые воздушные бои. Результатов никаких. Штаб переезжает. Что же с моей типографией? Без нее никуда не поеду.

Был в портняжной мастерской (Мукково). Вокруг избушки кусты красной смородины. Брюки укорачивать не посоветовали. Сапожник наточил мне финку. Вечером наблюдали с берега озера Бабинского длительный воздушный бой.

14 августа. По воздушным тревогам ночным и утренним не встаю, если сплю: так устал. Но еще не все равно.

Надо боевой материал для газеты. Батальон Куликова (из бригады Лосякова) был в боях. Прошу, чтобы отправили меня к ним на передовую линию фронта. Якобсон обещал сейчас дать свою машину. Вчера и ночью штаб выехал. Кают-компания наша тоже. Все оставшиеся сидели в общем камбузе Школы, но так и ушли без чая. Меня накормили в кают-компании Школы. У них морской паек и все отлично от нас. Прекрасно.

Зашел в госпиталь в поисках раненого из батальона Куликова. Все выехали. Пустое трехэтажное здание. Открыты двери, окна. Пахнет лекарствами. Валяются лозунги, обрывки газет, стоят пустые шкапы, столы, стулья. Только что начались бои, а мы уже поехали. Почему?

Получил эмку с шофером Гнусаревым и ездил на передовую, во второй батальон лосяковской бригады.

Впервые в жизни был в бою.

Немцы шли, видимо, «психической» атакой. Собою доволен, держался хорошо. Видел их метров за 300—400 перед деревней Ямсковицы, в которую я еще успел заехать на легковой.

[*Из блокнота.*] Боковня — командир батальона бронемотопехоты — командир группы наступления в Горках. Антонченко — в Кикерицах. Котлы — Войносолово (ж. д.) — Георгиевский.

Связной Тарусов (ранен слегка, хотя мина разорвалась рядом): «К 10 вечера сосредоточились, пошли. Противник связных пропустил и открыл огонь по нам. Разбежались, потом сошлись и пошли на «ура».

Командир роты политрук Салько: «Маршрут Мали и Горка. 10 ч. вечера. Рота форсировала реку. Боевая группа в 15 человек несла разведку. В полночь помощники комвзвода Тельмаев, Виноградов, Волков и лейтенант Посадский, не дойдя 30 м. до двух вражеских станковых пулеметов, услышали шепот. Доложили мне. Мы выставили 2 пулемета на железной дороге. Командир пулеметного взвода Кротких отличился и открыл стрельбу. Перестрелка. Справа соседняя рота — вторая. Завязался сильный бой. Я попал под ураганный огонь противника с группой — били сильно. Ракеты. Перекрестный огонь. Мы прорвались и соединились. Были вместе с Лебедевым. Присоединились, пошли в атаку. Пять раз рывки под ураганным перекрестным огнем. «За Сталина, вперед. За Родину». С боем Горка была к утру взята. Стали наступать на Заполье всем батальоном. Немец бежал, не давая боя. Сейчас заняли оборону у Алексеевки. 10 утра. Был еще бой слева от Алексеевки.

Лейтенант Посадский умело вел разведку, мужественно шел впереди взвода на фашистов. Краснофлотец Тонышев в течение 14 дней сражался в боях. Ручной пулемет носит сам. Вчера пулемет заело. Не растерялся, вынул диск, исправил и опять бил. Не жалуется на усталость, все вперед. Мужественный человек, преданный».

Салько — шахтер. Образование — 6 лет. С 29 года в армии. Сидим в блиндаже. Лебедев прихвастывает: «Я — 5 раз в боях».

Все было не так, как представлялось. И ощущения не такие, каких ожидал. Мне не удалось пострелять (шофер стрелял), поэтому я снова возвращался к фронту, но уже не смог дойти и до Алексеевки из-за минометного заградительного огня (машину оставлял в Заполье). Нет дисциплины, организованности. Грустно было смотреть, как все группами покидают фронт. Уходит и население. Женщина ведет коз. Идут с чемоданами. Едут со скарбом. Старуха говорит: «Сынок, боюсь как стреляют». Вернулся часов в 10 вечера. ПО уже на старом месте не было.

15 августа. Съездил на новое место, в лес за деревню Понделево. Палатки, готовят блиндажи. Сырой лес. Вернулся в Мукково. Весь день писал газету № 3. Ночью ее все же напечатали. Сначала Якобсон не разрешал там оставаться с типографией до утра. А 16-го даже и листовку еще там печатали.

17 августа. Утром пешком вышел в Понделево за машиной под типографию. «Американку» установили на трехтонке. Ездил с Якобсоном в ОБМП Полозова. Оказалось, не на фронт, а в деревню Маттия (рядом), куда батальон только что переброшен. Провели беседу со 2-м артвзводом. Я выступал.

Летело много немецких самолетов. Зенитки бьют плохо. Видел трассирующие светящиеся снаряды. Интересно, с каким шумом и свистом летит снаряд 11-й железнодорожной батареи — км на 35. Противник идет на Котлы. Связи с Ленинградом нет. Получил пистолет.

18 августа. Снова ездил на передовую, был в поле перед Керстовом на командном пункте Кронштадтского стрелкового полка. Боя не было, только мины немецкие все время рвутся. К вечеру в Керстове зажгли дом — огонь на фоне церкви. У Лебедева малярия. Со мной был военком бригады Лосякова, Антонченко и Лосяков.

Расстреляли одного самострела. Думаю, что об этом можно не записывать — все так запомнится. Рука забинтована. Прочли приказ. В деревне, на санпункте он еще просил сохранить ему жизнь, обещал, что будет героем. Но в поле только сказал перед тем, как стали читать приказ: «Зачем — все ясно». Не привязывали, как предлагал Лосяков. У него 4 детей. Был председателем колхоза. Говорит, что «час такой подошел, ну, сробел и прострелил руку». Держался за штык. Сначала обманывал, свалив вину на немецкую пулю.

Днем вздорил с Пуховым. Зачем? На кой он черт мне сдался. Фомин, видно, думает, что я струсил, не поехав за Керстово, а меня просто неправильно информировали.

19 августа. Сегодня должна была уже выйти газета № 4. А ее еще нет. Не выйдет и завтра. Наборщика Васильева В. П. отправил в Ленинград за разными материалами для типографии. В деревне Понделево, да и в других масса красной смородины. Красно в садиках и за дворами. Обваливается, не собирают. Грузовик с нашей «американкой» вернулся из Ручьев: сделали кузов.

20 августа. Готовили газету «Залп балтийцев» № 4. Тиснул, а читать давать некому. Бригадного комиссара

сегодня ранили. Полковой комиссар Якобсон еще не вернулся. Фомин ранен в машине: пикировали три «хейнкеля».

Получили газеты, и я — массу писем.

21 августа. Печатаем газету № 4. Вчера наши начали наступать (гл. образом полозовцы). Кингисепп вернули (не вернули). Краснов стал — врио военного комиссара. Получил кобуру.

22 августа. Вчера был в госпитале, видел, как оперируют. Был у бригадного комиссара. Стонет. Потом уехал на фронт на попутном (из-под раненых) грузовике.

Мохряков — 2 батальон Лосякова, Саляев — 4 батальон курсантов-подводников под общим командованием Боковни ночью атаковали немцев и угнали их за 4 деревни: Мали, Горки, Заполье, Алексеевка. Война продолжается.

В одном месте по дороге ели мед в сотах — немцев пчелы не подпустили. Шофер трусит или просто очень осторожен. Он то и дело гонит или резко тормозит машину и бежит в лес (от пикировщиков). А я — ничего.

Спал вместе со всеми на поле боя у окопов под минометным огнем. В блиндаже стало душно и жарко, вылез к дороге. Дождь, холодно, очень продрог и ночь по существу не спал. Радостно смотреть на моряков. Запасники устраиваются в окопе, как в собачьей конуре, под снопами ржи.

Рано утром ходил по окопам, разговаривал с бойцами.

[*Из блокнота.*] Пополнение во 2-м батальоне моряков — запасники из Кировской области. Рассказывают: «Немцы кричат: русс — сдавайся, и убегают опрометью». У окопов много пуху куриного, яиц. Старуха рассказала: «Берут куриц, колют телят, свиней, выхватывают из рук даже небольшие куски сахару».

«Не было артиллерии. Мы шли не стреляя. Немцы удирают. Ночью я отстал от своих в лугах. Запасник, на войне не бывал. Подошел к морякам: отстал, говорю.— Иди с нами.— Пристал. Ох дерутся дружно. Если бы все мы так дрались, немца бы угнали. Дружные. Несли раненого из нашего соединения. Учимся у них»,— говорит Дорофеев А. К. То же рассказывают и другие.

4-й батальон курсантов-подводников. Майор Баринов убит, сейчас Саляев — назначен Боковней.

Капитан-лейтенант Саляев: «Часа за 4 выбили немцев из 4 деревень — Мали, Горки, Заполье, Алексеевка. Лейтенант Евстафьев со своим подразделением врезался

в укрепленные пулеметные точки у деревни Мали (справа от нее), попал под сильный фланговый и лобовой пулеметный огонь и, развив наступление на Горки, имел всего одного раненого. Молодец: не растерялся. Перед Горками была сплошная огневая завеса — мины, пулемет, орудия.

Трусов не было. Старшина 1-й статьи Чпкин уничтожил несколько гнезд противника. Боец Воронин под огнем прекрасно шел в разведку. Одна пулеметная точка мешала продвижению лейтенанта Евстафьева — старшина 2-й статьи Матвеев уничтожил точку (погиб). Старший политрук Молоканов был ранен, переломана ключица — не вышел из боя, вел подразделение в бой. Сейчас — оборона. Остановились, потому что левый и правый фланги (другие части) не выполнили задания».

Капитан-лейтенант Бутенко (он в немецкой шинели зеленовато-стального цвета) мужественно и хладнокровно вел в бой свое подразделение: «Танки выручили перед Алексеевкой. Горки и Заполье занимали без поддержки. Ракеты, адский огонь. Молодежь залегла. «Ура» подняло всех. Перед наступлением был марш по лесу с пулеметами — 15 км. Судя по панике, которую немцы проявили ночью, они боятся нас. Ночная атака — первая. ⟨...⟩

Один немецкий разведчик с бугра корректировал стрельбу из минометов. Бьют прямо в цель. Что такое? Раненых выносим — по раненым бьют. Снял разведчика связист старшина 2-й статьи Жабицкий. Связист Журба подполз к раненому пулеметчику (не было санитарок), перевязал его и оттащил».

Комиссар 4-го батальона Корольчук: «Семь человек и две сестры попали в окружение. Корольчук и Ерофеев вдвоем вышли из окружения. Куда ни сунься — везде огонь. Те пошли через проволочные заграждения с другой стороны. Сплошной фейерверк. Болото. Брод».

«Ни одной ягоды нет в садах — все съели немцы. В какую избу ни зайдешь — все перерыто»,— говорит Журба.

Говорит Лебедев: «С получением приказания пойти в наступление, занять селение Мали, моряки 4-й роты с большим вниманием ждали появления зеленых ракет. Сигнал был дан, минута настала. Краснофлотцы заранее подготовили переправу — свалили несколько деревьев через речку. Перешли, раскинулись цепью и двинулись к селу. Село окружили. Разведка доложила, что немцев нет.

На перекрестке дорог рота моряков была встречена пулеметным и минометным огнем. Рассыпались в цепь, приготовили оружие и с «ура» — в атаку на пулеметные точки. Сломили. На Горки путь открыт. Некого выделять, все вели себя великолепно. Отвага русского моряка. Кричали: поддержим традиционную славу русских моряков».

Алексеевка. Стрелял из пистолета. Три тяжелых бомбардировщика долбят наш правый фланг. Старые, летают тихо. Над головами летят — жутко. И укрыться некуда. Я невольно закрывал голову руками. Каски нет — плохо. Уже перед Керстовом и далее — провода порваны бомбами, перепутаны, цепляются за колесами грузовиков. «Воздух!» Самолеты бомбят. Смотрю на себя и доволен: я, кажется, меньше всех думаю о ежеминутной опасности. На обратном пути метал гранаты, стрелял из пистолета. Во 2-м батальоне дали мне 160 патронов ТТ. У железной дороги развал всякого добра. Я набрал патронов для нагана, 2 гранаты (потом метнул, одна не разорвалась, и я рискнул взять ее, вставил новый запал и метнул снова). Привез полного Пушкина (выменял дорóгой на гильзы от немецких мин). Написать: «Ночь на фронте».

23 августа. Выпустил № 5 «ЗБ» экстренный. С полковым комиссаром Никулиным ходили в Матию к остаткам батальона Полозова. Они были под Кингисеппом, и из 850 вышли человек 50. Сейчас собираются. Есть уже около 200. С ними был и Якобсон. Где он? Там же погиб наш политрук Соколов (из ПО).

[*Из блокнота.*] Рассказ о бое под Кингисеппом. Сидим в доте. Я удивлен: бойцы чувствуют себя прекрасно, бодро, никакой угнетенности.

Никулин хорошо начал беседу: «Винтовочки заедало? — Заедало.— А вот мы в Гражданскую войну затворы мочой своей промывали».

Один боец говорит: «Мы не чувствуем себя побежденными, чувствуем себя победителями» (Блинников).

Плохо работала связь (били по своим), разведка. Командиры и политруки после приказа о расстреле трусов лезли вперед, и почти весь комсостав был побит (это уже перегиб, комсостав надо беречь). Не было самолетов, а пушки и минометы дотов не пробивали. Не было танков (2 были подбиты с самолетов, 3-й удрал — «этакая дура, мы в одних тельняшках лезем, а она — танка —

уходит!»). Недостаточна артиллерийская подготовка. Кукушек не сняли, а они очень метко бьют.

«Если б дали подкрепление — мы город взяли бы. 19-го доты немцами были оставлены, но у нас уже не хватило сил взять их».

«Дух-то у нас хороший, и не от чего ему быть плохим, только как-то неудобно получилось — мы больше могли бы сделать» (Блинников).

«В бой двинули сразу после двух больших переходов. Трусов в батальоне не было. Но вот ополченцы во время боя в лесу в карты играли («Мы в резерве!»)».

Полозов ранен дважды. Грушенко — в ноги. Сейчас за командира батальона Кузнецов. За комиссара старший политрук Козлов.

Вчера — сапоги, плащ-палатка, котелок, ложка, фляга. Я — солдат. О том, что «поэта беречь надо», и в голову, видно, никому не приходит. Наоборот, боятся, что я не полезу вперед их, под пули. А я уже все испытал, пока они тут сидят. Пока все счастливо. Только вчера вернулся весь в грязи. Под Кингисеппом погиб почти весь наш комсостав, полезли вперед. Стихов не пишу и, видно, не писывать. Денисевич в больнице, и Фомин выехал в ленинградский госпиталь. Командный пункт наш в землянках (блиндажах) и в палатках.

Получил стопку писем. От Гали еще за 31/VII. Оказывается, в «Известиях» была моя заметка «Артисты на фронте». Галя пишет, что передала письмо по радио. Эти письма слушают только в тылу, а не на фронте (москвичи, например). А мы и радио почти не знаем. Газеты редки.

У полозовцев настроение боевое — даже не ожидал... Это, пожалуй, и естественно: рады, что живы.

В ленинградских газетах уже обращение Ворошилова и Жданова и лозунги: «Все на защиту Ленинграда» (плакат).

24 августа. Весь день писал и печатал памятки. Вернулся наборщик Васильев из Ленинграда. Рожавины уже уехали. Ездил к полозовцам, обратно — в седле.

[*Из блокнота.*] Полозовцы: Козлов — старший политрук — военком батальона Полозова, был в бою с 3-м и половиной 4-го взвода; Чужинов — младший лейтенант пулеметной роты — неоднократно со взводом кидался на штурм дотов, где и погиб; Матвеенко — командир отделе-

ния — неоднократно бросался в атаку с гранатами к дотам (остался один); Ерохин, командир отделения — отбросило миной. Ходил на доты, бился отчаянно. Считали погибшим. Выполз ночью; Левадный — командир пулеметной роты, шел впереди роты. Тяжело ранен; Доброиос — младший лейтенант и командир 4-го взвода пулеметной роты, тоже — на доты кидался и погиб; Мордвинов — хорошо под огнем вел орудия на тракторе; наводчик Кузьмичев с первого выстрела поражал цель (церковь — пулеметное гнездо); связист Румянцев под огнем выполнял задание; расчет тащил орудие на себе метров 400. Дважды под огнем меняли позицию, обстреливали вышку. Лучше всех первый взвод. Санитарки работали великолепно. Рая Хлебникова погибла на передней линии в 80 метрах от дотов, перевязывая бойцов. Обозы плохо подвозят пищу. Пулеметчик Комиссаров под огнем на себе таскал пулемет, выдыхался, а лез вперед. Под огнем пробился на кладбище (один тащил) и оттуда начал бить. Пом. комбата Карпаух — все время впереди с бойцами. ⟨...⟩

25 августа. Выпустил № 6 «ЗБ», экстренный. Пришел приказ о штатах редакции и типографии. Буду подыскивать еще секретаря. Авиация противника активизируется. Ночью всех нас — работников ПО — вызвали на КП. Новый комендант генерал-майор Григорьев матерится так же, как и Денисевич. Он был на линии, уже в Войносолове. Дороги запружены. Лосяков один под мостом. Многие ранены. Ночью шли обратно, сбиваясь с тропы, светя под ноги фонариками. Все уехали ночью организовывать оборону. В ПО остались я — дежурный, Чудинов и Климов. Утром за Чудиновым приехал Никулин — и. о. начальника ПО и увез его. Войносолово тоже сдано.

26 августа. Написал и напечатал листовку «Товарищи балтийцы! Грудью своей прикрывайте командира и комиссара в бою!» Дежурю в ПО. Устал, хочется спать, спать. Написал письмо Бахметьевой в ССП.

Наш двухкрылый самолетик бойцы называют *чайкой.* Немецкий двухкорпусный разведывательный — *стрекозой.* Зажигательные бомбы — *«зажигалками».* Ходят самые разные, часто провокационные слухи, потому что связь и информация слабые. Иногда слухи как будто и в нашу пользу, но в конечном счете они приводят к разочарованию и вредят. Например: Турция объявила войну Гер-

мании; Америка ультимативно потребовала от Германии вывода войск из СССР; наши взяли Минск, Смоленск, Варшаву и проч.

27 августа. Дежурю 3-й день. Кто же будет писать и выпускать газету? Вечером погрузились на машины, чтобы покинуть Понделево. Немцы обошли Котлы и уже у озера Бабинского. Бригада Лосякова деморализована. Снаряды рвались у Понделева и летели дальше. Спал в НО. Шел дождь. Всю ночь прождали приказа о выезде. Взяли всех свиней. Девушка Вера (которой Климов просил написать любовную надпись на открытке) — остается?

28 августа. Утром выехали. Дождь, грязь. Остановились на одной высоте за гарнизоном Пейпия. Приказано было остановиться в лесу, но мы вернулись в гарнизон из-за плохой погоды. Вечером устроили кино — «Щорс». Бойцы говорят: «Правильно, именно так немцы идут». (Они шли по ржи.) Атака немцев сделана очень правильно. Читали свежие газеты (от 27/VIII) — нота Ирану, образование Военного Совета обороны г. Ленинграда, нота Японии о «деликатных затруднениях» ее в связи с поступлением военных товаров из США во Владивосток.

29 августа. Я со своей командой (типографской) ходил на стрельбище. Ленинград, как передал наборщик Васильев, к обороне готовится основательно. Будет стыдно перед всем миром, если мы сдадим его, пусть даже на время. Нельзя сдавать! Лучше умереть, чем отступать дальше. Стыдно, стыдно отступать все время. У нас на фронте явно не хватает авиации.

Мерцание уток в полете. Днем видел: девушка Вера из Понделева приехала на грузовике с военными к нам. Печатник мой — Нахтармин — из числа ловкачей, блатеров. Смазливый, масленые глаза. Ему все удается, в Понделево уже проник в командирскую кают-компанию. А наборщики его не любят. Он хвастлив, немножко лжив. Обвесил себя оружием, пулеметной лентой, а, конечно, не вояка.

30 августа. Приехал с типографией в Лебяжье. Свалили ее в школу, и грузовик отправил обратно в Пейпию. Спал в типографии. Сон: Елена Первенцева нашлась, мы счастливы и укрываемся от немецких бомбардировщиков.

31 августа. 3-х наборщиков взяли в типографию «Боевого залпа». Нахтармина отправили в запасный полк в Ленинград. Я остаюсь в качестве поэта-корреспондента при газете. Спал.

1 сентября. Ездил в Ораниенбаум, сдавал типографию, часть имущества передал «Боевому залпу». Редактор мл. политрук Кириллов (из Сталинграда), секретарь — Можанет (украинец), зав. типографией ст. сержант Черпятьев. Перевел детям 400 р. Гражданскому населению живется куда труднее, чем нам,— работы по обороне, карточки и пр.

Вчера Соколов рассказал: из Муккова Школа удрала, бросив все, хотя еще 2 дня можно было жить и тем более все вывезти. Но все, даже вещи бойцов, сожгли. Соколов — калека, он ничего не мог сделать. Часть муки и хлеба взяла пехота, и за это Зеленюк пригрозил убить Соколова.— Если вы наш, вы меня не убьете, если не наш — бейте.

В финскую кампанию часовой задремал. К нему пришли 13 финнов, чтобы сдаться. Взяли у сонного винтовку, потом отдали, и он, скомандовав «руки вверх!», привел всех, как пленных, в штаб полка. А полк, основываясь на их показаниях, быстро продвинулся на 6 км. Полковой командир получил звание Героя Сов. Союза, не участвуя в боях.

На складе рассказали: транспорты из Таллина шли без сопровождения с воздуха и погибли десятки тысяч людей. Что это такое? Разговаривал с полковым комиссаром Никулиным. Говорит: в гражданскую войну дух бойцов был выше, чувствовалось возбуждение, подъем, больше было и организованности при отступлениях. Сейчас как-то мертво все, какая-то подавленность чувствуется. Не услышишь ни одной песни. С гражданским населением армия по существу не общается.

В ПО Ижорского укрепсектора сегодня было совещание. Меня не пригласили. Краснов объяснил: мое пребывание здесь еще не узаконено. А я уже было загрустил. Лучше дежурить опять по 3 суток подряд, но не быть в стороне от политической жизни, от большой жизни.

2 сентября. Согласно приказа о штате редакции «Залпа балтийцев» мне доплатили 100 р. за август. Штаб ЗУРа все еще не расформирован, толкутся в здании школы, есть своя кают-компания, камбуз — едят, спят. День провел у бригады артистов в мезонине. Яичница из 6 яиц, потом ужинали.

3 сентября. Перебрался из типографии в каменный дом военного городка на квартиру начальника КЭЧ Мандрико. Квартиру сегодня вымыли. Мандрико — украинец,

видимо, с юморком. Вхожу к нему в кабинет: — Вы Мандрико? — Да, я у телефона. Что скажете?

И в этом доме бродят голодные злые кошки. Днем и ночью они ревут ребячьими голосами, не дают друг другу прохода, дерутся.

4 сентября. Вчера начал, сегодня дописал полосу для газеты «Боевой залп». Выехал в отдельную бригаду моряков — бывшая Лосякова, сейчас Луцкого.

[*Из блокнота.*] Еду на линию, в Ракопежи, все берегом залива. В Устье остановка (ехал на оказии — грузовике). 2-й батальон 5-й бригады участвовал в бою под Копорьем. Старшина говорит: «Озверели люди, устали. Применяю оружие». Боец-радист к/ф Бобков рассказывает о Боковне: «Командует тихонечко, спокойно.— Рота — так пойдет, я так пойду, а вы — так.— А кругом пули свистят». Комиссар 2-го батальона Громов: «Участвовали 3 батальона. Зря послали народ второй раз под Кикерицы. Вернули. Надо было укрепиться в Войносолове. А здесь посадили людей уже разных — сброд. 29-го отвели бригаду. Боковня пять раз атаковал в Копорье. 150 чел.— 80 чел. 40 чел.— 3 чел. Была толкотня, плохая связь. Нет пороху, плоха артподготовка. Противник до 6 утра ведет беглый огонь. Нашей авиации почти нет. Они бомбят мелкими бомбами». ⟨...⟩

5 сентября. Спал на деревянном диване. Утром старший политрук Маврин показал мне ППД. Я разбирал, чистил.

Рассказывает начальник ПО полковой комиссар Нелюбин: «Я в бригаде с 28-го. Прибыли в район Копорье. Было только 250 чел. краснофлотцев. В боях под Кикерицы — Войносолово большие потери. Под Кикерицами приказ об отходе получили утром. Отход на рассвете. Авиация на бреющем полете осыпала местность разрывными пулями. Ранен Лосяков, начальник ПО — Алексеев, Антонченко. Управление было нарушено. Батальон бежал группами. Отдельные группы попали даже в Кронштадт, Ленинград, Ораниенбаум. Бежала часть командного состава. Состав, оставшийся у Копорья, не представлял собою боевой организации. Все напуганы авиацией.

Я и военком Карев, получив назначение в Кронштадте, информированы были не точно. Стали формироваться. Станковых пулеметов нет, ручных — 4. Артиллерии дивизионной по существу не было, были отдельные пушки. Стали формировать 1-й батальон и артдивизион. Ночью на 28-е стали подходить группы людей. 29-го днем людей

было уже до 450. Укомплектовали комполитсостав. К вечеру 29-го второй батальон был уже собран, но командиры еще не узнали своих людей. Отдыхать не пришлось. 29-го ночью приказ: «В бой за Копорье». Выслали роту, потом 1-й и 2-й батальоны. 30-го они ведут бой за Копорье. В ночь на 31-е пришел 3-й батальон, который действовал самостоятельно при 8-й армии. С ним пришла и 1-я батарея. Стало всего до 1000 человек. В ночь на 1-е сентября Копорье было атаковано врагом 6 раз. Потери большие. 1-го и 2-го — бои. 2/IX ночью последний бой на рубеже у Копорья. Попытка окружить наши батальоны. Отбили контратаками. В 3 часа 3/IX приказ отойти в Ракопежи.

За время боев из мешка вышла 8-я армия (до 5-ти дивизий) от Котлов, Великино, Ручьев. Враг хотел пробиться к Керпово. Огонь мы сдержали страшный. Людей из ДНО приходилось держать с огромными усилиями».

1-й батальон — командир был Полозов, сейчас Карнаух, комиссар был Лебедев, сейчас Михайлов. 2-й батальон — командир Боковня, комиссар Громов. 3-й батальон — командир Трофимов, комиссар Бывалов. Лебедев идет комиссаром в танковый батальон. Он был танкистом.

«Героически вел борьбу батальон Трофимова — самый горячий бой. На правом фланге прекрасно дрался Боковня, не однажды ходил в контратаки (6 раз). Салько с ротой ходил в атаку на Копорье несколько раз. Крепость захватили фашисты, наставили там минометов. У церкви пушка била в лоб. Салько взял половину станции Копорье обратно, держали до приказа об отходе (северная часть) вместе с Полозовым».

Лебедев раз десять ходил в атаки. За спиной у него новое оружие — автомат «кукушки» (взял под Алексеевкой).

О себе Нелюбин: «Окончил в 40-м году военно-морской факультет. Был военкомом инженерного батальона. Строили береговую батарею на острове Эзель. Бетон. Сейчас она и держит остров. Воевал в Таллине. 26/VIII в Кронштадт. Из Таллина все время шли с боем. Спасли много людей. Один танкер получил 3 прямых попадания бомбардировщика. На нем было до 900 человек. Нас атакуют пикировщики. Я предложил капитану спасать людей. А шлюпки мы уже сбросили все. Ратченко решил спасать. Под огнем авиации мы повернули и спасли людей. Люди, поднятые на борт (эстонцы), целовали краснофлотцев: «Мы не думали, что повернете под огнем. Ра-

довались, плакали, благодарили вас и бога». Из 5-ти больших кораблей вернулись только 2 — «Жданов» и «Аэгна». Я был на «Аэгне». ⟨...⟩

Говорит военком Карев: «Мы спасли 8-ю армию (5 дивизий), обеспечив ее отход из мешка».

Рассказывает Карнаух, лейтенант: «В Копорье сформировал истребительную роту по приказу ЗУРа от 27/VIII — 41 г. Приказ отправиться с ротой в район Копорье в распоряженье Боковни. Занял дер. Ивановскую. Находился в этом районе до вечера. Вечером — на опушку леса (район обороны). Разведка установила — враг движется к Копорью: 4 танка, до 2-х взводов пехоты. С обеда враг продвинулся в Копорье, оттеснив 1-й батальон Полозова. Нас не тронул. Соединиться с Боковней и Трофимовым не удалось. Стал действовать самостоятельно. Занял окопы, окраину деревни Копорье — все удачно. Танки врага (2) в лоб стали бить по нам. Остановился. Продержался до 10 ч. вечера. Дамский пошел в штаб за подкреплением. Из штаба не вернулся, ушел в батальон Полозова. Утром я вышел к деревне Широкое и с ротой Трофимова пошел в атаку. Заняли оборону возле реки Копорки. Держались до вечера. Вечером по приказу отошли ниже, в лес. Людей я почти не знал, всего два дня как принял роту. Один боец сам вызвался в разведку. Он сейчас связной комиссара 2-го батальона — Докучаев. Отважно вел себя политрук Федоров, заворачивал людей».

Партсобрание 1-го батальона бригады Луцкого. Итоги прошедших боев и задачи коммунистов в предстоящих боях — комиссар Михайлов: «Враг у Ленинграда. Больше мы отступать не можем. Враг может пройти только через наши головы. Есть трусы. Пулеметная рота до сих пор странствует. Неорганизованность наша бьет нас. Никто из командиров, из коммунистов не расстрелял бегущего — нет жестокой борьбы с ним. Убыль оружия гораздо больше, чем убыль людей».

В прениях. Комбат Карнаух: «Коммунисты не всегда в авангарде. Коммунистам надо держать всегда в боевой готовности себя, других и оружие свое. Это последний наш рубеж». Ильин — политрук роты говорит об организационных неполадках в бою. «Берем на бога, храбростью. В атаку идем ночью — кричим. И бьют нас «кукушки». И силы свои обнаруживаем. Отступаем, не повидав немцев в глаза». Стоякин — старшина: «Город Ленина — сердце моряков. Не отстоим — зарываться в землю самим». ⟨...⟩

Потом выступал я. В момент моего выступления была бомбежка, все побежали из избы. Командиры показали себя: «Не бегать, ложись». Все сели на пол. Я стал продолжать речь.

Мальчонка Салохин Володя Михайлович, 1927 г. рождения, украинец, подал заявление в ВЛКСМ. Его берет к себе в танковый батальон Лебедев. Лебедев рассказывает: «В штыковую атаку моряки идут, сбросив каску, надев бескозырку. Сейчас бескозырки отобраны».

Бойцы Лебедева: Фролов — комвзвода, находясь в окопах под сильным огнем противника — минометным, пулеметным и двух танков,— все распоряжения выполнял четко, спокойно. Бойцы видели его образцовое хладнокровие (как будто ничего нет опасного) и не думали уходить из окопов. Держались долго и верили в победу с таким командиром. Саранкин — в Копорье с двумя бойцами по чистому полю под огнем выволокли на плащ-палатке раненого бойца. Заметил, что бойцу плохо, приказал встать и нести. Вынесли. ⟨...⟩ Говорит батальонный командир Чистяков: «Коммунисты, и комсомольцы, и беспартийные слились — в бою не различить. Баженов — его знает народ, и он хорошо знает личный состав. Враг наступал. Шел минометный обстрел. Часть бойцов соседних подразделений (не краснофлотцы) стала отходить. Баженов, чтобы сдержать волну отхода, организовал из отходящих взвод в количестве 40 человек. Поговорил с ними и повел их в атаку. Шли до Копорья, залегли в траве. Атаку врага отразили метким огнем.

Чалов — наводчик батареи. Шел обстрел с самолетов. Близко стояла машина с боеприпасами. Она загорелась. Шофер дал тягу. Чалов, попросив разрешения командира, подполз под минометным огнем к машине, снял шинель, накинул на капот, потушил. Сел в кабину и увел машину, рискуя своей жизнью. Бензобак пробит».

6 сентября. Ночь. Вернулся с фронта. Жив. 8/IX поеду снова.

Стихи: 1. Комиссару Лебедеву. «Мы вместе с тобою лежали в окопе». 2. Пишет девушка на фронт: «Я люблю тебя, мой милый». А он уже убит. Шел, тоскуя о любви. Где ты раньше, девушка, была? 3. О Ленинграде: «Не будет этого, не будет!»

6-го выехал с Лебедевым (он едет в отдельный танковый батальон комиссаром) и Левченко (он — в Крон-

штадт) в Лебяжье. Долго пробыли в тылу бригады. Левченко просил дать сухой паек на 2 дня. Дали всего-всего на 5 дней (и водку).

В лодке к берегу прибило шлюпку с двумя трупами: один майор.

Дорогой на заставе один пригрозил: «Стрелять буду. Ваши документы?» Лебедев как вскочит да за автомат (немецкий, для «кукушек»): «Я тебе постреляю, стреляло какой нашелся. Ты *там* постреляй!» Взяли на машину раненого. В машине взял каску.

7 сентября. Днем писал в газету. Ходил в баню. ЗУР уже разъехался. Еще для ЗУРа в Ленинграде были подарки. Просили послать свою машину, но машины дать не смогли и оставили бойцов без подарков. Здесь повторяется такая же история.

8 сентября. Сегодня на фронт не уехал. Написал стихотворение о Ленинграде и несколько заметок.

15 сентября. С 9 по 14 был на фронте в батальоне Боковни. *12 сентября ходил в разведку первый раз* — в деревню Елизаветино, занятую немцем. Когда нас отрезали, я оказался за командира. Вышли все. Ранен один. Подробности писать не буду — так свежо все будет.

9 сентября. [*Из блокнота.*] Еду на фронт. Ехали с кинопередвижкой. Читал стихи. Взял с собой фотографа Дома ВМФ. Поедем к Боковне и Карнауху. Ночуем в тыле 2-го батальона в Устье. Принимают как гостей, пьем, едим.

10 сентября. Доехали на машине до Ракопеж. В лесу встретились три разведчика: командир разведотряда 2-й бригады старшина Николай Федорович Гараповский, Лебедев Александр Васильевич и Рябов Василий Александрович.

Гараповский рассказывает: «Под Копорьем пулеметчик Громадин, стрелок Белоусов и пулеметчик Беляев спасли раненого командира. Громадин сдерживал и рассеивал роту противника. Беляев был ранен, но вел огонь по амбразурам танка. Танк встал. Вторично ранило в спину. «Кукушку» снял. Дорогой ранило еще.

Лебедева спас противогаз — весь разбило (в Керстово). Шли в разведку. Рябов был пулеметчиком № 2. № 1 погиб — от немцев были метров на 35. Я подал ему второй диск. От жажды боя (увидел немцев) он не сменил позиций, и пулеметная очередь перерезала его. Мертвого тащить трудно. Помогли оттащить. Осталось нас двое.

Лейтенант Милько прикрыл огнем из пулемета (убит). Похоронили позднее, когда пошли в атаку.

Кучеренко — командир отделения был ранен. Но азартен. Увидел убегавшего немецкого офицера: «Стой!» Тот бежит. Раненый Кучеренко бросился за ним и заколол его (3 удара ножом)». Гарановский говорит: «Это прекрасный человек». О себе не говорят, кроме Рябова. Лебедев говорит: «Я стараюсь забывать».

Вчера они (разведчики) были в штабе 2-й бригады. За ночь выполнили задание. Утром снова идут туда. Чего не ожидал, так это того, что Гарановскому — 23 года, Лебедеву — 25 лет, Рябову — 22 года. Участок держится исключительно на балтийцах. Они верят, что немца мы еще погоним. Вера эта часто уже ослабевает у пехоты, запасников, ДНО.

Идем дальше. Выгоревший бор, а кругом болота. Токуют тетерева (8 часов утра). Думаем: тетерева ли?

Докучаев Петр Михайлович — пятый год во флоте, старшина 2-й статьи, из Ивановской области. Рассказывает: «В Копорье. Занимали оборону на правом фланге. Связи с левым не было. Пошли в атаку. Противника выбили пулеметным огнем, гранатами. За деревней — танк, бьет прямой наводкой. С командиром Карнаухом осталось человек 25. Другую половину деревни нужно было обследовать. Вызвался один я. «Разрешите». Вышел на раздорожье, кусточки, картошка,— заглядываю в дома. Один немец из автомата начал строчить. Я — гранату. Немец хотел бросить ее назад. Взорвалась в руке. Танк стал бить по мне. Шум...» Высокий, черные усики, 23 года, лицо интеллигентное. Сейчас адъютант комиссара. 〈...〉

Пошли с Дамским, Докучаевым и другими в обход линии фронта. В Средних Лужках из хлева стрелял из ручного пулемета и автоматической винтовки — немцы видны. Командир взвода Кирьянов вышел из блиндажа — они (рота) сидят, выйти нельзя. За стогом сена лежит труп. Идем дальше. Нашу группу заметили и дали залп из нескольких минометов... Сидим в блиндаже, пробрались. Они больше суток не ели. Повозка была обстреляна. Это отдельная рота добровольцев, приданная Боковне, их 109 чел., убыль 7 чел. Народ собран не привыкший к походной жизни. В морской обуви сейчас делают большие переходы. Не жалуются. Держатся хорошо. 〈...〉

Идем дальше. Встретили разведку. Ночью в душном

тесном блиндажике командир берет телефонную трубку и говорит: «Алло, говорит Москва».

11 сентября. Сижу на КП Боковни. 10:30. Готобужа занята дивизией 125. Немцы отступили на гору и бьют оттуда из минометов.

В лесу много ягод — брусники. Сегодня солнце. Спал в блиндаже КП. Ноги сырые. Вчера ночью шли лесом, просеками. Штык воткнут в земляную стенку блиндажа, и на нем повешена телефонная трубка. Сидим на еловых ветках. Телефоны на ящике из-под пулеметных лент. 〈...〉

После 12 дня пошел с Боковней. Сегодня задача выровнять правый фланг, взять Елизаветино. Капилов пойдет в северо-восточном направлении в 15 часов. Он — украинец, широкоскулый, большеротый, в бескозырке (каску украли). Боковня накануне дела утром еще раз лег поспать — разумно, ибо ночью шел бой, перестрелка, и он некоторое время не спал. Начальника разведки командира взвода 1-й роты Турусова с 20 человеками посылают вперед.

Возвращаемся... Я пошел один. Зашел далеко. Место незнакомое. Боясь попасть в расположение противника, вернулся. Нашел меня писарь батальона, посланный за мною Боковней. 〈...〉

12 сентября. Спал вторую ночь у Боковни. С ним батальон. Разведка 1-й роты в бою. Из КП Боковни поступают требования к полковнику Горобец — обстрелять артогнем тот или иной участок. Дамского отозвали в ПО бригады. Военкомом назначили Басилова. Дамский телефонирует: «К вам направлен горячий обед, приготовьте бойцов к принятию пищи.— У нас котелков нет.— Начинайте продумывать этот вопрос. Времени у вас много — 3 часа. Думайте».

Днем в 1-й роте (Капилова) ходил в разведку — человек 15—20. Командир Турусов, политрук Гриценко. Забрались в Елизаветино, в скотный двор. Нас пропустили и начали бить из минометов, пулеметов, автоматов. Турусов во двор вообще не пошел, политрук растерялся. Скажу прямо: не будь меня — погибли бы люди. Вынес еще пулемет Дегтярева, два полуавтомата и винтовку. Вересов Иван Иванович — ранен. Росляков Евгений Егорович, ленинградец, не оставил его. Платонов Михаил Александрович нес оружие, я — пулемет. Дорогой обратно — догнала коляска с ранеными. Вернувшись из разведки целым, Ольхин Николай Алексеевич, из Карельской ССР, сразу же был ранен в окопе.

Не будь я писателем — знаю, я был бы представлен к награде за эту разведку, с учетом моего участия в предыдущих боях. Один автомат взял себе, полуавтомат отдал фотографу Плавнику.

Батальон Боковни передан 5-й бригаде и назван 3-м. Тыл его в Ракопежах. Штаб 2-й бригады (снова Лосяковской) из Ручьев выехал.

13 сентября. Очень сильно кашляю. Днем большой бой. Очень плохо стреляют господа фашисты. ⟨...⟩

14 сентября. Утром на автомашине выехали в казармы с Пайкиным и проехали в Ракопежи. Около Устья долго ждали попутного грузовика.

15 сентября. Редактор Кириллов, видите ли, недоволен, что я долго жил на передовых позициях.

Днем познакомился с Ольгой Николаевной Дик, женой военного инженера. Муж и сын были в Таллине. От сына уже есть весточка: три часа продержался в море на воде и сейчас лежит в госпитале. О муже — ничего, а он был вместе с сыном. С нею дочь Нина Петровна. В Кронштадт, к сыну (морской госпиталь), Ольгу Николаевну не пустили. Долго сидели. Мать плачет. Потом кино в черном бараке: «100 мужчин и одна девушка».

Темы. 1. Боковня. Сейчас командует батальоном. Отчаянный парень — вызвался командовать отчаянными ребятами (штрафная рота). 2. Пленный фашист: — Я рабочий.— А награбленные часы, цепочка выдают с головой. 3. Читаю Пушкина. 4. Тетерева токуют. Тетерева ли? Иду на ток. Но кто-то выстрелил раньше меня, и с дерева фашистская «кукушка» свалилась в мох, патронами звеня. 5. В разведке. Скотный двор в Елизаветино. ⟨...⟩

17 сентября. Утром выехал в 5-ю бригаду вместе с секретарем парткомиссии Заигровым. Был в 10-м батальоне. Ходил в Керново: северная часть наша, южная — немцев. Неразорвавшиеся снаряды. Огромные воронки от авиабомб, сместившийся амбар.

[*Из блокнота.*] Сидим у блиндажа в Керново. Избы разбиты. Трубы. Сосны исщеплены. Я заходил в избу к мосту, смотрел в бинокль в лес — противник рядом. У 10-го батальона есть две своих коровы, возят сюда молоко. Коров взяли еще в Усть-Луге.

Приехал комбат капитан Андреев (10-я ж. д. батарея). Вчера два комвзвода сбежали к немцу, взяв с собою бойцов. Первый сказал, что идет с двумя бойцами в разведку с согласия комроты. Испортил пулемет. Второй работал

на секретной работе. Кадровый командир. Понижен был из-за трусости. Увел с собою одного бойца. Андреев говорит: «Как я покажусь на глаза генералу?! Фронт 10-го батальона от Керново до Средних Лужков — км. 8—9. Слишком велик. Стоим на этом рубеже уже 10 дней. Отбивались. Первые дни наши дела были хороши, было что рассказывать, сейчас эти два гада все испортили». Андреев не пьет и не курит вовсе. 〈...〉

Говорит уполномоченный особого отдела Усольцев: «Клава Соловьева (зовут только Клавой) работает парикмахером. Но поспевает брить, стричь, готовить обеды, перевязывать больных, ухаживать за ними, мыть полы, подметать. Внимательна, самоотверженна. Выздоровевшие бойцы посылают ей приветы, письма: «Клаве, Клаве!» Муж во флоте. Работает добровольцем, сама заходила на передовую, возит раненых с передовой в лазарет. Все отзываются одинаково: идеальная женщина. И никто не знает ее фамилии».

Вечер 17/IX. Перешел во 2-й батальон. Командир ст. лейтенант Низовцев здоровенный, с добродушным лицом крестьянина, парень, ленинградец, награжден орденом Кр. Звезды за финскую кампанию. Военком — ст. политрук Емельянов Сергей Иванович. Оба очень гостеприимны, внимательны, печать уважают. Оружие во 2-м батальоне содержится в образцовом порядке.

18 сентября. Емельянов рассказывает о бое под Копорьем по схеме расположения войск (3/IX-41 г.). Вышел с тремя навстречу немцам к опушке леса. Отличившиеся бойцы: Ельшаев, Яркин, Пóдать.

Яркин Аркадий Миронович, 1915 г. В блиндаже под корнями ели читает стихи:

Не от первого холода в звонкой крови,
Не от черствых годов с роковыми морщинами,
Не от первой от самой горячей любви —
Мы от первого выстрела стали мужчинами.

Михаил Дудин

В противогазе книга. Яркин пятый год во флоте. Штурманский электрик. Плавал на «Октябрьской революции». На сушу вышел 10 июня на демобилизацию (числа 25 июня). Но 22 началась война и меня оставили (подал рапорт, чтоб послали на передовые). До войны — слесарь на электрозаводе.

Про Копорье: «Был в группе военкома Емельянова. Мы были в центре обороны на высоте. Задача — держать высоту, чтоб не дать немцам зайти в тыл нашим.

Командиром был капитан Салищев. Неожиданно с тыла ударили из кустов автоматчики. Наш взвод пошел гнать их. Я был снайпером-наблюдателем. Немцы стали отступать. Одно наше подразделение (Скворцова) оказалось в кольце. Салищев пошел на выручку.

На КП остались человек 70—80 под командой военкома. У нас остался один пулемет — ДП. Военком приказал занять круговое охранение. Я — справа. Военком — в одной линии с бойцами. По нам стал бить станковый пулемет. У пулеметчика Чамара заело пулемет. Я докладываю военкому, а он подумал, что у меня полуавтомат испортился. Военком стал не спеша постреливать. Мы говорим: «Ага — есть, не по воробьям лупит». Немец решил взять реванш на нас, обошел нас — ослабленную группу. Пулеметы, автоматы. Мы ходим во весь рост — ничего,— плохо стреляют. Немцы тоже хотели ходить во весь рост, но мы скоро отучили, стали бить, как и военком, на выбор, наверняка. Минометы. Решили отойти. Я пошел в разведку. Кусты вдоль дороги. Нашел своего раненого, доставил его своим, снова пошел. Слышу шум моторов. С опушки вижу: около 25—30 мотоциклистов-пулеметчиков и несколько бронемашин. Понял: хотят взять совсем в кольцо.

Вернулся, доложил военкому. Он принял решение отступить в другом направлении. Я с военкомом. Приготовили гранаты. Немцы стали подгонять сзади во весь рост — автоматчики. Стали мы сбивать их. В леску фашисты. Мы выжили их гранатами и заняли их блиндажи. Из домиков бьют пулеметы — много. Туда проникли уже мотоциклисты. Военком приказал подтянуться для атаки: «гранаты к бою!» (пошли не все). Из домиков выбили (тут уж все подбежали). Дальше надо было пройти через линию ж. д. Тут убило пулеметчика Чамару (он свой неработавший пулемет тащил за собой, после мы исправили). Било пулеметов 10.

Мы опять в кольце. Бьют разрывными пулями. Одного командира пуля прошла насквозь через сердце, и спина дымилась. Военком принял решение бежать влево, а не в лоб. В домике военком уложил пулеметчика гранатой. Лезли через забор. Тут наших полегло много. На опушке я потерял своих из виду, отстал, устал так, что иду в рост, не берегусь. В леску один наш пехотинец стал сдаваться мне в плен: — Плен, плен!.. (принял за немца). Военком все впереди. Его гранаты везде летели первыми. По дороге человек 20 наших потерялось. Вы-

шло человек 40. Выход обеспечил военком. Бойцы говорили: — Ничего, военком с нами, пробьемся».

Яркин просит привезти художественную литературу. Емельянов с 20 года работал на водном транспорте. Начал с кочегара, дошел до помощника механика. 12 лет в подводниках. У него на каждый день план работы. Сделал из остатков батальона боевой дисциплинированный батальон.

На машине доехал до деревни Устье, познакомился там с полковником Зайчковским — комбригом, пообедал и домой.

Кириллову вчера указал на плохие стихи. Задаешься, говорит.

Белов — зам. начальника ПО — нет-нет да и крикнет. На войне я привык уже ко всему — к пулям, к минам, но не могу терпеть и никогда не привыкну к начальническим окрикам, ругани батальонных комиссаров. Нудная вещь!

19 сентября. Вчера у Белова встретился с военным комиссаром ИУРа полковым комиссаром Яичниковым и, воспользовавшись встречей и тем, что как раз просматривали списки партизанского отряда, выпросил разрешение пойти в тыл врага с одним из отрядов. Аргументация такая: писателю надо больше видеть. Эта война такова, что вопрос о жизни одного человека ни перед кем не должен стоять. Смерть и жизнь случайны. Где ты погибнешь — неизвестно. Русские поэты всегда и в войнах были образцом храбрости и инициативности при защите своей родной земли. Себя я уже проверил: был не в одном бою и в очень серьезной разведке. Здоров. Коммунист. Отец мой убит немцами — у меня есть и личные счеты с ними. Писатель-корреспондент — это не простой газетчик, который со слов других пишет заметки, я сам все хочу видеть и испытать.

Разрешение дано. Сейчас буду ждать отправки.

Скажу для себя: все продумал и решился даже на смерть, если выхода не будет — в плен сдаваться, срамить славу русских поэтов нельзя, потом я коммунист,— но вчера и сегодня все же чувствую что-то грустное. Образ Дениса Давыдова передо мною. Вот кому надо подражать. Буду думать о нем, о Лермонтове и надеяться на свою изворотливость и хладнокровие в бою. Ненавижу наших поэтических мальчиков, которые, сидя в тылу,

пишут: «Я сам колол штыком...» Жалко, что я сам написал еще слишком мало. Есть и тщеславные мысли: среди поэтов и писателей нет Героев Сов. Союза; умереть или стать первым Героем.

Стихотворение о детине Низовцеве — комбате. (После его убили где-то под Ораниенбаумом. Емельянову же оторвало ноги.)

Из Ленинграда вернулся писатель Успенский Лев Васильевич. В Ленинград можно пробираться только через Кронштадт. Мы уже отрезаны и от Ленинграда, а Л-д в свою очередь отрезается от Большой земли. Противник сводит концы финского фронта с западным. Здесь он близ Стрельны и Лигова. Ленинград бомбят и обстреливают. Гражданское население фанатически верит в моряков. Плохо используется радио. Во время бомбардировок — обычные передачи и музыка. Я должен еще повидать Ленинград.

Ночь. Когда уезжал из Москвы, да и сейчас тоже, я не чувствую, что когда-нибудь снова вернусь домой, проеду или пройду от Шарьи до Блуднова, вернусь в родную московскую квартиру. Грустно это, как подумаешь,— погибнуть в мои годы поэту, который еще почти ничего не сделал, а сделать может очень много. ‹...›

Эпиграф:

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

20 сентября. Написал стих-е «Товарищу по окопу». Прошусь в Ленинград.

21 сентября. Полковой комиссар Яичников разрешил мне выезд в Ленинград и подтвердил разрешение пойти с партизанским отрядом в тыл врага.

Написал стишок «Так держать» (о 3-х «кукушках» на опушке). Вчера и сегодня прочитал «Принц и нищий» М. Твена.

Вернулись сопровождавшие эшелон с женами командиров и комиссаров. Мытарства они претерпели страшные. Жены дорогой рожали. Эшелон обстреливали. В некоторые города просто не впускали их — все переполнено. Из Чебоксар поехали на пароходе вниз по Волге. Вернулись через Москву. Доехали до Волхова — стоп! Дальше ехать нельзя. В Ленинград пробились по Ладожскому озеру. Город и мы уже отрезаны. Веселенькое дело!

Сегодня ясная погода, и масса немецких бомбардировщиков снова летала в сторону Кронштадта и Ленинграда. Обратно идут по одному, тихо, спокойно. Наши зенитчики стреляют бездарно.

22 сентября. Плохо себя чувствую. Кашель.

23 сентября. Вернулся из Ленинграда Галинский. Я выезжаю сегодня. Надо пробиться, повидать город в эти дни. Получил кое-какой паек. Кашель сильнейший.

[*Из блокнота.*] Выехал из Лебяжья в Ленинград в 2 ч. дня 23/IX—41. Только что заехали в Ораниенбаум — как совершен был массовый налет немецких бомбардировщиков на Кронштадт. Очень красивое зрелище: небо в разноцветных дымках: в этом огне самолеты отчаянно пикируют. Один был сбит. Потом долго сидел у коменданта города, чтобы поставить штамп «Разрешается проезд через Кронштадт». За это время было еще несколько налетов. Сел на пароход без штампа. Только что подъехал к Кронштадту — опять налет. Мы стояли у пристани. Потом сразу на пароход в Ленинград. В кают-компании сидел за гостя, ужинал. Одно время они ходили по обстреливаемому фарватеру. Пробивались не всегда. Зенитки на баржах. «Октябрьская революция» ударил по самолету прямой наводкой из 12-дюймового орудия. Сбил воздушной струей.

В Ораниенбауме у дороги упал снаряд, и убило две лошади и в повозке краснофлотцев.

В 8 пришли в Ленинград. 2 часа ожидания регистрации у коменданта города. Ночую у повстречавшегося по дороге Владимира. Зашли к Прокофьеву, но их никого не оказалось. Боюсь, что заболею.

24 сентября. Сдал в ТАСС снимки для изготовления клише, взял готовые. Был в Доме ВМФ (привет Боковне от майора Фролова). Был в «КБФ». Сдал заметки. Самойлов просил нарисовать (одеяние мое, видно, привлекло). Поэтов не было. В «КБФ» — добавить о Боковне 6 атак в Копорье.

25 сентября. Спал у Прокофьева, у него остановился. Он сегодня уехал на фронт. Дал мне книжицу свою. С 23 (вечер) — в Ленинграде. Ходьба — ТАСС, «КБФ», «На страже Родины» (клише). Виделся с Семеновым — мл. политрук (в Гостином ряду), с Чудиновым.

26 сентября. Меня рисовал Самойлов в «КБФ». Город обстреливают и бомбят, но все это не так заметно, как по рассказам других, и не так страшно. Окна заделаны. В магазинах моих книжек нет. У родных Мандрико

роскоши много, но все такая старина, что кажется рухлядью. Мать его жены, старуха, лежит на диване, похожа на смерть, ее поворачивают.

Павел Долматович Роций (у Шах) и сестра Шах совсем пали духом, не верят ни во что и все проклинают.

С 28 сентября по 1 октября дежурил на пристани: мучительные, изнуряющие поиски средств на выезд из Ленинграда в Кронштадт или Ораниенбаум. Беготня по пристаням и в комендантскую. На водолее выходили, но вернулись из-за обстрела.

1 октября. Вышел в Кронштадт на катере бригадного комиссара Серебренникова. Сначала брать не хотел, ибо мне нужно не в Кронштадт. По Кронштадту бьют даже шрапнелью. Когда ехал вперед, видел три или четыре налета на него. Под один попал и я. Из Кронштадта — ночью на буксирчике в Ораниенбаум. Мотористы накормили хлебом. Ораниенбаум разбит. Представился мертвым городом. Люди в подвалах, в церквах. Ночью же — на оказиях, с ранеными — в Лебяжье. Ночь на 1/X и весь день Ленинград обстреливался из орудий. Вечерами и ночью бомбежки (28, 29 сент.).

Написал стихотворение против голубого неба — «Русскому здорово, немцу — смерть». От жены писем нет. Благополучно ли доехала она до Блудпова? Сердце замирает — так волнуюсь и беспокоюсь.

В Ленинграде дважды попал под бомбежку в районе улиц Володарского и Войнова. Из Петергофа немцы выбили наши части.

4 октября. Выехал в 5 бригаду к Боковне.

[*Из блокнота.*] Стихи: «Не осень позолотила березы, позолотил их огонь орудийный»; «Бомбы падают во дворы. Дом сместился (деревянный)».

Ночевал в Устье, в ПО 5-й. Вечером кино — «Антон Иванович сердится». Выступал со стихами.

5 октября. Утром — в тыл 3 батальона (Боковни).

Говорит интендант III ранга Бельтиков Александр Павлович: «Пайкин — начальник продснабжения. Работает день и ночь. Условия тяжелые. Доставлять пищу в 19 пунктов, км. за 12. На один пункт сначала на лошадях, потом на вагонетке (тяга — лошадь) — узкоколейка. У него есть незаметные работники, но исключительные.

Кузнец Старостин. Все лошади подкованы, следит за ними. Иные лягаются, не даются — ничего, устраивается. Сутками работает кок Бравый, не считается со временем.

Сперва был ездовым, потом рабочим на кухне. Кокам работать тяжело. Под деревом, в дождь, в темноте — круглые сутки варить. ⟨...⟩

Начальник ОВС батальона, ст. политрук Гавронов. Все достает, снабжает. Народ весь одел, обеспечил баню для всего батальона».

Рассказывает Пайкин о людях скромных, незаметных, но истинных патриотах: к/ф Сумлянинов — возит пищу под огнем. Проводил повозки через обстрел (под Копорьем), был связным. Метров на 100 от немцев был и сохранил питание. Был освобожден «по чистой» из-за слишком маленького роста, хотя просился в армию, призвали 8 августа (подвытянулся). К/ф Ершов вез пищу, начали обстреливать «кукушки». Он и другие загнали их в сарай. Потом Боковня заставил его носить раненых. Вынес 7 человек. Обратно возят раненых. Ершов — трудолюбивый, честный, довозит все своевременно. Пока не накормит всех, не выедет из-под огня. К/ф Березкин на обстрел не обращает внимания. Винтовку разбило, даже не повернулся, едет дальше. Лошадь волнуется — он нет. ⟨...⟩

Политрук тыла Локтионов: «26/IX трое сбежало к немцам — два раздатчика пищи и один возчик. Поехали с пищей, видно, сговорились, лошадь бросили в кусты. Вожжи с лошади сняли. Осталось разорванное письмо, паспорт».

В продснабжении 16 лошадей. Дают овса по 3,5 кг. в день. Сено колхозное. Несколько котлов под палаткой, под елками. Бегает пестрая кошка.

6 октября. Ночевал в блиндаже 3-го батальона 5 бригады. Собрались 3 комбата — Боковня, которого отозвали в Кронштадт на должность командира отряда особого назначения, но он опоздал; Евтушенко — временный комбат (комбат 4-го батальона) и Лосяков — новый комбат, бывший комбриг. Ездил с двумя комбатами в Готобужи. Обстреляли из минометов — минами и листовками одновременно. Укрывались в лесу в окопах. Ночью ездили в баню (завод Калищи). Веники. Теплое белье. Сервированный стол в санчасти в домике лесника. Басилов уехал. Я остался ночевать.

7 октября. Лесник утром ушел на охоту. Ходят лоси. Тетерева. Клюкву подали. Утро морозное, с инеем — все поэзия. Тихо, ясно. Дичи в лесу много. Только где-то на северо-востоке (под Ленинградом) — канонада (глухая, чуть слышная). Желтые листья падают, лужи под

ледком. Желна кричит. На пути в Готобужи по сторонам дороги много убитых лошадей, в Готобужах — воронок.

Партизаны 3-го отряда сидят («партизанят») в нашем тылу. Пройти пытались, да все неудачно. Один подорвался на нашей мине. Фашистский мотоциклист со станковым пулеметом хотел, видно, наделать шуму и взлетел на воздух. 5/X в тылу была обнаружена немецкая разведка в 7 человек. Думали, что это свои, убежавшие накануне. Ночью батарею нашу обстреляли (снарядов 100). В ночь на 7/X наши убили одного человека, у которого оказались документы эстонского советского работника. Может быть — наш, м. б.— шпион.

Копия одного донесения: «Командиру 4-й роты тов. Маркову. От разведчика Крупина В.: «Доношу, что в ночь с 6 на 7 окт. 1941 г. тревожил противника с группой в 5 чел. в районе деревни Фролевицы и Горбовицы. Взорвали две небольшие цистерны с горючим. Подожгли сарай, после чего было слышно 12 взрывов. Предполагаю, что в сарае находились боеприпасы. Противник открыл ураганный минометный и пулеметный огонь, отрезая нам путь отхода. В этот момент отказал ручной пулемет, не сделав ни одного выстрела. Пришлось переключиться на винтовки для того, чтобы дать товарищам выйти из-под обстрела. Вся пятерка вышла невредимой, только у некоторых товарищей прострелены местах в 3-х шинели. На наши 2 бутылки с горючим, две противотанковых гранаты и несколько обойм патронов, истраченных на мерзкую гадину, он истратил тысячи патронов, не одну сотню мин, лишился запаса боеприпасов и двух цистерн с горючим, больше полчаса палили в воздух, попусту тратя боеприпасы. Командир разведки».

Примечание военного комиссара Басилова о том, как «тревожил» противника Крупин: фашисты так растерялись, услышав взрывы в сарае, что начали бить из минометов по своим. Орел. Скромный, требовательный к себе — последний паек отдаст, ничего не просит, а в делах боевой. ⟨...⟩

Идем в 1-ю роту. Комсорг — Смирнова Вера Александровна, с 1921 г. рождения. На фронте с 29 июня. Под Кингисеппом была в атаке ранена в ногу, но в госпиталь не пошла. Говорит: «1-й бой я приняла под Кингисеппом. Раненых таскала на себе под Алексеевкой и под Готобужей. Под Алексеевкой ранен и умер Салько (в голову, в висок). Привезла в Кикерицы, но спасти не смогла. Начались судороги. Работала зав. секцией в Пассаже

(галантерейная база), из Пассажа добровольно ушло человек 20».

Утром сегодня (7/X) звали меня с собою со снайперскими винтовками к немцам Журило Иван и Докучаев Петр. Я не пошел: болели живот и голова. Докучаев и Журило ранены: первый — в бок, второй в руку. Подбили они человек 9. Журило, верно, опять скажет: — «Що там було, ничего не було. Що було, то прошло».— Журило не хотел оставаться в батальоне без Боковни.

8 октября. С 30/IX на 1/X перешли к немцам из огневого взвода батареи 3-го батальона 7 человек. Вчера 7/X недалеко от линии немецкой обороны была найдена листовка, написанная от руки и размноженная па шапирографе — обращение перебежчиков. Пишут: «Перебегайте, пока не поздно. Вы отрезаны от Ленинграда. Вы в заливе — пейте, купайтесь, хлеба дают Вам по 600 грамм, здесь так кормят только свиней». Листовка отправлена военкому бригады Соколову. Басилов предлагает обнародовать листовку, провести работу среди бойцов, издать приказ о предателях.

Вчера по дороге в 1-ю роту майор Лосяков рассказал о себе. Он из иваново-вознесенских рабочих. В 26 г. был призван, был красноармейцем. Далее — сверхсрочник, школа мл. комсостава и дальше до комбрига. Стал моряком. На финской командовал лыжным отрядом в 250 чел., где Боковня был комроты. Под Гостелицами (август 1941 г.) генерал-майор Григорьев дал его батальонам другое задание — взять деревню, не сообщив об этом Лосякову, и сам уехал. Бригада потеряла больше половины состава. Григорьев сообщил Военсовету, и Лосякову дали батальон. ⟨...⟩

9 октября. Из ПО 5-й бригады на грузовике в Лебяжье вместе с корреспондентом «КБФ» политруком Кондратюком. Кириллов (редакция) интригует против меня в связи с помещением моего снимка в «КБФ» от 2 октября.

10 октября. Отправил в «КБФ» корреспонденцию и стих-е «Не хочу голубого неба». Шел первый снег — сухие морозные хлопья.

11 октября. С письмами у дежурного штаба нашел сборничек «Боевая краснофлотская поэзия». Отстоим Ленинград! — выпуск 1-й. Есть мое — «Моряки Ленинграду».

От жены вчера — открытка. Переехала в Никольск.

В 17.40 выпала крупа, побелело. Мелкий снежок. Вчера и сегодня пишу стих-е «Тетерева», которое начал еще до выезда в 5-ю бригаду. Пишется очень трудно. Вечером закончил.

12 октября. Совсем разболелся. Собираюсь все же покончить с курением. Трубку уже отдал Мандрико. Мандрико привел военфельдшера Лебедеву Софью Васильевну, но мне было не до лечения. Завтра в Ленинград едет Черпятьев, и я писал корреспонденцию. Верховное командование отгородилось от нашей кают-компании, соорудив себе особый салон рядом с квартирой Мандрико.

13 октября. Выпал снежок маленький и держится. Черпятьев уехал в Ленинград. Я окончательно слег. Температура 37,9 °. Был врач. Вечером Лебедева ставила банки. Днем докурил пачку и на этом задержался.

Господи, если ты есть, помоги мне бросить курение навсегда. Больше обращаться не к кому. Врачи бессильны. Самого хватает только на несколько месяцев. А мне курить нельзя вовсе, иначе калекой буду.

Прекратил курение.

14 октября. Я лежу. Идет снег. Пейзаж уже совсем зимний, только еще клочки травы видны.

Все-таки многие люди у нас падают духом. Но даже и такие, слабые, вырастают, становятся выносливыми, упрямыми, крепкими, когда они в коллективе. Я тоже иногда начинаю грустить, но стоит коснуться локтем хороших людей, и я снова загораюсь, и в душе начинает играть музыка. А положение наше сейчас таково, что мне следует следить за собою, за своей сопротивляемостью. Именно сейчас, в дни великих испытаний Родины, как никогда, можно проверить силу своего характера и свою способность на большие дела. А сопротивляемость надо воспитывать в себе, без нее литератору жить нельзя. Друзей нет — плохо, я один здесь.

15 октября. Снег лежит толстым слоем, как зимой, и солнце. Бело, ослепительно. Лежу.

16 октября. Лежу. Меня кормит Рая из салона генералов. Хорошо кормит, но очень плохой аппетит. Сегодня был врач Антонина Ильинична. Требует перевода в госпиталь: с сердцем совсем неладно. А я это уже сам видел. Около 5 часов за мной приехала из госпиталя санитарная машина. С 16/X в госпитале.

18 октября. Вчера перевели из хирургического в терапевтическое отделение, в отдельную комнату. Доктор Антонина Ильинична Жигадло очень внимательна, она

понимает поэзию. В «КБФ» от 15 мое стих-е «Русские мы». Три строчки испорчены. От 16/X — «Фашистские мародеры грабят население», от 14/X — «Тыловики».

19 октября. Навестила директор кают-компании Анна Ивановна. Принесла вина, печенье и шоколад.

Сданы Брянск, Вязьма, Орел, Мариуполь, Одесса. Враг движется к Москве.

20 октября. Упорные бои на Можайском и Малоярославецком направлениях. Слушал радио — статью Толстого: «Кровь народа». Рассказано, как взрывали Днепровскую плотину, заводы и шахты Криворожья, Днепропетровска. Москва объявлена Сталиным на осадном положении.

В 17 ч. ко мне привели посетителя — мальчишку лет 6—7 в морской форме, с биноклем. Удивленно гляжу, а у самого дикие мысли: не Яша ли?.. Сегодня я весь день тоскую о детях. Видно, и они будут без отца, как я. Немцы убили моего отца. А мальчишка с бронепоезда пришел к раненому Попову — пом. машиниста бронепоезда.

21 октября. Вчера дочитал вторую часть «Морских рассказов» Станюковича и «Кренкебиль» Франса. Рядом со мною лежат партизаны, для них госпиталь — вид санатория, оправляются от голода. Один поет: «Хорошо тому живется, у кого одна нога, сапогов поменьше рвется и порточина одна».

22 октября. 4 месяца войны. Атаки немцев под Москвой отбиваются нашими войсками. Руководители одной обувной фабрики в Москве устроили раздел соц. имущества (валенки, ботинки, шевро) и хотели удрать из Москвы. 3-х расстреляли.

Снег стаял. Сыро. Был Кириллов. Были Ольга Николаевна и тетя Таня с букетом цветов (отдал больной сестре Зине). Была Анна Ивановна: вино, варенье, блины.

23 октября. Ночью всех больных госпиталя подняли по боевой тревоге.

Сдан Таганрог. Под ним полегло 35 тысяч немцев. Здесь есть сестры, у которых родители остались у немцев. ⟨...⟩

Мне после ночной тревоги стало хуже. Кровь. Были три врача — лежать. Был Л. В. Успенский. Были Галина Пугачева и краснофлотец. Позднее он принес газеты, письмо и открытку от Гали.

У меня на железной спинке кровати над подушкой подвешены карманные часы. В углу палатки стоит баллон с кислородом. Оружие пришлось сдать.

Вспоминаю дорогу к батальону Боковни, проходящую в болоте (пастил). По болоту долго била немецкая артиллерия. Рядом с дорогой — черные ямы, вода в них. Когда я шел из избушки лесника после ночевки в ней, справа, за болотом, на опушке сидели и токовали стаи тетеревов. Я стрелял по ним из пистолета.

Видел сон: в ССП — у секретарши среди цветов над столом портрет Сельвинского. Оказывается, он убит.

24 октября. Партизан Миронов Петр Иванович с 23 г. рождения, был слесарем, потом молотобойцем. Сначала был в народном ополчении, потом записался в истребительный батальон. 20 августа выехали из Ленинграда в Котлы. Отряд в 32 чел. Из Котлов пошли пешком за линию обороны, переночевали у своих бойцов, утром перешли линию немцев вместе с двумя другими отрядами. Отряд был очень пассивным из-за трусости командира и комиссара. Посылали разведку. Те докладывали: есть большое движение немцев, их машин. «Ну, завтра утром сходим». А утром откладывал на вечер. А после уже и движения не стало. 5 сентября съели все НЗ. Рыли картошку. Командир сам никуда не ходил, а картошки себе набирал вдоволь. А у бойцов было большое желание действовать по-боевому. Передвигаться в связи с отходом наших войск отказались, решив остаться в глубоком тылу врага. Взорвали два моста, подшибли одного мотоциклиста — и все.

В одной деревне разведка нашла повешенного советского лейтенанта с доской на груди: «Кто снимет, тот будет так же повешен». (Лейтенант был ранен. Его выдали немцам ребятишки. Ребятишек немцы подкупают, как и взрослых. «Сто рублей за партизана, двести за бойца».) В другой деревне мы, придя за картошкой, разговорились с населением: «Если партизаны, то берите картошку, накормим». У них есть свой партизанский отряд. Для обеспечения едой к каждому партизану прикреплена одна женщина в деревне, он к ней и ходит кормиться. Но есть в деревне же и предатели.

25 октября. Были: наборщик Гаврилов, инструктор ПО — Серебряков, батальонный комиссар Пухов, Заигров. Позавчера был генерал-майор Татаринов — начальник отдела формирования Балтфлота. Говорит, узнал по порт-

рету в газете. Слукавил, наверно: нельзя помнить портрет со 2/X и узнать по нему.

Ворона на вершине сосны: будто и выше ее ничего и никого нет.

Стихи. 1. Великая материнская просьба: отомстите. Плакат — у нее на руках изуродованный ребенок; 2. Победит русский народ — как нужно молиться на него. Поэма о русской семье. Отец — участник третьей войны, сын — краснофлотец (Митрофанов), другой — партизан, девушки — санитарки. На фронте постепенное накапливание боевого опыта. 3. Изуродованный на войне, не стыдись своего лица. Оно дороже и милей не тронутых пулями. 4. Поле. Остатки ржи. Противотанковый ров. Фальшивые лесонасаждения. 5. О бодрости, о выдержке духовной. Война тяжела. «Помилуй бог!» — говорил Суворов. 6. Гражданам города Никольска. 7. Жертвы наши велики. Но Ленинграда и Москвы мы в жертву не принесем. 8. На лыжи, моряки! ⟨...⟩

26 октября. Вчера поздно был Заигров. Сказал, что будто бы моя корреспонденция «Тыловики» неверна. Но ведь и Кондратюк из «КБФ» тоже получил сведения о хорошей работе этого тыла. Потом он говорил о каких-то сведениях насчет моих пораженческих настроений. Вот люди! Делать, видно, нечего, так они среди своих — врагов ищут. Неужели все это в связи с помещением моего снимка в «КБФ»? Уж не «проверять» ли меня начали вдруг ходить ко мне и работники политотдела (вчера трое в один день). И не Белов ли посылал ко мне Анну Ивановну, все время жалующуюся на свою боязнь. Как это обидно и противно.

Утром был Чернятьев. Москва держится хорошо: на орудийный выстрел она врага не подпускает. Но я иногда допускаю мысль, что мы и Москву можем сдать. (Об этом я с кем-то говорил.) Почему же это пораженческие настроения? Враг, не сумев взять Ленинграда сразу, перебросил часть своих сил на Москву (судя по газетным данным). Москва — мой родной город. Там мои книги. Все думы мои сейчас там. Гадаю и так и эдак. Конечно, и разговоры только о ней.

Заигров говорит, что будто Жигадло «натрепала». Разве она так неумна, что не отличает «права» от «лева»? Да что я такое сказал, не понимаю. Или виновато то, что я иногда, чтобы больше видеть, в разговоре с незнакомыми мне людьми становлюсь беспристрастным,

объективнейшим летописцем, а политагитатора ставлю в угол на горох?

На очередной пресс-конференции — 23/X — Лозовский сообщил о переезде части нашего правительства из Москвы в Куйбышев. Сталин и Государственный Комитет Обороны — в Москве.

«КБФ» до сих пор не помещает моего очерка «Дружба на фронте» и стих-й «Тетерева» и «Остров».

27 октября. Сегодня спал лучше. Пишу стих-е «Предатель». Врач хочет свозить на рентген. Мне очень грустно, одинокий я, друга нет. Право, лучше бы перейти в роту и стать рядовым бойцом,— тяжелей, но полноценней. Все-таки мы — не вояки здесь. А положение такое, что надо всем активизироваться и воевать не по кабинетам, а больше на поле. Сдали Сталино.

Перед ужином был Мандрико. Вечером читал стихи врачам Зоричу и Егоровой Елене Сергеевне.

28 октября. За ночь выпал глубокий снег. Все сразу стало зимним. Сегодня еще не выписывают.

29 октября. Снег держится. И воздух стал зимним, морозным. Зимнее солнце, ясь. Вчера врач Егорова Е. С. высказалась, что, несмотря на отрицательное показание рентгена, у меня, вероятно, все же туберкулез. Возобновился старый фиброзный процесс.

Долго сидел военком госпиталя Гольдберг. Рассказывал о наркоманах после гражданской войны и о лечении их. «В аптеку пришла красивая девушка за кокаином. Добился — созналась, показала, как нюхает кокаин, насыпая в ямочку на тыловой стороне левой ладони. Возбуждение приходит быстро. Знакомые работники ЧК, нанюхавшись, хватались за наганы: у дверей чудились подслушивавшие». Гольдберг был нач. фармацевтического отдела Наркомздрава Петрограда. Видел, как нюхают кокаин в уборных ресторанов. Написал докладную записку, свободный отпуск кокаина и др. наркотиков запретили.

Врач Зорич выслушал меня очень внимательно. Зорич предложил сделать переливание крови. Плохо мне. И хотят отправить на исследование в Ленинград.

30 октября. Харьков сдан по стратегическим соображениям.

Японский отряд в 20 человек 23/X перешел нашу границу и напал на пограничный отряд. Раненые с обеих сторон. Беспокоит это. Неужели и японцы ввяжутся?

31 октября. Вызвали специалиста-туберкулезника. Нашел меня непригодным к строевой службе. Какая-то осо-

бая форма туберкулеза, идущая через кровь. Переливание крови противопоказано.

1 ноября. Партизан Крат Андрей Васильевич рассказывает: «Действовали в Кингисеппском районе. Во время наступления противника незаметно для себя остались в его тылу. 32 человека. Первый раз в тылу были 15 дней, 2-й раз — два месяца, а продукты получили на 15 дней. Жили на подножном корму. Взрывали машины, повозки, мотоциклистов, резали связь, взрывали мосты, жгли казармы, в которых жили немцы. Я взрывал мосты. Да не надо обо мне писать! ⟨...⟩

В одну деревню разведка ходила за картошкой (днем), немцев не было. Мужчины убирают колхозный хлеб — немцы заставили. Выявили кулацкие элементы. Ночью пошли в эту же деревню. Были игры, песни, пляски. Под немецкий баян вывели у предателя корову и ушли неслышно. Большинство женщин спрашивали нас: «Как дальше жить будем? Скоро ли вернетесь?»

В одной деревне нашей разведке население рассказало: только что взяли трех только за то, что у одного нашли красноармейские сапоги, у другого плащ-палатку, у 3-го котелок. Наверно, расстреляют.

На полях видели: крестьяне копают картошку под охраной пулеметов и автоматчиков и носят ее в мешках на грузовики. Хлеб молотят: 75 % немцам, 25 % крестьянам. Приказ видели: «Всем гражданам этого селения быть от восхода до захода солнца в домах, выходить лишь по требованию германского командования. Помогающие партизанам подвергаются смертной казни, как и партизаны. О посторонних сообщать немедленно».

Выписался из госпиталя. Туберкулез легких — дали справку ВКК: годен для нестроевой службы.

В редакции Успенский, Зонин, корреспондент ТАСС Ойфа и сотрудник «Ленинского пути» 8-й армии — Хренков.

2 ноября. Утром спал долго. Ночью отапливал квартиру. Утром пришли ко мне разведчики Матьясов и Лапшин Юрий Федорович. Днем был у меня комиссар Андрей Андреевич Лебедев. Я обедал в кают-компании, вызвали по телефону из редакции. Скоро будет много танков, и мы договорились пойти в бой на одном танке вместе. Перевел Гале 500 рублей.

4 ноября. [*Из блокнота.*] Конференция боевого краснофлотского актива. От артиллеристов 2-й бригады боец, участник 1-й империалистической войны, доброволец.

Сын в армии — добровольцем, дочь — тоже. «Немцы своими автоматами только панику наводят». Реплика: «И то лишь на дураков». «Наша русская трехлинейная винтовка лучше всяких автоматов, только надо смело, крепко держать ее в руках, лучше целиться».

От бронепоезда № 7 (стукаловцы). По 20 самолетов летало над бронепоездом. Отбились. Здесь собрались люди из тех, которые уложили под Ленинградом 300 тысяч фашистов. Генерал-майор Локовников: «В районе Усть-Рудицы противник выпустил около 2,5 тысяч снарядов, а убил только 2-х лошадей».

От 2-й бригады морской пехоты мл. политрук Петухов. Комсомолец Вурсов в секрете был окружен 12-ю фашистами. 2-х убил, 4-х ранил, сорвав разведку боем; Алимра Тарзаев проявил исключительную смелость, разогнал немецкую разведку в 50—60 человек. Бился до последнего патрона. Потом бил гранатами. Потом снял патроны и гранаты с убитых и бился, пока не отбил немцев.

Разведчик Гарановский о Лебедеве (назвал, и стали аплодировать) — ныне он комиссар танкового батальона. С ним не раз побеждали. О мл. политруке Трусове: он был назначен политруком танковой роты. Моряк сел на танк, и рота победила. 2-я бригада моряков не посрамит земли русской.

От группы танкистов 2-го полка сержант Круглов: «Наши были в засаде, замаскированы хорошо. Увидели 6 немецких танков. Расшибли. Тяжелый танк пошел на сближение с тяжелым немецким танком и прямой наводкой расстрелял его. Мы много раз ходили в атаку с моряками. Радостно ходить с ними в атаку, они от танка не отстанут, на занятых рубежах быстро окапываются и не уходят».

Генерал-майор Григорьев (голос сорван, простужен): «Ни один советский человек никогда не сомневался и не сомневается в нашей конечной победе над фашизмом. Переход к обороне — начало гибели для немецкой армии. Наступление под Москвой по существу уже сорвано». Расхваливает 2-ю бригаду: «Держали стык под Котлами, в Войносолове, Копорье, после действовали в Гостелицах, действуют и сейчас. (Это интересно: вину, что ли, свою чувствует перед бригадой и Лосяковым или что другое.) У нас есть бойцы, которые, сидя на передовых, за все время войны ни разу не выстрелили из своей винтовки. А из винтовки нашей можно выводить врагов больше,

чем артиллерией. 1-я задача — изматывать врага, чтоб он головы поднять не мог. 2-я задача — оборонительные работы, оборона вглубь. Делать хорошие, удобные и прочные теплые блиндажи».

Выступление в стихах на конференции подготовил, но выступить не пришлось...

В заливе недалеко от берега за кромкой льда стайки лебедей («Лебяжье» — отсюда).

5 ноября. Пишу стих-е «Праздничные подарки» для газеты 2-й бригады «Боевая Балтийская» (по просьбе Зонина). А редактор не дал его. Опять неудача. Дали в газете 5-й бригады — Ручинский.

6 ноября. Стихи для первой полосы праздничной газеты — «Боевая годовщина». Кириллов заказал и тоже не дал — места не хватило. «Перебежчица» тоже снято. Звоню начальнику ПО полковому комиссару Медведкову: не нужно ли выступление поэта с октябрьскими стихами на торжественном заседании (форт «Ф»). Ответ резкий: «Нет!»

Речь Сталина. Немцы канонадят. Ночью под Кронштадтом видны разрывы зенитных снарядов.

Сбрил усы, предварительно сфотографировавшись.

7 ноября. С утра канонада: немцы гадят для праздника. В Москве — парад. 200 танков. Выступали с Мандрико и Галинским в клубе — для школьников. Школа не работает. В клубе школы днем собрание (и мое выступление) не состоялось: мало народу. Вечером выступил в клубе школы, сбился, забыв строфу.

8 ноября. Поговорил с Заигровым в отношении моих «пораженческих» настроений. (Было будто бы заявлено полковому комиссару Медведкову.) «Надо,— говорит,— все же написать объяснение». Попробуй вот доказывай, что ты не верблюд. Мандрико говорит, что ко мне есть неприязнь. Это от Кириллова идет и от моего неумения жить с людьми. Грубоват я.

9 ноября. ⟨...⟩ Получил открытку от Елены Смирницкой — первую за все время войны. Плакал в жилетку Успенскому.

...Мы все здесь стараемся, как можем, честно выполнять долг свой перед родной землей, настоящая любовь к которой приходит, как я убедился, только на войне, в жестоких боях, когда каждый человек в любую минуту может быть убитым. Многого мы раньше не понимали и

не умели ценить, часто мелочи заслоняли от нас главное, и это главное сейчас стало для всех до слез родным, близким, за что радостно идти в бой и не жалко отдать жизни своей. Великая любовь к родной земле, к ее лесам, полям, деревням, к русским собакам, к русским медведям и великая ненависть к врагу рождается на войне. Какими великолепными агитаторами за советскую власть будут все те из нас, кто уцелеет в этой войне, испытав на себе все ее тяжести. Я сейчас хорошо понимаю, почему старая гвардия большевиков — партийных и непартийных, так тверда была всегда — при любых испытаниях мирной переделки нашей страны.

10 ноября. К Елене: «Старая жизнь наша, все наши ссоры, недомолвки и обиды сейчас мне кажутся такими мелкими. Все думается, как мы могли так не дорожить жизнью друг с другом, собою, временем своим, своим счастьем».

11 ноября. Чувствую себя плохо. Тяжелейшее настроение не проходит. Канонада.

12 ноября. Дочитал «Плутонию» Обручева. Пока никуда не выезжаю, пользуясь 15-тидневным «отпуском». Сегодня будто бы немцы крушат Ораниенбаум. Кино: «Пятый океан» (образ волевого охотника).

Стихи: 1. Письмо вологодским колхозникам. У многих убиты родители немцами. Они хотят отбить от нас все, чего мы добились, недоедая, недосыпая. Разве ты, Григорий Николаевич Горчаков, согласишься жить по-старому? Разве вы, Мишиневы, пойдете снова батрачить? Да надо половину деревни вырезать, чтобы сменить власть в ней. 2. Как закружилась голова после первого боевого крещения. Я — хороший. И так легко мне. 〈...〉

13 ноября. Тяжелое настроение не проходит. Все-таки это, видимо, следствие общего физического недомогания. А может быть, предчувствие беды какой-нибудь? Раньше, бывало, отоспишься, и все проходит, а сейчас и спал порядочно в эти дни, а все грустно и тяжело. Правда, и сон плохой, неспокойный. Ничего не понимаю. Питаюсь хорошо и не без аппетита. А может быть, сырость этого каменного строения влияет на меня. 〈...〉

14 ноября. Жду машину — поеду в танковый батальон к Лебедеву. Уехал ночью с командиром танкового батальона старшим лейтенантом Вениг и начальником штаба капитаном Пеленкиным. Ехали ночью по лесу с синим светом фар. Таинственно, красиво. Красиво и неестественно, как декорация леса в опере «Иван Сусанин».

Вечером выступал со стихами перед танкистами. Очень довольны. Читал также Пушкина.

15 ноября. Утром с Лебедевым обошли территорию батальона, танковую роту, парковую роту, парк (автомашины, мотоциклы, мастерские). Танки на рубеже.

Вечером приехал обратно, но партсобрания не было. А на совещание в ПО опоздал. Зимой надо будет обороняться и со стороны залива. Будем готовиться к этому.

16 ноября. В кают-компании посадили всех на паек. К обеду сегодня дали сухарей и граммов 30—40 хлеба. Сахар порциями — 30 г. на день, масла нет. Разумно это. Давно бы надо было начать экономить все. Почты уже нет в течение нескольких дней.

Вечером партсобрание. Доклад Краснова о докладе Сталина. Плохой пересказ. Я вместо выступления в прениях прочитал стихотворение «Верим в Сталина».

17 ноября. Стихи: 1. Едим вполусыть и спим вполусон, один глаз закрыт, а другой глядит; 2. Идет волна по песку, как огонь по бумаге (горела пачка «Краснофлотские»); 3. Шубин — комроты и Шубин — комиссар той же роты. Кто что сделал, не разберут. Кто герои — оба. Шубин убил, снял «кукушку», но в одно и то же время Шубин вел бой в другом месте (закидал вражеский блиндаж); 4. Раненая ольха — красные ссадины от осколков, мин, будто кровь выступила.

Писал стих-е о шинели, правил чужие стихи — башенного стрелка. Вечером долгий разговор с Мандрико. А я тоскую о детях. Раздвоен. Половина в Никольске, половина в Урицке.

18 ноября. Выезжаю в Школу младших командиров БО и ПО. Выехал ночью часов в 8 с лошадью. Шел больше пешком. Ночевал в штабе Школы — землянки, металлические двухэтажные койки-нары. Начальник клуба Курныкин. Школа существует давно. Была в Лебяжьем. 1-й батальон — около 2000, формируется другой, несколько батарей, минометчики и проч.

[*Из блокнота*]. Деревня Терентьево — нейтральная ходят немцы и наши. За последнее время ее стали обстреливать. Однажды наши устроили засаду. Прибыли, заняли место в клубе — 24 человека, в окно — пулемет. Помогли школьники. Девчонка — дочь председсовета и ребятишки предупредили о появлении большой группы немцев. Немцы кричат: «Руки вверх!» — «А этого морское сердце не терпит!» (старший сержант Броваренко). Немцы бро-

сились через речку. Их стали бить и из пулемета, из ППД, из винтовок. Из 18 немцев убили 11. Документов взять не смогли.

19 ноября. Утром с Курныкиным пошли в батальон. Завернули на батарею — командир Капустин. Личные счета разведчиков. Лейтенант Мороз и старший сержант Броваренко докладывают комбату Смирнову об итогах разведки на день: где огневые точки врага, пулеметы, противотанковые пушки, блиндажи.

Землянка (у Капустина) — избушка в земле. Сальная свечка в бокале (с освещением везде трудно, используют воск для натирания полов и пр.), коптилочки из консервных банок. Под потолком гранаты в гнездах, бархатное красное кресло. Позднее принесли чучело фазана.

Днем ходили в минометный взвод Марудина — за Усть-Рудицей. Хода сообщения недавно вырыты, с воздуха все видны. Всюду воронки. Еще копают картошку из-под снега. В лесу под снегом видна брусника. Разбитые дома, деревья. ⟨...⟩

Землянки: у Марудина 2 половины: камбуз (курят) и кубрик (не курят). Дворец. Стены, потолок, пол — тесовые (с бывшего помещичьего двора). Только вход низок. Двойные нары. Матрац во все нары — сено под одеялом. Место для ног; у Серикова — длинный входной коридор, коленчатый, в одной стенке — умывальник. Три наката бревен. Но дымит печка. Стены в фанере. В землянках и пища с землицей. На веревках у землянок белье, тельняшки. Уборные в еловых ветках; у старшего сержанта Броваренко (разведчики) — картины: Сусанин, сын Бульбы с полячкой, открытки, книжная полка.

Ночью с военкомом Эуфер, начальником штаба батальона Сливом, Курпыкиным и двумя бойцами прошли в передовое охранение. Там землянки низки (вода близко, рыть нельзя). Телефон на сосне. Часовой с поста ушел узнавать время, а винтовку оставил, другой спит. И оба лгут.

Первое выступление. Во взводе Крашенинникова читал стихи. Эуфер выступил, благодарил. Взвод Федина — огромная низкая землянка. Ночевали во взводе Потахина. Землянка еще не достроена. Она огромна, а дверь одна. Озяб — холодно, просыпался, переобувался.

20 ноября. Утром — не менее 1500 мин и снарядов. Отсиживались в землянках. Я читал стихи свои и «Медного всадника» — второе выступление. Убит один Орлов

Владимир (ходили за картошкой за деревню Верполь). Санитары бегали к нему в маскхалатах во двор. Я тоже ходил до деревни. Он убит осколком в сердце. («Миша, мне что-то плохо...») Принесут его только вечером. Перед строем Эуфер держал речь: отомстим. Обстреливают с Дедовой горы. Гора Колокольня — наша. Завтрак, скудно. Курпыкин пролил котелок и остался без завтрака.

Обратно шли лесом трое: Эуфер, Курныкин и я. Оружие наготове. Взлетел тетерев, я схватился за полуавтомат. Нашел кусок хлеба, ел с мороженой капустой, вырывал из-под снега. На КП батальона поспал. Вечером вышли с Курныкиным в роту Рязанцева. У него землянки под сараями: добавочная прочность и маскировка. Лампочка от аккумулятора. Лыж ни у кого почти нет. Читал стихи — 3-й раз.

21 ноября. Четвертая читка стихов у разведчиков (Броваренко). Пятая читка стихов у Марудина для роты Плохова. Во время читки начался бой: пришла боевая разведка немцев (около 2-х взводов). Врасплох не застали. Их заметил Смирнов — батальонный комиссар. Он стал отходить, заметили и его. Началась перестрелка. У немцев 13 убитых (7 найдено), раненых человек 15. У нас 2 убитых, 1 умер от ран, 4 раненых. Звонит форт: «Может, у вас работа есть. Говорите, ежели что». Шестое выступление на батарее Капустина — на обратном пути, седьмое — в штабе школы, в камбузе в 8.30 вечера.

22 ноября. Утром пешком пошел в Лебяжье. От Пулмана — заставы — домика лесника, ехал с бойцом-пограничником. Рассказы о панике в Эстонии после первого удара. Немцам все давалось вначале легко.

Дома холодно. Отапливал. Писал заметку.

23 ноября. Переделал статью Мальцева (танковый батальон). Получил полушубок. Валенок нет, уже раздали. Хлеба — 300 г в день, сахару — 30 г, масла нет. Перевел детям 500 р., маме — 500 р.

В Ленинграде гражданское население (иждивенцы и служащие — получают 150 г. хлеба). Наборщики рассказывают: пухнут уже. Здесь — тоже. Ленинград блокирован. А письма как-то все еще получаем. А мы от Ленинграда почти отрезаны. «Пятачок». Велик и многотерпелив русский народ: все вынесет. Почему не заготовили раньше всего, когда опасность окружения была уже видна? Совхозы будто бы, наоборот, все увозили и уводили (скот) на восток. Хотим устроить облаву на лосей и диких коз.

24 ноября. Утром прогулка. Передали постановление о налоге с холостяков и бездетных. Так их.

Запишу стихотворение, написанное еще в Москве: «Действующий поэт». ⟨...⟩

Вечером на бронепоезде Кропачева выступал со стихами. Комиссар Кудзиев рассказал о лосе, запутавшемся в колючей проволоке за фортом «Ф».

Стихи: 1. Ставили проволоку для немцев, а попал лось. Чем он виноват? Жалко стало. Не выстрелил, а он порвал восемь рядов проволочного заграждения и ушел. Кровь, шерсть.

2. Ждал окоп, блиндаж,
Да когда ж зима, когда ж.
Облетала золотая
В роще листьев кутерьма,
Пролетела птичья стая.
Наконец пришла зима:
Выпал снег и не растаял.

Потом комиссар Кудзиев угостил. Давно уже не приходилось. Приятно. Постановление о присвоении воинских званий в военных условиях. Сообщение информбюро: под Ростовом-на-Дону на одном участке разбиты две дивизии и горнострелковый корпус врага. Трофеи. Наши продвинулись на 60 км. вперед. Сегодня получил валенки.

25 ноября. Всю ночь бил форт. Спать было невозможно, стекла дрожат, дом трясется.

[*Из блокнота.*] С утра совещание. Доклад Медведкова — итоги 5-ти месяцев войны на нашем рубеже. «Фашисты хотят зимой отсиживаться в населенных пунктах. Нашей артиллерии поставлена задача: смести с лица земли населенные пункты и выгнать немца в поля, на мороз. В бою 21/XI проявил себя разведчик Шульга — вынес раненого политрука Гвоздева. Литвих заслонил собою лейтенанта Зеленского, приняв пулеметную очередь на себя. За пьянство исключено 5 чел. из членов партии, на 13 наложены взыскания. Есть недисциплина, моральная неустойчивость, использование служебного положения и распущенность. В процентном отношении к общему составу члены партии стоят на первом месте. Сейчас весь южный берег, в т. ч. крейсер «Аврора», Ораниенбаумский порт и пр. входят в ИУР. Всего будет около 30 первичных парторганизаций». ⟨...⟩

Выступает генерал-майор Григорьев: «Финский берег от нас в 18 км. Чуть прозевай, не отбей лыжников-финнов, и мы гибнем сами и ставим под удар и Кронштадт и Ленинград. Наш берег (южный) должен стать со стороны залива неприступным. Сталин приказал выгнать немцев на мороз. Мы уже начали выполнять этот приказ. Воронино сегодня горело от наших батарей. У нас сейчас бойцы получают 500 грамм, штабисты 300 г. Почему? Да потому, что в Ленинград все — бензин, боезапас, хлеб, обратно — раненых — доставляют только самолеты (и почту). Есть случаи воровства хлеба, обмундирования. Хлеб кое у кого прилипает к рукам, а к/ф получает неполный паек. Мешают форму: бескозырка и серая шинель или что-либо другое. О песне, о пляске, о бодрости, о гармошке. Танцевать надо, петь надо. Легче идти, легче жить с песней».

Стихи. Берег песчаный минирован и опутан проволокой, а старая надпись на зеленой дощечке осталась «Пляж»; О, поле, поле. Ширь, радуги, трава, сосны. Рожь — танки в ней. Проволочные заграждения. Ров. Окопы. Снопы в окопах. Кузнечики. ‹...›

Настроение у меня все больше подавленное. Какая-то тоска. А иногда нет-нет да и воспарю, как и раньше.

В клубе школы выступление Пухова: «На Карельском фронте нами занята высота Важная (направление к Мурманску). Ленинград блокирован. Ведутся бои в районе Тихвина и с нашей стороны в этом же направлении, чтобы прорвать блокаду. С 16/XI враг начал второй поход на Москву (первый с 3/X). Гитлер приказал расправиться с Москвой любою ценой. Там у врага около 40 дивизий. Бои под Москвой будут во многом решать дальнейший ход войны, исход ее. Калинин не сдан, хотя и идут бои на Клинском направлении. Тула не сдана. В Донбассе затишье. Под Ростовом-на-Дону наши разгромили три дивизии немцев (в т. ч. танковую группировку известного теоретика танковой войны Клейста) и продвинулись за 20—23/XI на 60 км. к западу». Кино «Маскарад».

26 ноября. Утром вышли и проходили с Мандрико весь день на форту «Ф». Я по справке об усиленном питании получил масло (немножко прогорклое, зацветшее), 1/2 кг. сахару, коробку печенья и бутылку мадеры (Мандрико выпросил). Форт бьет. Вспышка молнии,

и взлет грязного землистого дыма над сосновым лесом.

Приказ от 26/XI: с 27/XI сего года ни одного дня без строчки (надо по 10 строк в день).

Уже несколько дней, как умываюсь только снегом — воды нет.

27 ноября. Первый раз встал на лыжи. Написал две статьи: «Моряки, на лыжи!» и «По землянкам». 10 строк стих-я «Не позабыть мне первых схваток».

28 ноября. Получил от Гали 6 открыток сразу за 17/X — 5/XI. Пишет, что уже с месяц от меня нет писем. Видимо, только нам доставляют (на самолетах), а от нас нет. Днем видел: ведут двух лошадей, еле живых. Одна заржала замогильным голосом — жалоба на голод. Мужик удивился: «Ишь как развеселилась!» В Лебяжьем живется очень мирно, спокойно. Надолго ли?

Гале очень благодарен за письма. Счастлив, что я так любим ею. Получает ли она аттестат? Пишет, что ищет приработка. Тяжело, видно, живется. В тылу им, конечно, тяжелей, чем нам, тоскливей.

Дописал стих-е о первом боевом крещении. Недоволен.

29 ноября. Неожиданно начало таять. С крыш течет. На тропинках лужи. У меня сразу захрипело в груди. В нашей Ижорской (Лебяжской) республике стали ходить поезда — от Ораниенбаума до Калищ (летучки, ежедневно в 3 ч. дня от нас к Ораниенбауму). В кают-компании шутят: «Наш паровоз летит вперед, в Калищах остановка». Трудно стало с питанием. Мандрико сегодня поехал в Ленинград. Говорят, что от Кронштадта до Ленинграда уже ходят пешком.

20 строк стихотворения «Москва читает стихи поэта».

30 ноября. Сегодня летают над нами три советских «ястребка». Радостно слышать этот гул, давно его не было. Передано по радио: еще один удар по войскам врага. Был захвачен Ростов-на-Дону. Выбили, разгромив группу Клейста.

Написал две строфы, завтра будут в газете. Сегодня опять приморозило. Вечером Успенского и меня вызывал бригадный комиссар Фомин (там был и Краснов). Он недоволен, что мало пишем в центральную прессу: «Вы представители не «Боевого залпа», а центральной прессы».

Написал строк 20. Дописал «Москва читает стихи поэта». Берег финский совсем близко. Средина залива еще

свободна ото льда. Сегодня видел: идут наши корабли, видимо, транспорты и сопровождение. Грустно. Воли им нет.

1 декабря. Начал писать «Чем поддержать Москву». Получил хлебный паек на 3 дня и перешел на бронепоезд Кропачева. Обход бронепоезда, знакомство с ним. [*Из блокнота.*] Лукин, комсорг 3-й батареи: «В Латвии бронепоезд и под откосом валялся. Перевернулся... Налет. Война началась. Мы — в ремонт, в Либаву. Фашистская латвийская партия обстреливала наш комсостав. Латыши предали бронепоезд, сбежали оба. Куда идти — не знаем. Начальник станции уже и звездочку с фуражки снял: — «Вон немцы». Едем в Елгаву — все разбито, никого нет. Не заехав в Елгаву, решили в Ригу. Там покореженные составы, все разбито. В Риге уйма войск, все бегут. Самолеты «поливают» их, не бьет ни одна зенитка. Бьем из пулеметов — но они не пробивают броню самолетов. В Риге по нам бьют из окон. Уже вывесили латвийский национальный флаг». Рассказывает Давидян — пулеметчик: «Одно время нас считали уже погибшими. В Эстонии через каждые 40 минут железнодорожники держат флажки — путь свободен. Я сообщил командиру. Прямое попадание пушки: 4-х убило, 7 ранило. Пулеметами заставили залечь. А приказание было разведывательного порядка — есть ли наши в окружении.

Вернулись. Снова считали погибшими. В Раквере похоронили ребят своих. Потом в Мукково на перевооружение. Через Нарву проскочили. Половина состава — в Ораниенбаум. Материальную часть заново сформировали. Пулеметы новые (16) у нас взяли, дали 4 старых».

2 декабря. Дописал «Чем поддержать Москву». Кропачев очень доволен. Выступал по радио, читал стихи: 1) Начало гибели врага, 2) Приветствую людей бесстрашных, 3) Танк, 4) Тетерева, 5) Предатель, 6) Поддержим честь Москвы, друзья, 7) Перебежчица, 8) Пуговка, 9) Шел к подружке парень... 10) Зверолов, 11) Шинель, 12) Верим в Сталина. Провел первое занятие литкружка, который организую на бронепоезде.

3 декабря. Выхода на операцию все нет. Кормиться на бронепоезде зря неловко, стыдно. После обеда вернулся домой. Успенский говорит: надо еще и планы работы на 15 дней писать. Сейчас мы в ведении Краснова. Все чаще и чаще захлестывает меня беспричинная тоска, тяжесть на душе невыносимая — сидишь, сожмешься

весь, пошевелиться жутко. Тоскую по дому, по детям, по Гали́. Но, вероятнее всего, это просто сказывается туберкулез. Питание стало очень слабенькое.

4 декабря. Наши продолжают гнать. Бои под Таганрогом. ⟨...⟩ Ветер. Мороз. Залив во льду. Успенский пошел на форт, полушубок на этом великане кажется детским. В амбулатории взял рецепт на витамин «С». Две открытки от Гали — от 24 сент. и 4 окт. (больше двух месяцев шли). Мандрико 29-го выехал в Ленинград. Что-то говорят, будто транспорт бомбили, погиб Мишутин. В 18^{30} выступал председатель Совета министров и командующий войсками Польской республики генерал Сикорский. Был перевод. Два раза исполнялся польский национальный гимн. Приятен, но не энергичен, музыка какая-то бальная, мягкая.

Начал стих-е «Землянка» — 18 строк. В сводке — утро 30/XI — сообщается: несколько дней назад после ожесточенных боев наши войска оставили город Тихвин.

Дочитал «Утро помещика» Л. Толстого. Прочитал рассказы «Набег (рассказ волонтера)», «Севастопольские рассказы», «Рубка леса (рассказ юнкера)». В «Набеге» есть молодой прапорщик. Как я был похож на него. Как велик Толстой в правде своей и как прост — все самое безыскусственное, лишь пунктуальное следование за истиной человеческих переживаний.

Краснов поручает: надо поехать в ж.д. восстановительный батальон, занятый подготовкой зимней обороны со стороны залива. У них 5-й участок. Дела неважны. Это остатки Андреевского и Полозовского батальонов: стоят в Ручьях. Можно ехать на летучке (поезд) до Калищ, а там близко.

5 декабря. День конституции. Написал жене, просил завести дневник. Послал письмо редактору «КБФ» — Бороздкину. Отправил «По фронтовым землянкам», «Предатель» и «Поддержим честь Москвы, друзья» в «Ленинградскую правду» через политотдел.

Канонада. Скоро залив будет полем боев, и, верно, очень жестоких. Плохо все же писать стихи, когда все время есть хочется. А, наверное, это еще только начало тяжестей, которые предстоит нам перенести. Прочитал: «Из записок князя Д. Нехлюдова», «Три смерти». ⟨...⟩

6 декабря. Утро. Видел во сне Елену Первенцеву или что-то связанное с нею. Жизнь мне все время мстит. Каких только встреч с Первенцевой мне не представлялось и не снилось за эти годы.

Я чувствую удовлетворение от того, что и на наше поколение выпали военные испытания. Было бы нехорошо, если бы мы всю жизнь прожили так гладенько, как до сих пор. Этак под старость, пожалуй, все стали бы ворчунами. А теперь мы до седых волос будем радоваться каждому новому тихому дню, радоваться солнцу, траве, каждому дереву, каждому цветку. И в тысячи раз больше, чем раньше, будем дорожить любовью к себе, семьей своей.

Несколько дней назад (числа 22/XI) начала работать школа. Ребята бегают с заплечными сумками. В деревнях здесь в ходу «финки» — санки, железные полозья: один сидит, другой сзади гонит и встает на полоз. «Финки» используют даже для перевозки некоторых тяжестей, ездят с ними в магазин. Паровозы, вагоны выпачканы белилами (известью). Пишу «Землянку». Второе занятие литкружка.

7 декабря, воскресенье. В 17 ч. делал доклад для колхозников деревень Красная Горка и Ригалово — о конституции. Потом читал им стихи.

Англия с 00 ч. 01 м. 6 декабря находится в состоянии войны с Финляндией, Венгрией и Румынией. Под Москвой — наше контрнаступление (Можайское шоссе). 4 декабря взят Матвеев курган. 5-го — наши войска ведут бои уже на подступах к Таганрогу.

Колхозники собирались с трудом, пришло мало, больше женщины. У них своя жизнь: учительница Соколова (секретарь парторганизации сельсовета) напоминает о сборе веточного корма для Кр. Армии, о сборе колючей проволоки. У старика колхозника (с бородой) часы на руке. Большой мороз и ветер.

9 декабря, вечер. Милая моя, родная моя Галя! Я только что вернулся с бронепоезда Кропачева. В ночь на 8-е (часа в 4) меня разбудил звонком капитан Кропачев, и я, спешно одевшись и захватив автоматическую винтовку, почти не поспав, убежал на станцию. Хочется порассказать тебе о своем житье-бытье, но посылать письма, вероятно, все равно бесполезно, и вот пишу в дневник свой о своей любви к тебе и о тоске своей. Как хорошо бы сейчас посидеть с тобою рядышком, поговорить, послушать тебя. Как хороша мирная жизнь, Галя. Завтра нам снижают паек еще. Было 300 гр. Сколько будет сейчас — не знаю. Я обращаю на это внимание только потому, что боюсь обострения туберкулеза легких. Прибавки мне не дали, несмотря на медицинские справки,

а умереть от чахотки раньше времени не хочется. Лучше бы уж дожить до конца и быть убитым. Физическое состояние мое очень плохое, в груди хрипит все больше и больше. Из-за этого, вероятно, я еще больше и тоскую. Обидно, что не вовремя заболел, а ПО до этого ноль внимания.

Хочу тебе сказать, родная, что сейчас мне очень хочется жить, что раньше меня не особенно волновало. Хочу сказать, что, несмотря, казалось бы, на явную мою обреченность при настоящем положении и на возможность смерти каждый день, я всегда не готов к смерти и не буду к ней готов никогда, не хочу ее. Но — по-честному — так называемое моральное мое состояние хорошее. Я в чувствах, в мыслях, в ощущениях, в желаниях своих всегда коммунист, только коммунист. Уцелей в жизни ты, родная, оставь Никольск, если нужно будет, и поезжай дальше. Очень хочу тебе жизни и здоровья. Люблю. Целую.

7 декабря Япония объявила войну Англии и США. Германия и Италия объявили войну США... Сейчас уже весь мир воюет, кроме Ирана, Турции, Швейцарии, Швеции (ну еще Португалии и Испании). Даже Канада, Австралия в войне. Ладно, веселей нам будет. Хотя отвлечение США и Англии на Востоке нам не на пользу. К тому же можно ожидать вторжения Японии и к нам.

Почта давно к нам не ходит. Ждем пути из Кронштадта по льду. Мандрико еще не вернулся.

В ночь на 8-е в 4 ч.— к Кропачеву. В 6 ч. утра были на станции. У Кропачева на бронепоезде — сын его, подающий снаряды. Брат — комиссар дивизиона, сестра — профессор. Семью его вывезли из Ленинграда на самолете.

Позиция на ветке за Калищами. Верхушки сосен сбиты, стволы исщеплены: чем рубить, решили лучше потерять несколько снарядов. 8-го метельно и теплее, чем 7-го. Сначала шел на паровозе. Пламя в топке.

С комиссаром Кудзиевым и лейтенантом Алешко (цыган) — командиром 1-й батареи по снегу вброд ходил в Устье на совещание начальников артиллерий в 5-й бригаде. Подъем по льду на сопку. <...>

Бронепоезд остается на позиции. Остался, хотя нет аттестата и неудобно быть нахлебником. В 2 часа ночи (на 9/XII) — стрельба. Бил Алешко по Малым и Большим Копоркам. 10 залпов — 1-е орудие. Я стоял на платформе. Ослепляет. 10 залпов — 2-е орудие (2^{30}),

Я — на земле. Немцы начали обстреливать гранатами. Кропачев быстро скомандовал (с паровоза): «Снять посты, приготовиться к отходу. Малый назад». Связь была просто приключена, провода не связаны, поэтому снялись быстро. Отошли. Немцы выпустили больше 100 снарядов. Процентов 20 не разрываются. С новых позиций била батарея Ефимова по 15 и 10 залпов (бьет на 12 км.). Бьет и Стукалов, он сзади нас. Ночью отправили с НПД на форт «Ф» двух бойцов. 9/XII часов в 11^{15} пристрелка по Петровицам. Бьет Алешко. С корректировкой с вышки. На летучку опоздал. Выехал на стукаловском бронепоезде. Комиссар Аблин. У них есть пишущие стихи — Рагозкин и Эйман.

10 декабря. Тихвин взят нашими войсками. Остатки разгромленных дивизий, переодевшись в крестьянскую одежду, бежали в леса.

Приехал Мандрико. Письмо от Шах о голодухе. В Ленинграде пухнут, мрут животные на ходу. У Россция страшно пухнут ноги. Ханко эвакуирован. Около 35 000 моряков к нам прибыло. Несколько тысяч погибло в пути на своих минах. С утра наступают 5-я бригада и Школа младших командиров. Вчера наступала 2-я. Я с бронепоездом. Ночью пошел на бронепоезд Кропачева.

[*Из блокнота.*] Рассказывает комиссар Кудзиев: «Утром и вечером 10/XII обеспечивали наступление 5-й бригады — били по скоплению пехоты и резервам (Малые Копорки, Петровицы). Утром звонит Горобец: «Отлично. Вас благодарит пехота, объявите личному составу благодарность за отличную работу. С самого начала открытия огня пехота противника бегает, не находя себе места». 1-я батарея: лейтенант комсомолец Алешко. Исключительно быстро подготовляет исходные данные, прекрасно знает свое дело, уверенно действует. Начал вести огонь под обстрелом противника. Остановили и рассеяли наступающую пехоту. Сафронов — командир орудия, молодой. Быстро усвоил свое дело, четко, уверенно подает команду, действует хладнокровно. Работал безукоризненно. Бывший учитель. Ямалдинов — татарин, замковый, быстро подает снаряды. Задержек не было. Сейчас изучает русский язык. Сухов — правый наводчик. Кузнецов — левый наводчик. Недавно пришел из госпиталя. Был ранен в ногу. Пришел бодрый, сразу приступил к своим обязанностям. Аккуратен, внимателен, нет лишних движений. Пехота передает: «Мешает продвижению батарея противника, просим подавить». Алешко дал

3 залпа — замолчала. Военком Приморской группы войск бригадный комиссар объявил благодарность: «За отличную работу Вашим артиллеристам объявите благодарность от моего имени».

Прекрасно работали паровозные бригады Бурлакова и Исаева. Если раньше на позиции состав вводили за 2 раза, теперь за раз. Противник начал обстреливать — искусно маневрируя, Бурлаков вывел бронепоезд из-под обстрела. Бурлаков и бригада его двое суток находились без смены». ⟨...⟩

Написал корреспонденцию для «БЗ». Вчера стукнули немцев в г. Елец, выбили. 12 000 убитых.

11 декабря. Утром написал корреспонденцию. Спал мало. Чувствую себя плохо. Вечером совещание военкомов. О денежно-вещевой лотерее. Это тот же заем. Минимум подписки на 20 % к месячной зарплате. Для военных заплатить за декабрь и январь.

Вчера положили начало активных действий на нашем участке фронта. 180 немцев убили, сколько взяли, столько и убили. Ночная операция очень удачна. Будем повторять. Пять батарей разбили (правый фланг). Керново, Лужки — наши.

12 декабря. Плохое здоровье. Хрип, одышка. Едва дышу. Доложил Краснову о квартире и о необходимости питаться лучше. На этом пайке я быстро свернусь. Краснов рассказал: в Малой Ижоре вырыли павшую 12 дней назад лошадь. Предупредили. При эвакуации Таллина погибло тысяч 35. Лучше бы пустить всех берегом.

В последний час: после 10 часов вечера 12/XII передано об окончательном провале немецких планов окружения и взятия Москвы. Немцы отступают. С 16/XI началось второе наступление немцев на Москву. С 6/XII — наше контрнаступление. Мы с Мандрико обнимались и почти плясали. Я позвонил в редакцию, поздравил всех. Завтра будем выступать в частях, в деревнях. Как поднимется боевой дух наших армий на всех фронтах! Силы наши сохранены. Они крепнут, мужают, растут. Мы еще только начинаем по-настоящему выпрямляться во весь рост. Стукнув немцев под Москвой, добившись перелома, Сталин поможет и нам, выручит ленинградцев, даст нам хлеба.

13 декабря. Вчера начал, сегодня закончил агитстих-е «Бить по-московски». Кубометр дров. От Гали

3 открытки и 2 письма. Последняя открытка от 21/XI. Удивительно, как быстро дошла. Значит, связь у нас еще есть, пусть хоть и по воздуху. Письмам очень рад. Спасибо тебе, милая! Снимок из газеты она получила.

14 декабря. Дрова не везут. Ночью стащил от кают-компании. Приготовил речь для актива сельсовета о победе под Москвой, но митинг не состоялся. В сельсовете очередь женщин за карточками. Нервные, плачут. Мороз — мне сразу стало легче дышать. Вечером долго сидел старший политрук Звонков (корреспондент «КБФ»). Читал ему стихи. Ругали в «КБФ» Самойлова. От Гали на почте нашел несколько открыток и 2 письма. Письмо из ССП. Прочитал «Холстомера» Л. Толстого.

Надо стихи: об артиллеристах (они — основа ИУРа), о Красной Горке, о битве на льду, о разведчиках, лыжниках, о полушубке (ватнике) — на вид невзрачен, а греет, ибо в нем любовь Родины, забота народа. Буду писать стихи. Надо не забывать, что я поэт.

15 декабря. Пилили, и таскал дрова. Начал писать стих-е «Владыка мира». Боюсь, что верные, ничем не обусловленные толстовские представления о войне, о частях воинских, о людях у меня будут совсем стерты в памяти газетной работой. Скажем, на бронепоезде Кропачева сразу бросилась в глаза атмосфера хвастовства. Рассказы о боевых выходах всегда приукрашены, романтичны, а действительность не так страшна и мудра. Вышли, постреляли из лесу по невидимой цели — и все.

«Кронштадт». Сколько уже крепостей устарело. Время любую крепость состарит. А он стоит, все неприступен, все знаменит, грозен. Красных казарм ряды. Только мы его взять могли. А взяв, не отдаем.

У одного в кармане зажигалка от нажима загорелась сама.

16 декабря. Со Звонковым на Красной Горке — форту «Ф». Он только что вернулся с Ханко. Много пережил. Звонков: «Человек прыгает с тонущего корабля на пароходик, 6 баллов качка, боец попадает меж бортов, его давит, как картошину. Поседеть можно за одну минуту». Звонков рассеян, иногда, задав вопрос, не слышит ответа. Рыжие усы. Напоминает мне Л. Мартынова. Не болтлив. Думает про себя. И внешне — чуть-чуть. Война в эфире. М. Дудин на Ханко писал и подписи для сатирических рисунков. Спали в доте клуба. Кошка жирная, чистая — благосостояние. Звонков жаден на еду. Лишний талон у меня.

Стихи. Архитектор. Сколько домов построил. Немцы разрушают. В Ленинграде каждого угла жалко. И он становится артиллеристом.

17 декабря. Форт «Ф». Осматривали батарею 311. Сообщение Звонкова о Ханко командирам форта. Вечером я выступал перед двумя сеансами «Златые горы» со стихами. Спали у Мустафаева.

18 декабря. Вернулся. Начал писать стих-е «Красная Горка». Прочитал «Хаджи-Мурат», «Ходынка» (о давке) Л. Т.

19 декабря. Дописал «Красную Горку». Так себе, проходное. Вернулся Звонков. В Ленинграде люди умирают, особенно дети. Машинистка «КБФ» слегла и лежала в сыром убежище — квартиры не было. Я сообщил, что паек увеличен до 200 гр. Звонков очень обрадовался за жену (она инженер), но был все сдержан, только по-детски улыбался.

20 декабря. Весь день писал стих-е «Сталин в землянке». Написал — очень доволен. Оно вышло по сюжету совсем не таким, каким было задумано. Но Кириллов в газету не взял (завтра день рождения Сталина). Должны пойти стихи Успенского. Звонков предлагает послать в «КБФ». Письмо от Филиппова и вырезка из «Сталинградской правды» стихотворения «Русские мы».

21 декабря. Был доклад старшего политрука Перова из Пубалта об итогах 6-ти месяцев войны: [*Из блокнота.*] Взгляд на итоги с точки зрения указаний Сталина. Опасность увеличилась. Ростов-на-Дону, Крым, Москва, Ленинград. Германский фашизм, имевший ряд молниеносных успехов на Западе, на Востоке с первых же дней войны встретил серьезного противника, который ломал его силу и, наконец, остановил, погнал назад. Это итог главный. За полгода войны Советский Союз сумел взять инициативу в борьбе с сильнейшим в мире сухопутным противником. Второй итог: в ходе войны возникла мощная коалиция демократических государств, преграждающих наступление фашизма. Единый фронт демократических и угнетенных народов. Третий итог: тяготение всех колебавшихся стран в сторону демократии. Четвертый итог: изменился тыл германской армии. Тон уныния, разочарования. Гитлеровские планы потерпели решительное поражение.

Положение Сталина (3/VII) о выигрыше и проигрыше Германии в связи с ее внезапным нападением на СССР сейчас оправдывается: вместо 170 дивизий он вы-

нужден был выставить 310 дивизий. Около 80 % своих сил Гитлер сразу бросил на Восток. Англия отдохнула и начала бомбить Германию.

У Германии на исходе горючее. Самолеты наши уже господствуют в воздухе, скоро мы будем господствовать по всем видам вооружения. Сейчас мы в полосе перелома войны в нашу пользу. Мы в основном сохранили людей и технику. Сталин сказал: победит тот, у кого больше резервы, и они растут. Это сбывается. Германия не выдержит третьей голодной зимы. Пополнять немцами свою армию Гитлер уже не может. В промышленности уже употреблено свыше 5 млн. иностранцев. Германская армия — уже не чисто немецкая армия, это сброд: итальянцы, румыны, финны, венгры, поляки и пр. Венгрия дала 10 тыс., но венгры охотно сдаются в плен. Шовинизм у финнов еще силен, но они уже ненавидят немцев. Словаков Гитлер давно снял с фронта. У него есть еще источник — Испания. Франко за Гитлера, но хочет быть в стороне, ибо испанцы воевать не хотят. «Голубая дивизия» Франко под Новгородом с марша потеряла 1/3 состава, а потом совсем была разбита. Болгарская армия — свежий резерв, но полагаться на нее нельзя.

Факты говорят о том, что Германия сможет еще жить с горючим лишь месяцев 5—6. «Пришла на танках, побежит на санках».

Кавказа Гитлер не взял. Вместо молниеносной войны получил затяжную войну. Расчет на поддержку Турции тоже провалился. Турки прекратили поставки из-за неуплаты их.

Мы постараемся до нового урожая покончить с Гитлером. Мы пополнили свои потери поставками из Англии и Америки. Поставки очень велики. Ресурсы наши неисчерпаемы. Но на бога надейся, а сам не плошай. Опасность не снята, не успокаиваться, не слезать с плеч отступающего врага. В разных местах фронтов мы имеем целые соединения из английских и американских танков и авиации (даже с людьми). За последние три месяца Америка пустила в ход свыше 350 авиационных заводов. Скоро они обещают поставлять вооружение в неограниченном количестве.

О втором фронте. Борьба за Ливию есть борьба за создание 2-го сухопутного фронта. Из Индии в Советский Союз через 2 месяца будет пущена прямая железная дорога за счет английского капитала (через Афганистан, Иран). В Югославии действуют уже не только партизаны,

а почти регулярная армия. Турция переходит на сторону Англии. Второй фронт может возникнуть на Балканах.

В державах «оси» — трещина. Гитлер потребовал от Японии немедленного вступления в войну. Италия сидит на шее у Гитлера. Ее народ против Гитлера.

На днях под Ленинградом немцев стегнут почище, чем под Москвой. ‹...›

Остров Котлин, где Кронштадт, назван так потому, что шведы, удирая от Петра, оставили на острове котел с готовым обедом.

Снова потеплело, даже с крыш капель, сыро, и воет, воет ветер. За 20/XII взяты нами Волоколамск, Плавск, станция Войбокала (южнее Ладожского озера).

22 декабря. Утро. У стволов деревьев снег подтаял, на тропинках и дорогах лужи. Моросит. Туманно. Ну и климат. Снимался на фото. Вечером выступал по радио. ‹...›

23 декабря. В 1 ч. дня вызвали на бронепоезд Стукалова меня, Успенского и Кириллова на обед (Стукалов, Аблин награждены орденами). Провел занятие литкружка на бронепоезде Кропачева.

24 декабря. Наши все продвигаются. В Московской области заняты ж. д. узел Горбачево, города Черепеть, Одоево.

Ходил на форт. С лейтенантом Мельником ужинали. Печенье было. Мустафаева не хвалит. На похороны своего бойца даже не вышел. Думает только о себе. Ночью били все наши батареи и бронепоезда, «поздравляли» немцев с наступающим рождеством Христовым.

25 декабря. [*Из блокнота.*] Совещание военкомов района. Присутствует из Пубалта бригадный комиссар Рыбаков. Доклад бригадного комиссара Фомина: оценка работы — удовлетворительно. Комиссары смелы, всегда впереди, гибнут храбро. По району 161 человек политсостава. Убитых 7, раненых 10.

Начальник Политического Управления «КБФ» Лебедев: «Надо популяризировать комиссаров. «Комиссары стали подлинными представителями партии и народа на кораблях и в частях ВМФ» (Рогов). Но есть в работе некоторых недостатки. Работа по старинке. Есть отстраненные, пониженные, отданные под суд. Есть все еще «помполиты», а не настоящие комиссары, просто ходят по пятам за командиром да подписывают готовые решения». Прения: ‹...› Каменский: Школа сейчас переименова-

на в 3-й особый полк морской пехоты. 22/XII в последнем бою отличились многие. Рота политрука Серикова была почти в окружении и вышла с честью. Коммунисты Суздаль, Филиппов вели себя исключительно мужественно. Суздаль вытащил на плащ-палатке зубами раненого товарища и вооружение (метров 100), когда немцы подошли уже вплотную... Панченко, начальник особого отдела: два краснофлотца съели собаку — деморализация, направленная на дискредитацию армии. Некоторые говорят, что успехи на фронтах лишь реальны на бумаге. Воровство есть. 3-х расстреляли, но этот факт не доведен до всех. Генерал-майор Григорьев: на фронтах уже перелом, в людях еще не полный. Зажигать надо людей. Раньше перед боем командир и комиссар выстраивали бойцов и в бой шли с «Интернационалом», с Красным Знаменем. Бригадный комиссар, зам. начальника Политуправления «КБФ» Рыбаков: 1. Враг остановлен всюду, кое-где бежит обратно. Задача не в том, чтобы погнать врага, выжить его с нашей земли, а в том, чтобы истребить его живую силу и технику. Обычно радуются взятию села, города. А не в этом главное. Уничтожено или разогнано в последний месяц с лишним 40 дивизий. Идет усиленным порядком истребление немцев. Прорыв блокады Ленинграда сегодня уже не главная задача, а побочная. Главная — не выпустить немцев из-под Ленинграда, а истребить их. 2. Изучение опыта войны за 6 месяцев конкретно, а не кабинетно. Бóльшие потери кораблей от авиации, 1/5 потерь — на минах, меньше от артиллерии. Надо ли ходить караванами, ибо на подсеченных минах взрываются другие корабли.

О работе комиссаров ряд вопросов: 1. Была директива Пубалта о зимней обороне. В ней — всем политработникам овладеть лыжами в первую очередь. А большинство даже лыж не имеют. 2. Связь политработников с массами. В Кронштадте нашелся лишь один военком, имеющий список личного состава, семьи которых у немцев. А такие больше и убегают. 3. Воспитание. Воспитание ненависти к врагу и уверенности в победу. Ворвавшись в окоп к немцам, бойцы сначала разбудили их, а потом прикололи: вот это ненависть.

26 декабря. Мороз очень сильный, впервые такой в эту зиму. Пилили сосну на дрова — с Ольгой Николаевной Дик. Звонков днем не добился от меня по телефону связи с «КБФ». Вечером связался легко. Тяжело есть,

когда знаешь, что в Ленинграде твои родные (у него жена) голодают. Откладывает по куску и сушит.

Написал новогоднее стих-е... Баня с веником. Чудесно, жарко, только слаб стал.

27 декабря. Начал перепечатывать стихи для сборника. В редакции «БЗ» появились кабинеты. Можанет одержим манией власти. Ему, видимо, кажется, что все посягают на его административные права. Мороз. Не писал, подъема душевного нет.

28 декабря, воскресенье. Необыкновенное утро. На почте перевел 200 р. Елене, детям. Вышел и ахнул: появившееся на горизонте солнце позолотило, расцветило все в нежнейшие тона. Индевь на березах засветилась, как мишура на рождественских елках. Пруд, лед, дома за прудом — все напомнило рисунок на переплете техникумовского журнала «Наше творчество».

Ходил в деревню Борки, провел беседу с колхозниками о положении на фронтах. Живут русские и финны — (ижорцы) наполовину. Домики опрятны не все, но почти на каждом что-нибудь да выкрашено: то весь обит тесом крашеным, то терраса, то наличники, то крыльцо. Народ культурный, удивились, что я спросил, все ли знают, кто такой поэт. Читал стихи.

Перепечатывал. Писал «Землянку», еще не кончил.

29 декабря. Дали дров штабных, сам наносил.

[*Из блокнота.*] Совещание комиссаров и командиров начсостава ИУРа. Доклад генерал-майора Григорьева. Обстановка на фронтах. Линия фронта на Севере — Архангельск, Мурманск — проходит даже на территории противника. Петрозаводск у врага. Наши части подошли к Белграду, Орлу. Близко Харьков. Немец откатывается на всех фронтах, оставляя нам трофеи. Бои идут в Таганроге. Столько убитых и раненых у противника не оставалось на полях боев ни в одной войне. Дано задание двигаться не задерживаясь, осаждать населенные пункты. Бои идут под Новгородом. Он уже наш.

На Ленинградском фронте обстановка резко улучшилась. Но во Мге пока еще противник. Прорыв блокады укладывается в считанные дни. Миф о непобедимости немцев разбит. У них началось скольжение к гибели. Смена немецкого командования. Но у врага это еще не последнее издыхание. Его армия еще не разбита. Триумфального марша нам пока еще ждать нельзя.

Взяли Керново — послали донесения, подсчеты и пр.,

а на другой день сдали Керново и даже донесения не послали. ‹...›

Бригадный комиссар Фомин: Член Военного Совета Смирнов поднял вопросы — 1. Самоуспокоенность, благодушие сейчас могут привести к пагубным результатам. 2. О повышении бдительности в войсках. Разговоры. Письма. Разговоры по телефонам особенно откровенны у больших начальников. ТУС — телефонная условная связь: «У меня семья в 1000 человек», «Подбросьте огурчиков 102 калибра, у меня их штук 10 всего». 3. Воля всего начсостава должна концентрироваться вокруг приказа вышестоящего начальства. Не критиковать приказы вышестоящего начальника, не сметь и думать о невыполнении.

Дочитал «Адмирал Нахимов» — Зонина. Неплохая книга. Кино: парад на Красной площади 7/XI 41 г. и Сталин 6/XI — речи.

30 декабря. Перепечатывал стихи для сборника. Написал стихотворные подписи для клише в газеты «Боевая балтийская» и «В атаку». На бронепоезде Кропачева организовал три заметки. Видел сына Кропачева. Кропачев обещает дров. В «КБФ» от 30/XII в полосе «Бьет Красная Горка» даны в рамках две строфы из моего стиха — без подписи. ‹...›

31 декабря, среда. Перепечатывал сборник. Так к Новому году его и не закончил. Вечно я опаздываю жить. Не дописал «Землянку». Выступил на митинге со стих-ем «С Новым годом!». Взяты Керчь, Феодосия.

У Мандрико в КЭЧ рыба и вино. Встреча Нового года грустная. Я совсем болен. Ночью били форты. А у меня болела грудь.

1942 год, 1 января, четверг. Совершенно болен, температура 37,8. Едва поотлежался. Плотник замазывал окна. В трех газетах «БЗ», «В атаку» и «Боевая балтийская» мое стих-е «С Новым годом!».

2 января. Перепечатал «Землянку». *Сборник готов.* Думаю назвать «Боевая балтийская» или «Стихи Балтике». Обдумываю поэму. Надо начинать работать. Тоскую о детях. В семейной жизни у меня, конечно, трагедия, раздвоенность. Если бы не дети, мне с Галей лучшего желать не надо было бы.

Как хорошо иметь друзей, да побольше, да получше — верных, честных. К сожалению, меня судьба не балует

ими. Не умею я дружить. Если я увижу в человеке что-либо плохое, я сразу забываю обо всем хорошем, что в нем может быть. И это мне мешает сходиться с людьми. Слишком переоцениваю я звание поэта и его место и роль в истории... Перед людьми я или благоговею, что также не ведет к сближению с ними, или ставлю себя выше их. Отсюда всё: и я легко обижаю их, и сам чрезмерно обидчив. Как тяжело все это. Не отвращай меня от своего расположения, добрый человек, и я — весь твой.

3 января. Меня и Успенского вызывал к себе зам. начальника Пубалта Рыбаков. Я приготовил сборник. В «КБФ» новогоднего стих-я тоже не дали. Звонкова здесь берут в работу за полосу о «Красной Горке». С Мандрико и Звонковым варили вечером лещей. Я все нервничаю. Звонков не считает разумным мое намерение проситься в роту, не выдержать, говорит, да и не целесообразно.

Опять я метаться начал. В ЗУРе спать было некогда и я скулил, что не хотят люди считаться с тем, что я поэт и мне надо писать. Сейчас другие условия, а мне опять покоя нет. Таков поэт. Наставления Звонкова снова очень помогли мне и заставили успокоиться. Надо организовать совещание начинающих писателей. Надо спешить писать, пока у нас тихо. Надо проводить выступления литкружковцев по радио.

4 января. Передал сборник «Моряки идут в атаку» Рыбакову. Провел занятие литкружка на бронепоезде № 8. Начал писать стих-е об Остроменском... Вьюга, намело порядочно снегу. Сыровато.

5 января. С 10 ч. утра раздача орденов награжденным. Прибыли вице-адмирал, командующий КБФ Трибуц, генерал-лейтенант нач. Пубалта Лебедев и др. Я проспал, опоздал. В 12 ч. обед для награжденных. Посидел со Звонковым. Хлеб со жмыхами, черный, тяжелый. Во второй половине дня выступал со стихами в госпитале — в 3-х палатах. Завтра с утра в остальных.

6 января, вторник. Сон: грандиозный воздушный бой, вроде как над блудновским полем (вначале). Много немецких самолетов валится. Один сел разбитым. Я двух летчиков арестовал: вытащил пистолет, передернул затвор — «Руки вверх!». Отобрал у них парабеллумы, но сам не обыскивал, верил на слово. Разговорились. Молодые ребята. Я добродушен и доверчив. А они такими казались. Один ушел. Я послал за ним погоню. На дороге в зелени набросанных веток нашел будто бы снаряжение

для нагана. На ремне увидел чудесный финский нож и еще что-то в кожаных чехольчиках.

А утром пришел Гаврилов (наборщик) за патронами для найденного им нагана. Взял 100 р. в долг. Завтра он с Кирилловым едет в Ленинград.

Дописал стих-е «Чудо-богатырь» (об Остроменском). Выступил в двух палатах ВМ госпиталя. В «КБФ» от 3/I заметка Звонкова «В разведке». Оказывается, на Новый год он был в разведке, и очень интересной,— убили часового, встретились с партизанами. Вот как это делается, спокойно, без шума, будничо. Он даже ничего не говорил о том, где пропадал.

7 января. Выправил «Чудо-богатыря» и отдал Звонкову вместе с «Владыкой мира».

8 января. Ночью сильнейшая боль в правой половине груди. Скоро, видно, снова в госпиталь. Сон: в какой-то восточной семье обедал. Роскошно, жирно. Решил, что буду дольше жить в этой «части».

Сегодня еду в артдивизион и в 3-й Особый полк морской пехоты (бывшая Школа). Там сейчас командиром Лосяков.

Командующий КБФ сказал: «Мы недооценивали ИУР и мало уделяли ему внимания, а он сыграл большую роль, и сегодня его значение очень велико». Для стихов: Навесная смерть. Трассирующий огонь, трассирующая смерть.

9 января. С поездом приехал в артдивизион Живодера — дер. Пеники. Три батареи. Обход батареи Нечипорука с Филипповым. Вечером читал стихи. Много моряков с островов. Всё строили зимой, долбили мерзлую землю. Камбуз еще и сейчас долбят, оттаивая. Филиппов раздает бойцам папиросы.

Ночевал в Пениках. Эвакуированные из Петергофа — родственники. Отряд из Ленинграда — политзапаса (идет в распоряжение Приморского сектора). Начальник отряда опух, отек. Выпросил поесть.

Крестьяне — больше финны — живут сытно, но все скулят.

Пишущие у Нечипорука — Маньков, Леонов. У Врачева — Максимов.

«Начальнику агитпропчасти батальонному комиссару Краснову.

В конце января в Ленинграде состоится совещание писателей, работающих на КБФ. Не представляется ли Вам возможным и целесообразным проведение в связи с

этим числа 25/I однодневного совещания начинающих писателей и поэтов — бойцов ИУРа. Пишущих у нас много. Некоторые из них объединены (литкружок на бронепоезде Кропачева). Начинающие поэты есть в артдивизионе Живодера (Максимов, Леонов, Маньков). На форту «Ф» (Агутин и др.), в 5-й бригаде (Коровиченко и др.), на бронепоезде Стукалова (Рагозкин, Эйман и др.). Есть поэты, уже печатавшиеся в «Боевом залпе».

10 января. Пописал для поэмы. Занятия по артиллерии. В 6^{40} с к/ф Чиненовым — к Смирнову. Новая землянка-клуб — выступал. Ночевал в землянке.

11 января. Обход батарей. Стрельба из пистолетов. 7^{20} вечера — к Смирнову на вечер самодеятельности. Волнующее впечатление. Клуб-землянка. Со степ течет. Пол земляной, мерзлый. Скамейки — ящики из-под снарядов. Я выступил с заключением о вечере. Ночью ощупью снежным полем вернулся в Пеники.

12 января. Ушел на батарею Врачева. Очень нехорошее впечатление. Нет военной дисциплины. Провел вечер (бойцы лежат). Оформили парторганизацию. Ночевал в санпункте на голых досках.

13 января. Вернулся в Пеники. Морозы. Лес в индеви, красив. К урожаю. Начфин был в Ораниенбауме. Его обстреливают ежедневно с 9 ч. утра. Читал «Пулковский меридиан» Караева и Успенского. Ночевал в Пениках.

14 января. Мороз 31°. Вечером на летучке — в Лебяжье. Теплушка. Тыл бондаревцев едет с печкой-жестянкой. Едят шпиг. Завидно. Читал «Медного всадника», «Шинель», «Перебежчицу». Боксировал стену вагона — вагон дрожит. Кто-то ужаснулся силе моих кулаков — мне приятно. А ведь не богатырь, нет. Знаю это, но это приятно, когда сочтут за богатыря. У печки сгрудились, как кони ночью, защищающиеся от волков,— зады в сторону, головы в круг.

Мандрико найти не мог, взломал дверь. Мороз. Отопить не мог. Поспал немного в общежитии командиров, промерз.

15 января. Отапливание. Вечером кино «Музыкальная история». Ничего не делал. В Пениках гадала бабушка Мария Никитична — в ночь на Новый год: неприятность в казенном доме, неприятность через деньги, через военного человека, девушка на сердце, дороги, дороги.

16 января. В «БЗ» мое стих-е «Владыка мира». Утром вызвал срочно бригадный комиссар Фомин. Стих-е из-за последних строк признано неверным, пленных расстрели-

вать нельзя. Доложил нач. разведки Шашенков. Потом — у Медведкова. Горячится: «Больше не пропущу ни одного вашего стихотворения... Отправлю вас в Пубалт». Ужасно дико все. Это — «неприятность через военного человека». Стих-е снимают, тираж газеты уничтожают и печатают заново. Чуть позднее был у Белова. Гнусная история с часами. Совершенно разбит, болен. Ничего не могу делать. Пишу письмо Вишневскому. Рассказал все Звонкову.

17 января. Не могу работать. Послал письмо Вишневскому. Болен. На совещание истребителей в Б. Ижору не поехал.

В кают-компании будто бы был спор о моем стихотворении. Многие считают, что оно верное. День пропал снова. ⟨...⟩

18 января. Партбюро. Доклад военкома штаба Данилкина о политико-моральном состоянии в парторганизации штаба. ⟨...⟩ Скляров возмущенно говорил о хлебе со жмыхом, а рядом сидели рабочие, получающие такой же хлеб и в 4 раза меньше.

Начал писать стих-е «Истребитель». Ответил по телефону на стихи связиста Тугаринова.

19 января. Утром в кают-компании Белов предъявил мне новое обвинение: я не уплатил за еду, которую мне приносила в лазарет Анна Ивановна. А сколько раз я требовал, чтоб она от меня приняла деньги?! Ужасные люди. Сама же отказывалась. И я решил, что за передачи в лазарет не платят. Днем отдал Ольге Платоновне 30 р. ⟨...⟩

Провел собрание литкружка на бронепоезде Кропачева. Читали стихи Смирнова. Прочитал «Во весь голос» Маяковского и «Скрипка и немножко нервно». С пулеметчиком Смирновым привез с бронепоезда дров на санках. Ох и намучились. Пишу «Истребитель». Остался долг за 3 дня (30 строк).

Пухов и Кириллов рассказывают: в Ленинграде на улицах можно встретить трупы, везут часто неприкрытых, без гробов. Мать Пухова похоронили в гробу.

20 января. Топил весь день и все без толку. Мороз около 30°. Перечитал стопку газет. Симонов — разъездной военный корреспондент «Красной звезды». Писал с Северного фронта, с Западного, забрался уже в Феодосию (очерк «Предатель»). В «Кр. звезде» были три стих-я его. Средние стихи. А вот в «Правде» от 14/I стих-е «Жди меня», очень хорошее, человеческое. Многие будут

рады ему. Сильный человек Симонов. Зависть гложет меня. В «Кр. звезде» его рассказ «Третий адъютант» — хорош. Дописал стих-е «Истребитель». Долг 10 строк. На сон почитал книжку Звонкова.

21 января. Мороз 30° с лишним. Ходил к врачу. Буду принимать хлористый кальций для укрепления легких. Только бы процесс не зашел слишком далеко. Сегодня ленинский день, а я и стихов не написал. Все равно печатать не будут: таков дикий приказ начальника ПО. Писал поэму (начало: Горели станции и села). 32 строки. Долг ликвидирован.

22 января. Потеплело. Идет снег. 25 строк — писал поэму. Прибавка хлеба — 100 грамм. Пушкин — «Братья разбойники», «Бахчисарайский фонтан».

23 января. Опять мороз. Дописал сценку: «Впервые сегодня огнем окрещен» — 35 строк. 〈...〉

В редакцию не хожу уже несколько дней. Работаю, но на душе все равно неспокойно.

24 января. Мороз и сильный ветер. Ветер такой впервые. У штаба 31°, на заливе, вероятно, не меньше 36°. Выход на ВМПС — едва нос уберег. Написал только 20 строк. Очень недоволен. Теперь пока стоят морозы и еще есть возможность сидеть на месте, надо писать и писать. Ежедневно читаю понемногу Пушкина. Сегодня «Граф Нулин», «Домик в Коломне».

25 января. Сегодня должен дать 40 строк. Дал 50. Возможно, строк 10 вылетит. Выключили свет снова. Получил много писем. Галя хорошо написала о том, как ходила в Блудново, в Липово. Обратно до Плаксино на лыжах. На рынке в Никольске установлены твердые максимальные цены на колхозные продукты. Хорошо это.

Провел вместе с Мандрико собрание в школе — средней. У них завтра кончаются каникулы. Для детей был утренник с обедом, с подарками. Мое выступление со стихами приняли очень хорошо, долго просили «еще».

«В последний час» от 23/I. Взяты Холм, Андреаполь, Зап. Двина, Селижарово, Торопец, Оленино, Пено, Старая Торопа. Железная дорога Ржев — Великие Луки перерезана. Немцы еще во Ржеве. От Холма можно пойти прямо на Рижский залив. Вот была бы грандиозная операция.

26 января. Вчера ночью выключили свет. Сегодня пошел к Медведкову просить о свете, который был дан раньше с его разрешения. Вместо ответа он, покраснев, сказал, чтобы я уезжал в Ленинград в распоряжение Пубалта. И сегодня же. Шли автобусы с людьми на кур-

сы политруков. Я собрался. Но была перегрузка и выехать не смог. Документы все получены. Вечер в темноте. Потом коптилка от Реут. Все же написал две строфы — 10 строк.

Еще один мой друг погиб. Петр Иванович Звонков — спецкор «КБФ». На Ханко уцелел. Сюда приехал, говорил,— как на курорт. А пожил только несколько недель. Полетел иа транспортном самолете на Гогланд (там наши). Финские истребители сбили будто бы два самолета. Спаслись двое. Погибло человек 10. Сказал мне об этом вчера Гаврилов — наборщик. Очень грустно было. Звонков — человек со странностями, потому что всегда на чем-нибудь сосредоточен. Повадками походил на Л. Мартынова и рыжеватый так же. Усы рыжие. Работал много и хорошо.

Срок явки в отдел кадров Пубалта 30 января.

27 января. Ходил на форт, сдал книги в библиотеку. Успенский в доте Клуба читал плохую поэму (об артиллерийском прикрытии кораблей, шедших с Ханко). Написал 20 строк для поэмы. Мороз. Полушубок, ватные брюки, валенки, армейскую шинель и прочее сдал вчера еще.

28 января получена телеграмма из Пубалта: совещание писателей будет 5 февраля. Я все еще не могу выехать, нет машин. Спать лег рано, заболел. Значит, завтра потеплеет, посыреет. Начал писать рассказ о Лебедеве. К поэме 10 строк.

29 января. Выехать не смог. А завтра по документу срок явки в отдел кадров Пубалта. Сходил к Медведкову: «Я не смог выехать, товарищ полковой комиссар!» — «А мне какое дело!» — и опять сразу покраснел. Договорились: поеду вместе с Успенским к 5/II на совещание писателей и там останусь. ⟨...⟩

Сейчас 19 ч. 30 м., сижу с коптилкой. Рассказ о Лебедеве все еще не дописан. Более тяжелое душевное состояние трудно придумать. Да еще и папирос нет. Боже мой, как я устал. В дни, когда я был постоянно под огнем, в боях, под дождем и ветром, когда спал на голой земле под воем мин (Алексеевка),— мне было легче. На душе было хорошо, спокойно. Я был счастлив. А здесь такая мерзость вокруг. Эти люди меня так измучили.

Позавчера на форту Успенский рассказал, что к нам прибыла целая армия с тяжелыми танками и орудиями. Скорей бы. Но я уже не здешний. А Звонков погиб.

10 строк поэмы. Рассказ еще не окончил. Прочитал «Полтаву».

30 января. Армия прибыла хорошо. Даже я не видел когда. Только дороги изрыты гусеницами. Потеплело. Орудийная стрельба. Рассказ еще не окончил. Написал 19 строк для поэмы. Пушкин: «Анджело».

31 января. Рассказ все еще не окончил. Завтра закончу. Девочка в красном пальтишке из Б. Ижоры ходит уже без брата. Все время плачет. Ночью ревела и стучалась в салон, видимо, она. Стихов не писал.

1 февраля. Нюра — женщина из Мартышкино (эвакуированная) жила на 125 гр. хлеба, не опухала, а сейчас поступила на лесозаготовки, стала есть по 630 гр. и вся опухла. Будто бы это нормальное явление после голодовки.

Закончил рассказ о комиссаре Лебедеве. Писал 5 дней. Получилось 22 полных страницы чернилом. Еще не читал никому.

Потеплело. Идет снег.

2 февраля. «Ленинградская правда» все время пишет о наведении в городе элементарной чистоты, об устройстве временных уборных, об очищении дворов, лестниц и проч. Было постановление Облсовета. В городе создается опасность эпидемических заболеваний. Всё загажено. Люди истощены и не убирают нечистот. Водопровод не работает, света, топлива нет. Трамваи не ходят. Норму хлеба после 125 гр. прибавили, но сейчас иногда совсем его не могут дать: пекарни не могут работать без топлива и без воды.

Завтра выезжаю в Ленинград вместе с Успенским. Получил сухой паек.

3 февраля. Сильнейший бронхит. Эти машины сегодня в Ленинград не идут. Утром радио сообщило: наши войска несколько дней назад оставили Феодосию. Но вся сводка в общем наступательного характера. Сегодня без столовой, на одном хлебном пайке, и все время особенно мучительно хочется есть. Приварок и дрянной, но все-таки, видно, поддерживает немного. Днем позвонил Левин, сказал, что часа через два машина пойдет. Не пошла. Обещают завтра в 7 ч. утра. Пушкина, немецкий противогаз, тетради отдал К. Евдокимовой. В кают-компании как и всюду мародеры. Сейчас я все узнал точно. Персонал свои карточки в столовую не сдает, а питается, ест всего вдоволь, что нам дают по крошке.

В «КБФ» от 1/II моя заметка «Теперь мы узнали, кто такие немцы».

Антонченко — комиссар 2-й бригады был ранен, приехал в Ленинград лечиться и умер, угорев от буржуйки.

4 февраля. Ленинград. Выехали в 7^{30} утра на машине бронепоезда с комиссаром Кудзиевым. Едет и Краснов. Заставы перед въездом на залив и далее бесконечно. Мужик собирает в рукавицу овес на дороге. До Кронштадта дорога хорошая. Кронштадт — застава — темный холодный коридор. От Кронштадта дорогу на заливе перемело. Стали согреваться, потому что тащили машину на себе. Указатели старые: 30 км (не больше) — смешно. Много машин в снегу. Разбитые форты. В Лахте — продажа с рук, вернее обмен: папиросы, кусочки хлеба. Всюду холодно. Ближе к Ленинграду по сторонам дороги замерзшие трупы. Люди идут спокойно мимо. Столбики изрублены, исщеплены на дрова. Люди жадно глядят на папиросу. «Дяденька, кинь окурок».

Въехали в город. Везут гробы на санках и без гробов, в простынях. Грузовик полон голыми замерзшими в разных позах мертвецами (как восковые фигуры). В комендатуре, в Пубалте, всюду темные холодные коридоры и комнаты. В Опергруппе писателей ПУ КБФ — Тарасенков (зам. Вишневского), Азаров, Зонин, Амурский, Михайловский («Правда»), машинистка. Пришел Браун. Всюду отопление буржуйками. Кудзиев привез своим (на Мойке у площади Урицкого) дров, несколько березовых кряжей. Дрова колют в комнате. Я вещи оставил на его квартире. Встали на питание. Затаскивали машину. Ходили километра за 2 в батальон выздоравливающих, где нам устраивают ночлег. На беседу с Корниенко — бригадным комиссаром (он сейчас в Пубалте по делам печати) нас не взяли. Адрес Пубалта: Васильевский о-в, 11-я линия (б. Морская Академия). Совещание будет 6-го и 7-го.

Успенский заметил, что все женщины приняли вид кухарок, закутались. Трамваи стоят по улицам, но рельс не видно. Машин мало. По площади Урицкого — тропка по снежному полю. Дворец цел. На улице разлита вода, качают, женщины берут ее ведрами.

5 февраля. Утром сходил к Шах. Достучался. Выехали недавно вместе с Росцием.

Начиная со второй половины января у меня снова стало появляться жжение в желудке. Сегодня особенно сильно. Вероятно, влияет и усиленное курение. А не курить худо — ощущение недоедания будет мучить больше.

С Азаровым ходили в ВМИ. Принесли 15 экз. Новикова-Прибоя: «Морские рассказы». У Азарова во дворе поленница трупов (ок. 300). Тела везут без конца. По два на санках — в одеялах, в простынях. Гроб из фанеры — роскошь. Воду везут в ведрах на санках с Невы, с Невки. Грузовой транспорт — санки. В ВМИ старик с пышной бородой (мужичок) стонет, что с него, 70-летнего, взяли военный налог — 30 р.

Потом один ходил на Гатчинскую ул., 26. На «Печатный Двор» им. Горького: по проспекту Пролетарской Победы, по Съездовской, за Тучков мост, прямо — по пр. Карла Либкнехта. На Либкнехта — вода — обошел два квартала. Из домов выносят тела. Прошел по толкучке (Прол. Победа — угол Волжской). Дровишки на санках — 100 г хлеба. За две пачки «Звезды» — 250 г хлеба. Папиросы в очень большой цене (100 р. пачка). Печатный Двор замер. Работал до января. Потом не стало энергии и топлива. С трудом принес 30 книг Сергеева-Ценского — 2 тома «Севастопольской страды». Очень слаб. Заметил это еще вчера, поднимаясь по лестницам.

В команде Печатного Двора, где я брал пропуск на выход, сидят две женщины, хлебают кипяток с хлебцем. Хлеба прибавили, но не стало продуктов, так что положение еще более ухудшилось. Маленький старичок, живой, с бородкой, обрадовался мне, моряку. Он 30 лет плавал на кораблях электромонтером. Горд этим. Женщина говорит: все вымрем, но не сдадимся. Старичок говорит: думали, придет Гитлер.

Ночевка в батальоне выздоравливающих. У Мирошниченко три снаряда вчера разбили квартиру. Сегодня он узнал. И вдруг весть о награждении. Бомба попала в квартиру Прокофьева.

6 февраля. 10 ч. Открытие общефлотского совещания писателей. Выступление дивизионного комиссара Лебедева — начальника ПУ КБФ: подводим итоги войны и по политической работе и по писательской линии. Война дала возможность проверить все кадры, кто чего стоит, кто на что годен и способен. Кадры писателей и поэтов боевой экзамен выдержали с честью. В Опергруппе и в соединениях они принесли много пользы. ПУ КБФ очень признательно за эту работу. Основная масса писателей показала себя смелыми в бою. Задача совещания: и покритиковать друг друга. ⟨...⟩

Доклад Вишневского Всеволода Витальевича. Литература идет в ногу с народом, обслуживает войну. Грече-

ские певцы обслуживали свои корабли в борьбе Греции и Персии. Нам остается честно следовать примеру великих греческих трагиков, творцов русских былин, классиков. «Слово о полку Игореве» — военный патриотический документ. Державин, Пушкин, Л. Толстой, военные — Лермонтов, Достоевский, Гаршин. Гоголь не был, но во всех вещах военная тема. «Тарас Бульба» и пр. Балтийский флот родил русскую морскую литературу. Марлинский. Гончаров пошел в плавание. У нас курс по историческому пути русского народа, на соединение со своими союзниками. «Соляный» моряк — Станюкович. Травили, но дали золотую медаль по разделу изящной словесности. Некоторые дрогнули — с чемоданами на восток. (На 2-м съезде СП проверим все кадры, все вспомним.) А. Толстой, Эренбург, Лидин, Симонов, Уткин (рука отбита), Алтаузен, Лапин и Хацревин остались в Киеве. Беспокоимся о Крымове. Вся советская литература — фронт, родилась в недрах революции. Балтика родина морской литературы. Было 5 морских литературных журналов. Сейчас: Оперативная группа и группа писателей, рассредоточенных по частям. 17 наших товарищей погибли. (Встали.) Мы не гости, мы полноправные командиры, комиссары. Опергруппу подбирали в Пубалте. Мирошниченко, Амурский, Крон, Азаров, Зонин, Тарасенков, Михайловский, Рудный, С. К. Вишневецкая — художник. (Упоминает Успенского, молодого Яшина-Попова, Добина.) Ты съешь пуд соли с моряком, прежде чем писать о нем. Без этого — пачкотня. Умер у Мирошниченко отец, вчера разбило квартиру — он работает. Мы дали 6 книг. 9 книг готовится. Начинаем обобщать. Будем подражать Л. Толстому: на смертном одре у него еще двигались три пальца, которыми держат ручку.

Зельцер, Алексей Лебедев, Зенковский, Цехновицер — погибли.

Становитесь агитаторами, культивируйте свою речь — это надо. Маяковский: «Меня ж издавать прошу Летучим дождем брошюр». Писать их. Быть речевиками. К первому дню мира придем богатейшими писателями. Уехавшие все теряют. Быть политработниками. Происходит огромный социальный переплав всего мира. Правду писать не значит, что писать о 100 % наступающих, некоторые струсили, ушли, предали. Увеличивать свои военно-морские знания. Командирский минимум надо знать.

Рады, что с нами работает Инбер В. М. Гордимся Брауном. Ленинград первый остановил Гитлера.

Приказываю: за 12 месяцев 1942 г. напишите 12 толстых тетрадей записей. Наметьте себе объект любви. Летчики, торпедные катера. Живой эпос фиксировать день и ночь неустанно. Надо знать, как выглядел рынок, город, морги. Запомнить о трупах на дорогах. Болеть, но не выходить из строя. «Я это видел, перенес, пережил сам и записал».

После обеда — прения. ‹...›

После ужина в 7 ч. доклад нач. штаба КБФ вице-адмирала т. Ралль. В начале войны Балтийское море делилось на базы: Германская, Шведская, Финская, Советская. Открытых боевых действий на Балтике за все время не было. Были действия против транспортировки. В Рижском заливе было потоплено много миноносцев, подлодок, транспортов. Наши коммуникации страдали главным образом со стороны финских шхер. Потом эстонский берег был взят. Увеличились наши потери. Флот перевез очень много грузов. Береговые батареи били по суше. Поразили много немецких сил: бронепоездов, танков, дотов. Флот наш подавляет дальнобойную артиллерию, обстреливающую Ленинград. Но из-за неимения противника в воде били главным образом по суше. Связь моря с сушей в этой войне сблизилась необычно. Тральщики, пахари моря, делают огромное дело по очищению коммуникационных путей. Сейчас в некоторых местах Ленинграда мы имеем воду и свет благодаря морякам. ‹...›

Ответы на вопросы: 1. Ледовый покров уничтожает 80 % наставленных мин — весной главным образом. 2. Оценка десантных операций. Мы посадить, перевезти и высадить умеем. Несчастья случаются на суше, когда десантами руководит уже сухопутный командир. Моряки, впервые попав на сушу, считают для себя зазорным лечь, ползти. ‹...›

Вечером 6/II чтение стихов. Первым читал я. «Не хочу голубого неба», «Баллада о балтийском танке», «Шинель». Вторая В. М. Инбер — стихи и главы поэмы «Пулковский меридиан» (Детский гробик не более скрипичного футляра.) Огромной правды и силы поэма...

Ночевка в батальоне выздоравливающих. Скипятил в кружке концентрат борщевой. Совсем болен, но отоспался, и стало лучше.

7 февраля. 10 ч. утра. Продолжение прений. 1. Крон — из «КБФ» (ст. политрук). Презрительное отношение к писателям-тыловикам вряд ли оправдано. Для читателя

важна талантливая книга и не важно, где она будет написана. ⟨...⟩

5. В. К. Кетлинская — руководитель ССП Ленинграда. Месяцы жесточайшей проверки для всех. Все мы поднялись по боевой тревоге. Чувство благополучия существовало в писательских организациях. Проверку выдержали не все. Отсиживающихся в Ташкенте мы к себе пустим, но они расплатятся творчески (т. е. и политически). Каждый оставшийся в Ленинграде обогатил себя. После войны продолжать старую недописанную книгу, перевернув страницы войны, будет невозможно. Творческий актив ленинградских писателей сразу ушел в армию и флот. 180 человек ушло. Осталось человек 200 писателей. Работали спешно: радио, обращения, выступления, передовицы, лозунги. Работа для эстрады. Сейчас мы вступили во второй этап работы (на 6-м месяце войны), когда наравне с оперативной работой стали работать и для себя, для своей основной творческой темы... Пока типографии не работают, книги и журналы выпускать не можем, но скоро будем. Просто психологические вещи писать сейчас не следует. И нельзя сглаживать острые углы: смерть, голод, страдание, страх, шкурники, трусы, эгоисты. Долой лакировку. Нам предстоит создать литературу сильных чувств и сильного характера. Поголодав и похолодав, мы выйдем очень счастливыми и богатыми людьми... Я пишу новый роман об осаде Ленинграда. ⟨...⟩

9. В. М. Инбер. Рада, что я здесь. Приехала 24 августа с одним из последних поездов, прошедших через Мгу. Важно, что я впервые лицом к лицу встретилась со своей темой. Странно, но так. Моя задача: дать документальную книгу о Ленинграде (не о фронте, а о городе). Мне хочется написать стихотворную летопись. Добиваюсь густоты письма. В поэтических произведениях присутствует вода, это плохо (хотя вы, как балтийцы, и любите эту стихию). Для меня написать лишних 6 строк — целое событие, я даже ночью пробуждаюсь. Задача показать город: трамваи не работают, топлива нет, света нет... Газета не терпит обобщений, это чуждо ее природе, и мне доступа в газету нет.

Я счастлива. В этом осажденном, безводном, бестранспортном, несытом городе я счастлива счастьем советского человека.

Отвечает Тарасенкову: «Можно работать не только на сегодняшний день. Из взаимодействия разных классов

кораблей складывается победа. Из взаимодействия разных жанров складывается литература».

10. Член Военного Совета КБФ корпусной комиссар Смирнов. Мы очень мало пишем о флоте, о кораблях. Проще писать о героическом поступке летчика — он сам написал о себе. Легко писать о красивой смерти — яркий подвиг сам бросается в глаза. Труднее писать о скромном рядовом члене коллектива, о корабле — боевом коллективе. Наблюдатель просто увидел мину, предупредил катастрофу. Почему мы не показываем незаметных скромных героев, которые часто больше герои. Сидеть на дне корабля у топки в минуту смертельной опасности и не выбежать на палубу — это героизм. Морские писатели должны прежде всего писать о флоте, о кораблях. Мало популяризируем наши морские традиции. Матрос всегда был патриотом корабля и родины. Моряк не отступает никогда и нигде. Смелость, смекалка — морские традиции. Моряк не покидает товарища в бою. Корабль не покидает другой корабль. Обожествляйте эти традиции. Моряк всегда везде был грозой для врага. И сейчас моряка боятся немцы. Традиционные морские бронепоезда. Моряк — снайпер. Снайпер за 300 м. из винтовки выбивает свои инициалы на телеграфном столбе. Поднять морскую форму. Она обязывает моряка на многое. Гордиться своей формой. Моряк надевает каску, а бескозырку — в карман. 〈...〉

13. Представитель театра КБФ. Отсутствие сцены и элементарных удобств стало обычным делом, необычным — обратное. Мы перестроились с 22 июля. Создали окопные пятерки, которые приходят, приползают в блиндажи па передовую: баян, аккордеон, певец, струнный инструмент, рассказчик. Сделано около 2,5 тысяч выступлений. Готовим пьесу: «Путь к морю» (о возвращении Балтфлота в Таллин). В Таллине будем и играть.

Читает письмо Волженина, которому поручено писать фельетон о прорыве кольца блокады. Он просит отсрочки, сжег последний шкаф, температура минус 2°. Письмо написано женой, т. к. у самого руки не действуют от холода и физической слабости. Театр приводит таких литераторов к себе, отогревает у буржуек, дает папиросу, и они пишут.

15. Заключительное слово Вишневского. Отработаем протокол. Дадим на места указания о предоставлении писателям немного свободного времени и для творчества. Быть оперативными. Помнить, что, может быть, завтра у нас не будет времени писать по-писательски — пой-

дем и с автоматами. Мы пубалтовцы! Это гордость наша.

Вечером концерт. Ночевал в батальоне для выздоравливающих.

8 февраля. В 10 ч. 30 м. утра на беседе у Рыбакова — Успенский, Н. Чуковский, Капица, Кронфельд и я: 5 человек с мест («диких») 〈...〉 Рыбаков дал по пачке папирос даже. Сидели в шинелях, он в кожаном пальто — холодно. Я совсем заболел. Температура — 38,2° (был у врача). Лежать. До решения вопроса о назначении меня в новую часть остаюсь лежать в Опергруппе. Вечером, немножко отдохнув, сделал сборник для Фадеева «Русские мы!» Под окном ухают орудия «М. Горького». Я думал, обстрел.

[*Из блокнота.*] Для поэмы. Как начнет оживать Ленинград. Разбирают последние баррикады. Свет первого фонаря радостнее, чем появление солнца на полюсе после полугодовой ночи. Сияние. Очищают рельсы. Каждый перед своими окнами. Двинулся первый трамвай, словно пустили давно стоявшие хриплые башенные часы.

9 февраля. Стало лучше. Буду начинать писать снова. Михайловский написал заметку о совещании писателей Балтики для «Правды». И все обижены, что он мало их похвалил. Не опергруппа, а опергруппировка.

В столовке один вытирал тарелку из-под каши кусочком хлеба и так нажал, что сломал тарелку... В кают-компании и первое и второе все больше из перловки и ячневой крупы — очень скудно. Тарасенков сегодня отправился в госпиталь.

Уснул рано, не раздеваясь, и опять не писал.

10 февраля. Было совещание Опергруппы писателей. Распределение работ... Связь с газетами... Распределение тем брошюр: К 15/IV — итоги 8 месяцев войны на балтийском театре — Вишневский; боевые традиции Балтики — Вишневский; юмор на Балтике — Браун (дать «Перебежчицу»); балтийские разведчики (1—1,5 листа) — Яшин. Начать с общей части: «Охотники за языками, артиллерийские разведчики-корректировщики, лыжники в тылу у врага». «Выход Звонкова. Комов-Остроменский. Броваренко. Мороз. Гарановский. Свои выходы в разведку. Вересов». Занимательность. Нарастание динамичности, интереса.

К 25 марта — «Комиссары Балтики», коллективная брошюра — ответственный Мирошниченко, авторы:

...Яшин (о Лебедеве). К 15/III — моряки в плен не сдаются, очерки, рассказы, стихи — Яшин. К I/IV — бронепоезда балтийцев: Успенский — стукаловцы; Яшин — кропачевцы.

Утром написал стихотворение для пресс-бюро «XXIV года» 13 строк. Сдал пресс-бюро 5 стихов. Получили посылки из Свердловска. Кинули по жребию без меня. Мне досталась самая бедная, даже без сухарей (7 пряников, 3 кусочка колбасы, детская корзиночка из цветной бумаги с монпансье и коробка спичек). Но для меня это первый подарок. Посылки у других очень богаты — сухарей много. Кисеты. Папиросы. Платки. Воротнички. На одном кисете: «Кури табак, бей фашистских собак». В письме одном есть изумительная фраза: «Первый хлеб — это вести с фронта» (пишет рабочий из Свердловска Михаил Самсонович Агалаков 20/XII-41 г.). В моей посылочке письма не было. Написал 10 строк поэмы (письмо брату), 1 лозунг для пресс-клише.

С сегодняшнего дня столуюсь в Пубалте. Здесь получше, хотя те же 400 грамм. А я совсем ослаб, ноги плохо держат. Был у врача снова, говорит — обычное истощение, как у всех, и туберкулез.

11 февраля. Бригадный комиссар Рыбаков вчера еще приказал немедленно устроить меня в госпиталь. Я категорически запротестовал против эвакуации. Подожду прорыва блокады, еще не умру. А потом видно будет. Все-таки март здесь опасен. Написал 30 строк для поэмы.

Вишневский говорит, что фронт движется к Мге.

12 февраля. Ходил по городу. На Неве всюду корабли. Еще в первые дни войны купол Исаакия и Адмиралтейская игла (золото) закрашены. (Звонил Прокофьеву.) У дома лежит труп женщины в одном платье, в черных чулках, без обуви, без платка, ноги выше чулка обнажены, пальцы рук скрючены. Откуда ее выбросили? Парадное закрыто. Прошел через двор. Блудился в темном коридоре. Парадная лестница, лифт во льду, в грязи — как ледяная пещера. Внизу у лифта несколько трупов в рвани, вроде деревенского изношенного стеганого одеяла на кудели, в грязных простынях. Увозить некому. Зашел к соседке Прокофьева. Она оказалась дома. Свечи. Стекла фанерные. Вошел в кв. Прокофьева. Стекла выбиты, но разрушений нет. Только на потолке выбоина от осколков снаряда, упавшего где-то на улице. В моем мешке осталось лишь одеяло, и ботинки, и полотенце. Пиджак, брюки, две простыни, наволочки пропали.

На Невском бомбой обрушена стена. Будто сцена. Изразцовая печь. Портрет Ворошилова в квартире 4-го или 3-го этажа. С оконных заграждений доски обрываются для буржуек. Песок слежался и держится, как тюбики цемента. Старуха везет на санках своего старика. У него ноги в одеяле (красном стеганом). Рыжая бородка — мочалка (по Достоевскому). Он быстро дергает носиком. Лицо обостренное, голодное, больное.

Был в редакции «КБФ». Холодные коридоры. Редактор Бороздкин болен и спит. ‹...›

Написал 20 строк поэмы. Долг 50 строк. Начал писать рассказ об истребителях.

13 февраля. Снова в госпиталь, сейчас в ленинградский. Диагноз: дистрофия. Увезли ночью, улица Льва Толстого, дом 7. Шофер не знал дороги, блудились.

Задумал поэму о Ленинграде (осажденном). Видел вырезку из газеты «Красный флот» с рецензией, где первым цитируется мое стихотворение.

14 февраля. В госпитале № 3 (Военно-морском). Холодно, света нет. Страшно было переодеваться и оставаться в тапочках. Внимания никакого, не то что в Лебяжьем. Ночью страшный приступ кашля. Промерз. Тарасенкову привез посылку, письма. Вишневский написал записку военкому госпиталя полк. комиссару Гостеву. Питание вряд ли здесь лучше, чем в Пубалте. 4-й день хлеба дают по 600 грамм, но на ужин — кашка. Приварок плохой, без жиров. Вчера ничего не писал.

Все обычные представления о госпитале, о больнице — рушатся. Вымыть вновь поступившего больного нечем, поэтому просто дают мазь от вшей для смазки под мышками, головы и ниже. Нечем запить принятый порошок — нет воды. Стакана тоже нет. Нет носков, тепла, света. На коридоре — буржуйка, двери в палаты открыты, и одна буржуйка отапливает все отделение. Хорошо, что у меня оказалась своя ложка, а то нечем было бы есть. Рядом положили тяжелобольного желудочного. Ему совсем нельзя есть, просит попить воды, а ее нет.

15 февраля. В Пубалте прочитал «Казаки» Л. Толстого. ...Никогда не бывает человек таким эгоистом, как в минуты наибольшего восторга... Ему кажется, что ничего интереснее его нет...

Писать в госпитале трудно. С натяжкой даю по 10 строк (2 строфы). Питание хуже, чем в Пубалте. Мне стало хуже. Домой решил не писать о том, что я снова в госпитале.

16 февраля. Прочитал «Жизнь в цвету» Ан. Франса (о своем детстве). Вчера был специалист-туберкулезник Вагов. Выслушал очень внимательно. Говорит: все забито бронхитом и гриппом, но наличие туберкулезного процесса несомненно. Сегодня начали принимать противодизентерийные таблетки. Потом будут прививки противотифозные и другие. Весна страшна для Ленинграда: откроется вся грязь, а канализация и водопровод не работают, оттают штабеля трупов за городом, в подъездах, на кладбищах. Меры по очистке города уже принимаются. Вчера и в госпитале был субботник — чистили стены, трапы, двор. Запущено все сильно еще потому, что дни были коротки, а свету не было.

В сводках информбюро стали появляться выделенные сообщения с Ленинградского фронта. Не началось ли генеральное наступление, на что, видимо, намекал Вишневский. Парикмахерша рассказывает: немец накануне 7 ноября разбрасывал листовки, что будет бомбить, пугал, что камня на камне не оставит. А не дали бомбить. Даже обстреливал меньше. На обстрел люди уже внимания не обращают.

Вероятно, встанет вопрос об эвакуации. Приготовила ли Галя питание, как я ее просил, сумеет ли она меня откормить. Я буду сейчас ненасытен. Врач говорит, что мне надо сейчас 100 граммов масла в день, яички, побольше хлеба, нужно мясо, которого совсем нет.

Я в палате 41 на 3-м этаже, пост 1. Сегодня был военком госпиталя — Гостев, бывший газетный работник (редактор газеты на Сев. флоте, зам. редактора на Черноморском флоте). Обещали дать добавочку к питанию. Вряд ли что будет существенное. Сосед рассказывает: на рынках продают хлеб даже по целому килограмму (500 р., 350 р.). Конечно, воруют где-то. Дети наши не будут верить тому, что мы пережили в Ленинграде. Из 8 человек в квартире трое умерло, а что еще будет дальше. В 1918 году голод был не такой. Тогда на осьмушку хлеба была вобла, овощи и проч. Можно было поехать в деревни. Не умирали от голода. Было много спекулянтов. За деньги можно было жить. Сейчас — нет.

Я еще в Лисьем носу видел объявление: «Меняю шубу, дубовую мебель, шелк, золотые часы — на дуранду, на продукты».

10 строк для поэмы. Прочитал «Слоновый туман» — рассказ Киплинга и рассказ Мамина-Сибиряка «Емеля

Охотник». Читаю переписку Чехова и Книппер. Библиотека на седьмом этаже. Я слаб. Сонливое состояние.

17 февраля. Издан «Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» (мужчин — от 16 до 55 лет, женщин — от 16 до 45 лет из числа не работающих в государственных предприятиях и учреждениях).

Видел сны: в чистейшей воде (заливчик) среди камушков достал цветной камушек с выцарапанной фамилией Кудзиева. Потом полз меж двух поездов, чтобы обогнать один из них, а пути скрестились, и меня потащило под колеса. Я уже понимал, что это сон, и все же закричал. Что-то еще — очень хорошее, но сразу не записал, а потом забыл.

Сестры, особенно санитарки очень истощены, бледны, едва ползают. Сегодня при обходе врача я увидел на плече у сестры (на халате) огромную вошь. Помогал повесить портрет Ленина, и закружилась голова. Очень слаб. ⟨...⟩

Писал продолжение рассказа об истребителях.

18 февраля. Сестра раздает папиросы «Звезда» (1 р.) по 8 шт. в день. Сегодня 9 шт. (на третий день). Врач собрал больных: кто желает из ходячих пойти рыть канавку для водопровода — завтра будет вода. Решиться никто не смог, все очень слабы. Ссора с врачом: «Вы мне действуете на нервы. Я больной». Врач молчит. Другие сказали: «Он сам вчера лежал с нами».

Днем и вечером больные сидят в коридоре у буржуйки — она одна на весь пост. Рассказы, мечты. Что сделаем с Гитлером: костылем по морде. На рассказах у буржуйки можно построить целую книгу о Ленинградском фронте, об осажденном Ленинграде. Вечером сидим в темноте. Иногда свет из открываемой печки освещает бледные острые скулы, тонкие щетинистые подбородки, лихорадочно блестящие глаза. «Пир во время чумы». Из-за пайков бывают всякие неприятности: все на граммы. Сестра разливала чай чумичкой (поварешка), которая оказалась больше той, которой наливали в ведро ей, и у нее не хватило 5 стаканов. Больные взвыли. Хорошо, что на камбузе сестре добавили пять стаканов чая. Нет, видимо, и ко дню Кр. Армии блокада еще не будет прорвана, хотя вести с фронта хорошие: уничтоженные дзоты, трофеи.

19 февраля. Получил чистую рубашку и чистые кальсоны (новые). Обтерся горячей водой из таза на 2-м посту. Очень приятно. Но простыня осталась старой, грязной. Ходит комиссия — на них чистые халаты. Как приятно видеть на врачах чистые халаты. Это напоминает о настоящем госпитале. Выдали валенки. Из 8-ми сегодня выкурил лишь одну папиросу, остальные отдал соседу Рощину — бледному, с язвой желудка. Он на диете и дал мне немного масла. Читаю «Гроздья гнева». ⟨...⟩

Вчера обстреливался наш район — район госпиталя. Вечером радио объявило: «Внимание, внимание! Говорит штаб МПВО. Артиллерийский обстрел района прекращен. Восстанавливается нормальное движение по району транспорта и населения». Сегодня (19/II) в 20 ч. в Ленинграде была объявлена воздушная тревога. Противный вой (как в Москве) по радио. Тревоги давно уже не бывало в Ленинграде. Только обстрелы. В 20^{25} — отбой — играет труба. Звуки эти, помню, летом, осенью казались очень радостными, солнечными, карнавальными (у Балтийского вокзала).

В батальоне выздоравливающих наш связной Иванов — бывший ханковец, раненый, рассказывал: одному налили 4 тарелки первого, от пятой он отказался только из-за неловкости, посовестился. Но через 1,5 часа пришел снова просить «супчику». Некоторые едят горчицу без хлеба, перец. Здесь врач специально уговаривал больных, чтоб не употребляли горчицы и перца — не к чему возбуждать аппетит, когда он и так слишком велик. Не надо пить воду — появляются отеки.

Написал 20 строк поэмы (4 строфы). Очень трудно даются стихи, так трудно, пожалуй, никогда еще я не писал. И пишу неважно. Поздно вечером выкурил с огромным удовольствием 2 папиросы, которые дала сестра.

20 февраля. На моей чистой рубахе врач увидел вошь: видимо, эмигрантка.

Новые хорошие сообщения от Федюнинского. Прорвав две линии укреплений на одном из участков фронта, наши бойцы значительно продвинулись вперед. Немцы насытили свою оборону массой автоматического и пулеметного огня. Значительно усилила активность немецкая авиация. Пущены в ход танки. Срочно подбрасываются подкрепления на этот участок. Однако наступательный порыв наших бойцов растет. Немцы обеспокоены положением на этом участке фронта. (Из вечернего сообщения 19/II-42).

Яренгский лесопункт Вологодской области самостоятельно механизировал производство лыж для Кр. Армии и увеличил их выпуск в 10 раз. Архангельский охотник Вежливцев, колхоз «Восход», снайпер, награжден званием Героя Сов. Союза (уничтожил больше 100 фашистов).

Доктор у нас — Лысенко. Язык забит провинциализмами и изуродованным произношением отдельных слов. Вроде Афони Горчакова, наверно.

Вечером передавалась по радио корреспонденция с Ленинградского фронта, от Федюнинского. Хорошо передан бой за расширение прорыва вражеской обороны, за взятие двух деревень. Две линии прорваны. Чтобы расширить прорыв, надо было взять две деревни. Их блокировали. Но командир не верил разведчикам: у деревень где-то была связь с тылом. Правда, самолеты врага бросали в деревни ящики с провизией, но это было для отвода глаз. Дорогу-тропку нашли в глухом бору. Завязался бой. Наши минировали дорогу — подорвался танк. Подтянули метров на 200—300 артиллерию, заглушив рев тракторов стрельбой из пулеметов и минометов. Прямой наводкой разбили дзоты, доты, дома, где жил враг. Около 300 трупов немцев. Еще один шаг вперед к Ленинграду. Укрепления немцев грандиозны: сплошная проволока, долины сплошь в минах.

В Ленинграде чувствуется оживление. Газеты поднимают борьбу за чистоту, за очищение дворов, лестниц, лестничных площадок, за установку кипятильников в домах, за открытие чайных. В одной чайной за день пользуются кипятком до 5000 человек и больше. Вчера исполком Ленгорсовета объявил о разрешении продажи по февральским продкарточкам всех категорий по 125 граммов сухих овощей. Сегодня — о продаже мяса и мясопродуктов за февраль: рабочим и ИТР по 450 гр., служащим по 250 гр., иждивенцам и детям по 125 г. Хлеба сейчас военнослужащие получают уже 600 г (на кораблях 800), рабочие 500 (было 250), служащие 400 (было 125), иждивенцы 300 (было 125). Мне меньше 300 получать не приходилось. И то — истощение, дистрофия.

До праздника решил покрыть долг по поэме (40 строк) и дописать рассказ. Сегодня написал 40 строк (в счет долга 30). Рассказа не писал. Сидел до 1 ч. ночи.

21 февраля. Снова в сообщении Совинформбюро особо выделены «вести с Ленинградского фронта». Собкор описывает, как была взята высота N, господствующая над местностью и с которой немцы обстреливали Ленинград.

Вначале громила артиллерия. Потом под кинжальным немецким огнем бросились вперед пехотинцы (они долго ползли). Первыми поднялись и ворвались в траншеи врага. Красноармеец Семенов добровольно уничтожил немецкую огневую точку: подполз к пей, бросил гранату. Крылов, л-т Андреев и старшина Яковлев докончили остальных.

15^{30}. Начался обстрел нашего р-на (р-на госпиталя, Петроградская сторона). Снаряды падают часто и близко. Сестра попросила сойти вниз. Дом иногда сотрясается. Как знать, быть может, один из следующих снарядов стукнет по нам. Пошел стирать платок. В 16^{30} по радио объявили: «Артиллерийский обстрел р-на прекратился. Нормальное движение транспорта и населения по району восстанавливается». Часов в 5 вечера — на 2-м посту беседа Гостева (военкома госпиталя) о 24-й годовщине Кр. Армии. После его доклада я прочитал 4 стих-я. Задыхаюсь.

Новое объявление по радио: исполком Ленгорсовета разрешил торгу с 22/II начать продажу по февр. карточкам в счет месячных норм жиров рабочим и ИТР по 150 гр., служащим, иждивенцам и детям по 100 граммов; крупы рабочим и ИТР — 500 гр., служащим — 375 гр., иждивенцам — 250, детям до 12 лет — 300 граммов. Город начинает оживать. На кораблях, как говорит сосед Довер (командир ледокола «Айсберг»), на комсостав положено в день 10 г. сгущенного молока и два грамма грибов. Получали за 10 дней: 100 г. молока, 20 г. грибов. У нас было в последние дни 20 г. печенья в день. И то всякими путями тянули (выезжал-де в часть) и крали. С сегодняшнего дня мне выдается добавка: 2 чумички «какао» (холодное, горькое печто), 25 г. шоколаду, 15 г. печенья (одна печенина — конечно, тут 15 г. нет).

Вечер. Разговариваем о том, сколько вымерло уже в Ленинграде. Населения в нем скопилось перед блокадой больше, чем раньше было. Всех умирающих вряд ли смогли учитывать. Мне кто-то сказал, что вымерло уже больше 2 миллионов человек. Сейчас говорят: за 3 дня в одном Куйбышевском районе похоронили 20 тысяч человек (поскопилось в подъездах). Рощин говорит: в день по Ленинграду хоронят тысяч по 7 человек. Умирают больше мужчины.

По радио сегодня передавали очерк Вишневского. В 11 часов ночи сообщили: за два дня на Ленинградском фронте убито свыше 1300 немцев (собраны трупы).

К празднику — 24-й годовщины РККА — по Союзу собрано подарков бойцам от трудящихся около 1000 ж. д. вагонов. Где-то готовят для фронта поезда-бани с бельем, мылом и проч. Изготовлено 49. Часть поездов уже пошла на Западный фронт. Рассказывают, что сейчас Мурманск живет хорошо, как никогда, пользуясь подвозом продовольствия из Англии и Америки. Всего много и дешево.

Написал 20 строк поэмы. Долг покрыт. Начал читать (120 стр.) «Граф Монте-Кристо» А. Дюма. Написал абзац для рассказа о сержанте Божко (Бурденко — истребителе). Завтра его обязан закончить.

22 февраля. При этой норме хлеба (600 г.) можно бы вполне быть сытым, если бы были жиры. Но мы все уже так истощены.

Я, видно, так и жизнь свою кончу, чего-нибудь да не закончив. Собирался к празднику дописать рассказ (сегодня) и не дописал-таки. С трудом дал 10 строк поэмы.

23 февраля. 24-я годовщина Красной Армии. Утром хотел дописать рассказ и, конечно, не дописал. Хорош приказ Сталина: это речь, статья. Отпор обвиняющим Красную Армию в ненависти к немцам вообще, к немецкой расе. Статья Калинина — призыв к фронтовой работе в тылу. В 16 ч. торжественное заседание отделения (на 2-м посту). Я — в президиуме (от больных). Доклад политрука Кокина. Потом выступал я. После мы с Тарасенковым читали свои стихи и — Маяковского (о солнце — он) и Пушкина — Медный всадник (я). Подарочки от шефов: 20 г. шоколаду и 3 печенины. Приятно. Но сытно, видно, не поедим и сегодня и до прорыва блокады. Выдали по 50 г. портвейну (с точностью до капли). Все-таки настроение праздничное. Ужин из 2-х блюд (щи крупяные и каша) — неплохо. Думаем все о еде. Ужасно это обидно, и ничего не поделаешь. Объявлено о продаже с завтрашнего числа по февральским карточкам: рабочим, ИТР, детям до 12 лет — по 25 г. шоколаду, служащим и иждивенцам по 25 г. какао в порошке. Всем по промтоварным карточкам по 1/4 литра осветительного керосина.

Сидел далеко за полночь. 10 строк поэмы и начал писать поэму о Ленинграде («Богатыри Невы») — 1-я строфа как первый кирпич на стройке. Около 2^{30} ночи — ванна. Очень ослаб. Заснул в 4-м часу ночи.

24 февраля. После завтрака снова заснул и спал до 12 ч. дня. 23/II взят город Дорогобуж (на пути к Смо-

ленску). По радио передавали статью полковника Люшковского: «Провал гитлеровского плана захвата Ленинграда». Это опыт обобщения военных действий на Ленинградском фронте в Отечественную войну 41—42 гг. Где она напечатана? Надо достать.

Вчера получил разрешение присутствовать при переливании крови воентехнику 1-го ранга Рощину (сосед по койке), но не выдержал: закружилась голова, едва не упал и меня спровадили.

10 строк поэмы «Стоять насмерть». 5 строк — поэмы о Ленинграде. 200 страниц «Монте-Кристо».

25 февраля. В последний час: наши войска Северо-Западного фронта (командующий адмирал-лейтенант Курочкин), начав дней 10 назад в р-не Старой Руссы окружение 16-й немецкой армии, на днях закончили его. Ввиду отказа немцев сложить оружие (генерал-полковник фон Буш) — наши войска начали атаку. В первый этап атаки разгромлены 3 дивизии разных корпусов (одна «СС»), трупов до 12 тысяч. Большие трофеи.

Крестьянин Матвей Матвеевич Кузьмин повел по приказу немецкую часть в тыл нашей части. Но успел предупредить своих через внука, и немцев встретили пулеметы. Офицер убил Кузьмина-Сусанина.

Доставляя продовольствие в Ленинград, машинисты стали водить тяжеловесные поезда до 1500 тонн и выше. Машинист Ковалев и др. написали письмо Жданову о своем опыте. Жданов опубликовал ответное письмо. Поздравляет, поддерживает. Была норма на состав 1100 тонн, сейчас все водят по 1300—1400. Один дал уже 1700. Тяжеловесники ездят инструкторами: знают, где разогнать, как набрать пары из тощих местных углей.

Получил деньги по аттестату за февраль. Заем не высчитали. Вчера меня снова прослушивал специалист-туберкулезник. Первоначальный диагноз подтверждается. Сказал, что пошлют меня на комиссию с требованием эвакуации в места с сухим климатом.

Бледная санитарка Галя говорит, что в магазинах есть продукты, полки не пусты и стало веселей: нормы не будут продавать. Масло на рынке 150 рублей 100 грамм (1500 р.— 1кг). Папиросы были по 4 р. штука (100 р. пачка). Ночью (до 12 ч.) обстрел, а какого р-на, неизвестно. Еще позднее обстрел нашего р-на, если это не стрельба кораблей.

26 февраля. Весь день читал «Графа Монте-Кристо». Приезжали перед ужином Мирошниченко, Браун, Аза-

ров. Выступали на 5-м этаже. Готовится книга по приказанию арм. комиссара Рогова: «Балтийский флот в обороне Ленинграда». Дам стихи и прозу. Врач говорит, что меня назначат на комиссию. Будут предлагать санаторий (в тылу, в Вологодской области), или дом отдыха на Васильевском острове, или туберкулезное отделение при госпитале же, которое скоро откроется.

Новое объявление отдела торговли: с 27/II по февральским карточкам сахара и кондитерских изделий рабочим, ИТР — 300 г., служащим — 250 г., детям до 12 лет тоже, иждивенцам — 200, клюквы — всем категориям по 150 граммов. ⟨...⟩

10 строк поэмы. 5 строк о Ленинграде.

27 февраля. Выписались из госпиталя Бородатов и Девер. Пришел новый больной, лейтенант, командовавший взводом. В ноябре был ранен. С тех пор по госпиталям. Выходил, поработал дней 15 на эвакопункте (беготня в связи с эвакуацией семей комначсостава), ослаб, попал в госпиталь выздоравливающих командиров (дом отдыха) на Васильевском о-ве (там будто бы питание лучше, чем здесь). Потребовалось вырезать еще осколок, и вот он здесь. До работы в эвакопункте был в запасе, где некоторые командиры живут по несколько месяцев без работы.

10 строк поэмы, пять — о Ленинграде.

28 февраля. Сегодня в 6 ч. вечера будет комиссия. Решится вопрос обо мне — куда направят. Мне очень плохо. Часов в 7 вечера выступил в коридоре у буржуйки с воспоминаниями о фронтовых делах и людях и пошел на комиссию. Прослушали, спросили звание, и все. Для них я не поэт, а командир-фронтовик, и только. Доктор Лысенко после ужина сообщил: меня направляют в госпиталь выздоравливающих командиров на 2 недели. На эвакуацию не пошли, только переводят в нестроевые. Заходил Тарасенков, принес чернил для авторучки. 10 строк поэмы.

1 марта. Дочитал «Монте-Кристо». В 3-х томах 1860 страниц.

Очень тяжелое, гнетущее, удушающее настроение. И курить к тому же нечего. Жизнь слабых идет в двойном плане: все непосредственное, трогательно обнаженное, интимное, все пороки — тщеславие, завистливость, жадность — тщательно скрываются от других и от самого себя. Сильный человек не боится людей и своих пороков.

Слабый — прикрашивает себя и постепенно перестает чувствовать себя, замечать свое ничем не опосредствованное. Для литератора это гибельно, ибо сила литературы в ее умении видеть душу человека в ее первозданности, сила в прямоте, в честном отношении к себе, к другим, к явлениям жизни. Великий Толстой! Тебе молюсь. Дай мне силу.

Мне не хочется покидать Ленинграда до прорыва блокады больше из-за тщеславия, хотя так же жаль и потерять материал. Втайне боюсь, что, выехав раньше времени, я потеряю право на отличие, которое, вероятно, получат все мои товарищи. Но и хочется увидеться с женой, передохнуть, побыть дома. Потому мне хотелось получить от комиссии назначение на эвакуацию и отказаться от нее. Иметь возможность выехать и не выезжать — чтоб было показное в этом что-то. Это от тщеславия. Завидую, что Алтаузен, Сурков уже награждены, что у других звание выше моего и они опять представлены, а я нет. Во всем виню свой нескладный характер. Но иногда подумываю втайне, что это хорошо, что у меня такой характер, потому что в нем обнаруживается моя принадлежность к лику истинных чудил от поэзии, к лику святых. В другое время перестаю совершенно уважать себя.

2 марта. СНК СССР предоставил право СНК республик, крайкомам и обласгкомам разрешать колхозам засевать на время войны неиспользованные пахотные земли смежных колхозов (они же платят по ним государству зернопоставки и налоги).

Вчера к коптилке своей приделал половину пробирки вместо лампового стекла. Дымить перестала, хотя свету не больше. Прочитал книгу Амбруаза Воллара «Сезанн». Приезжал Вишневский. Мне увидеться не удалось.

3 марта. Собирался на выписку. Делать мне здесь нечего. Ходить сейчас снова могу свободно. Отложили до завтра. Объявлен карантин: в госпитале появился сыпной тиф.

Написал 6 страничек рассказа об истребителях. 10 строк поэмы. Долгий разговор с нач. продснабжения госпиталя. Нормы для госпиталя хорошие, но до нас доходит только часть их и потому поправляемся плохо. Начальник спокоен, вежлив, беседу ведет задушевно, выслушивает... и все.

Новые соседи по палате: лейтенант Горбунов, раненый; инженер капитан 2-го ранга Грахов, ленинградец,

старый интеллигент. Имеет в своей библиотеке мою книжку «Мать». Зубы выпали от цинги, протезы выбиты при бомбежке, балкой. У него дистрофия.

Так хотелось курить, что решил обменять витамин «С» на папиросы. Тоскую о Гале, о друге, о доме.

4 марта. Утром, позавтракав, бойцы затихают, как дети после кормежки. Дописал рассказ «Истребители». Вечером в своей палате читал стихи свои, Маяковского, Есенина. 10 строк не написал.

Днем проверка всех на вшивость. Я сам у себя нашел две маленькие, беленькие. При приеме больного на истории болезни сверху пишется: «Вшивость не обнаружена. Произведена сухая обработка». (Это значит не ванна, а мазь от вшей.)

5 марта. Рощину снова переливали кровь. Он рассказал, как больной после операции (аппендицит) с температурой (лунатик) вылез через окно на карниз. Врач схватил его, испугал, а удержать не смог. «Ну, прощайте!» — и упал. Все швы лопнули. Жил часа 1,5. Грахов считает, что мне нужно на весенние месяцы отсюда выехать, если есть возможность, мелкие соображения тщеславия откинуть. Важнее сохранить себя для страны на долгие годы трудной послевоенной работы.

Старушка Царевская Лидия Тимофеевна ходит по госпиталю добровольно, читает художественную литературу (Зощенко, стихи Инбер). Она мать командира дивизиона подводных лодок, погибшего на лодке № 9 при столкновении с другой в 1937 году. Артистка Кашинова в московском театре Ленсовета на Ордынке — ее дочь. ⟨...⟩

Немец сильно обстреливает Ленинград. Вчера бил по Невскому. Особенно жестокий обстрел был в ночь на 23/II (праздник).

Вечером у нас долго сидела санитарка Полина, ждала, что я снова буду читать стихи, и, видимо, чем-то понравились мы ей. Мне принесла полпачки папирос. Полина — тертая женщина, живет неправдой и только ею, и хорошо живет. Двенадцати лет ее отец и мать отдали в няни, а сами уехали в Ленинград. Выросла у чужих. Мать ее не любила. Когда она приехала к ним, мать уложила ее спать на кухне («Здесь тебе тепло будет»). Была замужем за военным врачом. Развелась. Алименты около пятисот рублей на одного сына. Сейчас сын эвакуирован (4-х лет), Работала в большом гастрономе, зав.

кондитерским и еще двумя отделами. Потом была делопроизводителем в уголовном розыске. Связи большие, везде взаимный блат. ‹...›.

Отец у Полины — служащий — засох от голода и умер. Потом умерла мать — была как щепка, на костях одна кожа, без мяса. Скелет. Просила у дочери прощения. Полина давала им карточки. Мать сначала отказывалась: не надо мне твоего. Отец взял. После, когда стало трудней, мать стала брать и благодарить. Отец, когда у него уже совсем испортился желудок, поел масла, и все пошло обратно. Умерла невестка. Умерла сестра, два брата. Сейчас остались сестренки 13 лет и 6 лет и братья — 10 и 4-х лет. Их закрыла в комнате воспитательница, и, когда утром пришла Полина, они взревели от радости: сутки сидели под замком, голодом. Воспитательница сейчас другая (первая умерла), соседка. Хлеб по карточкам выкупает 13-летняя сестренка.

Говорит, что она носит им кисель в пачках, крупу и прочее. При матери еще принесла гречневой крупы. Мать хотела раздать сухую, варить долго, Полина не разрешила и сварила сама. Перевела детей сейчас в свою комнату, незаконченную, дала им осветительного масла. Старшая сестра, наверно, выживет, трое маленьких уже высохли и умрут. Сестра говорит: «Мне бы только самой выжить». Маленький брат говорит: «Я не хочу умирать». Оживленны: «Полина, послушай, мы песню споем». И поют «Трех танкистов» и «О Сталине мудром, родном и любимом». Вымирают семьями. Едят соль, много пьют и распухают. От соли пухнут быстро. Паек съедают сразу за несколько дней. Отец чувствовал, что он умрет. Простился. Мать — тоже. Попросила помолиться за нее богу еще до того, как умрет. Полина обещала и дома помолилась, повторив при этом все, что просила сказать мать. ‹...›

Детей вымыла. Сейчас они живут одни — четверо. К ним ходит спать воспитательница — голодная соседка. Полина заходит раз через несколько дней. Говорит, что у нее от жалости в груди все сперло, что она дома плачет. И не знает, что делать: останутся дети, она будет без своей семьи, замуж не выйти. Не жалеет она их, иначе при ее блате могла бы спасти. Двух детей невестки приняли в детдом. На фронте убит брат. Другой еще жив (?). Видела, как на бульваре люди собирали на снегу опавшие с лип сережки-орешки с зернышками, белыми, и ели вместе с листочками.

Прочитал «Журавлиную родину (повесть о неудавшемся романе)». Авторские откровения вперемежку с рассказами об осушении озера, об охоте, о натаскивании собак. Снова при чтении Пришвина у меня появилось ощущение, что автор, в сущности, не знает настоящего крестьянина, тем более советского, его душу, жизнь, быт, знает не более как турист-иностранец, как горожанин-интеллигент. Не настоящие у него мужики, не весь мужик. Он замечает только верхи из его жизни, передает только первые свои впечатления и случайные разговоры с крестьянами. Совершенно не чувствует советской деревни (говорю о других его книгах, эта книга о деревне до коллективизации).

Ночью долго сидел, потому что были папиросы (от Полины), а вечером мешали разговоры, особенно Грахова, и радио. Написал 10 строк за вчерашний день и 20 строк за сегодня.

6 марта. Опять обстрел нашего района. Видимо, целят в госпиталь. Однажды, когда разрывы были плохо слышны, кто-то сказал, что это не обстрел, а вверху что-то передвигают. Сейчас снаряды ложатся близко, и мы смеемся: тумбочки передвигают. Утром Полина отдала нам свое масло, песок, кашу. Мы разделили на четверых.

Принесла мне белого хлеба.

Взят город Юхнов Смоленской области. Кольцо вокруг 16-й немецкой армии все суживается. Немцы по воздуху подбрасывают продовольствие, боеприпасы и подкрепление.

Весь день шла генеральная чистка в связи с случаем сыпняка: дезинфицировали тюфяки, халаты, сменили все белье (где-то прачечная начала работать). Мы помылись под душем (появилась вода) — очень приятно. Лежу в тельняшке. Долго сидела Полина Ильинична Карельская — санитарка. Принесла мне пачку «Кр. Звезды».

7 марта. Постоянно и днями и ночами «передвигают тумбочки» (немцы обстреливают). Написал от всей палаты благодарность за вчерашнюю чистку в «Боевой листок» — нач. отделения Коровину, доктору Лысенко, сестрам Павловой, Охапкиной Нине, Сохацкой Тамаре, санитарке Полине Карельской.

Была опять старушка Царевская, читала А. К. Толстого. Оказывается, читает не бесплатно — кормится, да еще в разных местах. Дал ей «Шинель» и «Любовь бойца». А библиотекарь — седой в роговых очках, с черными бровями, русыми усами, похожий на парикмахера или

продавца гастрономического отдела магазина, читающий «с историческим уклоном»,— так и не пришел к нам. Испугался, увидев, что мы не серая деревня.

Около 2-х часов дня налет. Бьют зенитки. День солнечный. Фрицы оживают. Сейчас если они начнут кидать «зажигалки», то и тушить некому да и нечем — водопровод не работает. Город сгорит. Сгорело и так огромное количество жилплощади. Против дома Прокофьева огромный многоэтажный каменный дом весь выгорел. Никто не тушил.

Лег спать рано. Написал строк 15.

8 марта. Полина опять принесла папирос — 5 штук. Утром встаем, прислушиваемся. «Передвигают?» — спрашивает один. Отвечаем: «Передвигают!» Вечером был Тарасенков. Я не вставал. Поговорили о библиотеках. У меня снова появилась жажда собирать книги. Написал Гале, чтоб она начала это делать сейчас же. Почитал Тарасенкову наброски поэмы.

9 марта. Первый раз выходил во двор. Закружилась голова на свежем воздухе. Женщины очищают трамвайные пути. У одной как-то стащили привесок хлеба. Ссора: «Как не совестно у своих брать». (Грахов рассказал: в хлебном магазине мальчишка схватил кусок у женщины и ест, его бьют, а он ест.)

В сарайчике вроде курятника на носилках трупы. Мальчишка говорит: «Дяденька, почему они все одинаковые. Не страшны́?» Вове 8 лет. Сын служащей госпиталя. «Мы были сыты. Отец (дядя Петя) с нами разошелся».— «Он же не с тобой, а с мамой разошелся!» — «А я не знаю». Отца, говорит, помню. Ему было 4 года. Отец работал на маяке главным — 3 нашивки. Разошелся — «у мамы в книгах письмо от дяди нашел, потом пил 4 суток беспробудно и маме яблоков не послал с Украины» — разошелся и уехал на Украину.

Вова помнит, как ходил с отцом по кораблям. Рассказывает, что отец ему покупал «все, все... всю зарплату тратил на игрушки... куклы, финки, лыжи, мячи — все дорогое». «Плохо без папы! — говорит.— Лучше бы он вернулся».

Новый сосед, Филиппов — преподаватель иностранных языков, переводчик — был лыжным инструктором, отморозил ноги. Отвратительно вежливый и нежный. На светлой цепочке на шее висят синий свисток, ключ от французского замка́.

Сон: бетонные круглые авиабомбы-шкары падают по 3

на Невский и лопаются. Я — за зеркальными стеклами. Потом — в подлодке, вроде прицепной мотоциклетной коляски, с Антипой (отчимом) опускаемся под землю и тоннелем выходим в залив.

Объявление по радио: за март выдается рабочим и служащим масла по 200 граммов, иждивенцам 100 г. Вчера был комсомольско-молодежный воскресник. 6,5 тысяч работало. На разборке почтовой корреспонденции — 700 человек. 885 чел. Выборгского р-на на очистке путей. 680 чел. Московской заставы — очистка путей. Организован в одном р-не комсомольско-молодежный магазин. Больным комсомольцы доставляют продукты на дом. Открываются водоразборные колонки, чайные, кинотеатры: первым открылся «Молодежный», за ним «Ударник» (с 8/III) — идет о разгроме немецких войск под Москвой документальный фильм. Ежедневно на очистке города работает несколько тысяч населения. Директор ремесленного училища, не организовавший уборки двора и помещения (лед не сколот), оштрафован на 500 р. Судят многих. Печки-времянки.

10 марта. Вчера доктор Лысенко передавал содержание доклада представителя из ПО Морбазы (Кронштадтской). Очень много волнующего, но я уже тертый калач и сдерживаю себя. Будто бы Крым отрезан нами от Украины — взят Джанкой. Орел, Харьков, Курск и проч. блокированы. Конечно, и Вязьма, Брянск, Ржев и др. Лозовая и Барвенково — в наших руках. Сейчас наши не спешат продвигаться, а уничтожают войска немцев в своем тылу, в кольцах (приказ верховного командования).

Вчера же доктор Лысенко сообщил, что ожидание здесь места в госпиталь выздоравливающих командиров засчитывается за пребывание в нем. Значит, я уже скоро выпишусь.

Сегодня из 12 посылок, прибывших на отделение, одну дали мне (выбирали раненых и слабых, работавших непосредственно на фронте). В посылке: свитер, носки белые, пачка табаку «Кр. Звезда», 1 пачка «Эпохи», две по 65 коп., 2 коробки спичек, туалетное мыло, конверты, карандаш, кулек сухарей, кулечек песку и грамм 250—300 свиного сала (шпиг). Одну пачку папирос («В атаку») отдал доктору Лысенко (и коробку спичек), поделился всем с соседями Граховым и Филипповым. Грахову вчера отдал витамин, чтобы закурить. Он говорит: не в обмен, но тем не менее принял. Пообедал досыта впервые за много месяцев.

В 17^{30}, когда я лежал с банками, снаряды ложились так близко, что огромный дом госпиталя весь качался, а где ложились — не видно. 20 строк поэмы — «Еще никогда по нашим дорогам». Нашел поворот для рассказа «Домашняя рана».

11 марта. Переведен в госпиталь выздоравливающих командиров (пр. Пролетарской победы, 67, Васильевский о-в). Шли после обеда четверо через санотдел КБФ — 19-я линия, 16.

Обстановка всех учреждений Л-да создает впечатление, что мы этот город только что заняли, что здесь мы еще чужие: холодно, все разбито, грязно, сесть негде.

В новом денежном аттестате не вписано, что уплачено по займу. Видно, пропадут деньги 560 р. Срок в госпитале выздоравливающих командиров с 12 по 26. Хорошее впечатление. Вроде санатория. Чисто. Бросается в глаза чистое белье. Только нет света. Помылся в ванне. Вечером раздача подарков и концерт — бригада театра КБФ и джаз линкора «Октябрьская революция». Военком — ст. политрук Самбуренко ораторствует много и неграмотно, но самоуверенно. Ужин — котлетка, черный кофе, булочка.

12 марта. О таком столе я и мечтать не мог. С 5/III в ГВК — санаторный паек. За обедом густой борщ из сухих овощей. Дают добавку всем: почти вторую тарелку. Второе — гуляш с кашей (настоящее, хотя и плохое мясо — 150 гр.) и кусочек масла. Третье — компот из кураги. Хлеб на сутки 700 грамм.

Попросил у военкома уголок для работы и коптилку. Вчера раздавали посылки: больше обслуживающим краснофлотцам. Дали Белых.

13 марта. Сходил в Пубалт. Получил продукты по списку: масло, грудинка, копч. колбаса, банка консервов, две плитки кофе. Вишневский написал записку военкому госпиталя Самбуренко (все протекция, всюду блат), и тот, прочитав, приказал торжественным голосом начальнику клуба Скворцову (ассистент кинорежиссера в «Петре Первом» — Ленфильма) создать все условия для «нашего писателя». Посылку сдал в кладовую. Вечером принесли новую из ВМГ № 3 (туда послали ее из Пубалта): табак, табак-самосад, две пачки папирос (одна «Беломорканал»), сухарики и баранки, варежки и носки шерстяные домашней вязки, конверты, бумага. И опять нет письма. 〈...〉

Получил письма из института (стихотворное), от Славы, от Успенского. Соседи по палате от зависти перешли

к недружелюбию (я разбирал посылки при них). О, человек, человек. А ведь и я такой же. Вечером американский кинофильм «Крылья славы» (без текста непонятно и неинтересно) и мультипликационные фильмы.

Вспоминаю, что в детстве мне попадали больше книги переводные, я в них не узнавал окружавшую меня жизнь, не узнавал своих крестьян, и это не способствовало росту страсти к чтению. Своих детей я хочу начать знакомить с литературой о жизни людей близких, знакомых и понятных им, а потом уже переходить на фантастику и переводы.

14 марта. Утром прогулка по Косой линии. В магазине спросил, где купить мундштук. Указали на Гавань.— Далеко ли она? — А вы кто такой? Зачем вам? — и началось.

Устроился работать в проходной комнатке перед кв. сестры-хозяйки на третьем этаже. Холодная комнатка.

15 марта. Ходил к Рожавиным. В квартиру не достучался. Ольга в домоуправлении паспортисткой. Отец лежит при смерти: цинга. Весь высох, не встает. Ольга из стыдливости, видимо, не захотела вводить меня в квартиру, показывать горе свое. Она очень худа. Слезы все время на глазах. Мускулы лица подергиваются от сдерживаемого плача. Когда остановились трамваи, ей ходить в институт на Васильевский о-в было очень трудно, но ходила до февраля. Отец заболел в начале января. У нее тоже начинается цинга. Девушка внизу рассказала мне, что Ольга очень удручена болезнью отца, мучается с ним, раздражается. Он-де помешался уже. Я думал, что отец ей уже в тягость. А по ее словам, ее убивает именно близость смерти отца. Он не понимает, что в Ленинграде умирает по 10—18 тысяч за день, требует порой невозможных вещей, напр., просит послать телеграмму Ане и жене, чтобы они приехали проститься с ним.— Я уже послала.— Пошли еще... С Ольгой прощается ежедневно. Передал сухарики и баранки и 1/2 пачки табаку для обмена на продукты. Завтра принесу витамину и продукты из посылки, которую дал мне Пубалт. Она очень кстати оказалась. Сам проживу.

Вечером говорил с военкомом госпиталя. Он обещает помочь, отпустить вперед мою норму клюквы и капусты и дать витамина. Говорил с главврачом Белозеровым. Седой, душевный, неторопливый человек — военврач 2-го ранга. Обещал завтра сходить со мной к больному. Потом я со справкой врача попытаюсь через Пубалт (Вишнев-

ского, Лебедева) устроить его в военно-морской госпиталь. Если бы удалось спасти этого человека. На войне надо не только убивать, но и спасать — так создается равновесие.

16 марта. Спал плохо. Нервничаю. Боюсь, что он умрет, тогда я всю жизнь буду виноват: был рядом и не спас. Начхоз ушел в порт, поэтому военком предложил ждать его, чтобы получить мою норму до конца лечения клюквы и капусты. Сходил к больному нач. госпиталя интенданту 2-го ранга Дмитриеву. Он тоже обещал и — опять надо ждать начхоза. Врач хотел пообедать раньше 2-х часов, но не спешит. Получил без начхоза клюкву 2 кг (на 10 дней по 20 г — полагается 200 грамм, а мне почему-то дали 2 кг. Я все же сказал им, что много дают, но в душе боялся, что они поймут свою ошибку и откажут в таком большом количестве). Взял палку копченой колбасы, кусок грудинки, масла, баночку витамина в лепешках (еще из Лебяжьего, ту, что вчера взял у Кудзиева на кв-ре), банку песку, 2 плитки кофе с молоком, кусок мыла. Доктор дал еще коробку вит. «С» с глюкозой. Вышли в 16^{10}.

Прошли через Неву по льду мимо ледокола «Ермак» и др. кораблей. Дорогой развлекал доктора, читал ему стихи («Танк», «Тетерева»), чтоб дорога не показалась слишком долга (уговаривая его на эту «прогулку», я сказал, что ходьбы всего 35 минут). В домоуправлении Ольги не было. Сказали, что ждала. Оставил доктора на улице. На стук вышла, пускать в квартиру снова не хотела. Гордость, видимо, велика, хотя объясняет это тем, что отец не может видеть никого посторонних. В квартире жутко холодно, в графине на столе — лед. Печка холодная. Отец — чернобородый, худой, худой. Первая мысль: как у такого такие красивые дети. На столе куски мыла. Продуктов не видно, хотя Ольга заверяет, что хлеб (и чуть ли не все) есть. В комнате, где Клара возилась с утюгом, кучка дров — дощечек. Отец — Лейб Рувимович, Ольга назвала: Лев Романович. Ноги тонкие, мертвые. Давал ему витамин и воду. На пальцах темные пятна — кровоизлияния (цинготные). Он был очень рад приходу врача, рад нашему приходу (как я и предполагал). Говорит об «ангелах»... А Ольга нервничает. Гордая, сильная девушка, она даже в такую минуту, когда обоим им грозит смерть в этой холодной комнате, не хочет быть обязанной никому. Видимо, боится, что я благотворительствую.

А мне и верно очень хочется сделать добро. Имеет же всякий человек право на это. Ни о какой благодарности я и не думаю. Мое внутреннее удовлетворение, если мне удастся спасти их — отблагодарит меня. Но и не в этом дело. Вся эта семья поражает меня каким-то высоким уровнем чистоты, порядочности и любви друг к другу. Верно, это очень хорошие люди и общение с такими людьми приятно мне. Аня, Клара — толстовские девушки. Ольга восхищает своим стоицизмом (сестренка, которая жила с ними, получила комнату и бросила их. Она работает в булочной и, конечно, могла бы поддержать их, но сейчас все устраивают только свои личные дела, по крайней мере, все мелкие люди).

Доктор говорит: надо лучше побеспокоиться о девушке, она молодая, ей еще долго жить и ее можно спасти. Но она может свернуться в этой комнате очень быстро, гораздо быстрей, чем отец. Истощена до крайности. Первое, что следует сделать, чтобы спасти обоих, это немедленно убрать их из этой квартиры, тут им не выжить. Отцу, чтобы оправиться, надо лежать не менее четырех недель в хорошем госпитале. «Почему вы принимаете такое участие в них?» — «А почему вы не хотите верить, что они мне родные?» (это разговор на обратном пути).

Я смешно учил Ольгу, как нужно есть, как сделать кофе. Затопили печку. Она просто отмалчивается, не благодарит. Гордость в нужде— прямо по «Бедным людям». Милые вы мои люди. Увидишь таких, и хочется жить долго, долго и быть хорошим, как они.

Вышли из дома и долго вынуждены были еще отстаиваться в подъезде: снаряды ложились слишком близко. Баррикады. Бойницы для пулеметов в угловых окнах, на балконах.

[*Из блокнота.*] Эвакопункт КБФ — 9-я линия, угол набережной Лейтенанта Шмидта (вход с набережной с колонками). Начальник полковой комиссар Бессонов. Нужен документ от Пубалта, что они из семьи командира. Записаться на очередь в эвакопункте. Перед отъездом сдать продкарточки и получить справку и талон на 3 суток. (Первая остановка и питание Жихарево. Дальше поезд. Машина идет максимально 8 часов.) Возможно, придется ехать на открытой машине.

Вечером все еще не могу успокоиться. Не могу работать и отдыхать. Завтра с утра буду устраивать отца в военно-морской госпиталь, а Ольгу буду метить на не-

медленную эвакуацию через эвакопункт КБФ как родственницу. Согласится ли только она оставить отца одного, доверится ли мне. Думаю и о том, чтобы направить ее в Никольск, если будет нужно.

То боюсь, что она совсем не будет есть того, что я принес (из гордости или все отдаст отцу). То вдруг начинаю бояться, что она слишком перехватит сразу, особенно копченой колбасы (вредна для слабого желудка), а доктор сказал, что откроется понос, тогда смерть для обоих.

[*Из блокнота.*] Концерт (театр им. Кирова). Заслуженный артист республики (бас) Плешаков. «Утес». «Песня о Щорсе». Солистка Вера Ивановна Шестакова. Дирижер театра Владимир Петрович Кулевиш (?). Нар. артист СССР — Андреев («Застольная», ария Мефистофеля, «Пойду ль я, выйду ль я»). Нар. артистка республики Софья Петровна Преображенская. Заслуж. артист республики Нечаев (русская нар. песня «Думушка»).

17 марта. Снова взял увольнительную из госпиталя и с утра до 3-х часов пробыл в Пубалте. Вишневский написал две записки: 1) «Начальнику Санупра КБФ военврачу 1-го ранга тов. Баудеру. Ув. т. Баудер. Члены семьи писателя балтийца тов. Попова-Яшина находятся в состоянии крайнего истощения и, если мы не поможем, могут умереть. Я прошу Вас обеспечить помещение гр. Рожавина Л. Р., рабочего, 50 лет, на лечение в одно из военно-морских лечебных учреждений. Вы оказали много помощи людям в эту тяжелую зиму. Помогите еще одному человеку. Прошу Вас. Бригадный комиссар Вс. Вишневский».

2) «17/III—42 г. Нач-ку эвакопункта КБФ полк. комиссару тов. Бессонову. Уважаемый тов. Бессонов. Член семьи писателя-балтийца т. Попова-Яшина т. Рожавина О. Л. (студентка) больна дистрофией; положение ее ухудшается, и, если мы не поможем, дело может плохо кончиться. Прошу Вас принять все меры для эвакуации гр. Рожавиной О. Л. в один из пунктов внутри страны. Сделать это, прошу Вас, в возможно более быстрый срок. С тов. приветом. Бриг. комиссар Вс. Вишневский».

1. Звонить Кетлинской. 2. Не может ли Ольга быть машинисткой.

Азаров дал плитку каши гречневой (концентрат), завтра отнесу. Вишневский обещал помогать дальше, если эти записки не окажутся достаточными.

В Опергруппе читал письмо редактора худ. литературы ВМИ (Москва) политрука Брамм. Хвалит мою книж-

ку, которую издают. «...всем нам доставила огромное удовольствие... лиричность... слияние чувства любви и ненависти, которое только и может, видимо, дать настоящие фронтовые стихи».

После обеда сходил в Санупр КБФ. Баудера сегодня не увидеть, он на совещании. Не утерпел и в 17^{20} снова пошел к Балтийскому вокзалу. Унес концентрат каши, банку мяса консервированного, сахару, кусок мыла. Очень устал. Боюсь, чтоб не обострился процесс. Снова стал недоедать. Кашляю очень. И очень счастлив от того, что делаю что-то хорошее для хороших. Ольга уже более доверчива и более приветлива со мной. Отец, видимо, растроган, но мне неприятно слушать его благодарности. Я сам себя благодарю, «сам свой высший суд». Ольга пока не решается на выезд.

Очень плохо себя чувствую, устаю сильно. В сводках уже много дней часто повторяется: «Ничего существенного», «Без существенных перемен».

18 марта. Сегодня был у начальника санотдела КБФ военврача Баудера. Получил наряд для Рожавина Л. Р. в ВМГ № 6, получил санитарную машину, и вместе с Олей перевезли отца в госпиталь (14-я линия, угол Малого). Отцу сегодня стало совсем плохо. С утра бессознательное состояние. Еще говорит немного, но плохо, медленно. Оля хотела переодевать его — она все еще стесняется. Не дал. Только измучили бы. Одного не понимаю — почему она так кричит на него, грубо, резко: «Ну что еще тебе». Так и кажется, что она скажет: умер бы скорей! Измучилась, видно, сильно. Положили на носилки в одеялах. Вонь. Оля уже не хотела везти, поздно, говорит.

Принял военврач 2-го ранга Герман. Военком Ива́нов. Поговорил с обоими. У военкома умер отец, умерла мать, спасти не смог, и вначале принял меня недружелюбно. Отца обрили, был весь во вшах, вымыли. Врач говорит: положение почти безнадежное, но если дня два продержится, то, возможно, подправим.

Я вчера уже, поговорив с соседями по палате, склонился к мысли о том, что отцу без Оли из Ленинграда не выехать (сил не будет) и потому надо оставить ее здесь до его выздоровления. Решил поговорить об устройстве ее в этот же госпиталь на работу. Военком соглашается ее взять, но после предварительной поправки (я думал еще устроить ее к себе в Опергруппу, но оказалось, что она не может печатать на машинке). В госпиталь,

вероятно, ее не устроить, с трудом уже уговорил взять отца, потому что родство дальнее: отец не свой, а жены, Баудер с трудом согласился. Но попытаться надо, хотя и очень неприятно и мало надежды.

Врач осмотрел ее по моей просьбе и дал справку: «Страдает авитаминозом с явлениями дистрофии. Нуждается в помещении в стационар для лечения». Съела кусочек гуся (от обеда). Написали отцу записки, пометив их 9/III, и прошли ко мне в госпиталь. Угостил в прихожей своим ужином, бутерброд, кофе, пирог с вареньем. Проводил до проспекта Маклина. Отдал свой меховой жилет. Отдал свечку. Очень неприятно и тяжело, что и она начинает благодарить, как отец. Всячески стараюсь убедить ее, что делаю все это только из эгоистических побуждений. И это правда: я не буду полноценным командиром в весеннюю кампанию — спокойным, если они не будут выручены, если здесь в Ленинграде у меня будут близкие люди в тяжелом состоянии. Это долг дружбы к Ане и моего восхищения и уважения к этой прекрасной семье. Ольга же, видимо, решила, что я собираюсь быть мужем Ани, потому и стараюсь так.

Так устал, что работать вечером уже не смог. Болит горло: ангина, видимо. Долг по стихам уже за три дня. Рассказ не пишется. И очерк надо бы уже сдать давно.

19 марта. Утром в госпитале выздоравливающих командиров увидел Баудера. Подкараулил его и обратился с просьбой об Ольге. Отказал, как я и ожидал, даже резко: «Кто она Вам?» — «Сестра жены».— «Ну видите, я же Вам говорил, что нельзя. Да и мест у нас сейчас в госпиталях не хватает для военнослужащих даже». Очень тяжело на душе: жалко, что не удалось, а Оля, верно, уже верит в меня, и конфузно было очень, неприятно быть просителем так часто. Сейчас, если умрет отец, попытаюсь обратиться еще раз.

В 9 ч. вечера мой творческий вечер: фронтовые стихи. Выпущен спец. боевой листок с моими стихами и портретом.

Вступительное слово военврача Рудакова. Недоволен, что слишком много читал и не наметил заранее порядок чтения стихов. В моей палате говорят, что больше всего понравилось стихотворение о танке.

20 марта. Вероятно, часов до 4-х не смог уснуть. Дочитал книгу Мирошниченко «Юнармия». Сегодня перед обедом сходил к Пубалту, позвонил Зонину о том, чтобы Кетлинская включила меня в список на получение доли

продуктов, пришедших для писателей. Надо Ольге. Вчера было общее собрание больных госпиталя. Долгая нудная речь военкома Самбуренко о физзарядке, режиме, увольнениях и прочем.

Рассказ: у буржуйки-времянки в госпитале рассказы о живучести храбрых и быстрой смерти трусливых, о случайностях жизни и смерти на войне. Мой сосед по койке ранен в три срока четырежды и все легко: осколок проник снизу под каску и разрезал голову, пуля — в палец и т. д., в блиндаже снаряд 4-х убил, его только отбросило. Антопченко погиб от угара в Ленинграде. Звонков приехал с Ханко на курорт и был убит через несколько дней. Шофер трусит, крутится вокруг машины — убивают. Не дав зажить царапине на ноге (пулю вынули пальцами), командир пошел в баню, и из-за заражения пришлось отнять ногу. Бриг. комиссар Фомин был ранен только в зад, когда всю машину изрешетили пикировщики. И т. д. Сделать отбор фактов.

Военврач — сосед по палате ходил после обеда в госпиталь № 6 (он там работает). Я попросил его проведать отца. Отец Ани — Рожавин Лейб Романович — умер в первую же ночь с 18 на 19 марта. Переживаю как несчастье, как крушение больших личных надежд. Очень грустно и обидно, словно кто меня обманул. Знаю, что я сделал все, что только можно было сделать, что большего, и в такой короткий срок, сделать было нельзя, но было уже поздно. Если б я мог появиться раньше... Но я сам не ходил. Есть обида и на Олю: я требовал в первое же мое посещение сделать все, чтобы поддержать его на несколько дней, а печка в комнате по-прежнему у нее оставалась холодной. Говорил, что экономить дрова не к чему. Видимо, она сама уже не имела ни охоты, ни сил бороться за жизнь отца, измучилась. Очень тяжело, что не удалось спасти человека. Надо спасти Ольгу, иначе тоже погибнет или навсегда останется калекой. Завтра с утра начну ходатайствовать об эвакуации ее.

Был доклад о войне на Тихом океане. Вечером появился электросвет. С главврачом долго разговаривали о тревожных ожиданиях весны. Зиме конец, а немцам конца еще не видно. На фронтах «ничего существенного» — неужели переход к обороне или неудачи. Потом подошел нач. клуба Скворцов. Поговорили о моей потере. У Скворцова умерли отец и брат тоже от голода. Брата он вез на санках к сестре, у него уже руки сводило (дистрофики зябнут сильно), а был мороз. Стакан какао горячего

оживил, даже на ноги поставил, но уже не надолго.

21 марта. С утра ходил на эвакопункт КБФ. Меня узнал Маклаков, который учился в Никольском недтехникуме. Был в армии, потом кончил институт, сейчас политрук. Завтра будут машины, можно будет Эльку завтра же и отправить.

Пришел к ней. У нее только что был краснофлотец из ВМГ № 6 с извещением о смерти отца. Хоронить сама отказалась. Сходил с ней в помещение бывшего инженерно-строительного института, она брала для кого-то продкарточку. Потом сидели у них в квартире. Нетоплено, морозно. А спала она опять у себя. Был очень удивлен, что она стала отказываться от эвакуации. «Что я скажу маме?» И дороги-де боится. Предложил поехать в Вологодскую область. Серьезно пригрозил, что вывезу в административном порядке, чтоб самому освободиться от всех личных тягот и забот (для командира это необходимо). Завтра не соглашается, потому что надо выправить документы с места работы отца на случай пенсии, пособий и проч. (о предусмотрительности такой я бы и подумать не мог). Дал сроку несколько дней. Убедил, что и дорога легкая. Потом сидели еще долго в домоуправлении у печки. Договорились, что сегодня будет ночевать у подруги в теплой квартире. Отправился обратно около 3-х часов дня. Пошла провожать, и далеко. Оказывается, ей нужно было сказать, что боится уезжать, ибо теряет в Ленинграде квартиру (после не вернуться) и, видимо, жалеет вещей. Провожала не зря, умная девушка. Обещал помочь им после снова переехать в Ленинград, они же с Аней обе студентки ленинградских институтов. Уверяет, что выживет и в Ленинграде. Видимо, не понимает, что я подбрасываю ей еду не от излишков, а за счет своей скудной нормы (отказался от клюквы) и из посылок, которые кстати пришлись, но которых больше не будет. Сказал, что женат. Вовсе не из-за какой-то заинтересованности я хлопочу, помочь хочется людям. Не все же убивать. Ольга и в домоуправлении одинаково покрикивает.

Снова обстрел. Трупов в одеялах, половиках везут много. Одна женщина села на песок у стены и кричит, умирает. Кричит, как ребенок. Пришел в госпиталь часа в четыре. Смирнов из Опергруппы принес посылку от ССП. Говорит, что меня сильно обделили. Тарасенков пишет, что больше посылок ждать неоткуда и надо оста-

вить НЗ — приказ Вишневского (2 банки: сгущ. молоко и сосиски, 750 г. масла, 4 плитки шоколада «Гвардейский», 4 пачки ленч, 9 порций какао, 1 кусок мыла, 3 каши из пшена).

22 марта. 10 ч. утра. По проспекту Пролетарской победы прошел трамвай (грузовой, везет мусор на двух платформах, один вагон моторный). Сам видел. Будто бы проходил трамвай уже вчера. Элька сообщила, что первый трамвай грузовой прошел по Невскому 8 марта. Элька пришла в начале одиннадцатого. Сходили в госпиталь № 6 за справкой о смерти отца. Его похоронит госпиталь. Потом — на эвакопункт. Начальника полкового комиссара Бессонова нет. Маклаков ведет себя весьма поначальнически, отказался читать мою записку от Вишневского. Потом — на толкучку. Неприятное ощущение. Хотел купить тетрадь за табак и отказался. Элька боится, что ее мобилизуют, как и всех женщин от 18 до 30 лет (берут всех на казарменное положение). И отказывалась от эвакуации. Чего она не хочет быть прямой. Передал плитку шоколада «Гвардейский», закуску от завтрака (омлет). Сегодня воскресник по очистке Ленинграда. Солнечный день. Чуть морозно, но притаивает на тротуарах. «Все на борьбу за чистоту».

Долго сидел. Написал 20 строк. Долг еще есть.

23 марта. Утром, пока сухо, сходил к Ворошиловой-Кудзневой, оставил валенки, надел сапоги. День солнечный, теплый. Дважды (на пути туда и обратно) заходил на эвакопункт. Полкового комиссара Бессонова все не удается увидеть. До 27/III транспорта не будет. Сходил в сапотдел КБФ. Баудера нет. Егоров послал к начальнику леч. отдела Белоголовову. Нашел Белоголовова у себя в госпитале. Поговорил хорошо, по душам: отца не спасли, помогите спасти девушку, больше у меня здесь никого нет. Военврач 2-го ранга Белоголовов написал на справке военврача Германа (ВМГ № 6): «Эвакоотделению. Госпитализировать в госпиталь № 2 на первое свободное место с предоставлением талона № 7, сроком на 15 суток, как ближайшую родственницу военнослужащего техника интенданта 1-го ранга Яшина».

Я очень доволен. Снаряды падают близко от ВМГ выздоравливающих командиров. Много воронок на льду Невы близ Дворцового моста и на пл. Урицкого. Осколки побили окна дворца, колонну, стену. Один снаряд пробил трибуну, другой упал рядом. Воронки густо, снег в саже,

как и на передовой линии у огорода, где мы шли к деревне Вериполь.

Кудзиев жене не пишет и не посылает денег. Она устроилась работать комендантом. Помогают только братья. Ребенок — дочь, эвакуирован с бабушкой.

24 марта. Пришла Элька. Не сразу вызвали, пришлось ей ходить по улице, ждать. Она готова к выезду из Ленинграда. Ходили в ВМГ № 6 за свидетельством о смерти отца, в санотдел КБФ — сегодня места для нее нет,— в эвакопункт КБФ — записали Эльку в книгу. <...>

25 марта. Ходил снова в ВМГ № 2. На рентген. Встретился с полковым комиссаром Акимовым, с которым вместе был на фронте во 2-й бригаде (под Алексеевкой). Он комиссар госпиталя (после контузии). Он нашел место в женском отделении. Я быстро получил наряд на 15 суток в санотделе и после ужина унес его Эльке. Она спала дома, не закрыв дверей. Мне жутко было подниматься по лестнице. Топила, говорит, много, но холодно все равно. Из-за продкарточек оставил ее до завтра (а карточки вовсе и сдавать не было нужно). Сидели долго. Она зажгла почему-то лампу-молнию, видимо, свету захотелось (раньше ленилась заправлять). Отправился в 9-30.

Ночью отчетливо слышны пулеметные очереди. Фронт рядом, в Лигове (2-я дачная остановка Балтийской дороги) немцы. Обстрел города почти не прекращается, бьют из трехдюймовок и крупных. Азаров по телефону сказал, что у них в Опергруппе течет, «обвалили». Ночью редко кого встретишь в городе. Темно, настороженно. Через Неву не пропустили, пришлось идти через мост Лейтенанта Шмидта.

Не работал, решил выспаться.

26 марта. Элька пришла только в 11 часов. Очень волновался, ходил в ВМГ № 2, в санотдел, переписал наряд на 26/III, иначе место уже заняли бы. Собрался ехать к ней на велосипеде (достал у инженера-лейтенанта). В госпитале Эльку остригли под машинку, а не хотела уступать. Вышла из ванны, плачет, вероятно, оскорблена бесцеремонностью санитаров. Не сказала. Заметил, что ноги у нее отекли. Температура 37,2. Не туберкулез ли у нее? В 4-30 на прием к профессору. В халате, маленькая, худенькая, стриженая голова в платочке. Указывает на халат, говорит — грязный. Думаю, что это только от желания скрыть неловкость от того, что я всегда видел ее в неприглядном и не очень чистом виде. Вчера заставил ее вымыть руки. Гордая девушка, делает вид, что

мои замечания насчет ее грязных рук и проч. пролетают мимо ее ушей, но, вероятно, они бередят ее душу. Помню, повторила мои слова: «В тебя даже влюбиться нельзя», запомнила, значит.

Интендант 3-го ранга Гаусман, москвич, говорит, что стихи мои ему так понравились, что он хочет послать их своей жене. «Не хочу голубого неба» очень хорошо передает настроение осеннего периода войны. Профессор Смагин (ВМГ № 2) продлил мне пребывание в госпитале командиров на 10 дней. Вечером узнал, что начальник отдела Санупра Белоголовов, несмотря на заключение профессора, назначил, в числе многих других, на выписку и меня (освобождают места для командиров с кораблей). Спать лег рано. Дал только 5 строк.

27 марта. Дал кровь в ВМГ № 2. Заходил к сестре-хозяйке Маргарите Николаевне за тетрадкой. Комната забита ценными вещами с рынка. Говорит опять: купила энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона за 400 р., слоники и пр. Знаем мы эти 400 р. Ходил в женское отделение к Эльке. Договорился с военкомом о выступлении. Рентгеновский снимок делать не стали. Узнал, что по согласованию с Санотделом Флота меня решили отправить обратно в ВМГ № 3, в туберкулезное отделение. Да, военному человеку никогда нельзя располагать своим днем с утра и по своему почину.

Пошел в Опергруппу. Посоветовался с Мирошниченко и другими и решил эвакуироваться. Азаров провел меня к Власову. Он неохотно идет на отпуск. Говорит: «Годен к нестроевой службе», можно в Черноморский флот. Ответ завтра. Мне очень грустно и неловко. И выхода другого нет: по госпиталям ходить без конца без пользы безрассудно. И как я оставлю Эльку здесь одну. Я же обещал не покидать ее.

Получил стопку писем (Пухов привез из Лебяжьего). Необычайно взвинченное нервное состояние. Сидели после ужина в столовой. Официантка Вера поет за роялем. Она окончила музыкальный техникум и институт иностранных языков. Была военным переводчиком. Знает немецкий, французский и английский языки. Разговорились.

В 23 ч. 20 м. вспомнил, что у меня сегодня день рождения. Вспомнил, и даже язык отнялся. Я весь день ничего не писал. Надо было успеть до 12 ночи отметить день рождения. Людмила послала стих-е «Письмо».

28 марта. С 27/III по 7/IV в Ленинграде мобилизовано все население на очистку города. Мужчины от 15

до 60 лет, женщины от 15 до 55. Рабочие и служащие предприятий, временно переведенных на консервацию, работают 8 часов в сутки. Остальные 2 часа, рабочие и учащиеся 6 часов. Рабочие и служащие по месту работы, остальные по месту жительства. Освобождены больные по бюллетеням, инвалиды 1 и 2-й гр., беременные женщины за 35 дней до родов и 25 после. Женщины, кормящие грудью.

26/III было объявлено о продаже сверх нормы детям семги по 50 гр., поступившей от трудящихся Мурманской области. Ходил к Эльке. Сказал о предполагающемся моем выезде. Немцы бьют по Неве, по кораблям. ⟨...⟩

30 марта. В 13 ч. совещание писателей с армейским комиссаром 2-го ранга Роговым. Присутствуют: Власов, Рыбаков, Корниенко, редактор «КБФ», редактор «Красного Флота». Доклад бригадного комиссара Рыбакова о деятельности писателей на Балтике: работает группа писателей в 15 человек. Называет писателей: Мирошниченко, Зонин, Амурский, усилил деятельность в печати Азаров, «много хороших работ сделал т. Яшин по своей специальности поэта». Собираются писать поэмы, но дальше сборов дело не идет. Страна мало знает о героической деятельности балтийцев — писатели виноваты. Качество страдает. Особенно в очерках много искажений, вранья, вольностей. В группе писателей друг друга перехваливают часто. В «Красном Флоте» мало материалов писателей с Балтики... Крона мы зачислили в Опергруппу, чтобы он помог нам наладить драматургическую работу, помог бы театру. Он же оставил драматургию.

Страна ждет большой работы от Вишневского. Он и ряд других слишком много отдают времени и энергии устной агитации. Работа писателей на сегодня представляется неудовлетворительной. Пубалт передоверил руководство работой писателями Опергруппе. Видимо, надо произвести какую-то реорганизацию работы с писателями.

Прения. I. Вишневский. Литература делается годами. Я не могу сейчас сказать Крону, чтоб он немедленно садился писать пьесу. Толстой, Эренбург пишут статьи, фельетоны. Я не понимаю упрека в увлечении устной агитацией. Она нужна. «Мы из Кронштадта» я написал в 36 г., а не в 19-м. Нельзя бросать упрека за недоработку Мирошниченко. Он писал, когда погибал отец, умирает сын. (Вишневский очень взволнован и обижен упреками.) 20 писателей погибло и умерло (половина). Надо добавить из резервов. ССП (3000 членов) оказался не на вы-

соте положения в дни Отечественной войны. В тяжелейшие дни для Ленинграда писатели работали. Называет Успенского — поэт, прозаик, переводчик, ходит в операции. Яшин — стихи сильные, сжатые, влюбленный в балтийскую тематику. Беда, что он заболел туберкулезом. Надо дать ему свежий воздух — Ладогу или Север, и он там будет делать нужное Балтике дело. «Шинель» его уже пошла в народ. Говоря о Тарасенкове, Вишневский даже прослезился. Он влюблен в него. Перечисляет и характеризует всех писателей. Вишневецкую тоже. ⟨...⟩

II. Нач. Главного ПУ ВМФ арм. комиссар 2-го ранга т. Рогов. Устной агитацией писатель должен заниматься — об этом вопрос не стоит. Нам нужно, чтобы писатели показали людей флота. Кое-что сделано, делается. Но ма-ло! Страна о Балтике знает мало. Бледно показываем. Мы, руководители политорганов, иногда плохо к вам относимся, мало требуем, не указываем на главное, скверно заботимся о вас иногда. Вещи нужны малые и большие. Для написания большой вещи можете пойти на то, чтобы послать писателя в тыл, на Волгу на несколько месяцев, даже на полгода. Надо готовиться к предстоящему обострению положений на фронтах. Надо готовить людей психологически к этому, чтоб знали, что не так страшен черт, как его малюют. Опергруппа писателей — частица Пубалта. Противопоставлять их нельзя. ⟨...⟩

31 марта. Ходил к Эльке. Получил постоянный пропуск в Пубалте и ШКБФ. Вечером Вишневский отчитывался о беседе с Роговым. Рогов требует книг хороших, требует 2-ю часть «Мы из Кронштадта». Опергруппа становится общефлотским объединением. Людей дадут еще. Присвоят звания, переведут в политсостав всех коммунистов. Меня в Волжскую флотилию. После вызовут и скажут, куда дальше. Начал писать стих. к 700-летию Ледового побоища для радио.

1 апреля. Зам. нач. Пубалта Рыбаков не подписал моего удостоверения. Ходил за Балтийский вокзал за продуктовой карточкой для Эльки. Унес ей. У нее был какой-то Ваня.

Составляем сборник поэтов Балтики.

Элька прошлый раз рассказывала, что она не может спать. Соседки говорят, что ночью она со сна поднимает голову. Все чудится, что отец рядом и не спит: «Ольга, спишь? Нет? Давай разговаривать, и я не сплю».

2 апреля. Дописал стих-е к 700-летию Ледового побоища. Назвал «Мне рассказывал мой дед». (Тему подсказал и название дал А. Зонин.)

Выписал новый аттестат Гали — на 700 рублей. 10 строк поэмы.

4 апреля. Вчера вышел указ о награждении 3-х торпедников — Афанасьева, Осипова и Гуманенко званием Героя Советского Союза, и о трех гвардейских кораблях: минзаг «Марти», миноносец «Стойкий» и тральщик 205. Написал стих-е «Трем героям». Сдал поздно ночью (сегодня) в «КБФ».

В 7-м часу вечер встречи балтийских писателей с парткомом Свердловского района: 700 лет Ледового побоища. Доклад Вишневского прерван налетом. Завтра пасха. Сошли вниз. Налет большой, волнами. Бомбы валятся далеко — качаются номерки на вешалках. Одна упала рядом. Даже подвал весь качнуло. Сыплются где-то стекла. Женщина говорит: «Только бы зажигалки не сбрасывал!» (Тушить нечем, да и люди слабы.) Снаряд упал близко, женщина выронила судки.

— Ой, суп! — вскричала она.

В 8-40 продолжили вечер. На сцене осыпавшаяся штукатурка, детали люстры. В зале около 60-ти человек энтузиастов. Тарасенков ушел. Остались Вишневский, Зонин, Мирошниченко и я. Читал: «Так рассказывал мой дед», «Владыка мира», «Шинель», «Перебежчица». Ужин с двумя стаканами вина. Очень приятно, вина давно не пил. Разрушен Горный институт (рядом).

Ночью снова большой налет. Сошли в подвалы. Огромный дом штаба качался. Мы организовали вечер в бомбоубежище. Вишневский произнес изумительно сильную, страстную речь.

5 апреля. Передавали по радио мое стих-е «Трем героям». Потом вечером мы выступали сами с передачей, посвященной 700-летию Ледового побоища.

6 апреля. Сходил в ВМГ № 2 к Эльке. Плачет, нервничает, говорит, что она не выедет из Ленинграда. Но я уже стал понимать ее. Вернулся в Пубалт. Созвонился с полковым комиссаром Бессоновым и снова к ней. Из госпиталя выписалась сегодня же, ей, видимо, оп дает мало (не может забыться и отдыхать). Завтра с утра оформляться. Послезавтра — поезд в 13 ч. с Финляндского вокзала. Мне опять повезло, только беспокоюсь, как удастся мне оформить ее. Говорила: не поеду, как я встречусь с матерью. А обрадовалась явно. И никогда

не жалуется, умрет, но не будет скулить, только слезы льются да дрожит, подтягиваясь вверх, подбородок.

В «КБФ» за 5/IV мой стих «Трем героям». Вчера груду писем передал Коннов из Лебяжьего. От Ани два фото и вырезки моих стихов из «Сталинградской правды». От Людмилы вырезки стихов ее и моих из «Магнитогорского рабочего».

Прочитал Фенимора Купера: «Зверобой». Начал читать «Следопыт». (Надо перечитать все пять лучших его книг,— еще «Последний из могикан», «Кожаный чулок» и «Прерия».)

Вишневский сообщил о решении Пубалта о расформировании писателей по флоту. В Опергруппе остаются Вишневский, Мирошниченко, Кроп. Я дал клятву о некурении на всю жизнь, связав это с принадлежностью своей к партии. Присутствовали: Вишневский, Мирошниченко, Азаров, Зонин, Браун, Крон, Тарасенков, Вишневецкая, Пронин. 12 ч. ночи.

7 апреля. Оформил Эльку на эвакопункте КБФ. Она дала тетради. Унес стихи на радио Гурвичу. Крон порекомендовал меня театру Комедии, и я читал им стихи в Доме ВМФ (через двор штаба). Нравятся им мои стихи. ‹...›

Что в начитанности, в образованности, когда хватает совести писать такие стихи, как Тарасенков, и называть их «произведениями». Оп не однажды уже заявлял, что написал 60 (!) стихотворений (!!).

8 апреля. Провожал Эльку на вокзале. Часть вокзала (правое крыло) разрушена бомбой. Вещи тащат на санках, а снегу уже почти нет, и изматываются. На медпункте, куда я зашел в поисках воды, много трупов. Притащили девушку (в брюках, только по ботам узнали). Глаза мутные уже, зубы оскалены. Не говорит. Нашли эвакоудостоверение и удостоверение личности.— Медичка! — вскричала фельдшерица. Продкарточка уже вынута. За хлебом дикие очереди. За кашей с колбасой тоже. Я искал Эльку долго, зашел в вокзал. Тяжело все это видеть. В вагопах не пройти. Простились, поцеловались.— Спасибо за все! — говорит. Я сказал, чтоб она не писала, пока не пошлю нового адреса: побоялся, что благодарить престранно будет. Ане написал письмо: не надо мне так писать.

Врач смазал рот и дал витамин «С»: у меня цинга.

Однажды Зонин получил от сына открытку: ...Почему не пишешь мне о боевых эпизодах, думаешь, мпе это

неинтересно. Ты молодец, что не стремишься увидеться со мной, как это делают многие.

9 апреля. Выступал по радио в 9-45 вечера. Вступительное слово Азарова. Читал сам. Читали 2 актера, один вроде партизана в ватном костюме и в рыжей бородище. 〈...〉

До этого был в квартире Прокофьева. Закрыто, не попал. В соседней комнате живут эвакуированные (железнодорожник, белорус). Сам лежит с декабря, сын болен, высох, другой тоже. Отец и сын — кандидаты на смерть весной. Нашел свой пакет с 14 стихами, посланный еще 8/I-42 г. Был у Ворошиловой-Кудзиевой. Долго сидели с патефоном. Потом пришел нач. милиции, без петлиц в гимнастерке и еще одна женщина. Ели селедку, колбасу, хлеб с маслом. Не чисто все это, где-то берется.

Туман. Купол Исаакия над туманом словно перевернутый аэростат. У биржи разбита гранитная тумба и повреждена башня морей, цепь, щит. На Дворцовом мосту — дыра от снаряда. На пл. Урицкого в воронку от снаряда течет вся вода. Словно в поле, в овражек. Ночью слышны пулеметные очереди. Очень близко. Горн играет: в нем что-то зеленое-зеленое, дачное, солнечное, очень светлое.

Получил письмо от Елены. Пишет только о сыне, но тыкается и явно идет на мировую.

10 апреля. Взял посылочку в ССП. Ерундовая. Выдает Карасев. Он говорит, что Группа (при ПУ КБФ) виновата, что меня обделили в прошлые поступления.

Долго рылся в букинистическом магазине писателей па Володарском. Взял «Четки» и «Осенний альманах». Было совещание начинающих писателей КБФ, человек 6 пришло. Были Браун, Азаров, Яшин. Ушел в ВМГ выздоравливающих командиров. Провел там вечер. Читал много стихов. Не покормили.

Мирошниченко завтра вылетает. Меня не берет. Меня это нисколько не волнует. Я затягивал выезд, рассчитывая, что за это время будет новое звание. И нужно было отправить Эльку. Не вывезут — останусь. Только бы выдержать. Нервы расходились донельзя.

11 апреля. На радио получил гонорар за «Трем героям», «Мне рассказывал мой дед», за творческий отчет (7 стихов). Ходил с письмом к генерал-майору Самохину — командующему ВВС КБФ. Не пустили к нему. Письмо Вишневского (о переброске меня на ту сторону) передал. Мирошниченко еще не вылетел.

12 апреля. С трудом дошел до ПУ. Внизу снял шинель, чтобы легче идти по лестнице. Три раза садился. Очень ослаб. Заходил Мирошниченко. Он сегодня ночью едет на машине штаба ВВС. А мне нельзя. Был врач. Вечером меня положили в лазарет ШКБФ.

Члены Группы ходили на «Марти» (гвардейский). Выступали перед личным составом и командованием отдельно. Имели по рюмке водки. Азаров прочитал мои «Шинель» и «Танк». Он сказал, что Власов из Москвы запросил ко Дню печати статью обо мне (я почему-то попал в список, в котором почти все покойники и которых полагается чествовать, ибо они мертвые).

13 апреля. Были Пронин, Азаров, Софья Касьяновна Вишневецкая. Она принесла плитку шоколада. Азаров сидел, пытался у меня работать, не вышло. Долго разговаривали. Я рассказал о своей семье (две семьи), он о своей. Десять лет женат. Есть дочка маленькая.

Азаров одессит. Что с отцом (врач) и с матерью — не знает. 〈...〉

Написал 15 строк поэмы.

14 апреля. Дочитал «Следопыт» Фенимора Купера. 15 строк поэмы.

15 апреля. Видел сон: генерал-майор Григорьев в черной бане раздавал по студенческому списку какие-то внутриинститутские ордена (бумажки в футлярах). Я будто бы должен был получить орден Трудового Кр. Знамени (?). Но очередь до меня не дошла, Григорьев вышел и не вернулся до моего пробуждения. Проснулся, думаю: не предчувствие ли это? Власов заказал ко Дню печати статью обо мне — не рука ли это армейского комиссара? А орден я вполне заслужил (за бои, за участие в разведке, за книгу стихов), если заслужили его Жаров и Алтаузен.

Около 2-х часов Вишневский с бригадным комиссаром Корякиным (зам. нач. Пубалта) договорился, что я могу сегодня выехать с делегацией Балтики — к трудящимся Кирова и Семипалатинска. Очень спешно собрался. Руководители делегаций полковой комиссар Акимов и ст. политрук Гашев. По пути заехал за мешком к Прокофьеву и к Ворошиловой.

В 14^{45} *15 апреля выехали в Москву* (счет от площади Урицкого) через Литейный мост и набережной мимо Финляндского вокзала. Станция Ржевка. В ночь на 29/III взорвало снарядом состав с порохом. Разрушения огромные на километры в окружности. «На Ладожское

озеро через Всеволожская» — доска на телеграфном столбе. Аэродром. Самолеты под полотном. «Станция Сервис ВВС КБФ. Малое Приютино». Разливы.

В квартире Прокофьева, в комнате, где был мой мешок, застал покойника: сын взрослый, который был болен в прошлый приход, умер. 15/IV в Ленинграде пошел пассажирский трамвай.

Грунтовый участок им. лейтенанта тов. Горского. Верба в канаве. Снег и трава. Вороны. Шоссе — камень. Даже пыль есть. Русский пейзаж: поля, дороги. Авиабомбы. Звукоулавливатель — 4 уха. Деревня Романовка. Щели. Деревня Корнево (ж. д. линия проведена до Осиновца, новая). На домах фамилии, имена и отчества хозяев написаны по-русски и фински. Силос. Башня ободрана на растопку. Сено везут. Девки крадут. Кони молодые, худые. Страшная грязь. Хуже Шарьи. Бойцы чинят дорогу. Деревня Проба. Прожектор. Скворцы прилетели. Водопровод на Дубровку (цел.-бум. фабрика). Красное белье на веревках над снегом. Поселок Рахья. Деревня Ириновка. Слева виден Осиновецкий маяк. В лесу и на станции штабеля хлеба в мешках. Ж. д. линия. Горы хлеба. Горит торф в грунтах. У озера огромное количество машин. Везут туши мяса, хлеб.

В 8^{45} вечера сошли на лед. Низкий берег. Боец регулирует поток машин. Много дорог (туда и сюда). Цепочки машин — муравьиные дороги. Маяк слева. Справа виден аэростат. Сначала дорога была хорошей, потом вода корытами. Словно канавы. Трудно ехать. Через озеро 30 км. Посты с фонарями. Ночью по озеру засветились огни, они блуждают. Это фары. Одни сильные, как прожектора. Будто вокруг сияющий город. Берег часов в 11 вечера. Дер. Лаврово. (Ночевка.) Долго мучились на берегу, тянули машину по грязи. Ночуем.

Состав делегации 6 чел. У них посылки: ящики, водка.

Спали сидя с 3 ч. ночи до 5^{30} утра. Когда ехали ночью, справа па берегу Ладоги немецкие ракеты. Слева и впереди прожектора, били наши зенитки — красные разрывы, словно на миг обнажающиеся рваные раны.

16 апреля. С утра били зенитки над Лавровом. Умывание холодной водой из борозды на огороде. Лужи покрылись за ночь льдом. Пили чай. Утро солнечное, тихое, как весной на реке, на Глубоком, когда я пас коров. Поют скворцы на проводе и на березах.

Едем. Высоковольтная передача. Прямая просека. Овраг. Слоистый берег. Пулеметные блиндажи. Деревня Радищево. Церковь. Поворот влево на шоссе. В лесу слева немецкий танк с крестом. Деревня Войпола. Деревня Сивола. Даже стекла целы. Были ли здесь немцы? Зенитная батарея и ложные орудия. Около — много воронок. Деревня Шум. Следы боя, обстрела. Дыра в стене. Дома в воде. Верба. Железнодорожная станция. Вернулись. Колхоз «Красный Шум». До Новой Ладоги 51 км. На аэродроме в Шуме немцы были, в самой деревне будто бы нет. 12^{40} — деревня Рындела. Сидит старик на развалинах дома. Петухи. Деревня Вальдома. Лопнула покрышка. Впервые сел на голую землю (у канавы). Бабочки: желтая и крапивница. Жаворонки. Идем пешком. Деревня Карпово. Ратницкий сельсовет Мгинского района.

14^{45}. Старая Ладога. Овраги. Река Волхов. (Указатель: Н. Ладога 12 км (налево), Волховстрой 10 км (направо.) Бывший монастырь — «Старо-Ладожский детдом». 5 церквей в разных местах. Курганы. Где-то здесь родился поэт Прокофьев.

Новая Ладога. Приехали в 15^{45}. Военком Ладожской военной флотилии бриг. комиссар Кадушкин (белый дом против гостиного двора, разбитого бомбой) принял нас в дверях на пути на совещание. Акимов и Гашев очень обижены. Ужинать нам не дали. По аттестатам хлеб — и все (на 2 дня).

Дождавшись 2-х гвардейских летчиков, мы в одиннадцатом часу выехали в Волхов. Ехали быстро, по сухому шоссе.

В Волхове на поезда, отходящие ночью, посадить не смогли. Спали в ночлежке — общежитии по ул. Безымянной.

17 апреля. Утром сделал кашу. Чаю не досталось. Воздушные тревоги, бьют зенитки. Ходили на вокзал. Братские могилы. Город деревянный, дома двухэтажные, типа бараков. Поспали. Почитал «Мифы Древней Греции». С нами инженер-капитан, капитан летчик с мальчишкой-братом (истощенный ленинградец) и летчик — лейтенант в армейской форме. Они уехали на аэродром. Самолета не получили, не летают, аэродромы раскисли.

Спешно — на вокзал. Вещи на легковой. Ехать до Тихвина. Пробрались на 17-ю линию (станция Волховстрой-1). Я бегал за вещами снова. Лазили под составами. Пути загажены. Разместились у цистерн. Потом нашли свободный пульмановский вагон. Но каждый желез-

нодорожник дает новые и новые советы. Говорят, что до Тихвина состав пойдет 3 часа, другой — 8, третий — не меньше 12 часов, четвертый — совсем не дойдет. До Вологды пройдет год.

— Не садитесь близко от паровоза, по нему бьет Гитлер.

Диспетчер работает, используя радио. Начальник вокзала посоветовал ждать «классного состава». Остались. С болью смотрели, как уходил пульман с зеленой сенной трухой на полу.

Вспомнил: видели, как дети в деревне играли в войну. Отряд идет психической атакой. Оборона: станковый пулемет, залегли, ждут.

Товарные составы в пробоинах. Станция Волховстрой-1. 19 часов. Самодеятельность части майора N выступает в вокзале. Литмонтаж. Руководитель сержант. Низкорослые девушки. Воздушные тревоги. Дистрофички пляшут и поют.

Ходил бриться. Наша группа в 13 человек уже в теплушке. Нары из свежих досок. Печка. Сразу весело стало, когда появился угол. Человеку нужен угол. Обещали, что поезд уйдет ночью. Не ушел: эвакуируемые не прибыли (классные вагоны для них). Ночью озябли (спал на плащ-палатке). Были воздушные тревоги (здесь они беспрерывны — сирены, прерывистые паровозные гудки. А самолеты появляются редко). Кто-то хотел забраться в нашу теплушку, не впустили. Это интендант. Нахальный, наглый. Словарь его «сгоношить, втереться, устроиться».

18 апреля. Солнечный, теплый день. Сейчас увидели, что зря мы не поехали до Тихвина с цистернами и зря — не прицепились к санпоезду. Носим дрова. С утра чистились — драили пуговицы. Я свои — впервые. Обедали по записке военного коменданта станции. Рассказ военного инженера о путешествии из Москвы в Петербург. Дуглас сломан.

В 17 часов выехали из Волхова. Плотина и станция целы. Через плотину идет вода. Лед выше, и ниже льдины. Следы бомбежки. Воронки у дороги. Торфяные болота, сосенки — карлики. Торфоразработки. Экскаваторы, вода. В 3-х км от Волхова были немцы. Дер. Вячково уже штурмовали Цыганов и Соцепко (лейтенант в сухопутной форме). В этой деревне засели автоматчики, прорвавшие линию фронта. Ночью деревню бомбили МБР. Начались блиндажи, изувеченный лес. Сзади в теплушке

пленные фрицы. (Один бородатый, как мужик.) Прошел — даже сердце похолодело — сколько злобы накопилось. Пустить бы на них ленинградских женщин, которых они пустили бродить по свету.

На Волховстрое радио объявляет: «Товарищи ленинградцы! Ваш поезд с классными вагонами отойдет с 4-го пути через 30 минут». Приятное уважение. Взорванный мост. Временный — деревянный. *Разъезд Кукли* (был у немцев). Немецкие каски, мины, снаряды, землянки. Труп в нижнем белье — у насыпи. Белье очень чистое, выполосканное и вымороженное. По воронкам определяем вес бомб, спорим — все стреляные.

Разъезд Мыслино. Дзоты-холмы. Взял обрывки немецкой газеты. Мена: огурцы 1 шт. на 150 г хлеба, кружка винегрета — 200 г. хлеба. Моряки берут охотно. Бабушка меняет «смородиновый чай». Мичман взял: вода-вода! Одна предприимчивая ленинградка закупила всяких безделушек — карты, серьги, броши, носовые платки. Все на хлеб. Несколько трупов у воронки. Остатки немецкого бронепоезда — орудие в металлическом остове башни. Гильзы от снарядов. Листовки на суку. От домов одни трубы да изразцы печей. Труп немца у весеннего ручья — руки связаны за спиной. Началась весна — появились «подснежники».

Сено из стогов взято. Монастырь, белый за белой стеной. Вдоль линии немецкие доты. Остатки состава, обгорелые вагоны, авиамоторы на них. И все взрыто бомбами. Труп женщины, лицо закутано (эвакуированная). Вагонное колесо с осью отброшено взрывом метров на 30, скат метров на 50. «Состав был с авиабомбами,— рассказывает железнодорожный рабочий.— Разбомбил немец. Бомбы рвались 5 часов, вагоны горели». Нынче часто рвутся мины всюду. Воронки от бомб метров в 6—10 диаметром. Рельс, откинутый взрывом, кривой. Воронки, воронки.

Вечером, около 11—12 прибыли в Тихвин. Я спал. Утром осмотрел разбитый вокзал. Уже ремонтируют. В городе есть домик Римского-Корсакова. Сухой паек без аттестата: мясо — солонина по 100 г., соль, сухари. Обед. В 9^{45} спешно перекинулись в тамбур санитарного поезда, он будто бы идет быстрей. Снова воронки, трупы, разбитые составы (очень много), сгоревшие паровозы. Маска противогаза в весенней луже, темный глаз смотрит в небо.

19 апреля. Выменивали молоко на сухари: пол-литра — 2 сухаря. Цыганка гадала — 1, 1,5 сухаря. Мичман

на кусок хлеба выменял у нее подол картошки. Моряки говорят: «У вора палку украл». Старшина Половенко разложил сухари, чтобы казалось больше, и все-таки выменял молоко на то же количество.

Вечер самодеятельности. Песни, пляска. Половенко пляшет «яблочко». Мичман в ударе. Я читал стихи.

20 апреля. Нас обогнал поезд с эвакуируемыми, который мы оставили. Решили доехать до станции Бабаево, чтобы там загодя выкупить сухой паек. Поехали несколько человек в старой своей теплушке. Там ленинградцы. Говорят — еще вынесли бы больше того, но мысль о возможности сдачи Ленинграда в голову не пришла. «В Берлин первыми пойдем мы — женщины. Надо разогнать их всех по свету так же, как они нас разгоняют».

Проехали до разъезда. До Бабаева еще 11 км. Наш поезд пришел уже в темноте. Эвакопоезд ушел раньше — опять мы проиграли, сделав пересадку. Всю дорогу ничего не пишу.

21 апреля. Покупал клюкву: 5 р. кружка. Здесь меняют продукты уже не на хлеб, а на вещи. За два разъезда перед Кадуем был взорван бомбардировщиком состав с динамитом — 1000 тонн (он был в Волхове, там 700 тонн взяли и остальные 1000 тонн направили подальше от опасности). Паровоз только что ушел за водой, налетел фриц и первой же бомбой попал. Разрушения огромные. Ближние деревни развалило, снесло крыши. Лес вокруг, березки, сосны оголило от сучьев и пригнуло. В радиусе 5 км. выбило все стекла. Одна цистерна рваная, но сохранившая форму, отнесена метров на 150. Осколки рельс, колес валяются далеко по сторонам — на 200 и 400 метров. Ночами сильные заморозки.

22 апреля. 6 ч. дня — станция Череповец. Стоим на разъездах по 15 и больше часов. Брат капитана-летчика спасен от отравления (клюква и прочее) в санитарном вагоне кригеровском. В Череповце зашел в аптеку. Аптекарша умерла от сыпняка 2 дня назад. Здесь эпидемия сыпняка. Очаг — вокзал. Дорогой веду себя очень легкомысленно, не пишу, не читаю. Почитал немного русских сказок в издании Академии.

23 апреля. 12 ч. дня. Мы все еще в Череповце. Сходил в город к коменданту. Дали по продаттестату хлеба 500 г и только. Был в парикмахерской. По улице Луначарского деревянный город. Тротуары часто в одну доску. Грязища. Домики никольские, вологодские, но нет обилия

зелени. Проспект Советский даже вымощен. Каменный универмаг. Улицы широкие.

Сижу в поле у линии дороги — в виду вокзала. Наш состав без паровоза. Обучают бойцов: равняйсь, направо, смирно, вольно, на плечо, к ноге, отпустить ремни и т. д. Шагистика — так ли уж она сейчас нужна. День солнечный, ветреный (свежо). Через реку два ж.д. моста (две линии). Проходят «приветствие»: мимо лейтенанта идут по одному — с винтовкой на плечо (без винтовки).

Уже четвертый час 23/IV. Скоро сутки, как мы стоим в Череповце. Начинает душить тоска и беспокойство. В четыре часа опять перекинулись на новый поезд, в санитарный состав 1133. Пути после стояния санитарных составов с ранеными бывают особенно загажены. В 4^{25} дня поехали к Вологде. Разлив реки Шексны. Строят второй параллельный ж.д. мост. Здесь уже двухпутная колея. В воде избы, сараи, па лугах много неубранных стогов сена. Из тамбуров к вечеру перешли в служебный вагон. Спали на полках. Перетащили и вещи.

24 апреля. В 8^{15} утра прибыли на ст. Вологда-II. Стояли минут 50, потом доехали. Сдав вещи в камеру, пошел в «Красный Север». Редактор Щукин, секретарь Гуляев. Дали книжку стихов вологодских поэтов. Ситов — редактор «Тяговика», говорил с ним по телефону. Получил сухой паек в представительстве НК ВМФ. Ходил по Вологде. Елена передо мной. Вода большая, за рекой доходит до мостовой, в отдельных местах почти до церквей. Стоял на мосту у пединститута. Мысли о Елене Первенцевой. В Вологде сухо, жарко. Очереди у магазинов. Купить свободно можно только игрушки. Обед за путями. Перевел Гале 1500 р. Делегаты Балтики уехали на том же санпоезде. Ужинал в Военфлотторге с капитаном по талонам делегатов. Обещали сформировать на Москву поезд. Не смогли. Ночевал в агитпункте на кресле в вещах. Кино «Дочь партизана». Ночью выходил на пути: в вокзале ступить некуда — люди, бойцы. Страшно вшей.

25 апреля. Часов в 17 сели в поезд № 81, сформировавшийся в Вологде, на Москву. Достал место для леҗанья. Был у Ситова в «Тяговике». Потом в «Северном пути» — Колотилов, Калиничев.

26 апреля. 7 ч. утра. За ночь проехали км. 6 и сейчас стоим. Читаю «Мифы Древней Греции».— Кондуктор, зачем стоим? — Паровоз меняют.— А на что меняют?

В Вологде махорка $^1/_8$ — 250—300 рублей, или $^1/_4$ литра водки, или 10 яиц.

Все собираюсь писать и не могу начать. После опять будет очень стыдно и обидно за потерянное время. Холодный день. Снегу почти нет. Пашут.

27 апреля. 5 ч. 40 м. утра.— Вышли из Данилова. Пашут. Снега нет, но и зелени тоже. День свежий. В 12-м часу дня проехали через Волгу. Волга безо льда. Ярославль вдали в церквах и в каменных белых зданиях (город весь в домах — так?). Солнце, но свежо. Перед Волгой некоторые успели пересесть на поезд № 7 скорый. Я промерекал и не успел.

Еду без мысли, без волнения. Какой-то автомат и очень неживой. То, что подъезжаю к Москве, почти безразлично. Ничего веселого и радостного не жду. Ничто не волнует. Равнодушен ко всему. В Всполье стояли очень долго, часов 7—8. Кое-где в овражках — снежок.

28 апреля. 6 ч. 40 м. утра. Скоро Москва. Александров уже проехали. Пересел на электричку в Мытищах.

Москва. Дом снаружи цел, а внутри развалины, никого нет. Бомба упала в Варсонофьевском переулке на гараж. Все окружающие дома осиротели: выбиты окна, внутри перегородки, стены. Прошел к себе со двора. Дверь в комнату заколочена доской, отдирать милиционер не посоветовал — надо, говорит, с милиционером и домоуправом.

Съездил в институт. Слава Щирина похудела, похожа на цыганку. В ССП. Секретарь парторганизации — Резник. Оперативный секретарь ССП — Скосырев. Здесь ленинградские писатели — Инбер, Шишков, Груздев. Они опередили меня на самолете.

ЗАПИСИ РАЗНЫХ ЛЕТ О ВОЙНЕ

19 января 1943 г. Вчера после семидневных боев соединились войска Ленинградского и Волховского фронтов. БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА ПРОРВАНА.

11 февраля 1944 г. Взят Кингисепп. Очень приятно было вчера услышать по радио перечисление освобождаемых пунктов, в которых начиналась моя военная жизнь. Пейпия, Мукково, Мали, Алексеевка, Котлы и прочие... Очень радостно.

11 июня 1944 г. В каждом приказе о победе есть слова: «Вечная слава героям, павшим...» Когда гремит салют

и взвиваются ракеты, я помню и эти слова: «Вечная слава героям...»

Как ребенок учится ходить, так наши бойцы делали первые шаги на запад: ступят и удивляются своей дерзости.

3 ноября 1946 г. Удивительное, окрыляющее душу чувство любви к родной земле, страстное желание ей добра, силы, изобилия, славы порой захватывает меня всего. Хочу всем и каждому из нас счастья, успехов в работе, долгих лет жизни. И еще хочу, чтобы ощущение радости и какого-то полета души было доступно каждому человеку, чтобы каждый хоть раз в своей жизни испытал это благородное слияние всего себя с Родиной нашей и уже никогда больше не забывал бы этого животворящего очистительного святого чувства.

23 мая 1958 г. В Ленинграде, в блокаду, казалось нам, голодным: всю свою жизнь, если останемся живы, у нас будет хлеб лежать на столе, и мы всегда теперь будем радоваться жизни и дорожить ею.

18 июня 1960 г. Поездка в Петергоф, Ломоносов (Ораниенбаум), Лебяжье, Красная Горка (р. Черная). В Лебяжье с трудом нашел место, где служил в 1941—42 гг. Штаб укрепрайона, политотдел, редакция газеты «На страже», госпиталь, в котором я лежал.

Вспомнил погибшего Звонкова.

Проехали к Красной Горке до последнего шлагбаума. Дальше нельзя. Мне уже нельзя. И я не настаиваю... Но знали бы эти молодые ребята со штыком на поясе — сколько моей жизни осталось здесь, в этих сосновых лесах, на берегу Финского залива!

Огонь за решеткой.

6 мая 1961 г. Попробуйте на бумаге передать крик чибиса. Кто слыхал — поймет. Так и с войной.

15 июля 1962 г. Муж погиб на фронте. Жена всю жизнь вспоминает о нем по разным случаям:

— Это он меня научил ножницы точить. Повестка из военкомата уже пришла, он и говорит: «Давай-ка я тебя научу ножницы точить...»

Потом:— Дрова-то я все с мужем пилила на пару...

У кого-то вагон товарный вызывает массу воспоминаний: ехал в таком же из ленинградской блокады... Эвакуировалась в 1919 году из Евпатории... и прочее.

А для другого — вагон как вагон.

1 июля 1963 г. На войну он пошел с ощущением и желанием, что станет Героем Советского Союза.

13 июля 1963 г. Смысл воспоминаний о моей фронтовой жизни в том, что восторженный юнец, мечтающий совершить подвиг во славу Родины, попадает в среду служак, привыкших к букве устава, к политдонесениям и теперь ни во что не верящих. Штаб. Газета.

28 ноября 1963 г. Березы с завязанными вершинками — память о войне. Узлы эти сделали призывники, уходившие на войну: повянет березка — значит, беда. Не повяли вершинки, выросли березы, а парней все-таки нет в живых. Не вернулись они с войны. Войны здесь не было, а следы ее остались.

25 августа 1964 г. Ленинград в годы блокады не тема для сочинений. Тут все пахнет кровью и не требует домыслов. Более сильных картин людского горя и героизма не может представить самое воспаленное воображение. В этом случае надо либо писать так, как все было, как ты видел, либо не писать совсем. Я много лет не мог и рассказывать о виденном и пережитом в Ленинграде, а также о первых месяцах войны за Ленинградом, ничего не рассказывал даже своим близким людям, все казалось, что принижу пережитое и перечувствованное. Тем более что рассказчиков хватало и без меня. Поэтому же и не писал ничего. Но дневники я в Ленинграде вел, и они тревожат меня. Я, кажется, уже смогу сейчас спокойно и сосредоточенно перечитывать их и вспоминать все, что стоит за краткими записями. Я не отложу больше эту работу.

Скажу ли я что-либо новое, добавлю ли что-нибудь к тому, что уже написано и опубликовано другими, не знаю. Но мне это уже необходимо для себя. Тем более что это будут показания еще одного свидетеля, а они никогда полностью не повторяют одно другого.

9 июня 1965 г. Взял командировку в «Литературной России» в Ленинград на 12 дней. Что-то должен написать. Может быть, о городе? Воспоминания о боях и сегодняшние улицы и площади города.

Не так просто подружиться с человеком, узнать и почувствовать его настолько, чтобы довериться ему во всем, навсегда. Еще труднее подружиться с городом. Говорят, чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть.

Я не съел в Ленинграде пуда соли, но я голодал вместе с ним в сорок первом и сорок втором году. И я полюбил этот город.

В Ленинграде я бывал и до войны. Но я не сразу почувствовал его красоту и величие...

1965 г. Родительская Радуница — родительская суббота... А на кладбище ходят больше сами родители, поминают своих погибших детей. Солдатские вдовы, уже старухи — своих невернувшихся стариков...

9 апреля 1966 г. На глухаря: как на фронте — все необычно. Пока сам не испытаешь, рассказы никакие не помогут.

1967 г. Сколько их детинцев на Руси. Кремли. В Новгороде, в Казани, в Рязани, в Москве, в Вологде. Ярославль, Суздаль, Переяславль-Залесский, Владимир.

Монастыри-крепости — Кирилло-Белозерский, Горицкий, Симонов, Троице-Сергиев, Новодевичий, Ферапонтовский.

Земляные валы — Белозерский, Дмитровский...

Башни. Сухаревская. В Таллине — Длинный Герман, Толстая Берта.

Ворота. Красные, Мясницкие, Золотые ворота (Владимир), Московские ворота (Ленинград), Триумфальные ворота.

Углич, В. Устюг, Соловки, Н. Новгород, Боголюбов, Кижи...

Срыли, снесли многие стены, многие башни, монастыри, кремли. Зачем башни, ворота? Только для красоты?

И строятся, роются подземные убежища, подземные ангары, атомные хранилища.

О человечество! Чудны дела твои!

28 апреля 1968 г. Немцы, услышав, что русские якобы приохотились кидаться на амбразуры дотов, обзавелись немудрыми металлическими прутами — кочергами, чтобы, оттолкнув дурака, продолжать бить умных.

БОБРИШНЫЙ УГОР

Из дневников 1958—1968 гг.

1958 ГОД

6 июня. Выехали в Шарью с Наташей, Златой, Сашей в 16.25, поезд Москва — Лена. Очень много багажа, а из Шарьи в Никольск — самолетом.

7 июня. До Блуднова довез ГАЗ-67 финотдела. Дорога была жуткой, а вылезли.

8 июня. Первую ночь все ночевали у Сани, холодина.

Прогулка на Свою реку и с Саней вечером до Глубокого. На Своей реке с Сашей катались на плоту на озере. Цветет черемуха. Стоят холода. Но днем пригрело.

9 июня. Начал снимать киноаппаратом АК-8.

В колхозе есть перемены к лучшему. Народ с хлебом — район помогает. Получили лесораму. Строят свинарник. Построили курятник в поле к Пермасу, возле гумна. Лисицы уже таскают кур — прямо днем. Жалеют, что новый председатель Андреев Александр Владимирович осел в Блуднове,— даже сена не заготовишь для своих коров.

11 июня. С утра в колхозе бетонируют основу для лесорамы в поле к Своей реке. Пришел грузовик из Кич-Городка с горючим. Дорога страшная. Видел договор на установку радиотрансляционной сети в колхозе со своим узлом.

Весь день пробыл с детьми на реке под Шёлковым. Наловили рыбы, сварили уху. Дети уже страдают от комаров, а холода едва кончились и комаров почти нет. Ночи еще холодные.

Государство снабдило колхоз хлебом — и все довольны и работают. Мужику лишь бы набить брюхо, и он готов работать снова и нести любой крест.

Конечно, в Блуднове — не лучшие места. Теперь вижу, а не признаюсь никогда. И все тянет не куда-нибудь — в Блудново.

12 июня. В Шёлкове сегодня праздник — заговенье. С утра дождь и ночью лил, и я с детьми отказался от похода, хотя очень хотелось заснять гулянье на кинопленку.

14 июня. Машина пошла в Никольск через Пермас. Доехал со всеми до Сосновой выгородки за полем. Из ямы брали уголь для пермасской кузницы. Поговорили с председателем. Он освоился. Вздохнул с облегчением, что закончился весенний сев. Главная помощь, которую обещал и мог оказать район колхозу,— вернуть людей. Не смогли довести дело до конца. В Пермасе осталось только три мужика и женщины (в основном старухи). Мужиков восемнадцать живут дома — работают на лесопункте, а сейчас сезон сплава прошел. Из-за женщин не смогли отнять у них участки. Живут, караулят свои дома, снимают хлеб с участков. На заработки закупают велосипеды, мотоциклы, радиоприемники, мебель. Колхозом прикрываются все, и только. На руках — паспорта, трудовые книжки, часто с фальшивым стажем работы (завышенным) — помогал в свое время свой бригадир и председатель сельсовета.

На свете есть много мест лучше Блуднова, и добираться туда легче. Но меня, видно, всю жизнь будет тянуть сюда. Здесь я знаю и чувствую, что особенно важно, душу каждого человека.

Пожить бы мне в стране у Берендея...

На Руси — свои щуки, свои караси.

Мужики! Хорошее слово, зачем мы от него пытались стыдливо отказаться.

15 июня. Ходили в Скочково на праздник. Вернулись 16/VI часам к 3-м дня. Вперед на лодке, обратно — на плотике.

17 июня. На грузовике колхозном в Никольск. До Козловки пешком со счетоводом Валентиной Васильевной Горчаковой и продавцом Анной Федосеевной.

Сижу на экономическом семинаре председателей колхозов, сельсоветов и специалистов сельского хозяйства. Сидим в новом Доме культуры — бывшем соборе.

Из-за поездки весь день ничего не писал.

18 июня. Утром ушел в сосняк — в поле к Пермасу. Пришли ко мне Наташа и Саша (Златочка больна насморком — лежит, читает и всему радуется). В сосняке лежал, и две вороны, заметив меня, подняли крик на всю окрестность — об этом и начал писать (еще там).

А лежу зачем? Да не знаю, просто так. Хорошо, и все. Я слился с землею, и все. Просто так с землею слился, плотно к земле припал. Просто мне тепло на земле.

Ровно в 12 поют петухи. Удивительно. Вы проверьте. Сижу еженощно, слушаю и ничего не могу понять. Проверь.

Птицы разговаривают. Есть язык — это точно.

Златка смеется, будто катится, будто светом обливается, смехом как светом светится.

20 июня. Поход к Югскому лесопункту.

Первая лесная полянка как присказка. Сказка впереди.

Запрещена охота. Хорошо чувствовать, что все же есть рачительный хозяин. Охотнику, как и поэту, нельзя доверять во всем.

В 2 ч. ночи здесь уже светло, заря и можно писать и читать без лампы. Темнеет в 10 часов вечера.

22 июня. В Блуднове праздник вместо николина дня. Пива ни у кого, шапга есть. Все как встарь — бродят по деревне с гармошками разнаряженные девушки и весьма неприхотливо одетые ребята. Только чаще, чем раньше, встречаются городские платья, даже с кожаными ремнями. Эти новые наряды на деревенских девках выглядят безвкусными по сравнению с многоцветными парочками. Все страшно любят фотографироваться; даже не спрашивают, будут ли «карточки», только бы сняться.

Вчера мучительно долго «искал стихотворение», нашел его лишь в полночь и написал часам к 2^{30} ночи. В 3 часа утра без 10 м. взошло солнце, я сходил на Суборьской лог. Встревоженные пикалицы, кулик, дрозды. Большая роса. Сегодня опять весь день не могу найти стихотворение. А ведь писал по 2, по 3. Значит, уже выдохся, можно уезжать в Москву.

Сегодня — впервые, кажется,— удивительная ясная, тихая и теплая погода. Мы с Заинькой побывали на Глубокове с удочками, ничего не поймали.

Сегодня в Блуднове николин день —
Праздничное настроение.
Сюда сошлись из всех деревень
Гости. Столпотворение.
А я должен высидеть свой трудодень —
Дать стихотворение.
    Хромки да вёнки, цветные мехи.
    Все, как и встарь, как следует.
    Девушек лучшие женихи
    Пленяют велосипедами.

А у девчат выраженье лица!
Бусы — цветные горошинки,
Шелком подкладочным жгут сердца.
Если б еще кокошники!
        Молодки с утра каблуками дробят
        Попеременно, стоически,
        Словно избе передать хотят
        Избытки электричества.
Всех подряд снимаю в кино:
Радуги, а не парочки!
Мне — экзотика, а им одно:
Будут ли фотокарточки?..
        Водят поэта из дома в дом,
        Словно священника чествуют.
        Вырвался. Сел...
        Но поют под окном,
        Мешают.
        А может, содействуют.

23 июня. Цыплята вылупились — 8 штук. Одно яйцо Мария Александровна сочла болтуном. Но я тихонько ножом вскрыл его, и оказалось как раз против носика. Цыпленок зацевкал. Весь день сегодня следил за цыпленком в яйце, «допаривал» его на печке, под решетом. В 12^{30} расковырял окончательно скорлупу, засохшую пленочку смазывал маслом и сдирал. Цыпленок зашевелился энергичнее и наконец вылез. Грань между жизнью и смертью. Сейчас сохнет на печке в овечьей шкурке.

В деревне продолжается праздник.

25 июня. Утром в Никольск на новом грузовике. Из Шарьи в 15.52 выехал в Москву, общий вагон, 75 рублей.

26 июня. В 6.40 — Москва.

Поэзия — прежде всего здоровье.

У него были глаза неопределенного цвета, как у ребенка: они могут еще стать и голубыми, и карими, и зеленоватыми...

Всю жизнь ходим по цветам, а как их назвать — не знаем. Слушаем птиц, а какие они — не ведаем, пеночку от серебристого чеканчика отличить не можем.

Трава цветет.

29 июня. Нельзя жить в России и не знать деревни. Поэтому я отвез своих детей на лето в Блудново.

Хотелось бы лося,
Да не удалося.

Родничок, который не пересыхает.

Ни стыда ни совести,

А с виду ничего (А с виду человек).

1 июля. Был у Твардовского в «Новом мире». Прочи-

тал 20 стихотворений. Он отобрал из них 11. Нужна правка.

7 июля. Был у Сартакова, говорил об организации Союза писателей в Вологде. Деньги должны изыскиваться на месте. Секретарю 1700 рублей. Нужно помещение. Обещал в конце июля послать официального представителя в Вологду.

11 июля. В лесу хорошо. А на опушку выйти — лучше. Ширь. Река. Провода, опоры-мачты, дорога вдаль. И вся опушка в цветах — словно они вышли сюда взглянуть, осмотреться. А какое небо, его больше, чем земли,— и тоже не пустое. («Небо не пусто».) И ветер. А что без ветра. И поля в хлебах. Ветер меняет цвета на земле.

Трудно дереву умирать.
В земле корни, в глубине ее.

Устье Анданги. Что-то есть чарующее в понятиях начало и конец. Кончил дело — гуляй смело. Сухона из озера Кубенского.

Картины природы на Севере. Глухариные тока... Только бы не война!

Районный вопрос (колодец). Опять пашли какие-то камни, какую-то землю (колодец рыли), песок. И снова мечта, что живет веками — а вдруг... это что ценное. И весь район оживет. Начало: рытье колодца... Вспоминают, где еще находили что-то. \Проверили — ничего. А нефть бы найти. Алмазы! Уголь! А кругом — поля. Лен растет, голубеет. Вот же золото наше.

Вижу, как подходит поезд к Никольску.

К Никольску подходит поезд.
Выпустил пар — облака по пояс.
Дым над лесом разносится
...то в небо бросится.
Люди бегут мимо аэродрома —
Там уже все знакомо!

А поезд — чудо. Лес идет, мясо, молоко. Ожил район. Я взял билет в Москве, приезжаю с семьей. Родня, мать встречает. Ужель не дождусь? Я не мечтаю лететь на Луну. Наверно, меня не возьмут из-за здоровья. Рябчиков полетит, он доживет.

Мне бы в Никольск на поезде.

О матери. О том, что я для нее непонятный человек. О крыше, которая течет, о доме, которого мне не надо, а она все думает, что я потребую свою долю.

Златочка пишет из Блуднова: «Пьем парное молоко и сырую воду».

Раньше городничий боялся, что найдется щелкопер, бумагомаратель и в комедию его вставит. Нынешнему городничему и это не страшно. Не найдется!

Дела у нас идут из рук вон хорошо!

26 июля. Начал ходить. Лежал с 3-го июля: левосторонняя пневмония, пневмосклероз, астматический бронхит, приступ стенокардии.

Завтра еду в Вологду. Если удастся быстро — отремонтирую машину и — к детям в Блудново. Привезу их домой.

В «Новом мире» сдали в набор уже только 9 стихотворений. Было 11, было 13, было 12, я все подбрасывал новые, и Твардовский снимал «скользкие» из ранее принятых. Сняты сегодня: «Спасибо тебе, Блудново», «Всполошились над лесом вороны», «И я обманывал»; раньше сняты (из принятых): «Все удивительно в тебе опять», «Все к лучшему», «О крапиве».

28 июля. Приехал в Вологду из Москвы (после болезни сердца). Уехал из Вологды с Сашей 26 мая, потом был с детьми в Никольском районе, оставил их там, лежал в Москве.

1 августа. Утро. Лечу в Никольск (вместе с Першаковым). Везу с собой кинопроектор. Показывал свои кинолепты в Никольске и в Блуднове. Со мной приехали из Никольска Першаков, Чекалов, Зелянин. Увидели у матери жирного поросенка, и, кажется, вид его уже обозлил начальников (колхозные свиньи тощие). Вечером показывал свою «хроппку»: «Блудново — Никольск». Аппараты были установлены в конторе колхоза, и многие, особенно липовские, не смогли ничего увидеть. Обиделись люди! А у меня перегорела лампа и предохранитель. Переволновался!

2 августа. С детьми ходили на Свою реку и за реку. Снимал сенокос. Пускали «электроход» на реке, купались. Женщины косят, мужчины — бригадиры. «Вот и в Блуднове на реке Юг появились пароходы!»

3 августа. Собирался завтра в Городцы на рыбалку, но дети просятся в Москву — уступил им. Выехали в Никольск, за нами пришла машина. Завтра самолетом в Шарью. Сегодня совещание председателей колхозов по силосу.

14 августа. Приехал из Москвы в Вологду и почти

сразу выехал на рыбалку и охоту. Река Пучкас. Охота началась 15 августа.

16 августа. Вернулись в Вологду.

Все равно всех книг не прочитать,
Все равно везде не побывать.
И всего на свете не увидеть,
И за всем, что любо, не угнаться,
От чего-то надо отказаться...
Всего вина не выпить,
Жажду не умерить.

18 августа. В областной музей отдал свою сталинградскую фронтовую шинель.

19 августа. Завтра собираемся с Тихоновым Ерофеем Алексеевичем на охоту на его новом катере. Но сегодня с утра льет дождь. Удастся ли?

20 августа. Выехали вниз по реке Вологде на Лежу. Вечером, уже в темноте, за поселком Вёкса (первый поворот) за Комаровым мысом (на пути к Темному мысу), лодка наша перевернулась на глубине на большой скорости. Все выплыли при полном молчании. По счастью, невдалеке случился костер рыбака (Сиротина Акиндина Федоровича), и это нас спасло. Иначе бы замерзли — холод, а у нас ни одной нитки сухой, даже волосы мокрые и спички мокрые. ⟨...⟩ Утром рыбак уехал, оставив нам топор и кошку.

22 августа. Начало рассказа. Каждая поездка на охоту или на рыбную ловлю — это путешествие. И необязательно маленькое. А путешествия, как известно, не обходятся без приключений. Попробую описать одну охоту. И если из этого получится рассказ, то я заявляю, что уже могу написать тысячу охотничьих рассказов.

24 августа. Поехали в Вологду, но завести мотор не смогли. По пути нас взяла на буксир лодка с мотором. Четверо рабочих парней катались, испытывали мотор. Довезли нас до дому.

Берега реки Вологды на большом протяжении с обеих сторон в зарослях ивняка.

26 сентября. Когда и с чего началось, пожалуй, теперь и не вспомнить (не припомнить) Скажу лишь одно: нелегко мне и голодно в детстве жилось. Не сытно в деревне. Был одинок, нелюдим, затравлен. Никем никогда не любим. Смотрел из угла. И, может быть, поэтому «являться муза стала мне». Спасеньем была.

27 сентября.

Сколь ни старайся казаться хорошим,
Сколь ни скрывай, все равно от себя не уйти.
Не скрывай от себя и других.
Все равно с безысходною ношей
Ты останешься наедине.
Тяжелей, если с трудною ношей
Ты останешься наедине.
Ни себя, ни других не обманешь,
Все равно не обманешь себя.

Для каждого настает время, когда после беззаботных лет, легкомыслия вдруг прозревает человек. Себя увидит ярко-ярко. Любимых не берег.

Ночь идет со своим фонарем (луной).

28 сентября. Я много убивал, бывали и промахи и неудачи. Но вспоминаю и горжусь не тем, а днем, когда я в первый раз пощадил птицу, не выстрелил.

17 октября. Юг-река. Глубокое. Иду купаться. Берег в ромашке, в бревнах, оставшихся от сплава, в тине, опилках, щепках, трава обволакивает все. Лезу в реку, иду — по колено, перешел реку — все по колено. Пересохла, что ли? А каково-то в половодье.

Меня, быть может, поблагодарят за то, что я не написал обо всем, что вижу. А дочка просит: «Пиши сказки, папа!»

Темный день, осенний. Даже электролампочка кажется солнышком. Дерево в окне то появится, то исчезнет.

5 ноября. Все те же рифмы: «Земля — Кремля»... Слова примелькались, присохли, а вернулся из деревни, глянул и не нарадуюсь: это же сказка. И «Начинается Земля, как известно, от Кремля».

16 ноября. Отчим порезы посыпал землей с полосы — и все заживало. Никаких столбняков. Какая же святая у нас земля.

25 ноября. Ночь бессонная. Темы стихов для «Юг-реки».

Старый бор сгорел, все колоды сгнили. Вырос новый чистый бор. Сосна к сосне, одна к одной. Грибы растут. Сосны отражаются в Юг-реке. На этой бы гриве дворцу стоять! А ведь будет, наверно, когда-нибудь — Дом отдыха. Светлый бор, в нем всегда солнце.

Праздник в Никольске. Один раз в году (только один

раз) приходят пароходы. Раз в году пристань строят. Сахар, чай, соль — на весь год. Других дорог нет.

Мать жалуется на плохую жизнь в Блуднове, а в Москве не живет.— Приезжай в Москву! — Как-нибудь уж доживу дома.

А шоферы у нас не первого, а высшего класса, это асы. Съезд к реке. С ходу — через Юг-реку.

И хорошо, что наших сарафанов никакою модой не изжить. И кокошники еще носят. Малявин. Нестеров (схимницы).

Как закружит, аж завьюжит.
Сарафаны что шатры.

Деревня стояла в глуши, в лесу, на отшибе. И вдруг вышла в люди — большак (шоссе) прошел через нее. Если б не большак — гусей, кур не давили бы (перья белые летят), воздух был бы чистый, цветы не пылились бы (и белье на изгородях в пыли). Грузовики гудят, спать пе дают. Постояльцы спать не дают.

Итак: если бы не большак — мы бы так жизни и не увидели, в люди бы не вышли. А тут — чайная, клуб, РТС, что ни вечер — кино...

Хорошо у, нас (у вас). Но если бы река еще. Без реки красота — не та. Потому-то Юг-река ни одной деревни не обошла. Извилины, излучины. Весь район осветила, исколесила, украсила, всех осчастливила — никого не обошла.

Путь до Шарьи. Только 35 минут. А как ездили! Ночевки, муки, авралы. Гробили грузовики. И вот — только 35 минут. Даже деревни своей не разглядел.

14 декабря. О Юг-реке. Течет светлая, чистая. Пройдут коровы, возмутят воду, дерево упадет, а она опять течет чистая, светлая. Ил оседает, тина прибивается к берегу. Так и с душой моей: что бы в нее ни попадало наносного — она опять чиста.

Иголочки, листики плывут, камешки поют. Когда же пароходы пойдут, плотины встанут.

1959 ГОД

1 января. Рассказать о том, как неспокойная наша власть то укрупняла, то разукрупняла... Блудновские переселенцы выехали па Муржу и вернулись, потому что их стали сселять с хуторами... Быть может, не все оправдает время, но это было... И я не могу о том пе написать.

12 января. О пареньке в В. Устюге. Его вызвали на съезд писателей; денег дали, в президиум посадили, а он в перерыв убежал на базар и купил пугач — первую в своей жизни игрушку...

Встретил свою учительницу, Раису Ивановну Ширупову. Оба были счастливы. И меня бы так узнавали мои ученики!

На родине моей — подлости быть не может — я так верю. И воров нет, и бандитов нет. (Хотя меня еще в юности один по дороге из В. Устюга пытался убить и ограбить.)

У стихов свое молекулярное строение (стихотворение).

Плохо, когда правду называют крамолой.

25 января. Березка наклонилась, кланяясь поезду (в мечтах), и показалось, будто это мост перекинулся через Юг-реку.

Повесть. История моей семьи. Смерть брата, сестер, самоубийство Васютки и т. д. До последнего времени шла борьба за дом, кто больше имеет на него прав. Старший сын совсем покинул деревню. Но вот умирает мать, и дом остается пустым. Его некому наследовать. Начать с того, как мой отец ушел «в приемки» к старикам и строил новый дом рядом со старым.

История одной семьи — это и история тяжелого времени поисков новой жизни (коммуны, ТОЗ, артель, укрупнение, сселение, разукрупнение, опять укрупнение). «Беспокойная власть».

Общая позиция: никогда никому новое не давалось легко.

Нет, жизнь моя не праздная,
Я человек труда.
И все же я опаздываю
Во всем, всегда.

20 февраля. Все речки сливаются в Юг-реке. А мы, что выросли на Юг-реке, мы разлетаемся (налегке) в разные стороны. И редко встречаемся.

7 марта. «Уход» Л. Толстого — подвиг. Но подвиг и возвращение. Человек, привыкший в течение многих лет искать радости на стороне, вдруг сознательно (не от бессилия, не от немощи возрастной) отказывается от этих утех и возвращается навсегда и безвозвратно к своей первой любви, к своей семье, к жене.

Это — очищение и путь к наибольшей сосредоточенности в творческом труде своем.

9 марта. Что-то слишком долго живу. Даже странно... А расчет был на 40 лет.

Из детства. Про желну и про то, как царь, победивший врагов по ее предсказанию, подсочил для нее целый бор. «Золотая птица, тебе червей коробица, а мне корысть».

Что есть чистота души. А совесть... Мне бы чистоту души сохранить. Душу чистою сохранить.

12 марта. Человек должен жить в лесу.

10 апреля. Заключил в «Известиях» соглашение на командировку в Вологодскую область, нужен очерк о хозяйственных традициях лесной области, о смолокурнях, тележном ремесле, гончарном производстве, кружевах. С этого можно и начать разговор.

Когда я в редакции газеты выразил желание поехать в командировку в Вологодскую область, нашлись товарищи, посмотревшие на это с подозрением:

— Вы едете на родину?

— Да.

— Зачем же командировку? Неудобно как-то...

— А вы думаете Вологда — это Ялта? Я же не загорать еду.

Зимою по снежным завалам, 9,5
Весною по грязи вброд
Кидает меня пешедралом
На север из года в год.

Просто я эти места больше знаю... И начинаются воспоминания.

В моей рабочей комнате в Москве — серп, лопата, грабли, коса. Это не бутафория, не причуды. Это моя пуповина, зацепка за родную землю, связь с детством. Я его провел с этими орудиями труда.

20 апреля. Певчие птицы рано встают.

9 мая. К 3 съезду писателей. В свете великих задач ратовать за добрую литературу, за доверие к человеку, знать всех птиц.

12 июля. Неделю за неделей слушаем вологодское радио — последние известия — и ничего не остается ни в памяти, ни в душе. До чего загублено, выхолощено все. И казенный, сухой язык! А вчера вдруг настоящая новость: в Ленинграде отливается обелиск в честь 800-летия Вологды. Это запомнится.

Идут поезда. Ребятишки смотрят: лес везут. А я смотрю и вижу наши вологодские делянки в Дунилове, катища, молевой сплав, плоты.

Я теперь езжу на Родину только летом, и мне кажется, что Юг-река всегда светла, всегда течет, переправляться через нее можно либо в лодке, либо на плотике, либо переходить вброд. А ведь зимой с берега на берег по льду рукой подать, и на санях ездят. Река за зиму очищается, и потому я вижу ее всегда светлой.

1960 ГОД

23 января. Хорошо, когда не спится не от хвори, не от горя, а от счастья.

3 февраля. С Сергеем Антоновым выехали в Вологду на областное совещание писателей.

4 февраля. Бродили вдвоем по музею, заходили в Софийский собор, лазили на колокольню, я ударил в колокол курантов.

Вечером пришел ко мне Александр Платонович Пшеничников. Директор Родюкинской (в Кожаеве) семилетки. Новое укрупнение. В Никольске около 9 колхозов, было 40 (?) Колхозники не могут своего председателя найти по месяцу, территория у него огромная. Ищи его — и работы нет. В Блуднове свинарник как санаторий, под шифером, а зашли — свиней кормят какой-то мешаниной в бочке из-под селедок — на 75 голов, свиньи голодные, похожи на животных и на волков, рычат. Свинарка-девочка говорит: каждое утро прощаюсь с мамой, думаю — свиньи съедят. Свиньи проедают, прогрызают стены, прогрызли корыта, переборки. Самое страшное, когда люди теряют веру во все, не видят просвета впереди.

29 апреля. Чем бы человек ни занимался, каких бы высот ни достиг, он должен писать, если хочет жить не только для себя и оставить память о себе. Без этого труд не дает полного удовлетворения.

7 июля. В 8.20 вечера поездом Москва — Воркута выехали в Вологду. Все купе наше до Ярославля. Ребята ликуют.

8 июля. Часов в 6 утра были в Вологде. Позвонили Викулову. Он в Белозерске. Выехали из Вологды лишь в 5.15 вечера. Дорога плохая. Вместо четырех часов ехали около 6-ти (132 км). В Кириллове машина ждала, но ехать было уже поздно — переправа через Шексну до 11 часов. Ночевали на квартире первого секретаря Петрова Филиппа Егоровича. Жена Ксения Павловна — историк. Сидели до трех часов ночи.

9 июля. Белозерье. Вот где надо было родиться! В таких местах не может быть плохих людей. Здесь Россия сказочная. Швейцария — пригорки, перелески, озера...

Прогулка с Викуловым по городу, по магазинам (их много, и очередей нет. Продуктов больше, чем в Вологде,— масло, мясо, сахар...), по земляному валу (древний город, внутри была тюрьма — колония и колония для малолетних преступников). Красивейшие места России превращены в места ссылки и каторгу.

В Белозерске Сергей Орлов после войны был диспетчером на канале. Обелиск: «Канал сей сооружен в управление путями сообщения и публичными зданиями Генерал-адъютанта графа Клейнмихеля». «Белозерский Канал сооружен повелением государя императора Николая Павловича в 1846 году».

Весь Белозерск мог быть городом-музеем. Когда все разрушили — появились на развалинах — остатках стен, таблички: «Архитектурный памятник. Повреждение карается законом». То же, вероятно, будет сделано и в Кирилло-Новоезерском монастыре, рядом с островом Сладким.

Часов в 6 вечера выехали на Сладкий остров па двух машинах — Макаровский с семьей, Ананьев с семьей, Викулов. Перелески, где Макаровский бьет по дороге тетеревов, глухарей, зайцев.

Сладкий остров и остров с бывшим Кирилло-Новоезерским монастырем — территория колхоза «Заря». Председатель Николай Арсентьевич Николаев. Ночью уже ловили рыбу сетью — щука, лещи, окуни (здесь есть и лини и язи).

10 июля. Днем уехало все начальство (и Викулов), и мы остались одни. В этот день мы половили немного рыбы на удочки (с Сашей), а на спиннинг ничего не удалось. Проводили председателя колхоза до «Карла Либкнехта», но тоже ничего не поймали. Видели остров Красный — монастырь, каторгу. Все остальное — святые места.

12 июля. Поймали трех щук (с Сашей и Мишей). Одна щука сломала спиннинг. У бабки и дедки на полуострове пили молоко. Ходил у них в баню: черная, но чище всякой белой.

Приехали Борис Михайлович и Вера Михайловна Пидемские с сыном Олегом из Ленинграда, друзья Орлова. Будто бы приедет и Орлов — не верю.

13 июля. Утром поймали одну щуку с Борисом Михайловичем. Затем мы ездили со Златой, Сашей, Мишей и Олегом, осматривали крепость (резиновая лодка на буксире), и на обратном пути мы со Златой поймали двух щук. Вторая 4400 граммов (и в брюхе ничего). Это уже зверь. Саша с берега привез на лодке сачок, иначе бы не взять ее, долго водила.

14 июля. Заметки на воде.

Солнечные дорожки по воде ложатся — для каждого своя, где бы он ни находился.

Я только пристал к берегу и отошел от лодки, как в нее бросились кошки за рыбой. Это уже рыбацкие кошки.

Над входом в помещение монастыря лозунг: «Вперед к победе коммунизма!» Есть и другие: «Да здравствует великий Октябрь — освободитель народов».

Приехал Макаровский, и я уехал с ним в Белозерск, чтобы завтра поехать в колхоз им. Ленина.

15 июля. В колхоз им. Ленина вдвоем с Макаровским. Первая остановка в центральной усадьбе — деревня Федоровская.

Утятник. Около 5500 штук. Инкубатор на 30 000 яиц. Сдают по 15 рублей утку (кг. 2). Племенную матку покупали 38 р. (взяли 1 тыс. штук месячного возраста — оказалась половина селезней). Инкубатор (2 агрегата) стоил 70 000 рублей + перевозка, плюс установка. Дом (2) — 30 тысяч рублей. Утка белая пекинская. Пока одни расходы. Колхоз должен сдать мяса в 1960 году 970 центнеров, а 2,2 плана — 2130 центнеров.

Ребенок рахитичный — лет 2-х, кривые ноги. Ему бы давать рыбий жир и творог и все прочее, что дают утятам.

В помещении церкви на полуострове оборудована ремонтная мастерская. Очень чисто, порядок — хозяин хороший.

Обед в столовой деревни Никоновская. Здесь же бригады с производственных участков.

Деревня Костино. Покупались в оз. Азатском. Собирается гроза, на сенокосе забегали: туча на сенокосе — лучшая агитация за производительность труда.

Туча спустилась на землю как труба (вытянулась к земле) и пролилась дождем.

16 июля. Силос в открытом бурте уже пахнет солодом либо свежеиспеченным хлебом.

После осмотра коровника в Ершове помогли раскидать копны сена (вчера боялись грозы) трем косцам-старикам:

Павлу Никифоровичу Звереву — 65 лет, Ольге Андреевне Зверевой — 64 года, Клавдии Никифоровне (сестра) — 61 год. Они втроем собирают в год сена 150 центнеров.— Худо ли нам жить, сами «руководители советской власти» помогли нам, поработали с нами.

Деревня Гулино. Свинарник. В новом свинарнике на зиму дается глубокая подстилка метра 1,5 резаной соломы. Лежат вплотную — тут свиней 70, в соломе.

Начало очерка для «Известий»: я приехал в Белозерский район монастырей, озер... Кирилло-Белозерский, Ферапонтовский, Горицкий, Кирилло-Новоезерский... Но о красотах позднее.

Гулинский колхозный клуб — бывший помещичий дом немца.

Деревня Горка. Молодые ребята едут на сенокос на велосипедах, грабли в руке и на руле, у одного топор в руке. У большинства на руках часы. Доярки, свинарки входят, здороваются за руки. В Тарноге — земные молчаливые поклоны.

Вот и я побывал в раю, в волшебной сказке. В Белозерском лесном краю, светлом, разнотравном, многоозерном, многоцветном.

В 14.15 выехали в Белозерск. Дождь. Идут с сенокоса мокрые. Приехали в Белозерск, дождались Малкова, чтобы увезти и его на Сладкий остров (он дал телеграмму),— две семьи плюс Аркадий Сухарев. На острове, кроме моих и Бориса Михайловича Пидемского с женой, оказался еще Василий Белов.

17 июля. Ловим рыбу. «Колхоз» наш стал уже укрупненным. Я на спиннинг поймал щуку (забрасывал с лодки) и впервые выудил двух окуней на куски сорожки-плотвы.

Чарозеро — озеро чар. Золотое озеро.

21 июля. Ветер вчера и сегодня. Волна. Сегодня ходили на рыбалку с хозяином острова Иваном Степановичем Тороповым (жена его — Анна Петровна). На ветру, на волне, а все равно на уху оба наловили.

— Волна сейчас легкая, потому что вода теплая. А осенью в такой ветер лодку бы разбило, осенью волна здесь бывает тяжелая,— говорит Торопов.— Рыбы в озере столько, что в любом месте подходи к нему с ложкой и хлебай — уха.

Талант — это и здоровье и выносливость, без чего не может быть работоспособности.

Места, которые мне по душе, сразу как-то связывают-

ся с воспоминаниями о детстве, о Блуднове. На даче в Мичуринце мне иногда видятся родные с детства рощицы, лужки. Блудновом пахнет, детством моим, счастьем. Здесь на Новозере тоже.

22 июля. Вася Белов уехал и сын Малкова. Остались мы и Малковы и Аркадий Алексеевич Сухарев. Мне мать оборудовала кабинет в отдельном доме и сеновал для отдыха там же (в сенях), но я как одержимый только ловлю рыбу. Сегодня около нашего мостика, т. е. под носом, Миша поймал на удочку 2-х подлещиков, я одного подлещика и леща на 1 кг 450 г. Впервые такого! Тащится он легко, лежит на воде безучастный ко всему, но без сачка его не вытащить бы.

23 июля. Уехали и Малковы. Ветер, моросит изредка. У берегов пена. Остался один Сухарев, лодку ремонтирует.

Петухи поют в любую погоду. В хорошую к дождю, в плохую — к вёдру.

Списать по акту. Это одно из бедствий нашей экономической системы. Дома и все хозяйство на Сладком острове, конечно, спишут по акту. Огромные в торговле хищения возможны благодаря тому, что все исчезнувшее, разбитое (посуда), сгнившее (продукты, картофель, рыбу) разрешается списывать. Не наладится наше снабжение рыбой, пока можно списывать. Падеж скота списывают. Заморенный в пути скот идет на мясо половинным весом. Неужели и эти мои горестные заметки спишутся по акту.

Когда долго не работается, начинает казаться, что я незаконно живу на земле и виноват во всем и перед всеми, и, конечно, никакого покоя, никакого отдыха. День идет не в день, радость не в радость.

К «Слуге народа».— Это что? Рыба! Кто ты в ее глазах? Бог. Начальник. Ну и нечего бояться, режь ее, чисти, жарь и ешь.

24 июля. Поход на Андозеро: на лодке до д. Кобылино (Карла Либкнехта), далее пешком километра 3 до д. Устье (устье реки Новозерки, вытекающей из Новозера и впадающей в Андозеро). В Устье поели молока у одинокой старушки Аграфены Алексеевны, на ее лодке прошли рекой в Андозеро. Окуни в прозрачной реке среди травы и листьев кувшинок. Мы с Сашей выкупались среди озера, прыгая из лодки. Окунули и Мишу. Я приучаю их к смелости.

Вернулись усталые и счастливые. В «К. Либкнехте» смотрели ловлю рыбы неводом — вытянули много грязи,

мелких окуньков. Мы взяли трех раков и сварили их дома.

Здесь тишина — пройдет один грузовик, а шуму над озером, вокруг озера на целый день хватает. Вдали кричат по утрам журавли. Когда вокруг вода, мир кажется и шире и глубже.

Цену животноводства подняли в глазах крестьян-колхозников, когда вдруг стали косить на силос рожь, овес кукурузу и т. п. Это стало поворотным моментом в отношении к животноводству в северной деревне.

В Кобылине из бывшей церкви сделан клуб под тесовой крышей. Церковь стояла высоко на горе, над озером, над окрестностями. Вдали — монастырь. Это была поэзия сельской Руси и очень большая и сердечная.

Рассказ «Баба Яга». Одинокая старуха на острове в колхозе «Заря» (Новозеро). Все от нее ушли, она вредная, ворчливая, сын погиб, сноха сбежала. Она хочет быть сама себе хозяйкой. Все осуждает. Другая одинокая старуха в д. Устье — Аграфена Алексеевна. Она видела, как умирает собака, раздавленная грузовиком; видела, как умирает человек, рыба... а вот умирает деревня. Она на острове — дома сгниют на месте. Печь в доме уже рухнула, потолок тоже, лавки стоят вдоль стен — массивные.

Описать, как постепенно пустела деревня, как разрушаются последние несколько домов (часть уже проданы, раскатаны на дрова, сгнили). Она смотрит на деревню с озера. Уже не селятся скворцы в ней, а летают дрозды. Сначала они появлялись только рано по утрам, были очень осторожны, а потом осмелели, в одном саду гнезда свили. Появилось сорочье гнездо.

Деревня «Отшибково». История каждого дома. И живет в ней одна Баба Яга. Остров Шиднем. Когда она была молода — все ее любили, всем она нравилась: разбитная, заводила, запевала... Можно бы переехать, а она не может. И сидит у чужой избы — не у своей. Половицы, балки, голуби.

26 июля. Ездил с Сашей и Мишей в «Карла Либкнехта». Взяли 40 яиц по 5.70 и 2-х кур (один петух), кажется, рублей по 10. Кура из мешка в пути вылезла и с удивлением смотрела на озеро вокруг. Петух дома долго был очумелым. Отпустили их, бегают. Но петух Анны Петровны нашему проходу не дает.

Может стать рассказом. Достали петуха для больного мальчика. А мальчик заявил, что лучше так поправится,

«лучше я буду рыбу есть», только не трогайте петуха. И петух запел свою 1001-ю песню.

27 июля. Уехал и Сухарев. Починил лодку.

Я в ветер ходил по озеру один, в лагуне за Апашкиным. Письмо от Наташи — дома все в порядке, просят жить дольше.

28 июля. Днем летняя гроза с порывистым ветром. Гребни на озере. Миша уже купается ежедневно. Мы все окрепли. Но мое состояние все какое-то подавленное: видимо, низкое давление. Беспрерывно пью кофе, крепкий чай, принимаю кофеин. Иначе бы спал без конца.

Вчера мы вдруг впервые и с ужасом поняли, что делаем страшное дело, отправляя Сашу и Мишу на лодке через озеро вдвоем (за молоком). Они постоянно ссорятся в лодке, меняются местами,— обоим хочется грести — и очень легко могут оказаться за бортом. Саша, может быть, еще и удержится на воде, а Миша плавать не умеет. Поняли это, и холодно на сердце стало. Я представил себе, что мы возвращаемся в Москву без сына.

29 и 30 июля. 28/VII я пописал (прозу, заготовки), а эти два дня опять не мог справиться с собой, только рыбку ловил. Ежедневно по нескольку килограммов.

Вот рассказ: «Когда мы уедем?» Сначала — рыба на леску, на блесну, сеть. Затем грибы, ягоды, походы. Затем испортилась погода. Сроки отъезда все откладываем, волнуемся за домашних. А из дома вдруг пришла телеграмма: «Дома все хорошо. Живите дольше, не возвращайтесь». В конце — отец начинает писать. Нельзя уезжать.

Самые спелые ягоды те, что упали на землю. Самые талантливые гибнут.

31 июля. Но я ничего не пишу. Хотя есть что писать. Просто лень. И не знаю, как справиться с этим состоянием, как опять вернуть чувство азарта, страсть к творческой работе. Сейчас творчество для меня все равно что принудительный труд.

2 августа (ильин день). Опять целый день удил, хотя собирался писать. Злата наконец психанула: «Не могу больше чистить рыбу, не могу больше, не могу больше! Все пальцы исколола».

А мне после ее нервного припадка захотелось бросить удочки и писать.

З а п и с н ы е к н и ж к и. Писателя. Художника. Учителя. Продавца магазина. Милиционера и т. д.

3 августа. Ветер резкий, холодный, мелкий дождь. На озере большие волны и летит водяная пыль. Осенью запахло. Я с 7 ч. утра сижу в своем «кабинете», в соседнем домике, где жил раньше хозяйственник, некто Макаровский (читал его записную книжку). Дописал рассказ о петухе, начатый еще 28/VII.

В первый раз здесь хорошо поработал — 7 страничек от руки — и как раз уезжать надо. Думаю, что справлюсь с собой и буду писать ежедневно, как на службу ходить. Часы установлю определенные для работы. Думаю, что сумею. Надо суметь — пора, жизнь кончается. Надо хоть что-то сделать.

Искупались я и сыны в ветер, в холод. Разделись в доме и выбежали на озеро в простынях.

Рыба, которая срывается с крючка, всегда крупная.

Вечером на остров приехали председатель колхоза Николаев и 2-й секретарь РК Иванов.

4 августа. Утром гости рыбы не наловили.

В Вологодской области снова сделан упор па увеличение поголовья скота. Обязательство по мясу 2,2 плана остается в силе, но телочек, закупленных у колхозников, сдавать на мясо уже запрещено. Сейчас на 100 га угодий в среднем приходится 7,4 коровы, а надо 14—15 коров. «Как с кормами?» — «Плохо. Кормов не хватает. План выполнен сейчас процентов на 60. Но поголовье увеличивать будем. Это — колесо, заколдованный круг».

А лето нынешнее было исключительным для сенокоса. И все равно — 60 % плана. Мы видим, как косят люди, как заготовляет сено Минков на Сладком острове. Не спешат. Им важно только обеспечить свою корову. Для этого выгоднее собирать сено позднее, когда будут давать не 10 % для личных коров, а половину стогов. Опять — заколдованный круг.

Наши рассвобожденные производительные силы никак не хотят развиваться без постановлений, без всевозможных подстегиваний. А в деревне и подстегивания не помогают. Сельское хозяйство все время лихорадит.

— Видно, пришла пора совсем изжить крестьянство, ликвидировать его как класс,— говорит председатель колхоза.— Пусть уж будет только рабочий класс и на селе как в промышленности.

6 августа. Сегодня должны уехать, и, как назло, опять сказочная погода. На восходе над озером вдруг появились горы — это туман поднимался. Сейчас — солнце, тишь, сияние сверху донизу.

Чем хуже погода, тем (больше) лучше улов.

У каждого человека свой характер. Родится он веселым и будет веселым всю жизнь.

Миша говорит в Белозерске о Доме колхозника:

— Дом колхозника? Я не думал, что колхозники бывают такие богатые — сколько комнат, сколько лестниц.

Остановились в Доме крестьянина в той же комнате.

7 августа. Ездили в Кирилло-Белозерский и Ферапонтовский монастыри. С нами была жена Макаровского. Машину вел я, шофер Коля в Вологде. Водила нас по Кирилло-Белозерскому монастырю и ездила с нами в Ферапонтовский Антонина Павловна Доронина. Звонят в женском монастыре: «К нам, к нам, сиротам». Звонят в Кирилло-Белозерском монастыре: «Будем, будем — не забудем».

Вернулись в 12 часов ночи очень усталые и несытые.

Портреты председателей колхозов. Первый — Сарап, революционная эпоха бури и натиска, романтика. Это и будет история семьи, история Блуднова, своя. Укрупнения, сселения. Хорошо бы вести рассказ от имени какого-то нейтрального лица, который не всегда уверен в правильности пути.

«Поджигатели». Для своих коров колхозникам косить не дают, а накосили — забирают, увозят. Не могут увезти — сжигают (специальные группы поджигателей).

9 августа. Череповец. Перед Череповцом лесные пожары — на большом пространстве, участками.

19 августа. В 5 часов утра прибыли в Москву. Я продолжаю писать ежедневно по одной-три и больше странички.

25 августа. Властвовать надо только над самим собой. «Человек, владеющий своими страстями, для меня идеал». (Фауст.)

Не распускать свои страсти, не подчинять себя собственным желаниям, владеть собою, ибо здесь-то и начинается человек.

Уступчивость в отношении с близкими тебе людьми, внимание к ним, забота о них. Непримиримость недопустима. Сдержанность, осторожность, деликатность, мягкость, выдержка, снисхождение к чужим слабостям, твердость к своим — все это от человека, человеческое.

Воля! Без нее нельзя жить.

Если уж бросил курить и пить, то надо сделать следующий шаг — установить строжайший рабочий регламент на каждый день.

1 сентября. Итак, ежедневно:

Прозы — 1 страница (минимум), (не считая записей),

Стихи — ежедневно ковыряться.

Статьи, работа по заказу, редактирование своих и чужих сборников — не в счет.

Сидеть с 8 часов утра до 2-х часов дня — 6 часов обязательно. Остальное не в счет. Либо шесть часов в другое время.

1961 ГОД

29 апреля. Выехал в Череповец, затем в Белозерск. Командировка от «Нового мира» на завершение работы над повестью «Сирота».

30 апреля. 15³⁰ — Череповец. Такси не добьешься. Сдал вещи в камеру — и на трамвай.

Фотоснимки у Анны Михайловны. Яков, Яшка Овдененок... Снимок сделан в Ярославле 25 августа 1915 г. По рассказам Анны Михайловны: отец ушел из дому на войну 1 августа 1915 г. (14 августа) в спасов день. Убит 3 октября (16) 1915 года. А 9 октября — день его именин. Родился в 1884 г. Мой прадед Михаил Ефимович Попов 12 лет был волостным старшиной. Яков Михайлович (отец) женился в 1911 году 27 лет. Дуне (матери моей) шел 17-й год. Меня мать рожала утром очень тяжело, поэтому Анну бабушка заставила расплести косу, потому что она девушка, а знала, что роды идут. В этих случаях еще отворяли царские врата в алтаре. Анна Михайловна Попова (крестная) была красивая (конечно!), но «черноглазая», а это принималось многими за недостаток.

1 мая. Получил пропуск и выстоял всю демонстрацию на трибуне. Колонны металлургического завода (ЧМЗ) и стройтреста внушительны. Воинский парад — курсанты-связисты и гарнизон. После парада выстроились цепочкой вдоль трибуны и второй линейкой параллельно. Школьники смущаются, на трибуну не смотрят. Много портретов Гагарина. Группа детей в костюмах, имитированных под летные комбинезоны. Плакат: «Будущие космонавты». Макеты ракет.

После демонстрации, когда оцепление сняли, народ хлынул на площадь. На площади пляска, танцы, все под гармошки. Поют частушки. В доме тоже гармошки, топот. Все — как в деревне. В Череповце много пьют. Редкий праздник обходится без драк. Все деревенское — и люди,

и песни, и пляски, только дома городские. В домах квартиры заселены той же деревней.

2 мая. В новом Череповце быт и нравы и говор деревенские. А старый — деревянный, внешне похожий больше на деревню,— интеллигентнее, солиднее нового.

3 мая. Анна Михайловна рассказывает, как снимала переполох с детей испуганных. Перепуганные дети не спят. Снимают с лошади хомут и надевают его на ребенка трижды: «Страхи-переполохи идите в хомут» (3 раза). И все. Одна ребенка сует в хомут, другой его принимает. Снимали переполох и так: жгут шерсть с медведя, если медведь испугал, и обкуривают испугавшегося.

Выехали в Белозерск только в 9 часов вечера. Шофер Коля — не пьющий, не курящий — тот, который вез нас со Сладкого острова.

4 мая. На охоту выехал в 5 ч. вечера в д. Туриково.

5 мая. Лягушки квакают, будто собаки зайца гонят.

Зима еще, а все нет-нет да и зайду в поле взглянуть на свой шалашик, из которого я бил тетеревов на току, словно здесь прошло мое детство. Скорей бы пришла весна.

8 мая. С Алешей и Юрой Соловьевыми — в поле скрадывать тетеревов. Вернулись часа в 4—5 утра и тут же с Александром Ивановичем на рябчиков с манком. Вернулись в 14^{30}. Значит, на ногах 13 часов беспрерывно. Я еле добрел обратно.

Надо пожить весну в Блуднове, тогда все испытаю заново.

Кот ловит лапкой с берега рыбку в светлой озерной воде, но каждый раз в лапе ничего не оказывается, и он очень удивляется. Потом он лезет к скворечнику на высокую березу.

10 мая. В 1^{30} ночи я сидел в шалаше на току близ деревни Токарево (бывшей) — там теперь баня, да двор, колодцы завалены, в развалинах живут зверьки — ласки.

Ток за гребнем от шалаша. 2 петуха дрались, один токовал с тетеркой. Подполз к последнему, а стрелять не стал. Убил на развалинах Токарева ласку — белая вся, меньше белки, кончик хвоста черненький. Зачем убил?

Чтобы писать, необходимо доверие к себе. Надо верить, что все волнующее тебя не может не взволновать и других, не может быть для них неинтересным, что любая мелочь, кажущаяся мелочью только на первый взгляд, может оказаться для других вовсе не мелочью. Надо верить себе, довериться.

По пути в Панкратове зашли в контору. Там счетовод Рюмин, с кем я хочу еще съездить за рыбой. Масса служащих в конторе, «на три старухи колхозницы тридцать начальников».

Лед на Белом озере все еще стоит.

11 мая. В Белозерске па сквере против райкома щиты «Наглядной агитации». Каждый вышедший на прогулку, на отдых читай хоть сто раз на дню: 1. «В 1961 году заготовить грубых кормов по 20 центнеров на переводную голову» 2. «В 1961 году получить надой молока от коровы 1800 кг.» и т. д.

Однажды убив глухаря, он рассказывал об этом всю жизнь так, как будто это произошло только вчера или на днях: — Я как-то ехал из Череповца в Белозерск, смотрю, а он сидит на дороге, камушки подбирает. Я поднял ветровое стекло да как дал ему из малокалиберной...— Когда же это было? — Да еще до войны!

13 мая. Стихи про дергача:

Он полсвета прошел пешком,
Чтоб сюда подоспеть к весне.
К речке с лужком, с бережком
В нашей негромкой стороне.
Потому что здесь его дом,
Здесь он вылупился из яйца.
То же самое и со мной —
Каждой весной
Хоть пешком да поспеть сюда.

15 мая. Хотел выехать пароходом, но он не вернулся из Вытегры. В Белозерске прочитал: Тендряков «Суд», Солоухин «Капля росы».

Весенний падеж скота тоже планировался в процентах. Но всегда было перевыполнение плана по падежу.

Надо обо всем писать как о прошлом, сейчас же «крутой подъем сельского хозяйства и все ошибки устранены». В этом плане подавать и «Свиней». Надо, мол, знать, как было, чтоб до конца исправить положение дел. «Убыток» — это один из председателей.

«Реформы» на памяти: 1. Борьба с архитектурными излишествами — слом уже готовых колонн и балюстрад. 2. Кукуруза. Пустующая земля из-за твердых жестких планов. 3. Травопольный севооборот, семиполье — многолетнее утверждение, и сразу полный отказ от посева трав. 4. Кролиководство. 5. Ликвидация поголовья скота в городах. 6. Зональные группы райкомов партии. В Белозерске было 8 секретарей РК. 7. Сокращение штатов —

одни разговоры. 8. Кампания против обилия персональных машин — объединили часть их в общих гаражах, и все. 9. Переделка столовых в столовые самообслуживания. Старые скатерти все списали. 10. «Перестройка» Министерства сельского хозяйства.

Интересно, что в последнее время заметные успехи прозы оказались в следовании достоверности, в документальности. Это почти дневники без специально придуманных литературных сюжетов. Смуул: «Ледовая книга». Солоухин: «Владимирские проселки», «Капля росы». Эти вещи покоряют своей авторской непосредственностью, желанием доверительно разговаривать с читателем обо всем как с ближайшим другом и убежденностью, что все это *свое*, личное, откровенное не может быть неинтересным и для других.

Тендряков идет другим путем — традиционным путем беллетриста. А что лучше? — праздный вопрос. Все лучше, что будет хорошо написано.

16 мая. В 16 часов теплоходом «Фурманов» выехал в Череповец. Идем по каналу. Узкий очень. Вал между Белым метров 20—30. Шлюз деревянный. Сразу после первого шлюза — Шексна. Очень низкие берега. 20 ч. 50 м. на подходе к Горицкому монастырю (вокруг «горы» — холмы, косогоры). Солнечный факел опустился к горизонту! Закат над Шексной, над водой в 21 час. Зигзаги реки спрямлены каналом.

18 мая. Приехал в Москву в 6 утра. Я счастлив, что дома.

18 декабря. В Скочкове 23/XII свадьба, у Анны Григорьевны дочь Нина выходит замуж. Я собирался на родину всю осень, еще в августе взял творческую командировку от Союза, и приглашение на свадьбу все решило. Не ехал из-за того, что не мог доработать «Сироту».

20 декабря. В 17 ч. еду в Шарью. Разговоры (в поезде): о трудоднях, о пенсии, о неблагодарных детях...

21 декабря. В Никольске на аэродроме встретил секретарь РК Мухин. Он считает, что дела в Никольском районе идут неплохо по сравнению с другими районами. Но тревог много. В прошлом году в августе не было больших инеев, и кукуруза кое-где удалась. Не повезло области. В районе больше 200 тракторов, масса комбайнов, но все устаревшее, новой техники нет. Денег наша техника поедает столько, что кошмар. Горючего не могут навозить. Ремонт ныне все за счет колхозов, все по диким

цепам, а колхозы подорваны и без этого — разными реформами.

К вечеру выехали на «газике» в Блудново. Через Козловку дороги почти нет. Поехали через Пермас. В полях пробивались по снегу.

22 декабря. В 2 ч. дня из Блуднова на лыжах вышел в Скочково. Сказочный лес. Дороги до речки Изницы почти нет. Почти нет заячьих следов, лисьих много. В 4 часа Скочково. Анна и мать (моя) испугались, увидев в окно чужого человека, решили, что пришло «начальство» пиво выливать (варить пиво, гнать самогон воспрещено). Шьют приданое для Нины уже две недели.

Записал темы 4—5 стихотворений.

23 декабря. Свадьба началась часов в 6 вечера. Хорошо бы обо всем написать. Контрасты: остатки старых обрядов и новые люди, грузовик-самосвал вместо троек...

25 декабря. Ночевал у Пали. До 11 ч. дня записывал темы стихов и строфы. Мороз — конечно, за 30°. По улице идет мужик с гармошкой. Гармонь на морозе не поет совсем, даже не хрипит, а мужик играет и все-таки поет, но слышна одна ругань.

Около 2-х часов свадьба выехала в Теребаево.

27 декабря. С шофером РК добрался до Скочкова по целине (была метель). Написал четыре страницы: «Свадьба» (это начало).

28 декабря. Сходил на лыжах в Блудново, чтобы собрать вещи, и договорился, что их привезут на санках. Следа в полях уже не было — метель. На речке Изнице из снега вылетали рябчики. Обратно шел ночью в абсолютной темноте и мерз. И жутко и хорошо. В лесу тепло, но идешь почти ощупью. В поле шел, пригнувшись к самой земле, чтобы хоть немножко различать свой сегодняшний след. Часто сбивался с пути.

Ночью в Скочкове. Все спят. Как жутко играет кошка с мышью! Одна лапа кошки толще, чем вся мышь. Сначала мышка замирала и мгновенно убегала, но кошка схватывала ее то под столом, то под кроватью, и вновь отпускала ее, и чуть подбрасывала лапой и поуркивала. Наконец мышка уже едва шевелилась, а кошка все еще не наигралась, все еще шевелила лапой и подбрасывала и кидалась на нее, уже полуживую. Жуть! Между прочим, кошка урчала как-то безрадостно, требовательно даже, и моя мать с печки подала голос: «Кошка-то, видно, на улицу просится?..» Мышке только покажется, что она

свободна, что она уже перехитрила своего врага, а кошка опять ее прижмет к земле.

Узлы на березах вяжут, когда провожают парня в армию. Примется узел, не повянет — и парень выживет.

Пашню пашут — руками не машут.

В медвежьи петли (тросы) попали лошадь, корова и две телушки. Не задохнулись потому, что привыкли к привязному содержанию.

1962 ГОД

7 января. Рождество. «На рождество день прибывает на воробьиный скок» — сказала мать. В 9 ч. утра еще темно, в 3 ч. уже темно.

Вьюга, снег сверху и снизу. Чувствую себя плохо. Правил стихи. Днем сходил на картежную игру мужиков — чем им заниматься — ни книг, ни газет, ни радио. Только выполнение планов, да водка, да карты. Поиграл и я с ними.

9 января. Опять мороз. Доработал и перепечатал стихотворение «Рябчики в снегу». Писать прозу все-таки почему-то лень. Сейчас в работе «Две берлоги». Вечером ходил к гумну — там будто бы рябчики летают. Ничего не оказалось.

Пришлось идти на чай к Нине Михайловне. К ней приехала сноха, жена Анатолия Михайловича,— преподает в Куданге литературу и язык.

Глаша, Клавдия Ильинична Поникарова знает все причеты для свадьбы — вечерины. Раньше вечерины бывает крáсота: там свои причеты. Запомнила с голосу причитальниц на свадьбах, когда была еще девочкой, потом девушкой.

— Глаша, садись-ко возле меня, у тебя голос вольный! — говорила причитальница Митиха Васькина. Ее на свадьбу звали специально.— В наш слой ходила Митиха Васькина. (В нашем поколении.)

Песни волокнистые поют потише, поволокнистей, чтобы невеста шибче ревела. Причеты знает еще Смолякова Сашка в Пермасе (ой, какое горло у нее!).

Сноха Нины Мишихи произвела на меня удручающее впечатление: некультурная, грубая, вероятно, очень крикливая, наглая. И это преподаватель русского языка и литературы. Запела гнусаво, по-бабьи, заревела — и я сбежал. О, господи!

10 января. Я бродил в леске, в поле слева от дороги к Шёлкову. Заяц меня обманул, выскочил уже за моей спиной, я его не видал. Вспугнул большую стаю тетеревов из снега в том месте, где прошлый раз оставил раненого зайца. Убил одного петуха. Не надо спешить — они вылетают вокруг долго, не сразу.

В Скочкове готовится новая свадьба. Вечером собрались у Анны Григорьевны с пряспицами пятеро: Анна, Клавдия Ильинична, сноха Тоня, Паля, мать. Клавдия пела свадебные причеты на кра́сотах и вечерине. Записал в большой черной тетради на 10 страницах. Хорошо бы записать ее на магнитофон.

Сидел до 2-х часов ночи. Плохо спится. Дочитал «Яму» Куприна. Аксакова — о природе.

12 января. Пленум РК КПСС с 11 часов. Повестка: решения XXII съезда.

О бабушке Першакова. За водой.— Что ты, солнышко, я сама сбегаю, ты еще в колодец упадешь.

— Где шапка? Ты, бабушка, не знаешь?

— Знаю, солнышко, как же, батюшко. Ты на кровать бросил, я на полку положила. Штаны ты бросил, а они мокрые, я их, батюшко, повесила перед печкой... Сыночки мои, родненькие, голубчики мои.

15 января. Днем в РК и РИКе. Уехал с Анной Григорьевной на райкомовской лошади, потому что никакая машина не прошла бы.

Першаков говорит: сельское хозяйство не поднять, если и впредь будут спускать сверху по нескольку противоречивых директив в год.

16 января. В Скочкове. Лошадь ушла сегодня в Никольск. Ветер. Метель. Но не холодно. Больше дорог нет никуда. Очень плохо себя чувствую. Спится весь день.

Надо сделать сборник лирики «Первые письма».

18 января. Сегодня крещенский сочельник. Что это значит? Раньше целый день не ели (до освящения воды). Не ел и я до 15 ч. ничего ради отдыха. Бродил по лесу, по полям на своих лыжах с ружьем. Написал 3 страницы «Свадьбы». Бывает еще рождественский сочельник. Не едят от зари до зари.

19 января. А сегодня крещенье. Анна посадила пожог, готовит пиво. Пожог посадить — значит раскалить на огне камни и вскипятить ими раствор для пива. Через три часа слили сусло (на этот раз не сусло, потому что для ускорения дела в кипяток сразу был опущен хмель). Остудят его и, перелив в лагун, опускают

призголовок (дрожжи, замешенные на муке). Начинается брожение.

Пиво в лагуне взбунтовалось.

Спрашиваю Анну Григорьевну: — Вот были у тебя свои дети (9), теперь внучки. Любишь их так же, как своих детей, или нет? Чувство то же?

— Чего это? Какое чувство?

Моя мать разъясняет ей: «Ну, кого больше любишь?» Анна отвечает:

— А ведь что. Те выросли, и эти вырастут... Они ведь ко мне приходят ненадолго. Надоедят, и выгоню, паре, живо домой отправлю.

20 января. Задолго до рассвета бабы идут к бригадиру просить лошадок, чтобы съездить за сеном.

Вечером пришла Санька вместе с гостями на свадьбу к Леньке... Санька рассказала, что вчера, в пятницу, в Блуднове подключили радиотрансляцию. Репродукторы давно лежали в магазине по 5 р. штука, их расхватали немедленно. Многие оказались неисправными. И линия, должно быть, была исправна не везде. Люди заволновались, забегали по деревне: у кого как слышно, радуются и горячатся.

— Чего это частушек не поют?..

22 января. На лыжах — до Блуднова. Идет снег. Лес неестественен, но красив. Красив неправдоподобно. В конце Скочкова поля спугнул тетеревов, ни один не упал.

Видно, сегодня ничего не напишу. Василий Ильич отвез Саньку на лошади через Шёлково. Рассказывали, что трудно было на молодой лошаденке перебраться через реку. Я понял, что это значит, когда мы с ним вечером, в темноте уже, вдвоем поехали и не смогли перебраться через реку Юг. У кобыленки, видно, мало силы, поэтому она мечется в стороны, ложится в снег. В гору не пошла даже выпряженная, хотя я тянул наверх за вожжи.

Радио в Блуднове говорит. В 5 ч. вечера начали, в 8 кончили. Начинает говорить с 6 ч. утра.

— Будут сейчас терзать колхозников,— сказала Александра.

До 1 часа ночи писал стишок, а с первой строфой так и не справился.

23 января. В поле перед Скочковом в березняке взлетели тетерева. Я зашел, полетели еще. Одну тетерку я убил, другая вылезла из-под лыж, оставив массу перьев.

Написал стихотворение «Счастье» (Бродить по сырой земле босиком) 20 строк. А «Свадьбу» (прозу) писать опять поленился.

25 января. Написал три страницы «Свадьбы» — долг.

У писателей, как у колхозников: выходных дней не бывает. Ну, не должно быть!

26 января. Баня. Вечером сообщили, что телефон исправлен, и я разговаривал с семьей, с Москвой. Злата сообщила, что студенты МАИ во главе с Павликом Березиным сегодня утром уже прибыли в Шарью. Ребята пришли в Скочково на лыжах с рюкзаками — шесть человек. Устроил у Анны, т. е. у себя, себе на голову.

28 января. Вечером ребята дуются в «пульку». Кое-кто захотел почитать, я дал Куприна том 5-й и С. Григорьева — двухтомник. Это не гуманитарный вуз. Они сами признают, что общественные проблемы их волнуют мало. Павлик не пьет, не курит.

3 февраля. Весь день перепечатывал стихи (новые) для книжки «Человеку». Набрал 13 стихотворений, написанных в Скочкове. Опять задолжал 4 страницы прозы.

Родные забытые слова. Подь сквоззе — это, конечно, искаженное «провались сквозь землю» (поди сквозь землю). Спасибо — спаси тебя бог! Маховитый человек — широкая натура. Волокнистые песни. Одного слоя люди — одного поколения. Понёбы (положить на понёбы рубашку), поднёбица. Шировега. Туес. Дежень. Деревцо — колода для лаптей. Журавлиха — клюква, жаравиха. Сапапал («Вишь, сапапал какой!» Сарданапал). Починок. Хлопуша — враль, хвастун. Лубня — коробка, сундучок лубяной. Лóпоть — белье. Возилка — неполный мешок. Подизбица. Сугревушка. Грудки. Рукотерпник. Поляш — тетерев. Галаха. Залетка. Залавок. Суденка. Промёжок. Поденье — осадок в топленом масле. Любовина — мясо без жира. Расхожий с людьми. Мало стояла, много настояла — о продавце. Хвостить — врать. Тодильная. Заспа. Потки. Посконь. Собачиться — шалить. Просужий. Гоить, гойно — чисто. Хлебница, веко (крышка). Елыч — грибной, мясной, селедочный. Летятина — дичь.

Памятные заметки. Завести картотеку с алфавитным занесением всех прозаических вещей. Прочитать «Манон Леско» — Прево, Льва Толстого — «Коготок увяз — всей птичке пропасть» (см. «Яма» Куприна), Аксакова. Олдингтон — «Смерть героя» — роман. «По дороженькам знако-

мым отчей стороны» — взять для книжки «Человеку». «Выскочку» — все повернуть в прошлое, сейчас уже не то.

В Пермасской школе иконами выстлана сцена. (Сейчас они будто бы на складе?)

4 февраля. Воскресенье. Ребята — студенты МАИ, 6 человек с Павликом завтра должны уехать. Пришел из Блуднова Васютка. Ходил с ним в лес, хотел добыть дичи или зайчика для Москвы, не смог. Тетеревов спугнул, а не убил: один раз выстрелил и упал с лыж в сумет. Вечером с Павликом ходил на свадьбу к Ваньке Васину. Один мужик твердил весь вечер одни и те же слова: «Я один только помню вашего отца. Никого больше не осталось».

11 февраля. Пришла Александра. Утром прогулка почти до Шёлкова. Метель, сильный ветер. У меня долг уже 9 страниц прозы. Сегодня берусь за ум.

13 февраля. Который день метет метель. К мельнице не подойти, нет дороги, за реку дорога также заметена — к Пермасу. А вправо по эту сторону реки идет ездовая дорога в Куданский лесопункт — на стройку.

14 февраля. Все еще метет. Снег в полях утрамбован и весь в разводах, как белый мрамор, только на снегу разводы рельефные, бугристые. Следы лисиц стали выпуклыми, снег между уплотнений выдуло. Следы лисицы — маленькая древняя колоннада, отрытая в песках.

16 февраля. С утра оттепель. До 12 часов работал. У Анны — именины. В деревне выдают деньги за год по 39 копеек на трудодень. Анна получила 85 рублей, из них 9.50 отдала: за страхование 7.50 и 2 р.— самообложение.

Пишу второй отрывок о Дресвянине (Зелянине) — как он женщину предал (Надю Ронжину),—закончил 16-ю страницу, покрыл долг за февраль.

17 февраля. Сегодня на лыжах пойду в Пермас — 12 км, где завтра будет общее отчетно-выборное собрание колхозников «Родины». Вышел из Скочкова в 13.30. До мельницы дорога хорошая — сено возят из Анбала. За рекой Кудангой — жилой дом, хозяйственные постройки: живут две семьи лесников. От реки Куданги до деревни Дворищи дикий лес. Уживаются березы с соснами. Дворищи на высоком красивом месте, среди полей широких и лесов. В самой деревне нет ездовой дороги, только пешеходная тропа и тропки к домам. Вся улица в глубоких суметах. В школе 19 учеников — 3 класса. У всех школьные лыжи.

От Дворищ до Пермаса прямая просека. Опять леса, красиво, но ни одного следа, ни одной птицы — лес кажется мертвым, не для охотников.

В 5 часов вечера был уже в конторе колхоза «Родина» напротив школы. Познакомился с председателем Берсеневым Владимиром Николаевичем. Берсенев полный, крепкий, с 1925 года рождения. Резкий. Ночуем у Берсенева: я, инструктор РК Авдотья Сергеевна Баева (бывшая зав. райздравотделом, фельдшер) и А. М. Попов (Блудново, зам. председателя).

До 12 ночи просидели четверо, проговорили. Разговоры все те же. Попов отстаивает Сталина. Сейчас запутали всех разноречивыми указаниями, распоряжениями. Директивность — насилие. Район идет к разорению. Кукуруза его доконает. Самим планировать не дают.

18 февраля. Жена Берсенева, Ольга Александровна, говорит о муже, что он слишком груб с колхозниками, резок, настойчив. Колхоз трудный. Пермасяне никогда по-настоящему не работали.

Отчетно-выборное собрание колхоза назначено на 10 часов утра. Начнут, вероятно, часов в 12. Народ съезжается на конях, на грузовиках. Доклад Берсенева. 〈...〉 Доклад ревизионной комиссии. Интересные данные. Очень! 〈...〉

Под окном прошел трактор. В школе большие светлые окна — бывшее волостное правление. На стене копия Шишкина: медведи в лесу. При напряжении внимания у людей лица глупеют. Есть красивые женщины, но даже у молодых лица озаряются редко. Сидит учитель. Лицо у него деревенское, неумное — костюм и галстук не спасают. Но он, оказывается, преподает физкультуру. Люди активны, шумят, но, когда всем становится ясно, голосуют дружно. Помню — лет 25—30 тому назад — не добьешься, чтобы руки подняли, даже когда все всем ясно. Голосовать боялись. Поумнели люди.

Председатель ревизионной комиссии иногда нервничает: «Тогда на кой черт и ревизия, и концы разыскивать, если вы все будете списывать». 15 часов. Перерыва еще не было. Я уже устал. Прения. 16 часов. Включили свет — школьный учебный двигатель освещает и контору, и несколько домов.

Председателем единогласно избрали Берсенева В. Н. Председателю дали путевку и оплату дороги (единогласно), подтвердили старое решение о начислении 1,5 % председателю при перевыполнении плана.

В Блуднове Горчаков Александр Васильевич продает ламповые стекла — обязательно одно битое в принудительном порядке.

В кудангском колхозе им. Калинина выдано на трудодень по 10 копеек, и все довольны: они никогда еще не получали столько (по 1 р.).

Я хотел уехать в Скочково, но в последний момент забился в «газик» (7-м человеком) — и в Никольск, чтобы присутствовать на бюро райкома.

19 февраля. Каждый год реорганизации. Только инспекция по сельскому хозяйству прижилась, и пошло дело, сейчас создают межрайонные управления по сельскому хозяйству и заготовкам. В Вологодской области — 6 управлений. В каждом аппарат человек по 50. Будут ездить инспектора по районам и пить водку.

В Междуреченском районе в каком-то колхозе доярки лазят во двор в окно из-за грязи. А в Устюжне когда-то было так: во дворе стояли сначала кони, потом коровы, а навоз все растет, растет,— поставили телят, потом овец, кончили курами, уже и овцы не помещались.

В Никольском районе 18 колхозов. Колхозники сами уже против разъединения колхоза: «Сколько же можно шутки шутить, мордовать нас». Укрупнения начались с 50-го года. В последние 3 года укрупняли 2 раза. Сейчас «Восход» состоит из бывших 36 колхозов.

Вернулся к 17^{30} на райисполкомовской лошади в Скочково.

Береза уживается с сосной.
Все в наших рощах дико и прекрасно.
Считают: мрачно в стороне лесной.
У нас в краю и солнечно и ясно.
Теперь жалею — мало я писал
О нем, неповторимом, многолесном,
Не то чтоб красоты не замечал,
Боялся, что не будет интересно,
Что все давно известно повсеместно.

20 февраля. Сходил к Анне в амбар. В сусеках, где раньше был хлеб (4 для зерна — ржи, овса, ячменя, пшеницы — и 3 мучных), теперь — сено, капканы ржавые, хлам. Зерно есть в мешочках. В сундучках накопленные отрезы своего тканья и фабричные.

Правлю стихи весь день. Дописал «И стали мы пить чаек».

На завтра: в Осинове отдать книжки для школы. В Никольске — о помещении в больницу Поникарова Алексея Кузьмича.

21 февраля. В 5.45 утра выехал на лошади в Осиново.

В 12 часов Шарья. Поезд Владивосток — Москва в 16.27. Взял мягкий. Немного поспал и хочу дописать долг — 3 страницы.

22 февраля. Москва. Утром в поезде дорабатывал стихотворение «Еще вчера была жара...».

25 марта. Ялта. Сейчас без 20 минут 1 час ночи, а над Ялтой в темноте все летят и кричат журавли — уже который день и все ночью. Где-то, как-то они опустятся на землю?

28 апреля. Вологда. Прибыли с Сашей и Павликом.

29 апреля. Взял билеты до В. Устюга на теплоход — места только сидячие. Самолеты не ходят.

30 апреля. После Тотьмы Сухона забита молем. Теплоход ударяется в бревна, но идет уверенно. Капитан предложил мне свою каюту (через Павлика). Сижу в ней. Очень красивые берега после Тотьмы. Лесистые. Река только поднялась, но без разлива.

Мало иметь талант, надо еще верить, что все, что тебя волнует и интересует, обязательно будет интересно и для кого-то другого. В этом случае появляется устойчивое желание все записывать, обо всем писать и писать, а без этого и талант бессилен. Надо верить, что до тебя об этом никто еще ничего не рассказывал, а если и рассказывал, то не так, как ты можешь рассказать.

На нашем теплоходе нет даже буфета. Кто запасся едой — ест, а остальные голодают. С питанием везде трудно. В Вологде к празднику «выбросили» папиросы (их тоже не было), треску (продают во дворах, чтобы скрыть давку и очереди), ливерную колбасу. Мяса, масла нет.

1 мая. Утром прибыли в В. Устюг. С 11 ч. утра были на трибуне. Демонстрация. Руководители поочередно «кричат лозунги» и «ура!».

2 мая. В 9 ч. утра выехали из В. Устюга. Всего от В. Устюга до Кич-Городка 107 км. В 8 часов — добрались. Много раз сидели в грязи.

3 мая. Выехали из Кич-Городка. В Никольске смотрели затор на реке перед мостом — ГЭС. В Блудново.

Вечером тяга на речке близ Толчеи — я с Сашей. Павлик бегает один как бешеный. Токовал 1 тетерев. Убить могли, не убили, ждем других. А оказывается, тока распуганы, разбиты и всюду токуют по одному.

7 мая. Отправил самолетом Сашу и Павлика.

11 мая. Все эти дни дождь и холодно. Тяги нет. Вчера принес удочек 6 штук, обстрогал их и повесил для выправления и просушки. Сегодня был на реке. От Баданих и выше — до Липова и выше — залом. Прошел до Глубокого. Удить еще рано: вода велика и мутна. Рябчики нигде не отзываются на пищик — наверно, пищу плохо. Искал сморчков — нет. В Летовище летает, как всегда, много чибисов (пикалиц). Не пишется. Холодно, тяжело на душе, спится плохо.

Читаю Толстого «Войну и мир». Боже мой, как это прекрасно и как все просто. Совершенно ясно представляю себе, что и я бы так мог, нужен только труд, труд... А я не умею трудиться.

12 мая. С утра шел снег крупный и таял. С Александром Васильевичем Горчаковым (продавец) сходил *на Бобришный Угор. Загорелся идеей поставить там домик для работы.* Избушка от пилорамы мала. Весь день брежу стройкой. Мать и Санька хохочут:

— У тебя, кажется, не все дома. Разве ты будешь жить там один?

— А я с балериной.

— Это с баланиной?

Ходил до реки Куданги с липовскими мужиками, которые ездили на лошади воровать лодку леспромхоза и увезли ее. Воровать — увозить лодки с реки стало здесь уже обычным делом. Блудновцы будто бы уже две лодки увезли.

Из одностволки убил я бекасика, но взять его с воды не мог: караулил на заторе внизу, а он почему-то не появился.

Читаю «Войну и мир» и ничего не пишу. Курю.

14 мая. С Саней и Павлом Ивановичем идем в Никольск.

Баланина — от 12 до 14 см. в вершине. Свыше — бревно. (Баланина — балерина.)

Поговорил с начальством о своей избе на Бобришном Угоре. Обещали поддержать.

15 мая. На машине через аэродром, где взял Берсеневых,— в Блудново. Сказал Берсеневу о Бобришном Угоре.

Вечером с Павлом Евгеньевичем и его Сашей ушли на болото на глухариный ток. По дороге били вальдшнепов. Саша показал место, где он убил лебедя.

17 мая. Трактором растаскивали залом на Своей реке.

18, 19, 20, 21 — рыбалка по целому дню. Плывет по реке моль — лес. Ничего не делаю, только переживаю. Писем никому не пишу. От З. К. пришло два письма. Не сообщила ничего о том, что меня может интересовать: здоровье Паустовского, мои дела в журнале «Москва» (повесть), в «Огоньке» (очерк о медведях).

22 мая. Дочитал первые два тома «Войны и мира» (концовка — разрыв Наташи с Андреем Болконским). Яснее, кажется, стали для меня свои собственные переживания, своя неустроенность в жизни. Прежде всего это реакция — затянувшаяся, мучительная на свою старую слепоту и увлеченность, уход от жизни, но не полный, не равнодушный, а ожесточенность и злая ясность ума во взгляде на текущие политические события.

Николин день, праздника нет, но девки приоделись. Цветут черемухи. Запах всюду одуряющий. А пришел к колхозной свиноферме и едва выдержал: вонь страшная.

25 мая. Еду в Пермас к председателю Берсеневу на охоту и чтоб договориться о строительстве избы.

«Ах, душа моя, последнее время мне стало тяжело жить. Я вижу, что стал понимать слишком много. А не годится человеку вкушать от древа познания добра и зла...» — это говорит князь Андрей Пьеру Безухову перед Бородинским сражением. Вот почему и я тяжело живу теперь.

Берсенев с избой хитрит — наговорил, что будет стоить тысяч 12—13. Вероятно, думал, что я хочу задаром (?). Я вынужден был даже сказать о двух окнах спереди вместо трех и пообещал 3 тысячи и 500 рублей на водку (старыми).

26 мая. Вернулся в Блудново. Днем на Своей реке разбирают пыжи 13 сплавщиков. Река уже обмелела. 2-й день грозы и жара. Попробовал красные шишечки на елке — съедобны вполне. Кажется, тетерева уже перестают токовать, хотя в Пермасе еще было слышно их.

27 мая. В полдень приехал Берсенев на мотоцикле. У Александра Михайловича обговорили все касательно строительства избы на Бобришном Угоре. Были бригадир Иван Иванович Попов и механизатор Вениамин Михайлович. Сходили на Бобришный Угор, в Чистый бор. Встретил начальника леспромхоза. Ждал его вечером к себе, чтобы договориться о лесе — он не вернулся.

Собрали бригаду в 4 человека. Берсенев составил такой расчет: лесу нужно около 80—100 бревен. 64 — на

сруб, остальное — тес на пол, потолок, крыльцо. Деньги на колхозный счет — 400 рублей. Дополнительные расходы: шифер, косяки и рамы, фурнитура, белила, гвоздей. Надо достать смолы. Размеры избы — бревна 6-метровые. Анфас — 3 окна. По бокам по одному окну. Кажется, и в 5000 рублей не уложиться.

29 мая. Сегодня никто не вышел на работу. Лес нужно брать в лесхозе на участке Выгорки. Приехали сыновья у Александра Михайловича и Павла Ивановича — шофер и тракторист. Гуляют. В деревне гармошка, песни, это заражает всех. Я весь день ловил рыбу. Большой окунь.

30 мая. Сегодня мужики (4) пошли в лес — рубить для избы.

31 мая. В районе Никольска выпал крупный град. Поля не повреждены.

3 июня. Готов был отказаться от стройки совсем, так разнервничался. Берсенев незаметно для меня все свалил на мою голову, чего я не хотел принимать с самого начала. Попов А. М. заявил рабочим, что они должны иметь дело с самим Яшиным, что колхоз только предоставляет транспорт, и рабочие сегодня заявили, что они не признают старого соглашения и требуют пересмотра его (дешево, дескать, на день приходится). Тогда я совсем отказался ходить на стройку. Десятник, который должен был сегодня отвезти лес на Выгорках (Югский лесопункт), не явился. Я не буду заниматься и лесом.

«И страстную любовь итальянца Пьер теперь заслужил только тем, что он вызывал в нем лучшие стороны его души и любовался ими». «Война и мир» — т. 4, часть 4.

4 июня. Приезжал Берсенев с управляющим банком Виталием Александровичем. Я выложил всю историю «забастовки» рабочих, посчитавших, что им платят за стройку мало, и отказавшихся признать соглашение. Случилось то, чего я боялся: колхоз устранился от стройки, А. М. Попов адресовал рабочих ко мне, заявив, что колхоз только предоставляет транспорт. Все хлопоты основные (лес, косяки, рамы, гвозди, шифер, фурнитура и проч.) свалились на меня, от чего я отказывался с самого начала.

Берсенев сказал, что дом обойдется тысяч в 12. И в своей речуге перед рабочими Берсенев говорил о финансовых затруднениях Александра Яковлевича, о том, что я опять могу быть полезен колхозу. А я сидел и ушами хлопал. Да опять поставил бутылку.

5 июня. Рубка и вывозка леса на тракторе (3 рейса) с Выгорок — 41 бревно из 20 хлыстов. Вместо Паши Хорошо (Нехорошо) пошел Васютка в бригаду.

Дочитал «Войну и мир».

6 июня. Ездил в Никольск за смолой, гвоздями, толем.

По всем колхозам десятки гектар льна — пересев из-за того, что сеяли в грязь. В колхозе «Родина» — 50 га пересевать (в Блуднове — 12 га). Требуется снова семян около 8 тонн, это 3600 рублей. И никто не отвечает. А. М. Попов кричал:

— Сеять!

— Ведь вода, не вырастет.

— Пусть не вырастет — сеять!

7 июня. Второй день — заморозок. А кукуруза уже взошла. Листочки ее, кончики, чуть прихватило, но «сердечко цело». На 5 гектаров высеяно гороху, который был отпущен на 10 га: просто бригадир недосмотрел и механизатор все высеял, сколько было. Очень густые всходы — что будет: весь горох ляжет еще до цветения, и не будет никаких стручков.

Вла́зины — новоселье.

8 июня. Составили соглашение с Берсеневым, и я ушел в Скочково.

9 июня. Скочково. Утром с Лелькой (Алексеем) был на охоте. Он хвалил свою собаку, а собака не гоняет, даже когда мы сами зайца нашли. Говорит: «Трава пахнет». Молчалив. «Вот осенью...»

— Ты подавай голос собаке, а то она все тебя ищет...— сказал я. Он не послушался.

— Намедни я иду...— вдруг начинает неторопливо рассказывать он и спрашивает сам себя: — Когда?— Я жду, что он скажет. Он соображает, рот его раскрыт от напряжения.— В субботу!..— наконец соображает он.— Я опять жду, что дальше. Время идет, мы входим в лес. Наконец Лелька говорит:

— Два лося. А у меня и ружья нет...

— А если б было?

— Стрелил бы.

— Дробью?

— Ну так что.

— Ты отчего такой неразговорчивый?

— Разговорчивые-то по городам разъехались.

10 июня. Вернулся из Скочкова. Саша Сорокин с Плаксина привел собаку — «Тигру».

11 июня. Матицу поднимали 9 человек. Мама напекла

пирогов, рыбник с треской, сварила яичницу; три бутылки водки. Поставили стропила.

Вечером с Сашей Сорокиным стояли на тяге в новом поле за р. Ногулей. Масса вальдшнепов. Тигра нашла зайца, но быстро потеряла.

12 июня. Сашу проводил в 6 часов в Плаксино. Ходил один с Тигрой в Угол и на Выгорки (до Бобрихи). На Выгорках подняла зайца, но опять быстро потеряла. Мужики ушли в Пермас заготовлять пиловочник.

Опять закурил. Не работаю, не работаю, не работаю и выехать не могу из-за стройки.

13 июня. Сегодня 15-й день работы на стройке («на току»). Сегодня не работал бригадир — Миша Кутузов, он пил у А. М. Попова. Тесали доски для пола, привезенные из Липова.

Из Пермаса «Литгазету» от 7 июня. В ней мой отрывок из «Сироты» — «У директора в кабинете» (с портретом). Очень рад.

Как это случилось — я сейчас и сам уже понять не могу. Вдруг представилось, что построить избу в лесу дело нетрудное. Изба ведь из лесу, деревянная, а лес — вот он, кругом строевой, сосна к сосне, и каждая сосна что кирпичная труба с зеленым дымком под облаками. Это, к сожалению, не мое сравнение. Это сказал поэт Александр Романов.

Только бы колхоз согласился помочь. А как он может не согласиться: колхоз-то ведь «мой». Здесь я родился и вырос, и кроме пользы от меня никому ничего не было. Я не только стихи всю жизнь об этом колхозе пишу, но делал для него кое-что и более серьезное: после войны в Москве через Министерство сельского хозяйства доставал строительные гвозди, которые тогда ценились на вес золота, однажды помог приобрести грузовую машину, а это уже несколько десятков лошадиных сил, а не какие-то там не всем понятные рифмы.

Представилось так же, что изба эта на высоком берегу реки мне совершенно необходима: каждое лето я буду сидеть в ней и писать так, как никогда и нигде мне еще не писалось. Это будет рабочий домик поэта. Да что поэта — я решил, что именно здесь-то и смогу стать настоящим прозаиком. Давно уже задуман и выношен мною большой роман,— где же его и писать, как не на Бобришном Угоре, знакомом и родном мне с детства. Даже названия окрестных деревень здесь милы мне: Липово, Блуднóво, Сторожевая, Скочково, Осиново. А пожни какие

кругом: Лебяжье, Смиряжиха, Бобриха, Вязовики... Герои мои будут сами приходить ко мне на дом, в гости, это мои земляки, сверстники, бывшие однокашники — Горчаковы, Коноплевы, Ципышевы, Мишеневы, Поповы, Поникаровы, Залесовы...

Только бы председатель колхоза «пошел мне навстречу»! А почему бы и не пойти ему навстречу мне, хотя он и не местный, не Вершинин какой-нибудь, а Берсенев, но ведь тоже — земляк, тоже — вологодский мужик? Не может он не понять, что крутой Бобришный Угор, на котором я в былые годы вместе с одногодками продрал не одни штанишки, чтобы убедиться, что земля поката («сядь на собственные ягодицы и катись»), что угор этот влечет меня к себе и поныне, что он — моя судьба, что, может быть, именно на нем суждено мне сложить и бренные свои кости.

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни...

— Поддержим! Правильное это дело,— сказали мне в райкоме партии и в райисполкоме.— И Берсенев поддержит.

14 июня. Постлали пол. Я наловил рыбы, варили уху. Привезли из Осипова 125 листов шифера.

18 июня. Духов день. Я очень болен.

Второй день мужики не работают. Идет дождь. И крыши нет. Пир у Павла Ивановича (Паши Хорошо).

19 июня. Болен. Астма. Поясница. Низкое давление.

Сходил в последний раз с дурой Тигрой в Угол и на Выгорки — не гоняет. В 9 часов утра с Саней вышли в Никольск. Хочу в Москву.

У В. П. Горчакова на квартире.

Лет пять назад народу в сельском хозяйстве было 13 тысяч хозяйств. Осталось 8 тысяч. А город растет за счет аппарата. Фонд заработной платы растет за счет служащих. За 1961 год по району сократилось 1065 хозяйств — колхозных дворов. Все еще бегут. Населения в районе 45 тысяч. В городе около 5 тысяч и масса служащих в селе. Остается в деревне неполноценная по возрасту рабочая сила. Бригадир, получающий 60 рублей в месяц, ведет на работу 12 человек (больше нет). В колхозе «Восход» хотели дать свободу одной хотя бы бригаде: сейте что хотите! — и побоялись.

— Дайте нам думать самим! — говорят в колхозах.

— А что будете делать?

— Будем сеять то, что растет.

20 июня. Приехал на аэродром, чтобы ехать в Москву, а полетел в В. Устюг на совещание территориального совхозно-колхозного управления.

Хорошую погоду ждут, плохую пережидают.

В деревню возвращаются на побывку люди из городов, гуляют, немножко бахвалятся. И пусть ничего не делают для повышения культуры своих земляков, а все-таки что-то несут с собой и новое. Так бурная, мутная Катунь смешивается с тихой водой Оби, Черная речка с Юг-рекой.

Слова родные: *дивья* руководить таким районом. *Верхник* — верхний брус на дверях. *Поколотиться* — похлопотать, обратиться с просьбой.

21 июня. 12 ч. дня. Первое организационное совещание.

Зеркальные очки хороши для заседаний: заснешь — никто не заметит.

Дрыгин Анатолий Степанович (на трибуне): — Мы обостряем вопросы сельского хозяйства для чего? Все для того, чтобы людям в нашей стране лучше жилось.

До чего дошли: люди живут на земле, а хлеб едят купленый и птицу кормят покупным хлебом.

Система, стиль работы руководителя: накачка. Для этого он и созывает так называемые совещания, на которых никто ни с кем не совещается.

24 июня. Дома, в Москве.

3 июля. Получил номера журнала «Москва» с моей повестью «Сирота». Подписал договор с «Молодой гвардией» на «Сироту» отдельной книжкой. Передал 6 стихов для «Литературы и жизнь».

11 августа. Сегодня выезжаю с Зайкой в Блудново (взял командировку от «Литгазеты»). Получил 3 экземпляра «Огонька» с моим рассказом «Две берлоги». Много месяцев пропало зря: ни стихов, ни прозы. Сейчас начну ежедневно. Взял командировку от «Литературной газеты». Еще не знаю, что напишу для них.

Надо за месяц: 1. Переписать «Выскочку», подготовить ее к сдаче. 2. Закончить и переслать в «Новый мир» «Вологодскую свадьбу». 3. Подобрать сборник стихов, дописать. 4. Закончить подборку стихов о Западной Германии. 5. Добавить главку в «Сироту».

12 августа. В Блудново отвез Воронин Николай Михайлович. Съездили на Бобришный Угор («ток») —

вместе с А. М. Поповым и Михаилом Кутузовым (бригадир).

Зло тмить не надо.

Не люби, да взглядывай!

Не говорят купить, говорят — достать!

Осенью полы в деревенских избах перепачканы раздавленной черникой.

17 августа. Приехала З. К. Мы со Златкой встретили ее — дважды ездили на аэродром. В тот же вечер сходили на Бобришный Угор. Дом здесь все зовут дачей. С 19 на 20-е ночевали на потолке дачи. Холодно. Это первая ночевка и, вероятно, последняя в этом году. Печи нет, окон нет, и уже холода наступают.

20 августа. Рыжков Александр Павлович из Пермаса (мельник), привез заготовку для косяков и рамы, приступил к работе.

На *21 августа* — иней. Днем дождь сильный. В этом году нет почти ни грибов, ни ягод. Ловлю рыбу, варим уху. Злата жжет щепки — три костра. Решили один простенок сменить, чтобы матица не была над окном. Для новых сутунок в реке нашли бревно.

23 августа. Рыжков А. П.— настоящий работник. Умеет дело делать, умеет и похвалить себя. Взял он по 15 рублей с окна. 7 окон плюс одно чердачное, и 17 рублей двери в избу. Кто зачем стремится «на города», а Рыжков А. П. мечтает побывать в Ленинграде, чтобы приобрести нужный ему столярный и плотничий инструмент.

— Заказывайте, я достану в Москве.

— Дак я же не знаю, что как называется. У нас всякому инструменту свои названия.

— Топор — долото — просек. Выкатник — рубанок с овальным лезвием для выемки желобка (в косяках). Суту́нки — бревна в простенках.

Плотник, умирая, сказал: «Всем прощаю, только еловому сучку ничего не прощу (елевый сучок самый крепкий).

Кабы не клин да не мох, плотник бы с голоду подох.

Вставил косяки и сам похвалил, сказал: — Как киёта! (киот).

На теребление льна женщина сказала: «Лен-то нам ни к чему, он колхозный, а вот остатки травы — наши (колючки, сорняк)». Каждая выбирает участок более засоренный. К тому же и платят за него 30 копеек с сотки, а чистый — 15 копеек.

Лубники, Городцы, Кумбисер — все это, как говорит

Злата, интересные, сочные слова. А я к ним привык с детства и не чувствую этого своеобразия их.

25 августа. Дунул ветер, раздул хвосты курам, и стали они похожи на токующих тетеревов. Осенью даже воробьи собираются в большие стаи. Наверно, когда-то и они улетали к зиме на юг, только сейчас никто, и сами они, об этом уже не помнят.

26 августа. Утром в 5^{30} проводили Златку. На грузовике уехали на аэродром Злата, Нина, Галя (впервые в Москву) и Ия.

Когда-то, в мой первый приезд в Москву, я подошел к трибунам Мавзолея и меня задержали, провели за край Мавзолея, проверили документы — все очень сурово, грубо. А я приехал в свою Красную столицу, я — комсомолец по духу, мечтающий стать писателем. Все впервые приезжающие в Москву — романтики в душе. И такая встреча.

28 августа. Утром — снова на охоте с Берсеневым, на Выгорках. Мешал мой приблудный рыжий щенок — Рыжик. Кормлю его 2-ю неделю.

Холостяку хорошо иметь в доме собаку или кошку. А еще лучше — самовар: с ним вроде как не один сидишь за столом, самовар что хороший собеседник.

31 августа. С З. К. на даче (Бобришный Угор) собирали грибы, ягоды, варили уху.

На Своей реке прибыла вода, помутнела и раздалась. Стали низкими берега. Рыба не клюет, миног не наловить, переметы не поставить. Зато весь мусор унесло. Очистились берега.

Река невидна, неказиста,
Неширока и мелка,
Только песок зернистый
Какая уж тут слава.
А это, оказывается, исток.
Это же Волга.

Леса еще темны, как город перед рассветом (восходом),— огни не зажжены. Осень еще не вошла в силу, но первые желтые вершинки деревьев, желтые вдоль реки как первые огоньки, как первые фонари перед разливом зари.

6 сентября. Плотник Рыжков закончил вставку косяков и рам. Осталось только навесить рамы и врезать замок в дверь. Сегодня было нечто вроде влазин, хотя печки еще нет.

8 сентября. Торчу в Никольске — достал кирпич — 500 штук.

Анна Михайловна в Плаксине сказала мне: «Мы бы рассказали кое-что о жизни, да ведь при тебе надо говорить не так, как есть, а как по радио говорят».

Ласточка свила гнездо в кабине трактора. Тетерев зашел в шалаш.

9 сентября. Вернулся в Москву со Златой Константиновной.

4 октября. Много дней сентября писал статью для «Литгазеты» о делах никольских. Перепечатывали несколько раз. Она появилась под названием «Ладно ли». Очень волновался и волнуюсь.

Бесконечно медленно, долго пишу новые главки для «Сироты».

7 октября. Приехали на дачу. Золотая осень.

Лес поредел, притих, словно из него выехали все летние жильцы и обстановку вывезли.

Листья опадают. Под каждым деревом свой коврик: под березой чешуйчато-золотистый, под дубом ржавый, темно-желтый, под осиной — серо-синий, с металлическим сизоватым оттенком, шерстяной.

Долька луны тоже как облетевший листок березы.

На асфальте тени деревьев и от палисадника сливаются, и получается богатая замысловатая решетка (барокко, ампир). Не сравниться палисаднику со своей тенью!

12 ноября. Ничего-то я не записываю, какой ужас! 6/XI я не спал ночь. Осенило, я был счастлив. Записал краткое содержание пьесы «Переходный возраст». И вот уже пишу ее четвертый день. Есть уже 15 страниц, а содержание все углубляется и расширяется. Сначала были метания одной девушки, рвущейся к справедливости, к правде, ненавидящей всякую фальшь в школе и дома, в отношениях к людям, к печати, а сейчас уже определилось, что у отца тоже переходный возраст — как прозрение после «страшных лет России». Но он еще продолжает писать речи для других. А вчера заново почувствовал характер матери этой девушки — хищницы, всю жизнь пробивающейся за счет других (и бывшего мужа). Постепенно проясняются и другие характеры в пьесе и совершенствуется ее ход. Только бы сил хватило — опять я курить начал.

Если бы мне удалось написать то, что задумано, продумано, пережито, осмыслено,— я искупил бы свою вину перед собой, что слишком долго не брался всерьез за прозу. Слишком долго писал приказчичьи стихи, в которых не мог уместиться талант,— а я ощущал его с детства, с

юности как страшную разрушительную для самого себя силу. Если бы только написать так, как задумано: «Выскочку», «Слугу народа», «Директиву», «Бабу Ягу», «Единомышленников», «Для кого строился дом» (роман или целая эпопея), «Стечение обстоятельств».

На 19 ноября назначен пленум ЦК с вопросом об улучшении партийного руководства промышленностью, строительством и сельским хозяйством. А надо бы поставить вопрос «об ограничении руководства сельским хозяйством» — чтобы людям работать не мешать.

1963 ГОД

11 января. Малеевка. Путевка с 12 января па 26 дней.

19 января. Вспоминаю, до какого отрицания поэзии дошел я, прежде чем написать книжку стихов «Совесть» и всерьез взяться за прозу. Народ страдает, а мы стишки пишем — мне это казалось очень стыдным.

Уже дней десять стоят морозы. В отдельные ночи температура доходит до 37°.

27 января. В Вологде свистопляска из-за моего очерка «Вологодская свадьба». Вчера уже пришла вырезка из «Вологодского комсомольца» — «Нет, Яшин не прав».

В. Солоухин написал рецензию на «Вологодскую свадьбу», назвал ее «Государственный вопрос» — речь идет больше об охране старипы, о красоте. Послал рецензию с Натальей Павловной Бианки, та хотела устроить в «Известия».

30 января. Был в «Новом мире». Наташа Бианки решила, что я паникую, а я больше беспокоюсь о том, чтобы не сдал Твардовский.

О. Берггольц тоже будто бы написала рецензию на «Вологодскую свадьбу», но сейчас уже все поздно.

31 января. В «Комсомольской правде» появилось «Открытое письмо писателю А. Яшину — Свадьба с дегтем». Грубое извращение текста и смысла «Свадьбы», подтасовка, желание обидеть, поссорить с земляками и родственниками. Неужели придется отвечать?

1 февраля. К вечеру приехал в Малеевку. В Доме творчества встретили шумно. А сердце стало сдавать.

5 февраля. На днях Булгакова Елена Сергеевна познакомилась со мной, хорошо говорила обо мне как о

правдолюбце и таланте, вспоминала мужа. «Был бы жив, как бы он вас обнял».

А сегодня 6 февраля показала выдержки из 6-го тома Гоголя о горькой судьбе писателей России, которые говорят правду о жизни.

Перешел на уколы от астмы. И сердце сдает. Нет, не сильный я человек.

7 февраля. Приехал из Малеевки в Москву. Днем звонил Твардовский, успокаивал, договорились встретиться завтра — он позвонит. Говорил, что не на всякую реплику отвечать нужно.

8 февраля. С 4 до 8[10] сидел у Твардовского на квартире. Он при мне перечитал все письма о «Вологодской свадьбе», которые поступили в «Новый мир»,— я привез и часть тех, что поступили ко мне на квартиру. Я позвал его к себе на Бобришный Угор. Мы могли бы сидеть и до 12 часов ночи, если бы я все время не волновался, что в машине замерзнет вода.

Разговаривать с Твардовским все-таки трудно, приходится все время держаться настороже, никогда не знаешь, как он отреагирует на те или иные слова,— в любую минуту может поставить стену между собой и тобой. О возможном своем выступлении на встрече в Кремле он сказал так:

— Пусть никто не надеется, что линия «Нового мира» изменится. Это линия не «Нового мира», а линия ЦК. В литературе произошло уже что-то такое, что никому не удастся остановить, зажать, изменить...

9 февраля. Переехал в Переделкино — Дом творчества Здесь Паустовский, Борщаговский, Мальцев, Воронов. Ходит Нилин. «Вологодскую свадьбу» особенно сильно хвалил Нилин при первой же встрече.

4 марта. Получаю много писем относительно «Вологодской свадьбы».— «Здравствуйте, Саша, Злата, Наташа, Златочка, Сашенька и Мишенька. Саша, деньги бабушка получила. Послали посылку, опишите, когда получите. Саша, бабушка просит еще описать, что такое делается. Здесь все собирают насчет свадьбы. Ездят в Скочково и в Теребаево. Выезжали с Вологды и с Москвы. Здесь идут такие слухи... но я сам не видал. В Никольске собирали в клубе всех людей и обсуждали эту свадьбу. В Никольске говорят, что это неверно, а колхозники подтверждают, что это все действительно и так ведется в Вологодской области. Бабушка просит обязательно описать. Она очень беспокоится.

Горчаков».

Снова побывал у Твардовского. Снова был долгий разговор. Он прочитал коллективное письмо 57 колхозников из Блуднова (чудо! — я этого от них не мог ожидать), и вологодские газеты, привезенные Васей Беловым. Сказал:

«Ручаюсь, что «Вологодская свадьба» еще будет обсуждаться на комитете по Ленинским премиям. Премию, может быть, и не дадут, но сколько посыплется писем в комитет! Бывает, что идут письма протеста и некоторые книги сразу снимают с обсуждения. Тут будет наоборот».

«Новый мир» дает подборку писем читателей в 3-м номере — как ответ на выступление «Комсомольской правды» и «Известий».

Рифмы... Тогда уж лучше писать без рифм.

В солнечный морозный день от деревьев легла тень поперек белоснежной тропинки, словно палисадник на нее обвалился, и тропинка стала мостиком.

Простые слова: «Отдохни, пожалуйста!», «Давай посоветуемся!», «Надень варежки»,— вдруг становятся лаской.

На лето поехать в Тарусу к Паустовскому.

В. Панова просила передать мне, что она восхищена «Вологодской свадьбой», что это не просто художественное произведение, а «хрустальная ваза, которую поворачиваешь, и открываются все новые и новые грани, что это само искусство». А письмо писать она не стала, потому что никогда не пишет писем — они отнимают силы и время от писания.

19 апреля. Задумал повесть «Веселые люди», которая может оказаться очень сильной, если бы набрать достаточно материала и хватило бы выдержки.

26 апреля. Воде закрыли путь, и она, смурная, начала все крушить.

12 мая. Несколько дней тревожное настроение, какой-то страх в душе и сны дурные, с предчувствием недобра. Все, видимо, потому, что не работается.

По радио услышал, что в «Правде» опубликовано интервью А. Твардовского по вопросам литературы, данное им корреспонденту «Юнайтед Пресс Интернэшнл» в Москве г. Шапиро. Позвонил Наташе. Она нашла газету и прочитала мне.

Первое впечатление только хорошее, только радостное. Удивительно, какой хороший ход нашел Твардовский: не ответил ни на одну из внутренних нападок, но в интервью иностранному корреспонденту постоял все-таки за свое.

14 июня. Съездил в «Правду» к Сатюкову. Предложил Сатюкову свое сотрудничество в «Правде»:

— Я пришел не в связи с экстренным сообщением (о полете «Восток-5»). Хочу вернуться к годам, когда я сотрудничал в «Правде».

— Было такое!

— Да, было, хотя очень давно. У меня есть маршрут летний, и я пришел предложить вам дать мне командировку. Хочу быть полезным.

— Какой маршрут?

— В. Устюг — Котлас — Архангельск.

— Хорошо. Только не пишите больше «Свадьбу».

— Если и напишу, то уже Архангельскую, а не Вологодскую...

В общем Сатюков был доволен моим предложением, командировку дает, в понедельник я ему должен позвонить и оформиться.

19 июня. Радости люди переживают вместе, горе — в одиночку.

Днем сообщение о благополучном приземлении обоих космонавтов — Быковского и Терешковой. Слава богу, все хорошо! Очень рад я этому.

25 июня. Выехали в 8-50 вечера в Шарью — З. К., Миша и я.

26 июня. Шарья. Долго сидели на аэродроме. Сразу не смогли до него добраться: такси в Шарье куда-то с утра исчезают. Я ходил в аэропорт пешком, записался на очередь, вернулся на вокзал с грузовиком, а З. К. и Миша за это время уехали уже на грузовике. Авиация есть, а людей все-таки мордуют.

В Никольск послал записку с пилотом, чтоб сообщили Чекалову и Трапезникову, что буду со следующим самолетом и что хорошо бы сразу добраться до Блуднова. Как потом узнал, Чекалову и Трапезникову передали записку мою прямо на аэродроме (Чекалов улетал в Вологду), но они никак не отреагировали.

Никольск. Начальник аэропорта Медведев позвонил Трапезникову, и я взял трубку: «Яшин говорит».

— С приездом. Как ваше настроение?

— Мое — хорошее. «Правда» свое слово сказала. Читали? Меня интересует, как ваше настроение? Встретимся?

— Я уезжаю завтра (?) в отпуск.

— Тогда встретимся после вашего отпуска. Есть у вас возможность доставить меня в Блудново?

— Есть. Машина будет.

— Хорошо. Я жду.

Скоро пришла машина поликлиники — «скорая помощь». Фургон на базе ГАЗ-69. Шофер из Липова, Николай Михайлович, тот, что привозил ко мне на Бобришный Угор врача Лидию Петровну.

Интересно! После всего, что тут делали с моей «Вологодской свадьбой»,— подать мне «скорую помощь». Случайно? Много рассказов о том, как прорабатывалась повсюду «Вологодская свадьба»,— надо бы все записать.

Первая ночевка в Блуднове — на повети, на сене. Мише все в диковинку. Вечером, почти сразу после приезда, сходили на Бобришный Угор, но ключа не было и попасть в дом мы не смогли.

Другая ночь (с 27 на 28 июня) — в своем доме без печи. Выкупались. Я — дважды. Днем наловил рыбы на уху. Васютка на тракторе привез матрацы и другие вещи.

Часов в 12 ночи приехал на лошади Пашка Андрюхин (он будто бы парторг на Козицком заводе в Ленинграде). «Сопровождали» его Михаил Иванович Горчаков (Миша Бариинов, мой двоюродный брат, его жена — племянница Павла Андреевича) и Вениамин Михайлович — племянник Павла Андреевича Горчакова (Пашки Андрюхина).

Павел Андреевич был пьян и приехал явно затем, чтоб показать себя, похорохориться: писателей сейчас бьют и воспитывают. Много хамил, приставал к жене, разбудив ее. Разбудил даже Мишу. Заставил меня подняться, требовал того же от жены. Потом они пили водку. Я отказался, но пришлось ухаживать за ними.

«Сколько стоил твой дом? Мне мой обошелся в 18 тысяч».— Даже матершинничать начал.

Совершенно ясно, что, если бы не «критика» «Вологодской свадьбы»,— и он бы не хамил, и эти двое блудновских мужиков не посмели бы его, пьяного, привезти ко мне ночью.

28—30 июня. После отъезда «гостей» заснуть не смог, промучился всю ночь и 28-го заболел. Возможно — нервное. И купанье сказалось.

1 июля. Приехали Воронин Николай Михайлович и Сорокин Павел Евгеньевич с дочкой Надей. Я очень рад был этим друзьям.

Результаты «Вологодской свадьбы»: строят клуб в Блуднове. Построили и открыли в Липове. На открытие меня не позвали, хотя там была вологодская эстрада и

колхозников увезли на грузовике. Строится во Дворище, еще где-то.

Александра рассказывает, как при ней в Скочкове к Анне приехали два каких-то журналиста:

«Один все ходит (будто бы никольский), все вышагивает да выспрашивает. Мы перепугались, у меня руки, ноги дрожат. Думали, что тебя уже посадили там в Москве. Спрашивают:

— У вас дома хорошие, почему говорите, что плохо живете?

— Почему сын ушел от матери — одна живет? (Тоне).

Тоня, жена Васютки Ильича, не испугалась, отщелкивалась:

— Мы плохо работаем, а она шибко — вот и разошлись. Все правда, что написано в «Вологодской свадьбе».

Про меня спросили, кто я. Сказала, что сестра Яшина.

— Посылает ли матери деньги?

— Каждый месяц посылает.

В Скочкове были моя мать, Санька (пришли в гости)» и Тоня. Анна была в Теребаеве, а сын Васютка лежал в больнице.

Особенно хамовито вел себя газетчик из Никольска. Узнать бы, что это за человек?

Для сценария «Сирота»:

Нюрка не хочет быть в бригаде коммунистического труда, потому что влюблена, значит, у нее нет моральнобытовой стойкости.

Заедают комары. Я очень болен. В избе в срубе опечка раскладываем почти костер, жжем можжевельник, но помогает ненадолго. Мази и жидкость от комаров не помогают. Коровы бегут от них, как настеганные.

Из Никольска привезли инкубаторных цыплят. Их называют детдомовскими (бездомными, сиротскими). Курица, имевшая только трех своих цыплят, не сразу приняла детдомовских, била их клювом. Мать и Санька били и ругали курицу:

— Я тебе дам! Ишь ты! Клюнь, клюнь еще раз — я тебе клюну!

Курицу посадили с цыплятами в ящик и прикрыли зимней рамой от избы. Через сутки она «приняла» всех. Но детдомовцы долго сами не могли понять, что надо залезать под курицу греться. А может, и курица детдомовская, поэтому ничего не понимает.

Задумана детская книжка: «На родине у папы».

Городской Миша приезжает впервые в деревню, в колхоз. Все для него ново, интересно.

1. Впервые верхом на лошади, как на двухэтажном троллейбусе. Жутко. Упал. Но сел снова. Описать лошадь. До чего широка спина.

— А почему она прикладывает уши?

2. Трактор сравнивает с автомашиной. Вести легче — скорости переключать не надо. У гусеничного и тормозов нет.

3. Много «почему».— Почему продавец днем уходит из магазина.— Почему говорят, будто в колхозе плохо? Очень хорошо, по-моему!

4. Ловля рыбы на миногу. Старые русла рек — озера. Караси. Сорожки. Хариус на быстрине — переборе. Езда на резиновой лодке. Зуек — глиссерок (чирок).

5. Особый рассказ о языке деревни, о словаре, о бабушкиных сказках: те же, что он знал из книг, и неузнаваемы.

6. «Детдомовские» цыплята. Как вылупляются цыплята. А если к петуху подсадить цыплят.

7. О комарах.

2 июля. Во вторник сбежали с Бобришного Угора. Ехали на лодке с З. К. до Переволоки. Ходили в баню.

В деревне банный день — праздничный день. Топит баню бабушка, молодица носит воду. Идут в баню по очереди. Первым предлагают как почет оказывают. Но только бы не угорели. Самовар залит водой, наготове. Полы вымыты, половики постланы. Всем приготовлено свежее чистое белье (зимой — с морозу). Половики красные. Любят в народе красненькое: красные занавески и половики, красные яички к пасхе, солнышко назвали красным, угол сутный красным, денежку — красненькой...

5 июля. Сегодня ночевали в мезонине большой избы, где раньше я сидел с горшком для окурков, писал стихи. Днем оборудовали чердак для жизни. Васютка сделал полки для книг и скамейки (вдоль трех стен, в одной половине) для чемоданов. На них же можно настлать доски и устроить кровать. Сегодня целый день беспрерывно идет дождь. Холодно. Погоды все нет и нет.

Как выписывают газеты. Васютка ежегодно получает газету «Красный Север», но не читает ее.

— Зачем выписываешь?

— Председатель подписывает всех, не спрашивая, деньги вычтет, и все.

7 июля. Скочково. Утром прошли со Златой к гумну. В нем постлан пол, а рядом ржавеет, разрушается заброшенная техника: прицепной комбайн (почти новый разобран и брошен), несколько сеялок, части сортировки, в поле плуг и прочее. Одно дело сделают, другое заброшено. Гниют риги (овины). А рядом работающая пилорама. То, что русская деревня гибнет,— ясно. Неясно только, будет ли это оправдано историей и каким образом.

Вчера в Скочкове были председатель колхоза Воронин и гл. бухгалтер Сорокин. Выдавали деньги (70 %) за май. Анне Григорьевне причиталось 5 р. (выписано 7 р. 33 коп.). Другие получают еще меньше. Лишь тракторист 75 р. В общем — почти бесплатный труд, так низки расценки. Я сказал: — Анне Григорьевне дали 5 р. за месяц!!! — Воронин немедленно поддел ее, чтоб не смела пикнуть: — Ничего, она на десятку еще сена накосит... (где-то видел, что она несла охапку травы, накошенной на колхозной земле).

Решил списать трудовую книжку Поникаровой Анны Григорьевны — она одна из лучших тружениц: «Колхозно-учетная форма № 58». МАЙ:

Разгреб навоза 8 т.	0,72
Разгреб навоза 9 т.	0,81
Рассев удобрения 1,5 га	0,47
Разгреб навоза 9,5 т.	0,86
Ручной сев, 2 га., разгреб навоза 4 т.	0,86
Подкормка озимых 2,7 га.	0,66
Затаривание зерна 6 т. (нагребали в мешок)	0,78
Затаривание зерна 2,5 т.	0,32
Ручной сев смеси 2,5 га. (овес с горохом)	0,62
Затаривание картофеля 2 т. и резка 3 ц.	0,40
Посадка картофеля 14 соток	0,45
	7 р. 33 к.

Гроза. Нагрянула, загрохотала,
Грозя бедой на все лады,
В ней шум лесов, и звон металла,
И грохот скал, и плеск воды.

Перед грозой тревожно, после грозы — ясность, покой и свет. Скорей бы грянула гроза.

9 июля. Бобришный Угор. Заканчивали кладку печи. Я ловил рыбу неудачно. Печь хороша. Приезжали два

рыбака: учителя Пшеничников Александр Платонович и Борис Васильевич (блудновский «живописец»).

Пришло письмо от зав. библиотекой Шиловского, зовет в библиотеку, предлагает устроить «встречу с читателями», что это «поможет отделить все наносное, несущественное от основного во всей истории с «Вологодской свадьбой». Это, дескать, «выгодно» для меня лично. Я же не создавал никакой «истории с «Вологодской свадьбой».

10 июля. Сегодня утром написал письмо Федору Абрамову (в ответ на его письмо сюда), выговорился полностью, и в свою книжку уже ничего не хочется записывать. Абрамов с Коничевым собираются в августе бродить по Вологодчине и побывать у меня.

«Дом строится». К выбору места. А почему бы мне не обосноваться, скажем, в Белозерье или на Кубенском озере? Ведь там и рыбы и дичи... и дороги лучше. Нет, черт возьми, я здесь родился. Я как птица — лечу на свои болота из южных краев.

11 июля. В 5 часов выехали в Обуховский починок.

В Осинове. Большой обшитый и раскрашенный дом зам. председателя. Масса рамок с фотографиями, занавески, вышитые полотенца-платы на зеркале, на фотографиях, на иконах (в двух углах). Цветы на передней лавке. Хорошие стулья, 2 швейные машинки, платяной шкаф, половики, кровати (2-3).

Едем по лежневке. Лежневая дорога лесопункта от катищ на Юге к Обуховскому починку. Раньше бежали с лесозаготовок, теперь из колхозов в лес. Условия жизни! Столовая в лесу. Суп 18 к. Рыба 15 к.

В этих местах раньше топор не бывал. Лишь на весь год лыка драли, жгли новины.

Поразило молчание, с каким упал подстреленный глухарь. Молчание обреченности.

Обуховский починок. Из 22-х домов стоит 8, живых только два. В полях растет березничок. Два дома жилых. Охотник и лесник. Ближайшая деревня Овинницы. Там из 34 домов осталось 6.

В 18-50 вышли на охоту вчетвером. Три собаки. Бобик прибежал, без Найды он не живет нигде. Собака Ветка просится на охоту почти человеческим голосом. Убили зайца.

Главное на охоте — юмор. Гадание с ученым видом знатоков — на кого лают собаки: лось, медведь или рябчик.

Бареточки — 54 клеточки. Это лапти.

12 июля. Сделали туес. В 11 часов дня вышли другой дорогой к дому. На реке Кипшеньге сенокос. 10 баб, 1 старик, 1 парнишка. Я косил. Травы на старых вырубках по горло: пырей, лисохвост, кипрей (иван-чай), лабазник. Серпом бы! Нельзя! Билет в лесничестве и с разрешения исполкома. А в стране скота мало.

Муравейники — этакие лесные Дворцы Советов, высотные дома, пирамида Хеопса.

Сорокин в лесу то и дело: — Лось прошел! — Медведь скитался! — А вот глухари сосну объели (зимой). Повадятся на одну и все ветки ощиплют.

13 июля. Утром приехал в Блудново. День отдыхал.

14 июля. Поездка в Городцы. Снимал на кинопленку. Две машины и верхóм ребятишки — копны возить.

— Осторожно едете.

— Дорога трясовита, а люди пожилые, надо на сенокос живыми привезти.

Дневной заработок на обед ушел.

Испугались на сеногребе: гром гремит, а это реактивный самолет пролетел за облаками.

16 июля. Снова в Городцы, теперь с Мишей. В час дня отправились с Мишей на резиновой парашютной лодке вниз по Югу. Река крутится, солнце то спереди, то сзади, то справа, то слева. Путешествие вокруг солнца. (Это название главки.)

Ласточки береговые.

Выживают самые безропотные. Все другие — города берут, в города бегут.

Большой стог сена на лугу — уже покой.

Рассказ. Поездка в Блудново на «Победе» после присуждения премии и пирушки в Вологде. Самодовольство, тщеславие, а там — голод. (В газетах — дальнейший подъем сельского хозяйства, рост благосостояния...) «Так вот какие бывают дела и отчего переменяется и направляется вся жизнь человека». Л. Толстой: «После бала».

Живем то в Блудново, где я оборудовал на чердаке нечто вроде кабинета, то на Бобришном Угоре. Не пишу. Только ловлю рыбу и болтаюсь по реке. Пока не было печи, жгли вереск прямо в избе, в срубе подпечка — от комаров. Не помогло. Жжем щепки, оставшиеся на стройке, воюем с муравьями, выжигаем два ближайшие к дому дворца, но муравьи не хотят уходить, не сдаются, все начинают сначала.

К стихам «Босиком по земле». Я босиком ходил только в детстве. А мои сверстники до сих пор любят и хо-

дят с весны до осени, и ноги у них целы, только задубели, закалились, отвердели. Я же свои ноги истерзал, изрезал, были гвозди в моих ботинках, и я завидую друзьям, ходившим босиком всю жизнь.

Для любви необходимо восхищение, способность восторгаться. Но не чуждо ей и желание, чтоб восторженное отношение было взаимным.

Дождь идет, дождь идет. Но летят самолеты. Дождь идет.

Очень плохо сплю, даже снотворное не действует. Все потому, что не пишу ничего.

31 июля. Я пешком — в Никольск. Дошел до Кожаева, затем на попутном грузовике. Какая-то женщина из РК (парткома) — зав. отделом кадров — не подала мне руки, все из-за «Вологодской свадьбы». Понимаю, что она дура, а все же закипел. Другая — жена Трапезникова — на улице: «Вы уж лучше ничего о нас не пишите!» При этом были Борис Тропин с отцом, З. К. с Мишей, учитель — пенсионер, живущий в том доме, в котором жил Зелянин (Зелянин умер от инфаркта в Великом Устюге). Совсем разволновался.

3 августа. Сделал кровать на Бобришном Угоре. Появились красные (оранжевые) листочки на вязе — первая осенняя веточка...

4 августа. Устроили выходной день по всему колхозу, а стояла сушь, сеногреб. 5-го же пошел дождь, ливень. Сколько же сена испортили из-за самодурства и глупости одного Берсенева.

11 августа. На Бобришном Угоре я сделал под окнами новый стол, использовав дно ящика из-под глины. На самодельном столе в избе сервировка: вместе с посудой и деревянными кружка́ми-подставками под блюда лежат топор, клещи...

В начале августа мы ходили за черникой к Югскому лесопункту. Прошли по Duниловской дороге до противопожарной просеки, по ней — влево, но там ничего, кроме медвежьих набродов, не оказалось. Масса ягодников из Никольска, ездят на грузовиках даже. А деревенские люди (колхозники), на чьей земле ягоды, за ягодами не ходят, нельзя, а раньше за всем успевали. Они теперь остаются и без ягод, и почти без грибов. Райгородок, конечно, паразитический.

Рассказ о сгоревшем доме Михаила Петровича. Это о том, как человек всю жизнь искал счастья (хутор Мичуг, сселение, кузница, охота, лесозаготовки — стройка, промышленность, ремесло, перебежки из колхоза в колхоз —

поиски мест, где не прижимают) и кончил тем, что сжег свой дом и себя в нем. Это и о Гармане (Николае Прокопьевиче), и о Михаиле Петровиче Горчакове. Жена Михаила Петровича Анна о муже:

— Жалеешь мужика?

— Да чего уж, все убить грозился.

— Значит, рада.

— Да какое уж там. Ни на что сил нет...

И на Бобришном Угоре над нами самолеты, как в Мичуринце,— и реактивные и АН-2. Есть ли дом на земле, который бы не служил ориентиром для летчиков.

10 августа. Утром на радио выступал председатель колхоза Берсенев. Он всегда выступает под видом «объявлений»: «Вот и все мои объявления!», а говорит по полчаса, по часу. Видимо, так проще обходить цензурные установления. Это самые содержательные выступления, какие можно услышать по радио, по ним, по крайней мере, можно судить о жизни, о положении дел в колхозе. На этот раз: 1) Спасем урожай, он богат. Принято решение правления «о повышении материальной заинтересованности в целях спасения урожая» (в основном для механизаторов). 2) Горохи разворовали уже наполовину. В Пермасе, в Березове носят корзинами. Штрафовать по десятке, не меньше, за каждую поимку. 3) Убирать и рожь, и лен, и горохи — все сразу. Выходить по утрам на поле «как штык». ⟨...⟩

Комариный писк в бору. Нудят, зудят. День еще, и я умру, не перетерпеть. Уж кусал бы сразу, нет, он нудит, зудит над ухом... Лучше мне гореть в аду, чем на земле такое терпеть. Тело горит.

Год поступленья дочки в институт, нашей старшей дочки. Какой был труд, и немалый труд... А я в тот год не написал ни строчки. А я весь год переживал похмелье после знаменитой свадьбы.

В лесах не стало малины, малинников, потому что не рубят новины, не жгут лес.

Федор Абрамов пишет письма, собирается приехать в Блудново. Уже без Коничева. Ждем. Последняя телеграмма: «Выехал 15-го. Абрамов». О том, что поедет через Шарью, телеграмма уже была. Я ответил: «Очень жду. Лучше через Шарью».

15 августа. Санька наварила пива. 14-го вечером приехал верхом Васютка и пришла Анна прямо на Бобришный Угор. Поздно собрались все «гости»: Санька, Васютка, мама, Александр Васильевич.

16 августа. В пятницу проводили скочковцев до Кудапги. Васютка и Анна ехали на резиновой лодке. Анна сидела с ужасом и, конечно, не испытывала того удовольствия, которое мы хотели ей предоставить,— просто подчинилась неволе, несла свой крест. Так же когда-то моя мать ездила с нами в Крым, в Коктебель и думала только о том, что у нее дома картошка не выкопана.

17 августа. Суббота. Приехал Абрамов Федор Александрович. Мы долго его ждали, затем ушли за грибами за реку. Нашли много белых, на бору — барсучьи норы («язвик» — барсук). Клюшка и булава, или палица, для Льва Толстого — поставили ему под портреты (у нас репинский и нестеровский). Возвращались с Дресвы и уже перекликались с Абрамовым. Его привез какой-то шофер от парткома.

Ноги у него «подкованные» целы, только ранены. Ходить может. Знакомимся. Лицо жесткое. В характере что-то от Грибачева. Прям в суждениях и резок, как я. Почти во всем сходимся.

21 августа. Приехали Фролов и Вася Оботуров. Ночевали на Бобришном Угоре все. Поход на Кудапгский мыс. До этого охота на озере с Абрамовым и Мишей. Видимо, у Абрамова счастливый глаз: я убил четырех уток влет на 4 выстрела. Затем 3-х за рекой против Рябинового мыса. Итого семь уток за день.

22 августа. Абрамова уговорил остаться и съездить на медведя. В тот же день выехали в Шири через Пермас на машине Каплина втроем. В Ширях ночевали у учителя Владимира Ивановича. Он рассказывал, как читал вслух «Вологодскую свадьбу» всей деревне — против нее никто не выступал.

23 августа. Пешком в Гороховский починок. Километров 5—6 лесом. На дороге свежие следы медведя. Сидели на лабазах. Мы с Абрамовым близко друг от друга, Каплин ушел дальше. Овсяное поле огромное. В Гороховском починке раньше было кажется 20—22 дома. Сейчас никого. Стоят три полуразрушенных избы (одна из них — пятистенок). Медведям ходить просторно, не то что на лесной пашенке. Я сидел на чужом лабазе между двух елей, очень высоко. Кроме нас, вокруг поля сидели еще пять охотников с лесозаготовительной базы Березово. Они сидят каждую ночь, наивно полагая, что медведи в конце концов *проголодаются* и выйдут на овес, как будто, кроме овса, им есть нечего. Все несерьезно.

Ночевали в одной из заброшенных изб. Печей нет ни в одной. Набросано много сена, сделаны нары — видимо, колхозники из Ширей (поля и сенокосы эти они еще поддерживают, но скоро бросят все и здесь, около своей деревни многие поля уже зарастают). Гороховский починок, как и Обуховский и Овинницы и многие другие деревни, опустел, когда стали заставлять людей сселяться, переезжать в Шири. Абрамов вначале считал, что в этих починках было по 2—3 дома, и соглашался с тем, что их хотели сселить. Сейчас все понял. Это было нечто вроде нового раскулачивания (1956 г.), народ лишали родины своей. Один полковник приезжал недавно, чтоб взглянуть на свой дом (пятистенок, доставшийся ему по наследству), и больше уже не появится. Слезы, горе!

Для «Бабы Яги». Гороховский починок — кончинок. Печи глинобитные разрушены. Приезжие охотники (на Сладком острове рыбаки) сожгли простенки, проемы такие, будто для итальянских окон. Карнизы ободраны, из досок связаны столик у костра и скамьи. На рябине ребятишки устроили лабаз, играют в охоту на медведя. На улицах следы костров — пепелища, огнища. Сожгли и крыльцо. Утром туман в самой деревне, как над речкой.

24 августа. Пешком от Гороховского починка в Шири, затем в Блудново. Абрамов вечером уехал с Каплиным в Никольск, завтра полетит в Шарью.

Слушал «Теркина на том свете» в чтении автора по радио. Появление этой поэмы в «Известиях» 〈...〉 послужило предметом многих наших разговоров с Абрамовым. Прочли мы ее в пути Никольск — Шири.

28 августа. Успеньев день. Со мной Саня. Утром снова вышел на рябчиков. Одного убил. Сходил за грибами, принес корзину.

Для очерка. Смакую родные слова, красоту которых в детстве не чувствовал. Это названия деревень, речек, сенокосов, лесных волоков: Лубники, Городцы, Вязовики, Субори, Бобрихи, Хмелевка, Смиряжиха. Это речки: Куданга, Андапга, Талица, Ногуля. Деревни: Осиново, Липово, Дворищи, Шири, Малиновка, Овинницы...

В деревне стали знать свой возраст, потому что пенсии ждут. После пенсии опять не считают годов.

Высокий берег в райгородке. Кажется, оттуда все видно: когда где сеять, косить, жать... Гляди и руководи. Но районные градоначальники никогда не поднимались на этот высокий берег, зазорным считали.

Двор есть, только еще небом крыт.

Для очерка о поэзии труда. Я как-то не задумывался раньше, почему наши северные крестьяне, работая на солнце по целым дням, не любят загорать, не открывают тела. Я удивлялся, что даже в жару женщины и девушки остаются в своих неизменных парочках. Все закрыто, грудь, ноги, даже лицо, нависающим на лоб платком. Сейчас понял: это защита от оводов, от комаров и мошек.

Рожает в перекладинку: сын — дочь, сын — дочь.

У Любы уже 8 детей, а Берсенев все орет на нее и даже по радио: «Лодырь, трудодней мало заработала, опять вчера дома сидела». Никакой бабушки или няни у Любы нет.

Сон стариковский короток. День длинен. Сон все короче, сны все тревожней. Жить осталось так мало.

10 сентября. Спугнул у заезка напротив бывшей пасеки большую стаю крупных уток. Не перелетные ли уже?

Днем делал все, чтобы не сесть за стол писать. Ушел за реку за грибами и с ружьем. Грибов мало, охоты никакой.

В 6 часов вечера над моей избой прокричала и прошла огромным треугольником первая (я видел первую) стая журавлей (штук 70). Смотрел в бинокль. Путем-дорогой, родные мои!

12 сентября. С 9 часов утра до 4-х дня с Павлом были в Большом бору, принесли по ноше груздей (пестерь и корзина). Белые большие грибы-сухари называются скрипунами. Очень приятно собирать грузди. Завтра опять пойду. Начистили два ведра с верхом.

На ветви ели уселись краснозобые птички (снегири?), вытянули шейки, и елка засияла, словно на ней свечки зажгли.

13 сентября. В 8 часов утра вышли опять за груздями на Большой бор. (Есть еще где-то Гладкий бор и Чистый бор на реке.) Это занятие ныне для меня гораздо увлекательнее, чем сидеть за столом писать. Да любое дело лучше — только бы не писать. Но я все еще надеюсь, что это пройдет.

14 сентября. Опять летели журавли либо гуси. В деревне все семьи копают картошку на участках, спешат друг перед другом. Оказывается, это большая забота — картошку выкопать (виложками). Колхозные страдные работы подошли к концу. Осталось лишь выкопать колхозную картошку — 14 га. Да лен со стлищ собрать.

Павел рассказал, что как-то (в прошлом году?) колхозную картошку копали машиной. Она только выбрасывает клубни, раскидывает сильно и много снова зарывает. Потом старухи стали перекапывать для себя. Прибежал председатель Берсенев, картошку отобрал, виложки раскидал. Еще раз пропахали все на лошадях или трактором.

15 сентября. С Павлом Ивановичем ходил за реку за грибами. Павел любит задавать мудреные вопросы. «Вы мне скажите, камни растут или с неба падают?» Я молчу. Он поясняет: «На полях собирают чуть не каждый год, а камни опять появляются». Я рассказал о понижении почвы. Новый вопрос: «Всю жизнь живу, не видал, как журавли весной летят на север, только осенью — на юг. Что это такое, можете вы мне объяснить». Я не смог. Про колхозное сено в стогах он говорит: «Сено как чай!» — что значит: хорошее, зеленое, запашистое.

16 сентября. Готовлюсь к отъезду в Москву. Сходил в последний раз на Бобришный Угор. Уток на озере опять не оказалось, словно улетели все. На юг для них еще рано бы. Дрова из поленницы я так и не перенес в сени, дождит. Пишу «Лауреата». Застопорилось: писать ли о писателе, т. е. как исповедь, либо давать ему другую профессию. Послал письмо Абрамову об этом.

18 сентября. В Москву. Везу ведро груздей и сушеных грибов порядочно.

Какую-то вещь я хотел начинать с зарисовок природы, вроде дневниковых записей кого-то: паутина на ивовых кустах над рекой как леска... журавли летят... Забыл какую? Вероятно, о доме на Бобришном Угоре.

К «Лауреату». Прочитать дневник 1949—50 гг. Какое время года? Дневник поездки в Блудново на «Победе».

Инженер сталкивается с писателем-лакировщиком.

20 сентября. Весь день сидел, но не писал, а читал дневники для работы над «Лауреатом».

Названия: В интересах трудящихся — «Перед праздником» (ремонт дома, лифта, вода пошла). «До поры до времени» — до поры до времени — был хлеб, но все шло к тому, что его не будет. Блудновский шофер Вася пил «до поры до времени». Его спаивали «до поры до времени», потом все отвернулись от него.

Не дают косить траву для своих коров, и, конечно, люди вынуждены больше скармливать хлеба скоту.

15 октября. Все еще осень, и сравнительно сухая. Листопад такой обильный, что на сапогах мы вносим в

дом (на даче) ныне только листья и листья. А в другие годы одну грязь.

17 октября. Перечитал «Вокруг да около». Очень сильно. Напишу письмо Абрамову.

2 ноября. Работа писателя — это прежде всего работа воображения, а оно с годами слабеет. Значит, нельзя терять время. ⟨...⟩ То, что время мое приходит, я уже не сомневаюсь. И наверно, все к лучшему. Очень уж моя жизнь стала тяжелой, безрадостной, особенно в общественном плане. Я слишком много стал понимать и видеть и ни с чем не могу примириться.

Талантливым людям жить тяжело и страшно.

28 ноября. Слышу голос птицы, а еще не вижу ее. Не вижу птицы, но уже могу писать о ней. А лучше, если увижу, пойму, почувствую больше, поговорю с ней.

Для стихов. Нет правды и полуправды. Правды большой и правды маленькой. Все складывается из маленьких правд. Неправда тоже правда, раз она существует.

Люди живут в городах и тоскуют по земле, по природе. Ставят в комнате цветы, жалкие подобия полевых, разбивают газоны под окнами на асфальте. Подражают... Сохраняют в памяти... Тщатся сберечь в душе... А человек должен жить в лесу, в поле, на реке.

Умри, внутренний редактор, иначе я ничего не напишу. Меня интересует только внутреннее «я».

18 декабря. Кисловодск. Встретим Новый год на горе, на высокой, на вершине.

1964 ГОД

4 января.

Такая гора,
Хоть кричи «ура!»,
Хоть песни пой
Над отвесной тропой.
Идем все выше,
Дышать все легче,
И вот я забрался
Кавказу на плечи.
Стою как на крыше,
И мне хорошо.
А как я шел —
Почти задыхался,
Теперь валидол
Ни к чему оказался...
А уже сам себе старым казался.
Орлам тяжело внизу,
Там они кажутся больными и старыми.

14 января. У родичей моих не велика цель жизни — прокормить корову, прокормить себя. Все летние заботы их сводятся к заготовке кормов. Писатель не может думать только о своей корове.

Для прозы. Снова думаю о том, что надо бы записывать кратко, конспективно на отдельных карточках биографии интересных встреченных мною людей либо случаи из их жизни. Это краткие жизнеописания или сюжеты рассказов.

Схороните меня на Бобришном Угоре...

1 февраля. Москва. Вышла книжка «Сирота». Это моя первая прозаическая книжка.

26 февраля. Для стихов. Жестокая двуликая эпоха. Два лагеря, два мира — их и наш. Порядочность и подлость, бесчестье. Есть относительность и абсолютность, продажность и неподкупность, безбожие и вера, смех и грех (но доступно это и понятно не для всех). Есть простодушье и преступность. Есть простота и подлость, продажность, неподкупность и коррупция, растление, перерожденье. Есть мир и антимир... Как хорошо в лесу.

15 августа. Для памяти. Смысл прозы о «Бобришном Угоре» в том, чтобы дать разные характеры современных крестьян, жителей деревни, приспособившихся к нынешним условиям жизни. Все они хитрят по-своему, выгадывают, как и где зашибить на семью и чтобы не работать зазря в колхозе. Печник (все исчезло в доме после него). Александр Павлович — столяр из Пермаса. Начать с характера председателя колхоза — с ним первая охота, никаких законов, он хозяин. Варианты договора. Характеры районных работников — «Поездим, попируем на этот Угор».

Грибы пошли. Слоями. И только поганки растут все лето, не признавая очередей (груздей).

30 августа. Завтра лететь в Архангельск.

Здравствуй, родина, что ты думаешь, чем живешь, расскажи сынку, не таи, скажи.

3 сентября. Для стихов. Я тебя не узнаю, город мой родной. Как завороженный стою над Двиной. Волнуюсь, будто на свидании. Первая моя любовь, Родина моя, Родина моих стихов. Изъездил всю страну, много увидел, а то, что было рядом, все как-то не доходило до меня. Не видались 10 лет. Вам, живущим здесь, не понять меня.

30 ноября. Боткинская. Под крутизной Бобришного Угора Юг-река под прямым углом поворачивает на

запад. В темной этой излучине постоянно ходят воронки, глубина казалась непостижимой, дно черным и странным. Да и есть ли оно здесь? Где же и водиться чертям, как не в таком омуте?

Все мои воспоминания о раннем детстве связаны с Бобришным Угором. В омуте, конечно, никто никогда не купался, а мы, ребятня, даже близко к нему подходить не решались, но сам Угор был излюбленным местом наших сборищ.

Если смотреть на Бобришный Угор со стороны реки, видна на нем среди кустов и сосен почти отвесная песчаная полоса желто-красного цвета. Это мы съезжали с Угора вниз, продирая штаны, у кого они были, а то до крови царапая собственное то самое место. Съезжали смело, с разбегу, вместе с потоками сухого песку и гальки. Мы драли штаны, а дома матери драли нас, но на любви нашей к Бобришному Угору это никак не сказывалось.

Если же стоять на Бобришном Угоре лицом на юг и смотреть с него вниз и вдаль, то перед глазами, прямо на вас, как бы к вам под ноги текла река откуда-то издалека, из таинственных лугов и лесов на горизонте, и вправо, на запад уходила река, к пожням, к Куданге, к Переволокам и Баданихам (это все названия сенокосов), а слева было озеро Старица — во всю извилистую длину старого русла Юг-реки (Смиряжиха).

Ранней весной, когда речные ивняки и леса еще не густели от зелени, даль просматривалась необозримая, и озера, и русло реки со всеми его поворотами видно было на многие километры, и даже заречные луга были как на ладони, и до деревни Липово казалось рукой подать. То же самое — осенью, когда опадала листва, и лес так же свертывался, редел, словно его сквозняком продували.

А летом река пряталась в густых прибрежных зарослях, да и мелела к тому же, словно в землю уходила, и лес раздавался во все стороны — густой, непроходимый.

1965 ГОД

24 января. Кисловодск. «Бобришный Угор». Павел Иванович — деревенский мудрец, пытливый ум. — Откуда взялись камни? Растут ли они? — Начинает от камней и доходит до вопросов о сути жизни, о правде, о справедливости, о колхозах. ⟨...⟩

7 февраля. «Лауреат». А как писалась лауреатская вещь? Ходил пешком по родной земле — поэма в рюкзаке, но прибавлял в нее на остановках (в Тарноге, напр.) совсем не о том, что видел. Жизнь как бы текла мимо меня, хотя считалось, что я собираю материал для новой книги. Видел же я, как гибло древнерусское искусство (икона — лопата), кружевные промыслы, как сельэлектро разоряло колхозы, строя гидростанции, которые тут же разваливались. Но вот остановились в Доме колхозника, и я переключался: садился за стол и писал выдуманное — «Я на Кокшеньге-реке жил как в сказочном мирке...» И вдруг впервые в жизни задал себе вопрос: что есть искусство? Ну прямо Лев Толстой, да и только. Помню, как я в школе, защитив от оскорблений Толю-булочку, испытал впервые в жизни радость за себя, счастье стоять за други своя.

Держите высоту,
Когда ее набрали.
За вечных льдов черту
Не все шагнуть дерзали.
    На этой высоте,
    Когда взялись за дело,
    Держите в чистоте
    И душу вы, и тело.

8 мая. Переделкино. «Бобришный Угор». Когда вставили косяки в проемы окон, показалось, будто картины по избе развесили. Семь окон — семь картин. И все разные. Можно сказать, все направления в живописи были представлены. В этой раме, конечно, реализм чистой воды, Левитан. Изгиб реки, берега, заросшие ивняком, тонкие рябинки чуть поодаль от сверкающей на солнце воды, небо близкое и теплое. Хочется взять удочку и спуститься к заводи, попытать счастья. Левее Шишкин. Сосны в глубине леса, за изгородью, могучие вершины, освещенные сверху и с боков. Там где-то рябчики летают. Медведей вообразить трудно, места здесь не такие глухие. А можно и по-другому все увидеть: каждая сосна вроде высокой кирпичной трубы с зелеными клубами дыма над ней. Впервые так увидел сосновый лес поэт Александр Романов, и я уже не могу избавиться от этого образа, повторяю его и жалею только, что присвоить не могу, что сам я такого не разглядел. Зато, прочитав эти строчки в стихах Саши Романова, тогда еще совсем молодого паренька, я сразу почувствовал, что имею дело с подлинным поэтом. И мне

это приятно: значит, и мне доступно понимание истинной поэзии.

В следующем окне что-то есть от импрессионизма Ван Гога. Густые мазки зелени и синевы, листьев и неба, земли и воздуха. И все это переливается, подрагивает, течет... Хорошо!

А в этой раме, если хотите, настоящий абстракционизм, только не мертвый, не бесталанный, не плод кабинетных измышлений и конструирований, а тоже рожденный природой, вызванный к жизни самой жизнью и нашим пытливым воображением. Переплетение голых сухих сучьев, тонких прямых и ломаных линий, соединение геометрии с современной архитектурой, прозрачного стекла и белого сверкающего металла, высоты и пространства — и все это рядом с окном, во всю его ширину. В геометрические очертания ветвей вставлены всевозможные цветные материалы дня: белый пластик, плитки глазури, врубелевское стекло. Всматривайся и создавай для себя любые картины, любые видения, мечтай, рисуй!

Какому дураку пришло в голову сражаться с абстракционизмом в искусстве! Ради чего это делается, во имя чего? В свое время кто-то сказал о творениях Шостаковича, что это сумбур вместо музыки. Как обрадовались этому все глуповские градоначальники, неучи, облеченные властью. Но разве можно остановить движение живого чувства, мысли, творческое развитие человеческого гения. Ведь и кибернетика не мистика и телепатия не измышление мракобесов. С этим пришлось наконец согласиться всем.

21 ноября. «В Скочкове». А мне такое заточенье в глуши лесов, снегов дороже славы и наград — ни униженья, ни оскорбленья, ни гоненья. Здесь ни казенною квартирой, ни дополнительным пайком я не обязан никому. Я тут всегда в своем дому, в своем лесу. Здесь родина моя.

30 ноября. Странную жадность на бумагу испытываю я. Мне, кажется, никогда не будет ее достаточно. Причем, когда появляется бумага хорошая, я откладываю ее, стараюсь использовать сначала всю ту, что похуже. И сколько бы ни скопилось бумаги, все стараюсь достать еще — купить либо выпросить у кого-нибудь. И обязательно экономлю, пишу убористо и часто на обеих сторонах листа.

4 апреля. Последний спецрейс в Никольск с грузом, меня берут. АН-2 — везут паркет. Сижу между двух пилотов, обзор хороший. Блудново. Мать здорова, живет в разделе, в старой избе.

6 апреля. Вечером сходил на Бобришный Угор. Дом стоит. Выбиты два стекла в чердачном окне, и все. В сенях — связки «листа», сено. В лесу вся земля (снег) усеяна семенами леса (ели — семечко с крылышком). Река синяя. Забереги — уже не перейти.

7 апреля. Сегодня благовещенье, великий четверг, день, когда нельзя работать. Мать вчера доткала полотно, убрала стан. Выдала мне Библию и отцовское Евангелие.

Улица деревни завалена свежим лесом,— строят и ремонтируют избы, школу, ставят столбы для электролинии.

Под каждой хвойной иголкой, под сучком, даже под клочком березовой коры, похожим на обрывок тетрадной бумажки,— снег подтаял, словно прогнулся, словно вмятина образовалась в нем, хотя что может быть легче хвойной иголки или березовой бумажки.

9 апреля. Записи на пути к Югскому кордону.

Слова матери: «Лес в тумане, это снег горит», «Да ведь штё!», «Поляши уркают по утрам».

Показалась озимь из-под снега. Выжила... Думал, капельки на кустах, а это верба распушилась. Текут, текут весенние потоки через перекладинку, через колодины, по мостику, все размывая. Все размоют... Утро наступает. Рябчики свистят. Тетерки квохчут. А я говорил, что жизнь надоела.

Летел спутник над Гладким бором, на глухарином току (около 4-х часов). Заяц «боботал» всю ночь. Весной, как на фронте, все необычно, все надо повидать самому (на току, на берлоге).

10 апреля. Река местами уже освободилась ото льда, происходит подвижка заторов. Прилетели утки. Две садились на исаде под Угором, но двинулся лед, зашумели кусты — и они улетели.

14 апреля. Сидел на току в собственном шалашике в Летовищах. Тетерева еще очень осторожны. Чуфыкают, воркуют, но на деревьях. Видимость тока, видимость драки — и улетели. Пошел лед. Льдины мелькают многоцветные, как в калейдоскопе. Вглядывайся, как в сучки, в узоры на потолке и воображай, что захочешь.

15 апреля. Второе утро в шалаше. Тепло, сыро. Тетерева на деревьях часов с 5 утра. Еще в темноте прохоркал один вальдшнеп в стороне Мокруш, с криком прилетали утки, поют дрозды, со свистом крыльев носятся чибисы (высший пилотаж), бобочет заяц. Лед прошел. На берегах много льду — значит, «будет тяжелый год для людей» — говорит мать.

17 апреля. Ребята с жадностью смотрят на мир через бинокль: «Ой, паре, рядом — прибежало все». Так один посмотрел в бинокль на реку и испугался: утонуть можно, вода под ногами.

Послезавтра поминание родителей (вторник). Стало уже известно, что трактор с молоком не пойдет в Пермас, как обычно,— видимо, чтобы на тракторной тележке не ездили женщины на кладбище.

19 апреля. Радуница. Бабы ушли в Пермас на поминание родных покойников. Как можно противиться такому чувству людей, а противятся еще и теперь. А недавно и вовсе запрещали ходить на кладбище.

20 апреля. Часов в 12 дня — переселение на Бобришный Угор. Не был всерьез уверен, что останусь ночевать в избе, пока не пришел туда и не увидел, как удивительно теперь на реке. Разлив сильнейший, исада под Угором вся уже в воде, а все поднимается — силища. Лес идет. А по радио утром передавали наряд для бригад по разгрузке прибывающих в район самоходных барж. Вероятно, этот лес останавливают перед Никольском на запанях.

Редкое волнение испытал я. Раньше, когда был помоложе, я, наверно, кричал бы от восторга.

Мама и Саня готовят еду для меня, топят печь. Разложил свои тетрадки и гляжу в окно, наглядеться не могу. Здесь ли бы не писать мне. А я записываю изредка отдельные стихотворные строчки.

Во второй половине дня пошел сильный дождь, почти ливень, и над землей, особенно там, где еще снег, поднялся пар. «Горит снег!» — повторяют мать и сестра. Значит, вода еще пойдет вверх. А я уже и такого половодья, кажется, не видал ни разу.

Мать и сестра ушли домой под дождем. Я остался и рад. Удивительное чувство покоя. Пожалуй, сейчас я понимаю отшельников, старых русских келейников, их жажду одиночества. Это не от религиозности, а скорей от усталости, от пережитых душевных ран и, м. б., от возраста. Желание уйти от обидной шелухи и жалкой

рабской суеты жизни, внутренне сосредоточиться — это, конечно, легче понимается как поиски бога. Мне здесь так хорошо, что, пожалуй, и я святым окажусь.

21 апреля. 6 часов. Бобришный Угор. Встал в 3 часа. Земли нет, лесу нет, неба нет — все в белом. И в этой белой мути где-то внизу на невидимой реке невидимо постукивают плывущие бревна. Их невидимо много. За рекой в Летовищах против Бобрих в шалаше ночевали сплавщики. Там сильно токовали тетерева (на деревьях), я пошел искать ток. Оказалось, что высокий берег на Бобрихах уже почти непроходим, вода со страшной силой переходит в озеро. Я шел берегом «к воротам» Чистого бора и вдруг понял, что вода может окружить меня как зайца, а деда Мазая поблизости не окажется.

22 апреля. В 9^{30} слушал выступление Тихонова: в этом году по литературе премий не присуждено никому.

Самое примечательное в охоте на весенних тетеревиных токах то, что птицы эти, в другое время почти недоступные человеку, осторожные, неуловимые, становятся до жалости беспомощными, неосторожными, почти сами в руки лезут, только бей. Хитрая бестия человек, он всегда находит время и случай, чтобы использовать слабости других существ из живого мира в своих целях: рыбу губит во время нереста, когда она сама напролом идет в сети, птиц — на перелетах, на токах, рябчиков берет на манок, уток на подсадных, на чучела, зверей в месяцы спячки и т. д.

Стихи об охоте. Я же хотел целую книжку написать.

Записи, сделанные в разное время в Блуднове:

Принялась моя сосенка, корни в землю пустила, только б гусеницы не слопали, не оголили — слабовата еще.

В бане воду греют деталями от тракторов — шестеренки всякие, крепления, разные куски железа. И на колодезном журавле в качестве противовесов тракторные детали.

Схороните меня на Бобришном Угоре. Дом построен, а сил для жизни уже не осталось.

Солнце заходит и всходит. Жду утра, жду весны, над рекой, над миром, водополья, раздолья. Хорошо на земле сырой... А я говорил, что жизнь надоела...

27 апреля. И опять не хочется сидеть за столом. Меня уже пугает необходимость даже малейшего напряжения, малейшего усилия над собой. Месяц за

месяцем пустые в жизни, как пробелы в дневниковых записях.

Человек идет по снежному насту, как Христос по заливу, и кажется огромным, высоким. Но вот он проваливается, и сказочное (евангельское) видение исчезает.

28 апреля. Ушел в Скочково. Анна отдала пояс такой же, как от Миши Баринова. Другой — современный, приготовленный для себя в гроб, но слишком прост, бледен, и я, видно, его не возьму. Такой же с продольными полосами (продольный для покойницы) взял и у Пали, но тоже, кажется, надо вернуть. Анна называет цвет зеленый — озимной.

— Что узок поясок-то соткала для себя? — спросил я Палю.

— А на что крепкий на том свете, того гляди, и там за пояс топор заткнут, если крепким повяжешься.

Бездеятельное тщеславие порождает злобу и зависть, ничего больше.

29 апреля. В 2 ч. ночи Анна поставила самовар и снова легла. Вот человек, который не знает, что такое лень.

— Ты хоть ленилась когда-нибудь?

— Как это? Ведь ежели немочи нет, так поштё лениться?!

В 3 ч. ночи пришел Василий, чтобы идти искать ток. Вышли мы уже часа в 4, светло. Холодно, сильный северный ветер, тетеревов почти не слышно. Полетели белые мухи. Василий Ильич говорит:

— Все еще снег просится. Потки чуют задержь, вот и не токуют.

На голые поля, на которых должна быть озимь, он смотрит почти спокойно. Я нервничаю, переживаю, хотя поля-то его, а не мои, но ему, видно, это впривычку.

— Вот и жди урожая! — говорит он. И опять про погоду: — Все еще снег просится.

Для стихов. ...У меня ненасытная жадность к природе. Не предчувствие ли конца? (Своего.)

Анна хвалит свой колхоз. Поставил его на ноги Воронин.

— Он и огонь провел, и двор поставил. А сейчас осиновский его заместитель правит. Ничего!

А я увидел загубленный лен у самой деревни, на задворках — в снопах на полосе и даже не вырванный. Оказывается, под снег ушло и целое поле овса.

— Как же,— говорю,— хвалишься, и что люди задорно работают, а лен под снегом сгноили. Почему не убрали?

— А не успели, снег пошел.

— Свой был бы, как раньше, убрали бы весь.

— Как бы не убрали, конечно бы, убрали!

— Наверно, жалко было глядеть, как лен снегом заносило.

— Конечно, жалко! Как не жалко.

— Лучше бы уж растаскали для себя, а то ни богу, ни людям — какая польза?

— Конечно, без пользы. Так ведь побоялись для себя-то.

— Наверно, за одну бы ночь все подчистили, если бы разрешили?

— Конечно бы, подчистили, как не подчистить за одну ночь.

— А почему для колхоза не убрали?

— Дак ведь снег пошел. Да и наряда не было, был бы наряд — пошли бы, сносили бы снопы куда-нибудь, но бригадир не распорядился. За это его, поди-ко, и сняли с работы...

Так со всем, во всем. Отбита у людей охота к работе. Глупостей, обидных для тружеников, делается много и сейчас. Навезли минеральных удобрений, рассеивают их — план! попробуй его не выполни! — а свой навоз из дворов в огромном количестве лежит в высоких кучах и на полях, и по деревне у дворов.

Анна рассказывает о себе, о своем мужике, Илье Кузьмиче Поникарове, погибшем на войне, о своей жизни. «Разные у нас люди: одни жалеют, другие радуются, что у соседей горе».

— А что это у вас с Сашей-то случилось? Как это он?

Она, как и другие, долго либо совсем не спрашивает об этом, пока сам что-нибудь не скажешь. И если я отказываюсь вспоминать, неловко, совестливо извиняются и замолкают. А однажды я не отказался отвечать.

— Ничего не знаю толком, Анна.

— И то сказать, где толком об этом узнаешь. Наверно, много о жизни стал думать, вот и дошел до эдакого. Ему надо бы жить да жить себе, а он стал думать о жизни, вот тебе и все тут. Сердце-то и не выдержало.

У меня потекли слезы. Тогда Анна добавила:

— А ты уж сам-то не расстраивай себя. Забывать надо, а то как...

— Разве ты о своих не ревела?

— Как не ревела! Ревела и я, пока хоронила. У меня все маленькие умирали. Месяца два живут, а то и до года бывало. Свекровка все говорила: не реви, маленькие умирают, значит, хорошо после жить будешь, легко. Эти-то двое, которые выжили — Васютка и Нинка — у меня были, как ищейки, худющие. А те, которые умирали, все белые да мягкие, как на опаре подымались. А всё умирали. Видно, земля-то вырастит поскорее и берет себе. Ревела и я, конечно, пока хоронила. Шибко Кольку жалела, последнего. Его без Илюшки родила, он меня с брюхом оставил. Думала, хоть с малым ребенком останусь, так налог платить не буду. Пришлось налог платить.

30 апреля. Ходил в Блудново за матерью. Перевозить ее на моей резиновой душегубке среди несущихся бревен мне самому было жутко.

Записи по дороге. А снег-то хрустит! И всегда по-разному: зимой один скрип — сухой, жесткий; весной — мягкий, чавкающий, а по заморозку — колющий, режущий, стеклянный.

Богатырь. Я стараюсь казаться не таким, каков есть. Не силач (богатырь) я, а ледащий, лодырь не работящий, во всем не настоящий. Надоело казаться не таким, каков есть. Как умирать буду. Непутевая жизнь.

Подходим к Скочкову. Думал, мать любуется березняком, а она — о дровах: «Дров-то сколько растет, и все березовые». Мать вспоминает о своем детстве, о своей юности в Скочкове.

— Это вот поле называется вобчина — раньше всем миром новину рубили. Стали жать первую рожь. Меня с Сашей — детей, поставили двоих вместо одного взрослого. А мы, каждый, ни одним снопом взрослым не уступали. Через день нам отказало обчество.

Глава в повесть: «В овине». Описать овин: пожог внизу, по́д, колосники. У очага внизу всю ночь сказки рассказывали. Вроде «Бежина луга».

Ребятишки собирают сосновые шишки. Килограмм — 6 копеек. Рубят сосны, губят лес. Шесть копеек сосна.

1 мая. Слова Анны: «телеграммный столб», «щековитая, как сорока» (про Палю), «ревизь в лавку приехала».

4 мая. Все-таки Бобришный Угор — место редкой красоты, из-за одной сегодняшней ночи, из-за одной этой

лунной тихой, правда еще холодной ночи стоило строить мою избу. Внизу сияет вода — как море, глубины ее кажутся неизведанными, дали бесконечны, за рекой бобочет заяц, с вечера токовали тетерева. На небе вокруг луны небольшие спокойные облака, как оформление ее — все почти роскошная театральная декорация: настолько хорошо, что кажется неестественным.

Интересно, как мы называем людей деревни:

— Сегодня тоже ходил на ток...

— Кто?

— Ну этот, как его, Васька.

— Чей Васька?

— А я не знаю, как его фамилия-то. И по батьке не знаю.

— А как по-деревенски зовут?

— Миколы Енькина Васька, только ведь у него нет батька-то, его убили.

6 мая. Сегодня егорьев день, «скотский праздник», будут первый раз выпускать коров на пастбище.

— Травы еще нет?

— Пусть хоть побегают.

— Празднуете егорьев день, а коровы-то колхозные.

— Колхозные, а егория признают. Коровы, чего с них...

В дождь перешел на Бобришный Угор около 2-х часов дня и начал писать стихи.

7 мая. Сегодня написано стихотворение без рифм «Когда мне трудно дышится». (Начал его вчера.) Ночевал на Бобришном Угоре, промерз. Ночью выпала небольшая крупа, на земле ее нет, растаяла,— узнал о ней только потому, что она сохранилась на моем столе и скамьях на улице. Вчера дописал стихотворение «Я видел большую воду». Начал другие.

Лес по реке вчера не шел, сегодня тоже его нет. Вода опять высокая, но далеко еще до той, первой. На Бадanихе поставлены боны, река перекрыта, скопление леса поднимает воду. Собрал букетик цветов на южном склоне Бобришного Угора, поставил его в стакан. Без конца топлю печь, изба тепло не держит.

Деревня Шёлково мне всегда казалась какой-то праздничной, радостной, светлой — вероятно, из-за того, что она стоит над рекой, на ее высоком берегу. Любая река, один вид ее украшает деревню и, конечно, сказывается на всем укладе жизни ее обитателей. В Шёлкове извечно делали лодки на всю округу, в Шёлкове всегда рыба, утки — рыбаки и охотники, в этом есть тоже что-то празд-

ничное. То, что в Шёлкове один чей-то дом был каменный (кирпичный), связывалось в моем воображении с близостью реки.

Деревня Липово тоже стоит на берегу реки того же Юга, и там так же всегда была рыба (Федос-рыбак!). А все-таки Липово почему-то никогда не казалось праздничной деревней. Из-за чего? Может быть, из-за привитой с детства неприязни к липовцам (тяжба из-за земли, драки)? А может, из-за нелепого расположения домов в этой деревне: никакого порядка, где улицы, где просто дворы, окна в разные стороны, а на самых выгодных местах, по берегу реки — стоят бани — низенькие, перекошенные, черные...

Мать водил «на прогулку» до Переволок, где стоит затор. «Лягушки воргуют» — будет тепло.

8 мая. Пишу стихи (по стихотворению в день). Сегодня: «О, как мне трудно будет умирать!»

Интересно, что основная масса колхозников ныне почти не знает весенних полевых — да, пожалуй, и вообще полевых работ,— все делают «механизаторы» — тракторист, два. Сейчас пашут пар. Солома в валках на поле осталась, трактористы ее объезжали. Стали убирать ее через день-два после пашни — опять трактором же, но плеши уже остались. А на рубке дров в лесу уже ничего не рубят, кроме обрубки сучьев. Все стараются раздобыть бензопилу «Дружбу» — и она делает все.

Спрашиваю маму:

— Какой тебе лес больше нравится?

— Глёнется-то? Да все равно.

— Ну сосновый или березовый.

— На дрова лучше березовый.

Тетерева, да и любые другие птицы (и рыбы!), поднимаются по тревоге одновременно всей стаей, сразу. Кто подает сигнал — неведомо. Может быть, какое-то незаметное для нас мгновение между тревогой и взлетом первой птицы и взлетом остальных все же есть, но человеческие простые (примитивные) органы не могут уловить его. Это доступно электронной машине, да и то вряд ли.

Набрал букет цветов под Угором, и он пышно распустился в моем граненом стакане. Какие же это цветы! О моя неграмотность!

Белки бегают у моего дома, и заяц был около моего дома, значит, и медведь придет, потому что дом стоит в лесу.

Трудно носить воду к моему дому: надо спускаться, скользко. Еще труднее подниматься. Зато половодье не пугает, потому что дом стоит на горе.

9 мая. Писать бы здесь ежедневно по страничке, как дневник: перемена пейзажей, все, что вижу, и так — три весны! Ну — две. Немного и о деревне, о смене указаний и соответственной перемене в поведении колхозных «вожаков». Но только не вмешиваться больше в их дела, не учить никого, не писать о них, иначе съедят.

10 мая. Сегодня доколачивал стихотворение «Дерево заболело» (так и не одолел, кажется?) и писал следующее: «Птицы сидят на гнездах». Задумал его сегодня же ночью в шалаше на току в летовище. Главное в нем птичий страх.

11 мая. Вчера с волнением заметил, что даже на березах уже явно заметны почки, а внизу под Угором ивнячок чуть-чуть зазеленел. Наконец-то! На кончиках веток зеленые капельки.

Думаю о прозе моей. Я, конечно, эмпирик абсолютный во всем, с той лишь особенностью, что эмпирики познают жизнь опытом, а я своими боками.

13 мая. Все, что было задумано о Бобришном Угоре: «три весны», природа, фенологические наблюдения и прочие красоты — все это сейчас легло бы в повесть о Саше. Это повесть о том, как природа, общение с ней, помогает человеку преодолеть страдание, горе.

14 мая. Сегодня с утра с необычайной скоростью, то что называется на глазах, стала убывать вода. Потом около 4-х часов дня густо пошел лес. Я понял, что спустили затор на Баданихе — Переволоке, бегом сбегал прямиком через Чистый бор, и точно: затора уже не было, только груды бревен остались на береговых скатах.

17 мая. Пожни за рекой. Лебяжье, Тягунья, Перевозиха, Теплецихи (это выше Бобришного Угора). А к Куданге, где Рябиновский мыс — Рябиновки, Луга, Летовище, Исада Петьки Миковкина, Летовище Антипки Полыжонка (Дуни Яшихи).

21 мая. На попутных грузовиках доехали до Никольска: мать, Мария и я. В Вырыпаево на машине. Красивый спуск к реке, дали.

Реки в Вологодской области: Кипшеньга, Кокшеньга, Куданга, Андонга.

22 мая, воскресенье. Николин день. Открыли заколоченную избу какой-то одинокой женщины, уехавшей в Мончегорск к дочери. Отопят ее, и я буду там сидеть.

Сегодня спал на чердаке. Мешали всю ночь (с раннего утра) грачи. Кто-то в Никольске вырубил на участке все березы, чтобы избавиться от грачей. Сейчас я понимаю его.

Сразу после Москвы районные интеллигенты кажутся ужасными провинциалами, особенно женщины (учителя, райкомовцы), но стоит пожить в Блуднове, и те же районные женщины кажутся уже красавицами и умницами.

Малейшие изменения в погоде или даже предстоящие перемены сразу сказываются на поведении рыб, зверей, птиц (клев, тяга, токование и т. п.).

Дует сильный ветер, ждут дождя, который необходим для посевов. Мать говорит: «Ежели в Миколу хоть капля упадет, то засухи не будет».

23 мая. Сильный мятущийся ветер всю ночь и с утра.

Избу напротив сегодня протопили опять, но воздух там сырой, подвальный. Стоит ли мне переселяться с чердака. На чердаке моем хорошо, но слышны все разговоры и бесконечный крик грачей. Правда, постепенно привыкаешь к нему и перестаешь замечать. На жердях с двух сторон от меня висит лопоть после бученья (белье) — кучами и одежда: зимнее пальто, полушубки, ватники.

Спинжак — пиджак. Это переделка слов похожая на колоток (молоток), толпучка.

Для прозы. За кузницей на зеленых откосах мы ползали на коленях, выискивая «богородицыны ручки», и ели их. Что это за травка, я до сих пор не знаю. Среди листьев небольшие зеленые веточки, вроде черемуховой цветочной завязи, но самой ранней, только что отделившейся от листьев, вылупившейся из почки, с той лишь разницей, что у «божьей ручки» все ягодки-шарики были с одной стороны стебелька, и это был по-видимому не цветок, а плод. Поедать эти «ручки» было необыкновенно приятно, они хрустели на зубах, хотя ни одного ядрышка в этих плодовых образованиях не было. Потом — листочки и стебли щавеля. Он рос всюду. У нас его зовут кислицей, так же как и ягоды красной смородины. Щавель появлялся на заливных речных сенокосах почти сразу после спада воды. А еще раньше ели мы «пистики» на мокрых низких полосах в паровом поле. Пистики — это молодые побеги хвоща. Они действительно походили на пестики. Есть их можно в сыром виде, очищая от кожуры, а еще лучше в вареном, чуть подсоленными.

Мне тогда казались они великим лакомством, а оказывается, это еда лишь голодных лет.

— Собираете ныне пистики, варите? — спросил я недавно свою мать-старушку.

— А на что они? — ответила она вопросом.— Нынче ведь не голодаем, хлеба привозного хватает всем, были бы деньги. С городской хлебопекарни по всему району развозят, только покупай, было бы купило.

24 мая. Вечером пошли на тягу. Оказывается, черемуха уже цветет вовсю: белые шатры ее хорошо громоздятся среди еще почти не зеленых деревьев. Комары донимают. Коростель (дергач) заскрипел совсем рядом с нами — оглушительно, резко и некрасиво. Кулика на гнезде, которого я нашел днем, с трудом разглядел в 4-х шагах. Он следил — увидим его или не увидим, вжался в землю. Мы «не увидели», быстро свернули в сторону.

25 мая. Читаю Л. Толстого. Перечитываю «Повести и рассказы» в 2-х томах. В первом томе здесь в Вырыпаеве прочитал «Казаков». Сегодня — «Разжалованный». А я не разжалованный ли? Снова выслужиться уже не могу, не умею, не хочу. Да и побаиваются меня.

И вот вхож по старому пропуску кое-куда. Не больше.

26 мая. Трудная была ночь, бессонная. Мешали грачи.

Написал — «Новый берег».

Вечером были на тяге, но ни один вальдшнеп не показался, хотя погода была самая подходящая: тихо, тепло, ясно. Вот еще пример удивительного чутья птиц и зверей. Часов в 10 перестали петь даже соловьи. И в одиннадцатом часу при ясном небе вдруг сверкнула зарница. Около 2-х ночи была гроза.

28 мая. Троицкая суббота. За льнозаводом, где совсем недавно разобрали, уничтожили церковь, многотерпеливый русский народ поминает своих родственников. В основном женщины. На месте церкви работали мощные бульдозеры, следы их работы видны. Груды камня, и щебня, и земли — груды, а не ровное место. Кирпича для завода досталось от церкви совсем ничего. А красота уничтожена. И в народе, кроме горькой обиды, ничего не осталось.

Женщины молились груде земли и камней на месте, где раньше был алтарь. Вместо икон ставили пучки березовых ветвей и корзинки с едой для поминовения усопших. Кутью несли в стеклянных баночках — пятисотках.

Русский народ держится своих обычаев, своей старины — никакие бульдозеры не могут срыть память о красоте и нравственной порядочности, святости.

Праздничные женские толпы шли к кладбищу, к деревне Мякишеву часов с 9 утра. Из деревни Подол трактор с прицепом перевез женщин через реку вброд. Помянуть добром усопших, павших уже противозаконие, а на остатках Никольского кладбища молятся у могилы о. Сергия. В этом году не было официального запрещения троицы и посещения кладбища. Раньше и до этого доходили.

29 мая, воскресенье. Троица. Ходили в деревню Подол к старому учителю. Деревня полна гуляющих гостей — в основном молодежи. Почти как в старину. Играют главным образом на тальянках — тальянок здесь много, как нигде.

В Вырыпаеве я получил два колокольца и колоколец с коровы. Маленький колоколец — звончик, большой — колоколец, коровий — колоколо.

31 мая. Никольск. Около 2-х часов встретили Белова В. И. Я рад Белову страшно. Он приехал ко мне.

2 июня. Бобришный Угор. В. Белов делает «гарнитур мебельный» для Бобришного Угора: столик, стулик на вырубленных окоренных стволинах сосновых, сучья вместо ножек.

Оказывается, тетерева все еще воркуют в разных местах. Слышал вчера и сегодня. Сидел над стих. «Почему-то без удивления».

Листья на разноплеменных деревьях как разрезы глаз у людей — косые и прочие.

7 июня. Везу в Москву: 1. Муку 30 кг. 2. Пестерь, пояса, сарафан старый, «парочку» дочери (сарафан, кофта, фартук), колокольцы и прочее.

5 июля. Ложь уничтожает красоту, искусство, поэзию, жизнь. Ржа ест железо, лжа — душу.

23 декабря. Чудом поспел на поезд 22-35 в Вологду. Еду больной. Командировка от Бюро пропаганды, затем от «Правды».

24 декабря. В 11 — в обкоме начало работы семинаров. Литературный вечер в Доме политпросвещения в пользу Вьетнама.

26 декабря. Положили в больницу № 2 (обкомовская).

1 января. В «Правде» мое стихотворение «Новогодняя почта» напечатано. А я уж не очень надеялся. Рад.

10 января. На вологодской выставке народного искусства. Пословица давняя, знакомая, наверно, всем русским: «Не боги горшки обжигают». В нашем районе ее расширили, привязали, так сказать, к местным условиям: «Не боги горшки обжигают, те же фоминцы». И стала эта пословица особенно близка и понятна каждому моему земляку. Фоминцы — это гончары из деревни Фомино, снабжавшие изделиями своих умелых рук не один Никольский уезд, а чуть ли не всю Северо-Двинскую округу.

Помню, на базаре сани, полные глиняных горшков, блюд, мисок, разноцветных с рисунками тарелок, переложенных сеном, сенной трухой... Помню, как они звенели, когда мужики брали сосуды на ладонь и стучали по ним толстыми, тоже лужеными ногтями. Где это все теперь?

Старичок, старушка, торговавшие на Вологодском рынке игрушечными крохотными лапотками и мокроступами. Как их гоняли милиционеры, как отъявленных тунеядцев, пока они не перестали плести свои дивные сказочные лапотки. Это была идейная травля. Зачем их преследовали, за что уничтожили, ради каких великих идей?

14 февраля. Выписался из вологодской больницы и дневным поездом приехал в Москву.

15 июня. Вечер в г. Тельшае. Вырос в деревне. И это главная тема всей жизни. От нее никуда не уйти (колхозник уходит из деревни). Хорошо в деревне дела идут — и мне хорошо, плохо — и мне плохо пишется и живется.

16 июня. Г. Шауляй. Вечер в драмтеатре. «Юстинас Марцинкявичус во время нашей праздничной поездки по вашей красивой стране уже не первый раз подает меня как некоего борца за правду и тем самым вроде как посылает меня на костер: иди, гори за правду! А мне жить хочется. Я не хочу быть самосожженцем и на костре гореть не хочу».

5 августа. Дал в Вологду телеграмму о согласии ехать по Волго-Балтийскому каналу.

22 августа. Выезжали из Москвы — шел дождь, и здесь дождь. В Вологду приезжаем около 9 ч. утра. С Голубковым сдали пачки стихов в «Красный Север».

Жалеть можно только других, но без расчета, что и тебя кто-то пожалеет. Себя пожалеть можешь только сам.

Шоссе Вологда — Череповец бетонка, первая ласточка в нашей области. Едем как по Латвии или по Литве. Один лес для медведей (шишкинский лес), другой для лосей, перелески, луговинки, заполосни — для зайцев.

24 августа. Наш теплоход: «Теплотехник». Почти всем отдельные каюты.

Для прозы. Красиво, когда деревня стоит на берегу реки или озера. Тогда с ней не сравняется никакая другая деревня. Пусть даже дома ее не новы и не очень обрядны и улицы не так сухи, все равно она хороша — и особенно, конечно, издалека, с воды. Вода красит и лес, и луга, и селения.

25 августа. Вечер в Кириллове всем был по душе, удался: и народу много, и мы были в приподнятом настроении. Я будто бы говорил очень хорошо. 1. О сохранении святых мест (монастырей) — истории русского народа и его великого искусства. 2. О поэзии. Сейчас и про любовь можно писать — печатают.

27 августа. С утра дождь. Половили рыбку и пошли дальше.

Дождь тихий грибной,
Не проливной.
Солнечные дождинки
Словно пушинки.

28 августа. Липин Бор — Вашкинский район. Село Вашки снесено, расселено, собор взорван. Тут рыбацкие колхозы.

Рубцов поэт редкого дарования. ‹...›

2 сентября. Были у секретаря обкома Другова. Рассказали о поездке. Просили опять за Рубцова. Обещал пока поселить в общежитии совпартшколы.

9 сентября. Лечу в Никольск. Заросшие поля, разваленные деревеньки — «сселение». Высверкивание речек, луж в лесу под солнцем. Утром купил 3 банки салаки по 3 кило в подарок маме, сестре, Анне. До Никольска 1 ч. 20 м.

Встретил секретарь по идеологии Плотников Андрей Федорович. Привезли прямо с аэродрома в Блудново. Дела в районе идут хорошо: уборку зерновых закончат к 15 сентября. Лен на стлищах. С сенокосом не управились, быстро поспела рожь.

Съездили на Бобришный Угор. Обкрадено все. Порваны портреты Льва Толстого. Нет инструментов, удочек,

даже лопаты... Испугался обстановки дома, условий жизни.

Ночь на 10/IX. Уже 2 часа. Я проснулся вскоре после 12 и вот лежу в страшном смятении и тоске. Как жить дальше, где жить?

Уже давно у меня появилось желание творческого одиночества — этим объясняется и строительство дома на Бобришном Угоре, и приобретение однокомнатной квартиры на Аэропортовской.

Когда-то мне совершенно точно представилось, что лучших условий для моей работы, чем у Анны в Скочкове, мне не найти. И зря я тогда не остался у нее надолго. Все-таки за короткое время написал у нее и «Вологодскую свадьбу», и «Две берлоги», и мелкие рассказы, и пачку стихов. После того ничего не могу написать.

И стал бояться деревенских условий жизни — духоты, отсутствия воды, света, прочих разных удобств. А главное — кто-то со мной должен жить душа в душу.

10 сентября. В начале сентября я снова приехал на Бобришный Угор.

Бобришным Угором я сейчас называю не только облюбованное с детства место в лесу над рекой, где теперь стоит мой охотничий дом, но уже и деревню Блудново, в которой я родился, и район, и город, где началась моя сознательная жизнь, и вообще Родину. Вся Родина моя — Бобришный Угор. Поэзия — тоже он. Завершение моей жизни на Бобришном Угоре.

Приехал я по истошному зову родных, по письму матери: «Шура, опять опоздаешь, грибов в этом году невпроворот, прямо ступить некуда. Обабки да беленицы никто и не берет, не до сушеников, когда грузди пошли, хоть с колен не вставай. Такого давно не видывали. Смотри будешь волосы на себе рвать, коли опоздаешь...»

Едва добравшись с аэродрома до деревни, наспех выпив чаю с городским водителем, который меня встречал, я схватил корзину и на том же «газике» покатил в свою обитель. Да, грибов было столько, что по моей лесной дороге к Бобришному Угору было как-то неловко, стыдно, странно ехать. Грибы росли прямо посреди дороги, в колеях, зарастающих травой, под каждым кустом, у каждого пня. Мы их давили, мяли, колеса скользили на них, почти буксовали. Наконец я не выдержал, взмолился: больше не могу, остановите машину, лучше пойдем пешком.

Мы пошли пешком. Но мы не шли, мы ползли на коленях. Листья уже опадали, но грибов на дороге было больше, чем желтых листьев. В основном это были подберезовики, или обабки, как их здесь почему-то называют. Подосиновики, или красные грибы, встречались реже и если уж встречались, то огромные, как свадебные пироги или как сковороды,— возьми сковородник и подбирайся с краю.

И подберезовики и подосиновики в наших местах не солят, не маринуют, только сушат — в печи, на соломке,— потому и называются они сушениками. Сушеники — и маслята, и моховики, и даже белые. А все прочие, что идут в засолку, зовутся солоники. Но их не так уж много: на первом месте грузди, затем идут рыжики, волнушки — вовденицы, красные и белые боровики, разновидность рыжиков, и, наконец,— на худой конец — беленицы — сыроежки всех цветов. Вот и все известные нашим людям грибы. А остальные — бесчисленное множество отличных, благородных, деликатесных вроде опят, или чушек, или шампиньонов — считаются собачьими губами, то есть погаными.

11 сентября. Первый день спал в старой избушке с матерью. В 9 часов утра иду на Бобришный Угор. Опять думаю стихами. Копают картошку — не до груздей.

Поэма ухода. Ухожу от друзей, от города — в звуки леса, лугов, как Лев Толстой от своей семьи. От тщеславия, от борьбы за власть, за закрытый распред и паек.

Грибов так много, особенно на дорогах. К 12 часам принес корзину сушеников (подберезовики, подосиновики, маслята). На Чистом бору нашел только один груздь. Корзину грибов можно набрать вокруг дома. Сходил за реку, белых не нашел. Очень много подберезовиков, устаревших и того больше. Сколько грибов гибнет зря.

Наступило, видимо, бабье лето. Тихо, солнечно, сухо, только ночи холодные. Вода в реке очень холодна. Листья на черемухах побагровели,— не знаю даже, что и за цвет: бордовый и ярко-оранжевый, зелень и золото. Вязы еще зеленые и здесь, как на Темном мысу под Вологдой.

Вечер. Мир затихает. С озера пролетели две пары уток за реку, на кормушку (?) — в 17-30. В 17-45 полетели журавли: слева от меня клин в 40 птиц, справа — только 8. (Я сижу за столом у дома.) Журавли переговариваются нечасто, спокойно. В большой стае в правом крыле ее только две птицы, в левом, стало быть, 38. Очень тихий

вечер. Солнце вот-вот сядет, вершины деревьев еще освещены. Всё — и вершины потухли (18 ч.). Слышно, как в деревне бренчат колокольцы на коровах,— у нас их зовут колоколами, переговариваются люди — слышны в основном женские высокие голоса.

Долго не растапливалась печь — мать начала топить с 14 часов. И только часов в 17 пошел дым из трубы. В 18 часов я удивился, что этот дымок из трубы уже застлал весь левый, противоположный берег реки, как много его оказалось. Может быть, это вечерний туман уже стелется над рекой и берегом? Нет, это пока только дым от моей избы. Ночевал в Блуднове.

12 сентября. С утра за груздями я и Саня. У нас все птицы — потки, все цветы — бабурки. Почему обабки подберезовики? Осенью — пинок (гриб), зимой — пирог. «Если вовремя посеять — деффект будет (эффект)».

19 сентября. Утром по радио из Никольска передавалась запись моих слов и стихов, сделанная на Дуниловской дороге.

План — приусадебный участок. На плану — картошка. У Анны урезан участок, земля пустует рядом, на ее же участке, но пахать ее, обрабатывать, засевать нельзя. И так у многих. А люди, пользуясь этими обрезками, жили бы сытнее, меньше бы требовали от государства, меньше бы хлеба покупали в магазине.

В 11 ч. 30 м. мы с матерью пришли в Скочково (вышли в 9-30). Я перебродил в сапогах-бродннях и мать перенес. У Анны в избе ясли — 6 детей, несколько люлек, на половиках «ползунки». Я растерялся. А ведь опять ко всему можно привыкнуть и писать.

У Прокопия Нестеркова купил пестерь за 3 р. и две пары лаптей по 50 к. (я дал 1 р. 50 к., он отказывался «Не сбивай цену».).

На лугах расстелен лен. Плохо, когда он лежит вблизи лиственных рощ — опавшие листья засоряют лен, засыплют так, что и не видно порой. В избах в Скочкове снопы овса в переднем углу — это «гостьи», символизирующие окончание жатвы.

Мать осталась в Скочкове, а я решил переночевать в своем доме на Бобришном Угоре. Вышел из Скочкова в 17 часов. В 18-15 был уже в доме. Перебродил через Кудангу и Юг. Весь лес уже желтый. Истопил печь, напился чаю. В 19 часов уже совсем темно. Все-таки жутко одному в лесу. Странно это, но, видимо, все связано с воспитанием, с суеверным детством. Когда подходил к

дому, из окна чулана вылетела желна. Значит, этот черный дятел продолбил 2 отверстия поверх моих окошечек, потому что хотел, как заведено, иметь запасные выходы.

20 сентября. Бобришный Угор. Ночь была трудной. Топил печь долго, а все мерз. И жутко было. Я совершенно один в этом мире, в этом лесу, у меня никого нет на свете близкого, кому бы я мог полностью довериться. Просыпался, опять топил печь и боялся выходить в темноту, на улицу.

К 6 часам утра был уже в деревне. Но я опоздал: Берсенев приезжал за мной на охоту и уехал. На чужом «газике» помчались по следам — к Новому полю, поворот — к гумну в Пермасском поле и далее — к Пригороде. За Пригородой я дал два выстрела — и выбежала из лесу собака. Стал кричать — отозвался и Берсенев. Подранили большого зайца, его потом отняла у какой-то черной собаки баба Верка. Берсенев убил другого зайца — маленького. Я стрелял по тетереву, по вальдшнепу — мимо.

Ушел на Бобришный Угор. Стержень в ручке оказался без пасты. Жарил грибы, варил картошку. Болит сердце — и буквально, и в переносном смысле.

21 сентября. На Бобришном Угоре. Сегодня ночь была сравнительно не холодной. Я даже не подтапливал печь. С вечера заходила Саня, принесла лампу. С 6 часов утра ходил за рекой — рябчиков не видал, есть грузди. Набрал белых, чтобы жарить. По просеке вышел выше Дресвы и плыл на плотике до 9 часов.

Пишу начатое вчера стихотворение про мухоморы. Солнечный золотой тихий денек. Осень так неправдоподобно красива и тиха, что я то и дело недоверчиво озираюсь: нет ли и тут какого-нибудь очковтирательства.

22 сентября. Утром собирал грибы. С ружьем бродил по болоту к Летовищу, вышел на Чистый бор. Умываясь в реке, долго следил за раком: он медленно двигался, затем нашел нору, залез в нее сначала головой вперед, осмотрелся, вылез, переворотился и залез уже задом вперед, клещами и усами наружу, и то выдвигал их, то прятался совершенно.

А часов в 9 утра пришли на Бобришный Угор мать с Анной — они пришли в Блудново вчера вечером. Принесли еще два пестеря. Водил их в лес за грибами, за реку переносил на себе. В 5 часов вечера, когда мать с Анной ушли, Саня принесла пакет — верстку «Бессонницы», при ней письмо от З. К.

23 сентября. Сегодня был очень сильный иней. Утром по первому инею очень страшно бывает выходить из теплой избы. С непривычки. А зимой — в мороз, в метель? — ничего. Вчера часов в 8—9 вечера прошел мимо меня плотик с козой — рыбу лучат, колют. «С лучом прошли».

Слишком люблю удовольствия, ходить по лесу, по реке — за грибами, с ружьем, люблю терять время в кино...

На муравейнике ни муравья. Синички появились около дома — веселые, энергичные, посвистывают... К 3 часам дня вышел в деревню в баню. После бани собрал мужиков, строивших дом, и поставил 3 бутылки водки.

24 сентября. Подготовил к отправке верстку «Бессонницы», а самому в Никольск ехать неохота. Удил. Варили с матерью уху. Ночую в Блуднове. Сплю плохо.

26 сентября. Сыро. С утра моросит. Я совсем заболел и не могу понять, что со мной. Умереть бы! Письма от З. К. нет. Мать говорит, что гроба раньше сами себе делали заранее. Один так сделал гроб и лет десять еще жил, а в гробу хранили горох. Мать ушла. Часы у меня стояли. Весь день лежу: странная слабость в сильнейшей степени, не с сердцем ли что?

Часов в 6 вечера я сошел с крыльца уже в сумерках, и вдруг над головой перепуганно шарахнулись 2 утки. А я думал, они уже все улетели. Перечитал «Евгения Онегина», «Повести Белкина», «Цыганы», «Полтаву».

27 сентября. С врачами и Саней уехали с Бобришного Угора совсем.

30 сентября. Ветер. Снег. Убил зайца в Новом поле с чужой собакой. Гости — погиб весь день: редакция, 6 человек.

1 октября, воскресенье. Снежок опять. Уехал в Никольск.

3 октября — в Шарью.

1968 ГОД

4 апреля. Чутье, интуиция даны художнику по-видимому как и талант, поэтому в его творчестве, в стихах предчувствием определяется многое гораздо раньше, чем осознанием. Я еще в 66 году написал «Отходную» и многое другое из того, что определило мой сегодняшний день. В Академгородке я начал писать поэму с мольбой о куске шагреневой кожи — она тоже шла от предчувствия.

16 апреля. Жалкую все-таки жизнь я прожил. А ведь мог... Мог!.. Вот что значит отсутствие дисциплины. Первая же настоящая выволочка, и я вышел из строя. А ведь можно было принять за успех, может быть, это и был первый мой настоящий успех. Молился на Льва Толстого, и только, пожалуй, на него одного всю жизнь, а писал о Кольцове, о Некрасове... Позвонили — и написал. Кто же мог мне позвонить о Толстом, кто доверил бы мне писать об этом великане? Да и сам я не решился бы, не достоин...

Прошу отвезти меня или мою урну на Бобришный Угор. Только на Бобришный Угор. Место под березой давно выбрано, Злата Константиновна его знает, знают и мои родные (сестра, мать). Обращаюсь с этой просьбой ко всем — к сыну, к дочерям, к Союзу писателей Вологды, к Вологодскому обкому партии и ко всем друзьям моим: хочу быть только на Бобришном Угоре, против крыльца моей избы, под березой у изгороди, над обрывом.

Александр Яшин.

Больше никаких просьб у меня нет.

5 мая. Сейчас я буду говорить рассказ:

Все больше уставая, слабея, человек просит сделать то, что он не успел сделать, выполнить обещанное им: разослать книжки с автографами, перевести деньги матери, вернуть другу долг, помириться... Много всего: долгов, и обязательств, и невыполненных добрых дел. Последние слова: «Скажи богу...» — и тут он умирает. А жена говорит, поправляя его: «Ну, это ты уже сам скажешь. Душа-то, она сильнее тела, понимаешь?»

3 июля. Талантов у нас тьма-тьмущая... Миллионы! И миллионы их гибнут. От лени. Работа, работа. Это касается и художников, и музыкантов, и вообще всех. Мы были у Паустовского в Тарусе и в одной избе услышали, как работает Рихтер,— повторяет, повторяет... Потом выбежит — и до лесу, и обратно. И от всех бежит. Сколько же было примеров у меня... Сельвинский. Как он работал, как... Да, Пришвин — целое лето жили около него в Дунине. Я даже записывать за ним ленился. Паустовский... Симонов — как работал: от и до, от и до стенографистке, которая потом расшифровывает. Мне бы сейчас еще немного пожить, чтобы дописать. «Для кого строился дом» — это главная моя книга. Много написано в карточках... Большая крестьянская семья — дети, дети. Вы-

растают. У каждого своя судьба: кто убит на войне, кто уехал учиться, кто на «колхозном фронте» погиб, кто на лесозаготовках. Удачная жизнь, нелепая жизнь, светлая смерть. От всей семьи остается старуха. Дом готов. Дом строился для сыновей, для внуков... Для кого строился дом?!

9 июля. Случись гроза — засверкают молнии. Продрогнет человек — зуб на зуб не попадает. А молнии все ярче, все ослепительнее, все трескучее, и все кажется, что они летят именно в него. И вот самодовольный, самонадеянный, всемогущий «царь природы» кидается укрыться под первый кустик, под первую березку — не от ливня, он и так уже вымок, больше некуда, а от страха перед молнией, перед этим чудовищным грохотом над головой. И опять, по-прежнему, человек становится «рабом природы».

Одна часть памяти золотая, другая серебряная. Все во мне из двух частей: одна — старая, другая — молодая. Два человека во мне. Крыльцо большое, резное, стоит один человек старый, другой молодой — эти два человека контрастируют, но не противостоят друг другу. Один накопил мудрость. А другой еще только в начале этого накопления.

И так я весь представляю собою как бы два потенциала, полярных. Каждый предмет раздваивается, в каждом предмете опять-таки два начала. Может быть, это положительное и отрицательное.

ПИСЬМА

В ПЕДТЕХНИКУМ ГОРОДА НИКОЛЬСКА

26 сентября 1930

Дорогие товарищи!

В Москву прибыл 21 сентября, часов в 7 вечера. Кой-как поосмотрелся, сдал вещи на хранение и выкатился с Ярославского вокзала на улицу.

Ой, мать родная, где я?! Стук, визг, гром, вой.

— Где я!..

Автомобили, трамваи, мотоциклы, извозчики.

Камень, железо, железо, камень. И все огни, огни, огни...

Повернулся, да... Унеси, господи, на старое место!..

Прижался в уголку среди человеческой сутолоки и тут проспал первую ночь. Никакая милиция выгнать не могла. Куда я пойду?.. Кого увижу?.. Чего скажу?.. На кого пожалуюсь?!

Утром ищу квартиру товарища — рабочего с завода АМО Льговского А. А. Вы его знаете. Это Соколов А. И.— бывший педтехникумец. Не нашел. Все напрасно. Езжу так, с целью посмотреть Москву. Трамвай идет и идет... Мчится трамвай. Люди сменяются на каждой остановке, а я все еду. Куда? — не знаю. Где у Москвы конец — не знаю. Нет его!.. Нет... Надоест ехать в одну сторону, меняю трамвай, еду в другую. И опять до конца.

Где я?.. В Москве! В советской Москве — столице первой в мире пролетарской республики. Где-то здесь недалеко от меня — наши вожди. Вспомню это — и дрожь по телу.

Где они?.. Они здесь так же далеко от меня, как и от вас, проживающих в Никольске.

Вечером в 22^{20} нашел друга. И вот живу у него до сегодняшнего дня. За это время съездил в Ц. Б. Пролетстуда. Был у секретарей. Был у председателя Артемова. Все «видел», «высмотрел» и вернулся оттуда с досадным и глупым выражением на лице. Приняли меня очень ласково, прощупали мое командировочное удостоверение, посмеялись над кем-то, кого-то поругали и прочитали мне вежливую нотацию:

«Как вам не стыдно, молодой человек!.. Вы уже взрослый, а предъявляете такие командировочные удостоверения».

«Но все-таки содействие-то какое-нибудь вы мне можете оказать или нет?»

«Да что же мы можем сделать... Командировать вас на работу в другую республику мы не имеем права, мы не знаем — нуждаются ли они в подобных работниках или нет... Да притом еще (тут они усмехаются) у вас уже на руках есть один «авторитетный» документ, которого вам вполне достаточно, чтобы пуститься в далекое путешествие. Вы, кажется, любите риск, дорогой товарищ?!» — и т. д.

На прощанье они скопировали мой «авторитетный» документ и возвратили его мне обратно: поезжайте, дескать, молодой человек, там море вас примет. Оно одинаково ласково ко всем: и к угрюмым воспитанникам Севера, и к восторженно-веселым жителям Юга. Может быть, вы сумеете смешать и породнить свою тяжелую северную речь с певучим украинским наречьем.

И я еду! Еду сегодня в 9 часов 20 минут вечера. Может быть, на некоторых вокзалах найдутся такие «некоторые» официанты, которые по моему «командировочному удостоверению» дадут мне возможность сытно пообедать, и я буду счастлив оттого, что не все люди грамотны.

Правда, как понимать это слово?! Неграмотность мы в конце концов, конечно, ликвидируем, но глупость человеческая ликвидации не подлежит. Здесь никакие педагоги не помогут и сами «не помогутся».

И все-таки я еду на юг. Еду не к людям, а к морю. Море меня примет. Оно меня знает... Мы с ним будем вместе песни петь..................и этим будем сыты.

Дорогие товарищи!

Путевки я не получил. Был в Цекпросе. Там тоже не помогли. Нужно, говорят, было списаться с теми ор-

ганизациями, куда хотите перевестись на работу. Вот и все. Билет взял до Севастополя. Артемов чего-то вам хотел написать... Ходил в зоосад, Третьяковку.

С тов. приветом! *Александр Попов*

И. Л. СЕЛЬВИНСКОМУ

4 ноября 1938

Дорогой Илья Львович!

Получить от Вас письмо мне всегда приятно, и это чувство и на этот раз подавило все остальное. Я соглашаюсь со всем уже сделанным и от души благодарю Вас за внимание, с которым Вы отнеслись к моей вещи. Я верил, что Вы все-таки напечатаете ее, и сейчас верю, что лучше это было сделать нельзя. Спасибо за то, что Вы заранее предупредили меня о сокращениях, так будет легче для меня.

Но я глубоко огорчен, что выброшен эпилог («Посвящение»). Называйте это как хотите, но мне легче было бы видеть выкинутой еще одну главу, чем свыкнуться с отсутствием «Посвящения». Оно для меня не только часть поэмы, оно моя личная жизнь, боль, судьба. Может быть, оно смягчило бы мою жизнь, если бы было напечатано.

Я совершенно серьезен, Илья Львович, и обращаюсь к Вам: если еще можно — оставьте «Посвящение» (эпилог), сделайте это для меня по-дружески или как угодно. Сделайте.

Далее. Я боюсь, что редакция снимет с поэмы прямое посвящение «Елене Христофоровне Первенцевой». От редакции я требую не снимать этой фамилии.

Но я ни на кого не могу надеяться, кроме как на Вас. Вас я прошу: не откажите, проверьте в гранках, в верстке, чтоб фамилия эта, посвящение это было. Навсегда буду признателен Вам.

Пишу поэму «Отец». Небольшую, сюжетную, с болью.

Продление на 10 дней санатория получил. Спасибо Вам. Об остальном жду на днях решения.

Ваш Александр Яшин

Читаю «Литературную газету». Вот и праздник наш комсомольский был. Я чего-то ждал, и все напрасно. Я все еще не существую.

С. В. ЩИРИНОЙ

Ленинград, 14 марта 1942

Дорогой друг мой навечно, Слава!

Не передать волнения, с которым я читал твою открытку и письмо института (Уитмен и Вишневский, сбитые в одно). В связи с переменой адреса я второй месяц не получаю писем, ваши письма были первыми, и это еще более увеличило мою радость. Очень хотелось бы не терять больше с тобой связи. За предложение прислать тебе свою рукопись чрезвычайно признателен. Верю, что только ты можешь устроить ее в печать и самоотверженно раздать по журналам и газетам...

Признаться, сам я огорчаюсь порой оттого, что в дни войны моя фамилия почти не фигурирует в печати, но вас всех прошу не придавать этому значения. Я все время был на передовых позициях, и, не позарившись на легкую славу и легкую жизнь поэта-репортера, поэта-оперативника, я тем богаче буду после войны. А полезное дело я делал все время и был нужен всегда, пусть незаметен. Во фронтовой многотиражке печатался беспрерывно и много.

Если моя рукопись до Фадеева не дошла, черкни мне, пожалуйста (позвони Фадееву), и я по выходе из госпиталя все перепишу и пошлю тебе. Положусь целиком на тебя, и, если ты действительно сможешь взвалить на себя еще и этот груз — стать моим посредником в московских газетах и журналах,— признательность моя будет безмерна. Я осмеливаюсь думать, что ряд моих стихов, попав своевременно в газеты и журналы, мог бы быть полезным и нужным в пашем общем святом деле.

С 13 февраля я нахожусь в госпитале. Поступил с дистрофией, но основное заболевание у меня туберкулез легких, открывшийся еще в октябре прошлого года во время постоянных ночевок в окопах — под дождем, в грязи. (Тогда я тоже лежал в госпитале.)

Сейчас с (12/III) я переведен в госпиталь выздоравливающих командиров КБФ, условия здесь порядочные настолько, что я быстро выздоравливаю и уже считаю, что вставший было вопрос об эвакуации меня на весенние месяцы сейчас могу отклонить. Самое тяжелое пережито, и не хочется (из корыстных писательских целей) оставлять Ленинград в последние недели блокады, терять возможность увидеть своими глазами, как он будет ожи-

вать. Да и тщеславие, конечно, уже взыграло: столько вынес, а в последние дни эвакуироваться... Выдержу!

По выходе из госпиталя поступлю на корабль, чтобы второй этап войны, особенно весеннюю кампанию, провести уже не в морской пехоте, не в береговой обороне, а в море. И если и на этот раз уцелею, тогда я буду одним из самых богатых по обилию впечатлений и материала писателей.

С волнением разбирал крокодильские каракули под печатным письмом. Как много там незнакомых фамилий! «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» В сторонке нашел тебя, милую скромницу. Нашел подпись Руфи Тамариной.

Очень ты хороший человек, Слава! Разреши мне сказать это. Сильный, честный, бескорыстный! Я не раз испытывал огромное удовлетворение и чувствую это и сейчас оттого, что ты рекомендовала меня и в кандидаты, и в члены партии. Мне это очень приятно. В тяжелые минуты внутренней неудовлетворенности я всегда вспоминал о тебе и думал: не такой уж я плохой человек, если ты, зная меня, рекомендовала меня в партию. (Все-таки я часто раньше бывал хлюпиком.) Знай, друг, что за время войны я ни разу не уронил звания члена партии, всегда чувствовал себя коммунистом и поступал соответственно этому. Честно тебе говорю... Звание члена партии я сохранил в чистоте...

Эх, Славушка, неуклюжий я человек в общежитии! Тяжело мне из-за этого иногда бывает. Посылаю тебе свой снимок осеннего периода — снято на фронте приезжавшим из Ленинграда фотографом Дома ВМФ, и вырезку из газеты, тоже осеннюю. Может быть, будет интересно. Будь здорова, родная! Рад, что институт выстоял, не закрылся. Верю, что и в этом есть твоя доля работы и выдержки, проявление твоего организаторского и человеческого таланта.

В госпитале пишу рассказы и поэму, сколько могу. Как-то там Москва живет?

А. Яшин

С. В. ЩИРИНОЙ

15 сентября 1942

Слава, дорогая!

Я долго не писал, потому что в августе перебрался на Сталинградский фронт, попал в переплет и не имел адреса. Сейчас адреса постоянного пока также не имею.

Буду иметь — сообщу, тогда свяжемся. Жив и здоров, как говорят. Получил новое звание приказом зам. наркома РК ВМФ. Заканчиваю в перерывах сталинградскую поэму («Город гнева»), небольшую, тяжелую, злую. Будь здорова, не забывай! Привет друзьям.

Александр Яшин

М. М. ПРИШВИНУ

8 марта 1948

Дорогой Михаил Михайлович!

Глубоко сожалею, что не был на Вашем юбилее, не прочитал стихов, посвященных Вам, что даже не смог послать Вам своих поздравлений — все это время, такое значительное для Вас, я лежал в больнице в городе Архангельске и с внешним миром почти не был связан.

Примите задним числом мои восторги, мои поздравления и пожелания всегда много и неизменно отлично работать на радость и удивленье всем нам и жить вечно.

Люблю Вас, кудесника.

Александр Яшин

Кланяется Вам Злата Константиновна.
Привет от нас Валерии Дмитриевне!

ПРАВЛЕНИЮ КОЛХОЗА «КРАСНЫЙ ПАХАРЬ» НИКОЛЬСКОГО Р-НА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛ.

5 октября 1949

Получил от вас сообщение о том, что грузовая автомашина наконец вам отпущена и что колхоз по выполнению всех обязательств перед государством сейчас идет впереди по сельсовету.

Передайте мой поклон всем колхозникам и пожелание новых и новых успехов в вашей работе. Вам пора уже начинать жить по-хорошему во всех отношениях...

Позавчера я вернулся из Сибири, где был в нескольких колхозах Иркутской области. Прямо скажу, сибиряки живут гораздо лучше вашего. Но я верю в вас, верю, что и вы скоро встанете на ноги по-настоящему. Желаю вам этого от всей души! Имейте в виду, что в любом хорошем деле я вас всегда готов поддержать.

Рекомендую Правлению колхоза написать в Вологодский обком ВКП(б) письмо от имени всех колхозников, примерно следующего содержания:

«Секретарю обкома ВКП(б) тов. Дербинову В. И.

Дорогой товарищ Дербинов!

Колхоз «Красный Пахарь» Никольского района Пермасского сельсовета получил согласно Вашего указания грузовую автомашину. Колхозники просят Вас принять от них большое спасибо за заботу о колхозе и обещают оправдать Ваше доверие и работать еще лучше».

Напишите мне, сколько вы смогли в этом году дать колхозникам на трудодень... В Иркутской области колхозники получили по четыре и даже пять килограммов на трудодень.

Привет моим друзьям охотникам! В Иркутской области я участвовал в колхозной охоте на косуль (это вроде небольших оленей). В тайгу выехали на грузовике сразу семнадцать охотников во главе с председателем колхоза им. Буденного, все с двустволками. Одну косулю убил я лично. Шкуру привез в Москву, могу показать. Заезжайте.

Привет всем. *Александр Яшин*

А. С. ОЛЬХОНУ

19 марта 1950

Уважаемый Анатолий Сергеевич!

Спасибо Вам за теплые слова об «Алене Фоминой». Я давно уже на больничной койке, а по выходе из клиники сразу же поеду на юг — хочу так же попытаться стать здоровым,— поэтому сообщу Вам сейчас по интересующему Вас вопросу то, что знаю, не имея возможности узнать что-либо дополнительно.

В Архангельске литературная и издательская жизнь более оживленная, чем в Вологде. У кормила там — Коничев Конст. Ив., Ваш старый знакомый, поэтому, вероятно, с ним следует и связаться.

В Вологде областного изд-ва пока еще нет. С прошлого года начала функционировать так называемая «Книжная редакция» при областной газете «Красный

Север» (ул. Урицкого, 2. Гл. редактор Малков Влад. Мих.; редактор «Красного Севера» — Кондаков А. А. — бывший редактор новосибирской газеты). В Вологде в 1949 г. создали Литературное объединение. Молодые силы там есть очень интересные, нужда в квалифицированной творческой помощи, в опытных кадрах чрезвычайно велика. Возможно, туда переедет Н. Тощаков. Если Вы всерьез думаете переехать в Вологду — сделать это будет, вероятно, легко. Первый секретарь обкома ВКП(б) Дербинов Вас. Никитич. Литературное объединение сейчас поручено Кондакову А. А., потому что более свободного и авторитетного товарища пока не нашли. Я уверен, что Вологда скоро будет серьезным литературным центром, должна стать. ССП держит Вологду в поле своего внимания и, конечно, будет, как мне кажется, очень заинтересован в пополнении литературных кадров Вологды.

Завидую Вам, что Вы можете жить в Вологде. Мне, видимо, скоро придется и Москву покинуть и тянуться на юг.

С уважением *Александр Яшин*

А. А. ФАДЕЕВУ

Генеральному секретарю ССП СССР

Январь, 1951

Уважаемый Александр Александрович!

Рост литературных сил в Вологде и Вологодской области дает возможность в ближайшее время поставить вопрос об организации там областного отделения ССП. Поэт Сергей Викулов, серьезный и талантливый человек, может стать одним из активных работников и организаторов литературного движения в Вологде и возглавить новое отделение ССП.

Осенью 1950 года я был на Втором вологодском областном совещании молодых писателей, которое проводилось отделом агитации и пропаганды обкома ВКП(б) и редакцией областной газеты. Познакомившись со всеми обстоятельствами дела на месте, я всячески поддерживаю ходатайство товарища Викулова об увольнении его в запас из рядов Советской Армии с тем, чтобы он смог целиком посвятить себя литературной работе и собиранию литературных сил на Севере.

А. Яшин

С. П. ЩИПАЧЕВУ

Барнаул. 17 июня 1954

Дорогой Степан Петрович!

Скоро уже два месяца как я на Алтае. Написал пока очень мало, почти ничего, потому что основное время проводил непосредственно на полях, но уже могу сказать, что поездка не будет безрезультатной. Жил я по нескольку дней, иногда по неделе, то в одной, то в другой тракторной бригаде, в основном в Гилёвской МТС Завьяловского р-на, спал на нарах, в вагончиках вместе с трактористами, научился водить трактора — ДТ-54, АСХТЗ-НАТИ и колесники; культивировал и пахал. Пишу тебе об этом почти с чувством хвастовства, просто хвастаюсь, так мне самому было приятно работать.

Хочу еще сообщить, что для того, чтобы ближе сойтись с людьми, я получил направление от Гилевской МТС и поступил на курсы трактористов в Благовещенскую школу механизации с/хозяйства. Никогда, ни при каких обстоятельствах (разве только во время войны) мне не приходилось еще чувствовать себя так свободно среди людей труда, как на этих курсах. Общий стол (овсянка), общий чердак для сна — без постелей, без одеял на досках и проволочных сетках — когда как удастся, одни интересы — если всё это не даст хороших стихов, тогда надо всё бросать и переходить па прозу. Я очень рад, что решился на такое инкогнито. Я и сейчас еще — курсант школы механизации,— *Попов*, образование 10 классов, до приезда на Алтайскую целину был библиотекарем ф-ки им. Маркова в Москве и т. п. (пришлось писать «не очень точную» автобиографию).

По тракторной теории, по агротехнике у меня пятерки — выходит, я не посрамил московскую секцию поэтов. Я всерьез хочу сдать госэкзамены и получить права тракториста. Поэты должны овладевать смежными профессиями.

Но сейчас дела у меня пошли неважно: здоровье все-таки подвело, и я лежу в Алтайской краевой больнице. Видимо, на курсы уже не вернуться. Жду Злату Константиновну. О своей болезни ей не сообщал. Не сообщайте и Вы, если она ко мне не выедет. Уход тут хороший, и я скоро поправлюсь.

Посылаю тебе в порядке информации стихи из местной краевой газеты. Конечно, они еще будут дорабатываться.

Очень горевал, что не пришлось быть вместе со всеми на празднестве в Киеве, но везде поспеть нельзя. Будь здоров! Я люблю тебя, Степан. Привет товарищам.

Александр Яшин

З. А. ЯШИНОЙ

Кисловодск, 25 декабря 1955

Любимая моя доченька Злата!

Спасибо тебе за хорошее письмо. Поцелуй за меня также Наташу за ее письмо для меня.

Как бы я хотел, чтоб все вы сейчас были со мною. Особенно мне хотелось бы жить вместе с тобой, потому что ты очень добрая, внимательная и могла бы хорошо и быстро ходить со мною по горам.

Погодка здесь стоит теплая, но сырая. Наш санаторий высоко в горах, и мы то и дело оказываемся в середине облаков. Вдруг в окнах потемнеет или станет молочно-белым — и ничего не видно. Словно мы поплывем где-то высоко над землей — и ни земли, ни неба не видим.

А когда выглянет солнце, то становится очень красиво вокруг. На горизонте видны две вершины вечно белоснежного Эльбруса, а ближе к нам горы поменьше — Медведь-гора, Красное солнышко на Синих камнях, Малое седло, Большое седло. А еще ближе — Храм Воздуха.

Эх, и погуляли бы мы с тобой! Город здесь называется Кисловодск потому, что раньше нарзан называли кислой водой. А он совсем не кислый, а приятный и полезный.

Заинька родная, скажи по секрету своей маме, что я ее очень, очень люблю, всю жизнь любил и буду любить всю жизнь без конца.

Братцам и сестре Наташе поклон. Тебя целую. Хорошо, что тебя зовут так же, как маму.

Твой папа

А. А. ЯШИНУ

Кисловодск, 12 января 1956

Сын мой родной Александр, здравствуй!

Правда, читать ты еще не умеешь, но я все-таки решил написать тебе письмо. Пусть тебе девочки — сестры прочитают.

Мы с мамой живем в горах, в том городе, откуда в прошлом году привезли тебе черкесский костюм, и серебряный кинжал, и лыжи. Здесь есть очень высокие горы, на которых вечно лежит снег. Недалеко отсюда известная гора Эльбрус. Ты такие снежные горы видал, когда мы с тобой ездили по Кавказу. Только моря здесь нет.

Я тебя очень люблю, Саша, и прошу тебя приучать себя к порядку и закалять свое здоровье. Надо раньше ложиться спать, утром делать зарядку по радио и больше гулять и больше есть. Мужчина должен быть с детства очень здоровым, чтобы после ничего не было страшно и тяжело. Главное, чтобы никогда не кашлять.

Пожалуйста, люби своих сестер и Мишу и защищай их от других, а сам не обижай. Старайся так делать, чтобы им было хорошо жить, чтобы они были счастливы.

Скажи Мише, что я ему сейчас пошлю отдельное письмо.

Целую и обнимаю всех. *Твой отец и друг*

Н. А. ЯШИНОЙ

Кисловодск, 18 января 1956

Любимая и родная моя Наташа!

Нам с мамой очень понравилась твоя открытка, в которой ты пишешь, что не можешь доказать свою любовь к нам, потому что у нас в семье мир и дружба и что тебе жалко, что открытки слишком малы. Нам всё это так понравилось потому, что мы увидели, какое у тебя хорошее, доброе сердце и как сильно ты можешь любить и понимать любовь других и ценить ее. Мама даже поплакала немного, так была взволнована твоими душевными словами. Ей даже стало казаться, что мы сделали неправильно в Бахчисарае, когда не взяли тебя на гору в каменный пещерный город Чуфут-Кале и ты, бедненькая, сидела одна и ждала нас и, наверно, боялась, поэтому мы, дескать, перед тобой все виноваты.

А я, грешный, думаю, что мы сделали правильно, что пощадили, пожалели твое сердце. А особенно правильно сделала ты сама, что осталась, и не плакала, и ничего не боялась — показала себя настоящим человеком, а не капризной и сопливой девочкой. Я думаю, что все это было хорошо и правильно: и зря мы раньше иногда

поговаривали, что у тебя дурной характер. Теперь, когда я по тебе очень тоскую, я думаю, что и характер у тебя отличный, справедливый и что ты всегда веселая, сердечная девочка. Издалека как-то все это лучше видно — сама понимаешь.

А чтобы тебе не было обидно, что мы были в Чуфут-Кале, а ты не была, *я тебе обещаю*, что в этом же году, если мы поедем в Крым, а не в другое место, я специально для тебя поверну оглобли нашей «Победы» в Бахчисарай и мы все с утра, а не под вечер, как тогда, пойдем с тобой в этот каменный пещерный город. Я тебе клянусь в этом, только ты мне сама напомни потом о моем обещании.

Вот так! Договорились?

Тебя же я прошу никогда не думать о себе плохо: ты совсем не боязливая, когда захочешь, и добрая. Другие злятся, потому что хотят зла людям, а мы с тобой (отец и дочь) просто иногда нервничаем. Прекрасный ты человек — мы с мамой это сейчас хорошо понимаем. И можешь не сомневаться в том, что мы тебя всегда горячо любим и любили и всегда хотели тебе только хорошего, даже когда поругивались с тобой.

Так, моя доченька!

Теперь выслушай кое-какие советы. Почему ты для школы, для учительницы, в тетради пишешь красиво и ровно, стараешься, чтобы тебя похвалили не только за содержание, но и за красоту, за форму, а нам с мамой пишешь небрежно, криво, коряво, кое-как. Извини и меня, что напачкал на этой странице. Но мне некогда переписывать, хотя надо было бы. Письма тоже надо писать старательно. Ты же уважаешь и себя и нас, значит, и нельзя так водить помелом по бумаге. А то уже и Злата тебе подражать стала.

Еще один совет. Мы с мамой бережем все ваши письма и открытки. Берегите и вы наши письма, складывайте их в одно место, сохраняйте. После, когда вы будете уже взрослыми, а мы старичками, эти письма для вас будут очень дороги, как для нас — ваши письма.

Скажи об этом Заиньке, Саше и Мише, пусть и он поймет.

На открытках письма не пишут, они не для писем, а для всяких поздравлений, новогодних, например, и для коротких сообщений. Письма надо писать па хорошей бумаге.

И еще. Я не люблю слово «Ната». Такого имени нет. Есть хорошее русское имя — Наталья, Наташа. Раньше были даже такие царевны, красавицы сказочные. А «Натка» — это искаженное имя, мещанский вкус. Не подписывайся больше так.

Ну, обнимаю тебя, целую. Поцелуй сестру и братьев. Привет всем.

Твой отец

К. М. СИМОНОВУ

Кисловодск, 19 февраля 1956

Дорогой Константин!

Телеграмме твоей мы были очень рады. Приятно было получить такую телеграмму от тебя.

Здесь все по-прежнему,— туманы, иногда сильный ветер... Только Храм Воздуха горит. Вечерами там никого. Белые колпаки приуныли.

Фотоснимки я дал всем. Один из образцов посылаю тебе. Все остальные передам в Москве, если придется туда вернуться,— в марте, и уже собственного производства.

Прямо тебе скажу: сейчас живу, да оба живем только одним — ждем от тебя со Съезда какой-нибудь весточки. Если разговор состоится, сообщи, пожалуйста, сразу, очень прошу об этом.

Писать стал больше, энергичнее. Посылаю тебе для ознакомления два последних стишка. Тебе лично, а не для журнала. Для журнала пошлю потом целую пачку сразу, если попросишь. «Рычаги» — будет хорошим и приемлемым рассказом — я уже нашел, что нужно сделать, и на днях сделаю это; сейчас настроение стало лучше.

Перечитал опять твои переводы из Вургуна. Отличная работа! Это уже не перевод в обычном смысле. Мне особенно нравятся первые два стихотворения. Вот действительно густо написано!

Продолжаешь ли работу над романом? Я не лезу ни с какими советами, мне просто хочется, чтобы московская сутолока не вышибла тебя из того состояния творческой сосредоточенности, которое я здесь с удовольствием и с пользой для себя наблюдал.

Жму руку! *Александр Яшин*

Снимки и стихи посылаю в отдельном конверте.

К. М. СИМОНОВУ

Москва, июнь 1956 (?)

Дорогой друг Константин Михайлович!

Сдаем 1-й альманах московских поэтов — «День поэзии» (по типу «Литературной Москвы»). Выпустить к 1 сентября, чтобы в День поэзии (1-е воскресенье сентября) быть в продаже.

Ловим тебя давно. Дай что-нибудь хоть телеграфом, стихи, отрывок, заметки о поэзии и т. п. Молю — дай!

Давай к 5 — июля, к 10 июля — как последний срок.

О Фадееве — очень хорошо! Меня представили жидко, в последний момент перетасовали карты и сняли серьезные стихи.

Твой Александр

В. В. ОВЕЧКИНУ

23 сентября 1957

Дорогой Валентин!

Много было всякого после того, как я побывал у тебя. Несколько раз пытался писать тебе, не получалось. И чтобы ты не подумал плохо о моем молчании, скажу только одно: все это время я жил, думая о тебе, постоянно опирался на твою силу, на твою душу, брал для себя за образец твое служение большой нашей правде и справедливости. Очень часто, когда мне приходилось попадать в условия, требовавшие выдержки, выносливости, крепости духа, я старался представить себе, как бы ты себя вел в каждом отдельном подобном случае.

Поверь, это не риторика. Перечитывал твою книгу. Оказалось, что я как будто не все знал в ней. А, м. б., я сейчас увидел в ней гораздо больше, чем раньше. Постоянно обращаюсь к ней. Честное слово, это целая энциклопедия колхозной жизни, людских отношений в деревне наших дней. Вспоминаю, что я с жаром рассказывал тебе кое о чем, увиденном мною, словно сделал какие-то открытия. А оказывается, у тебя все это уже есть, все пережито раньше, чем я пережил.

Я рад, что побывал у тебя. Мне было гораздо легче

пережить многое, потому что я побывал у тебя, узнал и почувствовал тебя. Сейчас я все время чувствую тебя за своей спиной как старшего товарища, советчика и большого друга.

Кланяюсь тебе, обнимаю тебя! Желаю тебе здоровья, силы, бодрости душевной, ясности во всем.

Александр Яшин

ДЕТЯМ

14 июля 1958

Родные мои, любимые, ласковые мои,
Наташенька, Златочка, Сашенька!

Я к вам скоро опять приеду, чтобы увезти вас в Москву. Живите спокойно, будьте внимательны к бабушке. А главное — старайтесь как можно больше увидеть, узнать, почувствовать,— времени у вас для этого осталось мало, а надо, чтобы деревня осталась в вашей памяти на всю жизнь. Жить в России и не знать деревню нельзя.

Я в Вологду еще не ездил. Сдавал стихи в печать: тринадцать стихотворений из тех, что написаны в Блуднове, взял А. Твардовский для «Нового мира» (№ 8), он теперь главный редактор этого журнала. И ждал выхода в свет своей книги в Гослитиздате из серии «Библиотека советской поэзии». Книжка уже вышла. Вам ее на днях пошлют.

Мама чувствует себя лучше. Она у нас поправится, но требуется еще терпение и время.

Вчера мы ездили с ней к Мише во Внуково, увезли ему много игрушек, и весь день он был счастлив. Показали ему новый немецкий электрический теплоход, который он от своего имени направляет Саше (я привезу). Теплоход может ходить по воде на любые расстояния, мотор работает несколько часов, потом стоит сменить электробатарею (от карманного фонаря), и все начинается сначала. Мы испытали теплоход на речке у Миши во Внукове и на пруду у Твардовского. Привезу еще для Саши его пневматическую винтовку с новой тысячей пуль. Думаю, что надо привезти Заиньке ее куклу, но пока мама не решается отправить ее в далекий путь. Напишите, пожалуйста, в Москву, что привезти для вас — для Наташи и Златы, чтобы вы в последние 10—15 дней

могли там еще поиграть. Просите, не стесняйтесь, деньги у меня сейчас на это есть. Могу, конечно, привезти один велосипед, но его придется оставить там. Нужно ли это?

Мама очень рекомендует вам (Наташе и Злате) — и я рекомендую — срочно начать записывать частушки от девушек (да и от ребят — не грубые, не вульгарные). Можно еще написать не одну тетрадку. Это может очень пригодиться для творческой работы. Если будут очень хорошие — можно и опубликовать кое-что. В частушках всегда сказывается подлинная жизнь деревни. Мне в моей работе они всегда очень помогали.

Завтра или послезавтра я выеду в Вологду. Мама не решилась ехать, боится за свое здоровье. А я ждал ее. В Вологде пробуду не очень долго. Вернусь в Москву на несколько деньков, приведу «Победу» — и к вам. Ласку с дачи украли. Не везет нам с собаками.

Привезу киноаппарат, и будем показывать свои картины.

Я очень вас всех люблю, родные мои. Не сомневайтесь в этом. Конечно, прожить всю жизнь вместе и ни разу не поссориться тоже невозможно, но ссоры — это явление временное, преходящее, а любовь — она остается, она вечная. Мне иногда кажется, что Наташа порой сомневается в моей любви и не очень любит меня, но я ее люблю очень и всегда — это точно. Ну, вот, пожалуй, и все. Встречался я здесь с Овечкиным, с Твардовским, все время был вместе с Тендряковым. Это все писатели, которых вам еще надо узнать и полюбить. Это хорошие люди.

Целую вас. *Ваш батько*

А. А. ГОРЧАКОВОЙ

Комарово, 9 марта 1959

Дорогая сестра!

Как только ты уехала от нас, и начались всякие несчастья.

Сейчас все больны гриппом. Злата тоже едва держится. А я живу не в Москве, а под Ленинградом, в Комарове. Сообщай почаще о здоровье мамы.

Напоминаю тебе о палке, про которую ты мне говорила. Может быть, я летом побываю в Блуднове, тогда

и вырежем ее. Только бы она уцелела и подросла. Надо, чтоб была и длинная и толстая, старику по росту и по руке.

Привет маме и всем. *Александр*

Н. Н. АСЕЕВУ

Комарово, 16 марта 1959

Дорогой Николай Николаевич!

До чего же Вы обрадовали меня своим письмом! И чем было неожиданнее, нежданнее оно, тем, пожалуй, приятнее. Какие бы причины ни побудили Вас написать мне вдруг, ни с того ни с сего,— я благодарен Вам и рад, что, оказывается, живу еще в Вашей памяти.

В Комарове я пробуду до 24/III. Если не продлю путевку дней на десять, то уже 25/III, вероятно, смогу побывать в знакомой Вам семье «любителя поэзии». Д. Гранин сказал мне, что этот Крутецкий, рабочий-интеллигент, известен в литературных кругах Ленинграда, частенько бывает на собраниях писателей, поэтов и даже чуть ли не на президиумах СП (?).

Статья Ваша в 1-м выпуске «Дня поэзии» не могла меня не взволновать,— мы тогда слишком верили в силу печатного слова,— и если Вы правильно поняли мой отклик, то, конечно, знаете, что я писал не для того, чтобы в чем-то с Вами не соглашаться, спорить. Совсем не для того. Но, кажется, таких статей мы больше писать уже не будем. Встречаться и разговаривать друг с другом нам, конечно, следует, несмотря ни на что. Вернусь — позвоню.

Спасибо Вам еще раз за память.

Ваш Александр Яшин

Н. Н. АСЕЕВУ

Телеграмма

14 июля 1959

Дорогой друг Николай Николаевич!

Разрешите и мне от всего сердца поздравить Вас с Вашим добрым юбилеем, с Вашим счастливым и ясным многолетием. Не вините меня, что так и не побывал у Вас: мне сейчас трудно живется, и я боялся испортить Вам настроение.

Крепко обнимаю и целую Вас. *Александр Яшин*

ДЕТЯМ

Владивосток, 8 декабря 1959

Любимые мои сыны Саша и Миша!

Я живу в том городе, в котором родилась наша мамочка, наша Злата Константиновна. Посмотрите на него на карте, он стоит на берегу Великого, или Тихого океана. Здесь пока еще не холодно, хотя снежок тоже есть, но очень сильно светит и греет солнце. В порту все время стоит огромное количество военных кораблей и океанских пароходов, самых разных. Я бывал уже на многих судах. На одном краболовном судне мне подарили живого краба не меньше метра шириной. Мы его сварили и съели — необыкновенно вкусен, с консервами не сравнишь. А панцирь от него я вам привезу.

Посылаю вам две одинаковых книжки «Животные Севера».

Поцелуйте маму за меня и сестер своих.

Обязательно будьте здоровы! Берегите нашу маму, я ее не очень умею беречь, и это самое мое большое горе в жизни.

Люблю вас! *Отец*

И. Л. СЕЛЬВИНСКОМУ

9 января 1960

Дорогой Илья Львович, родной мой человечище!

Пишу с Внуковского аэродрома. Летим в Ташкент трое от «Литгазеты», а вылет задержали из-за погоды на три часа, и вот сижу думаю о Вас — путешественник. Был в Вашем Владивостоке, вспоминал там «Тихоокеанские стихи», а сейчас в киоске купил Вашу «Лирику» («Огонек») — и там — и «Белый песец», и «Охота на тигра», что я давно люблю, и удивительное «Заклинание», и многие новые лирические откровения.

Вернулся я из Владивостока перед Новым годом, пытался звонить Вам, но Вы, видимо, живете на даче.

Позвольте высказать Вам хоть задним числом самые наилучшие новогодние пожелания, что-то Берта Яковлевна жаловалась на Ваше здоровье. Не понимаю, как оно у Вас может быть плохим — Вы же такой могучий, вечный! Вы как из камня.

Упаси Вас бог болеть, а все-таки пора уже и беречь себя начать. Впереди у Вас столько еще неизведанного — я глубоко верю, что и самая большая слава, и почести — и правительственные и народные — у Вас еще впереди.

Милый, родной Вы человек, позвольте обнять Вас перед дорогой,— светлый Вы, чистый, всегда честный, каким и подобает быть большому поэту и человеку. Не умею я нежничать, а нежность к Вам всегда жила и живет в душе моей.

Желаю Вам здоровья и душевного спокойствия в Новом году. По возвращении сразу прибегу к Вам — разрешите мне это заранее.

Ваш Александр Яшин

Б. А. ЧУЛКОВУ

1 сентября 1960

Уважаемый Борис Александрович!

Книжку вашу получил. Спасибо. От души желаю поскорей следующей. Отказывайтесь, отказывайтесь от всего, от всяких побочных занятий, поскольку это возможно, и пишите, пишите стихи, накапливайте строчки.

Жму руку. *Александр Яшин*

А книжку Вам сделали здорово. Отличное оформление, ничего провинциального, областнического. Жаль, что в «Литгазете» не смогли дать Вам «Доброго пути». Я написал им и сдал, было принято, но очередь до Вас не дошла — там завал. А вот по радио я Вас дважды благословлял.

В. В. ОВЕЧКИНУ

Москва, 17 июля 1962

Дорогой Валентин! Родной человек!

В последние годы я очень ревновал тебя ко всем, с кем ты не порывал переписки, к кому заходил, когда приезжал в Москву, и поэтому мне особенно радостно было вдруг получить от тебя весточку. Конечно, и одобрение твое для меня было очень дорого. Более того, я думаю, что, м. б., ты и напишешь первый об этой моей

повести. Как это было бы хорошо, если б ты написал первый, а не супротивник какой-нибудь.

В «Новый мир» я, конечно, давал и «Сироту», и другую повесть — «Выскочку». Прочитали их Ася Берзер и Герасимов. Герасимов не сказал мне о них ни одного доброго слова, тогда и Ася сдалася. А у меня от «Нового мира» даже командировка была с обязательством сдать им «Сироту». Твое публичное одобрение и поддержка помогли бы мне с публикацией следующих моих прозаических вещей, почти уже готовых. А то отношение ко мне все еще недоброе, из-за чего я и работаю не в полную силу, и не могу никак выбиться из финансового кризиса (семья же у меня огромная!). Может быть, и «Роман-газета» заинтересовалась бы «Сиротой».

Это — все, касающееся моей жизни,— отвечаю на твой вопрос. А как ты смог ничего не сказать о себе, чем занят, что пишешь, как себя чувствуешь? Я слышал, что ты ездил куда-то в Сибирь, в Москве был у Тендрякова на даче, и проч. Что бы и обо мне вспомнить? Сейчас я лежу, возможно, лягу в больницу, если смогут устроить не в коридоре: сердце сдавать стало.

Плохи дела у Казакевича, но ты, вероятно, об этом знаешь. Паустовский перенес инфаркт, сейчас из больницы уехал в Барвиху. Кстати, ему тоже нравилась и «Сирота» и «Выскочка», но он болен. Звонил мне Нилин о «Сироте» — тоже с большим добром, но этот никогда ни о ком не писал, как Твардовский — ни о ком, кроме как об Исаковском (да еще Дороша похвалил в речи). В общем, у тебя сейчас выхода нет, раз ты уж подал голос, и спасенья от меня не будет. Видеть тебя жажду. Будешь в Москве, вспомни, что ты писал мне,— и позвони, и появись!

Еще раз спасибо за письмо, за добрые слова. Обнимаю, целую.

Александр Яшин

Еще одно дело. Я тебя уже в 58 году зазывал к себе в гости, в Вологодскую область. Я в тебя давно и по-хорошему влюблен. Сейчас буду звать снова. Поставили мне на Бобришном Угоре в Никольском р-не на высоком берегу реки избушку, в которой можно прекрасно жить, отдыхать, работать. Сосновый бор и река, охота и рыба, и сказочные окрестности,— от деревни моей, Блуднова, в 1,5 км. Еще новоселья не было, т. е. «влазин». (Новоселье — вла́зины.) Не хочешь ли поехать со мной на

влазины. Я бы и от б-цы сбежал, ничего не случится. Ночь поездом до ст. Шарья и 40 минут на местной авиации. Расходы маленькие: ж. д. билет 10 р. и самолет 4 р... Я бы за тобой ухаживать стал, как за каким-нибудь королем или принцем заэкваториальным.

Ну? Позвони мне, я сейчас все время у телефона. Выехали бы к концу месяца.

Моя Злата Константиновна кланяется тебе, она любит всех, кто любит меня. Но она меня предала, ушла на работу в Мосфильм, архитектором в картину «Война и мир».

А. А. РОМАНОВУ

18 сентября 1962

Дорогой Саша!

Посылаю тебе вырезку из ж. «Москва» № 6 за 62 г.— о твоей книге, о тебе. Понимаю, что у тебя уже есть такая, но лишняя не во вред.

Сожалею, что ты уже закончил ВЛК и покинул Москву, реже видеться будем. Одного желаю: пиши больше, чаще, постоянно пиши, накапливай свое богатство! Имей в виду, что нынешние очень известные молодые — Евтушенко, Р. Рождественский, Цыбин — берут и количеством. «Гений — это количество!» — записал в своих дневниках Жюль Ренар.

Спасибо, что ты посвятил мне свою поэму. Но почему бы и не послать мне ее? Я узнал об этом посвящении лишь недавно, в Никольске. Там же достал мне ее В. Коротаев.

Крепко обнимаю. *Александр Яшин*

В. Белова приняли в члены СП единогласно как исключительно талантливого прозаика. Мне было приятно еще раз убедиться, что я был прав.

А. А. РОМАНОВУ

14 февраля 1963

Дорогой Александр Александрович!

Крепко обнимаю тебя, жму руку. Спасибо за поддержку. Считаю, что ты поступил и благородно и мужественно не только по отношению к моей вещи, а по

отношению к жизненной правде и, главное, по отношению к самому себе.

Ржа ест железо, лжа — душу. Человек, проявивший слабость единожды, может на всю жизнь остаться с переломленным хребтом. А для того, чтобы честно и плодотворно работать в литературе и служить народу, надо иметь хорошее здоровье и прямую спину.

Хочу тебе сказать, дорогой друг, чтобы ты не волновался: *все будет хорошо. Все со временем выправится.* Дело не в одной Вологде, свет на ней клином не сошелся. В Москве «Вол. свадьба» принята очень хорошо. Писем идет очень много со всех концов — и мне, и в «Новый мир» Твардовскому, и, конечно,— в «Известия», и в «Комс. правду».

«Открытое письмо» и заметка студента состряпаны очень грубо, по старому, давно осужденному методу, и всем это сразу стало ясно. Я в контакте с нашим партийным руководством, и с Твардовским, и с рядом других товарищей. Они считают, что нет никаких оснований нервничать и торопить события. Я полагаю, что и люди из Никольска, подписавшие письмо, изменят свое мнение о «Вологодской свадьбе», когда сами прочтут ее.

Потребуется ли мой ответ, еще неизвестно. ⟨...⟩

Отвечать надо новыми произведениями. Показывал ли тебе Викулов мое письмо, адресованное *вам обоим*?

Он написал мне о том, как проходила конференция в Вологде и что он выступить не смог. Мне не все ясно с Викуловым. Его, вероятно, надо поддерживать. ⟨...⟩

Главное, Сашенька, не тревожься за себя, работай больше и впредь так же отличай настоящих людей от кишечнополостных, от тонкокишечных. Передавай, пожалуйста, от меня приветы всем подлинным друзьям и настоящим честным работягам.

Оживление, наступившее в литературе,— процесс необратимый. В нем отражение общего политического курса партии на демократизацию жизни в стране, объявленного еще XX съездом. Этот курс, естественно, не все проводят с одинаковой последовательностью, а многим он просто не по душе — в этом все дело. Но литература советская должна стать «совестью народа» и станет ею, иначе она не сможет выполнять своей роли «первой помощницы партии». Кое-кому легче организовывать «письма», чем заниматься настоящей большой работой среди молодежи, в народе.

А в Вологде, вероятно, еще обрадовались и возможностью взять реванш за статью «Ладно ли?».

Пиши мне, пожалуйста. Будь здоров. Очень тебя люблю!

Александр Яшин

И. Г. ЭРЕНБУРГУ

9 марта 1963

Дорогой Илья Григорьевич!

Я никогда не писал Вам и никогда не пытался искать с Вами встреч, хотя бывали случаи, когда мне этого хотелось.

Сейчас хочу сказать Вам, напомнить Вам еще раз, чтоб Вы знали, что во время войны, на фронте (я был на Ленинградском и Сталинградском) Ваша работа, Ваши статьи имели для всех нас — от рядового до любого генерала — исключительное, чрезвычайное значение. Нам было легче оттого, что Вы жили с нами и работали на всех нас. Не примите за наивность, но тогда я как политработник все время ждал, что Вас наградят званием Героя Советского Союза,— ждал этого сам и не раз говорил об этом с моряками, с которыми служил вместе. Вы и дважды и трижды достойны этого звания — так я и сейчас считаю.

Вот сижу над Вашей книгой. Думаю... Примите мой земной поклон и пожелание здоровья, здоровья, здоровья!

Александр Яшин

Ф. А. АБРАМОВУ

Москва, 14 июня 1963

Дорогой Федор Александрович!

Письмо-то я от Вас получил, а Вас самого в Москву не дождался. Жаль: опять откладывается встреча и знакомство. На днях я выезжаю на все лето — опять туда же и в Архангельск.

В Арх-ске буду недолго, а в Никольском р-не Волог. обл. буду жить до зимы (если не сопьюсь на свадьбах разных и похоронах). Случится проезжать мимо станции Шарья — то от нее 45 минут самолетом (4 рубля) —

прошу пожаловать. Если не на свадьбу, так на похороны какие-нибудь свожу Вас,— конечно, на оптимистические, чтобы не пришлось ничего очернять!

Руку! *Александр Яшин*

А. Т. ТВАРДОВСКОМУ

Бобришный Угор, 26 августа 1963

Дорогой Александр Трифонович!

Понимаю, что вряд ли мои слова прибавят для вас что-нибудь, но и не написать не могу,— говорю об опубликовании «Теркина на том свете». Опять событие огромного значения. Сейчас каждое ваше действие становится событием.

Не все, конечно, для меня понятно: как это получилось? Что это такое?

Кажется, я снова смогу писать. Только бы забыть еще кое о чем, слишком уж обидном. Из Вологодского областного музея выкинули мою фронтовую флотскую шинель, которую они сами выпросили у меня в качестве экспоната войны. Конечно, и все книги мои. Это все после проработки «Свадьбы».

Живу в лесу, в избе, о которой вам рассказывал. Рыбка да рябкѝ — пропадают деньки.

От всей души поздравляю вас. Иногда такой настрой души, что хочется сказать по-старому: да благословит вас бог!

Слышал ваше чтение — 24/VIII 63 г. Очень хорошо читали, дерзко.

Газет я почти не вижу, на новом партучете еще не состою. Может быть, в зоопарк надо будет прикрепиться и мне.

Ваш Александр Яшин

Марии Ларионовне низкий поклон. Буду жить здесь долго.

Ф. А. АБРАМОВУ

Бобришный Угор, 17 ноября 1963

Федор Александрович, друг мой!

Я все еще в Блуднове, но на Бобришном Угоре уже не живу, не с кем: мать у сестры в Вырыпаеве, Санька дома с детьми,— все картошку копают. Если не сегодня, то завтра выеду в Москву.

Начал писать «Лауреата» и сразу споткнулся, а поговорить не с кем. Сразу почувствовал, как не хватает Вас. Почему же я не посоветовался с Вами, следует ли его оставлять литератором или дать ему другую профессию. Когда я делал первые записи, все было просто, я имел в виду только себя и смотрел на вещь как на своеобразную исповедь: вот писал-де о счастье и довольстве, а приехал к односельчанам — довольный собой, правильный! — и увидел совсем другое, голод. Но мне почему-то неприятно стало писать о писателе. Кроме того, я же такое нагорожу, что сам буду выглядеть в жутком свете и жену, конечно, оклевещу — люди же все примут именно как исповедь и только исповедь, а я уже с самого начала отошел от исповеди, от самого себя. У меня будет тип — и тщеславный и самодовольный, по крайней мере, в первой части рассказа, а сам я таким самодовольством никогда не страдал, потому и не стал продажным. Я был просто очень верующим и слепым. Совесть во мне спала, что ли.

Вот какие дела. Если же дать ему другую профессию (у меня сейчас инженер, нач. цеха, «примкнувший» к коллективу изобретателей и новаторов), то не будет контрастности: получил за книгу о счастливой жизни деревни, а увидел деревню другой.

Очень прошу, напишите мне немедленно, если у Вас будут какие-либо мысли, соображения по этому поводу. Я буду ждать Вашего письма в Москве. Очень буду ждать.

Исповедь, наверно, получилась бы натуральнее, без сочинительства. Тут можно бы высказаться и о назначении писателя, о его долге, о том, что писатель прежде всего совесть народа, а затем уж (*и потому лишь*) инженер человеческих душ и прочее. Все события происходят, конечно, до 53 года.

Ваш Александр Яшин

Почему я вдруг испугался *писать о писателе*?

А. А. РОМАНОВУ

Поезд Кисловодск — Москва. 29 января 1964

Дорогой Саша, друг мой милый!

Сегодня мы со Златой Константиновной перечитали в пути всю Вашу книгу «Семизвездье». Многие стихи нам очень нравятся. Писать Вы стали свободно и как-то

легко, по-хорошему легко, без сочинительства. Поэт Вы истинный. Но думается, что работаете Вы все еще не в полную силу. Мало! Не трещат брюки в шагу. Не ставите перед собой больших задач, не лезете на рожон, не стараетесь выскочить выше своей головы. А надо стараться! Надо лезть напролом, на стенку. Надо пытаться укусить собственный локоть. Сейчас самое время.

Возраст подходящий уже для этого. Надо, Сашенька, надо!

Поймете ли Вы меня? Вы можете сделать очень много, Вам все дано. Не хватает, кажется, только обеспокоенности, дерзания, страстного рвения к большому труду, к подвигу. Нельзя долго удовлетворяться тем, что выпускать просто один сборничек за другим — спокойно, не очень торопливо, почти благодушно.

Пожалуйста, поймите меня. У Вас есть силы совершить что-то большóе, бóльшее, чем то, что Вы сейчас делаете.

Это письмо я сейчас покажу Злате Константиновне. Интересно, что она скажет. Поддержит ли она мою обеспокоенность за Вашу поэтическую судьбу.

Прочитайте в одном из последних номеров «Недели» (Известия) стихи Людвига Ашкенази. Вот где поэзия. Это выше и конкретнее «Человека» Межелайтиса. А Беллочка Ахмадулина, о которой Вы вспоминаете немножко иронически, напечатала в № 12 «Юности» уже *прозу* — и какая же это *живопись*!

А читали ли Вы «Головырино, Головырино...» Ребрина в «Нашем современнике» (кажется, № 3)?

П. Н. РЕБРИНУ

Москва, 1 февраля 1964

Дорогой Петр Николаевич!

Я давно прочитал Вашу волнующую повесть «Головырино, Головырино...» и давно достал Ваш адрес, чтобы поблагодарить Вас за все, но слишком медленно подбирались слова, а потом обстоятельства сложились так неудачно, что я почти перестал жить: я надолго заболел, уехал в Кисловодск, прокашлял там два месяца и т. д. и т. п. и сейчас лежу.

Пусть с большим запозданием, но не могу не сказать Вам, как я радовался появлению Вашей вещи. Радова-

лись все порядочные люди, прочитавшие ее, и, конечно, многие Вам об этом писали. Повесть написана большим художником и с самой доброй и чистой душой. Она, конечно, принесла свою пользу и послужит добру еще немало — я в это верю. Правда, «Наш современник» читают немногие, но Вашу вещь и «Осторожно, природа!» читали! Я лично продолжаю и сейчас рекомендовать ее всем. 〈...〉

В общем рад за Вас, желаю Вам хорошего творческого настроения, бодрости несмотря ни на что!

Молодой Вы, наверно? Руку!

Александр Яшин

Ф. А. АБРАМОВУ

Переделкино, 14 марта 1964

Прочитал я все три Ваши рассказа, дорогой Федор Александрович! Очень благодарен, что Вы послали их, уважили мою просьбу. Полностью принимаю в существующем варианте только один из них.

«Медвежья охота». В нем меня все устраивает и волнует. А я свою «Бабу Ягу», о которой Вам рассказывал, на эту же примерно тему, все еще не закончил, да, собственно, и не брался за нее... Рассказ «Пролетали лебеди», очень поэтический, мне представляется пока не проявленным, не проясненным до конца. Чего-то в нем еще не хватает, а чего — сам не знаю...

«Поездка в прошлое» — грубо прямолинеен. (Мне ли только говорить об этом, когда это моя собственная слабость?) Вы, наверно, читали уже повесть Залыгина в «Н. м.»? Он поднял материал, который взволновал и Вас, но сделал это глубже, шире и тоньше (не обижайтесь!) и, главное, сдержаннее, аккуратнее...

Также в лоб, по-очерковому взята тема в рассказе «Жизнь в легенде». Так, по крайней мере, мне показалось.

Мы оба слишком горячимся, кажется,— не следует увлекаться, злиться — чрезмерно, надо больше думать о живописности своих сочинений, о их чисто литературной стороне дела. Иными словами, надо сдерживать свой гражданский темперамент, иначе мы ничего больше вообще сказать не сможем, не дадут.

Прочитал я целиком (подряд) книгу Казакова «Зеленое и голубое» и увидел, что его слабость в совершенно противоположном. Ему не хватает ощущения трагедийности времени. А какой художник!

А я ничего не написал в этом году. Посылаю вот еще одно стихотворение. И снова посылаю «Желтые листья», должно быть, они были тогда недоработаны. Покажите кому-нибудь еще, оно должно доходить до души. Для Вас просто слишком надоело то, о чем идет речь.

Рассказы с благодарностью возвращаю. Если вы со мной согласитесь, то дайте им вылежаться — и сами все потом увидите и сделаете.

Ваш Александр Яшин

Ф. А. АБРАМОВУ

9 октября 1964

Дорогой мой!

Вот я и в больнице наконец-то и страшно счастлив. Надеюсь, мне здесь никогда не наскучит, до того осточертела жизнь «на свободе», дома... Если бы в эти дни в этом году я попал даже не в б-цу, а в тюрьму, и тогда радовался бы. Об одиночке, конечно, здесь и мечтать не приходится, в палате трое, а все-таки хорошо и спокойно. Думаю, что и отдохнуть и полечиться и подумать о себе самом удастся наконец.

Окончательно свалил меня Архангельск, с той поры я уже почти не поднимался.

Наташа в Архитектурный институт поступила и даже потом жалела, что слишком много очков набрала — неумеренно расходовала свои силы.

Саша и Златка больны, лежат. Злата Константиновна держится, но измучена вконец,— тоже, наверно, мечтает либо о больничной, либо о тюремной койке.

Больше ни о чем писать не могу. Положили меня в Боткинскую, корпус 7, палата 5. Но писать лучше все-таки на квартиру.

Спасибо Вам за очень хорошее, доброе последнее письмо.

Ваш Александр Яшин

М. С. САРЬЯНУ

9 декабря 1964

Дорогой Мартирос Сергеевич!

Больше 2-х месяцев пролежал я в Боткинской больнице. Сейчас — на выходе. Лечила меня Эмма Багратовна Рыжкова (другой фамилии ее не знаю). Она рассказала, что знает Вас хорошо, и мне было приятно побеседовать с ней об Армении, о Вас. Я, конечно, похвастался, что Вы написали мой портрет. А самому грустно стало, что вот давно не общаемся с Вами и что, наверно, Вы решили, что я уже сошел на нет, так как после жестокой проработки моей новой прозаической повести «Вологодская свадьба» в последнее время печатаюсь редко.

И вот мне захотелось сказать Вам, что «на нет» я не сошел и не сойду. И люблю я Вас по-прежнему: и преклоняюсь перед Вами и солнечным искусством Вашим, и надеюсь еще не раз повидать Вас, побывать в Армении, очень надеюсь и хочется.

Врач мой Эмма Багратовна рассказывала, что будто бы Люся Лазаревна болела и была в Москве. Прошу передать ей от всей нашей семьи низкий поклон и самые сердечные пожелания.

А как Ваше здоровье, Мартирос Сергеевич? Удивительный Вы человек! Я все время встречаю сообщения, что Вы не прекращаете работу ни на день.

Завидую Вам. А у меня все-таки оказалась «кишка тонка»: стукнут раз-два — и я надолго опускаю руки, не могу писать.

Но сейчас, кажется, кризис проходит, подлечили.

От Златы Константиновны и от меня всей семье Вашей наилучшие пожелания.

Желаю Вам доброго здоровья, обнимаю Вас.

Александр Яшин

В. Н. КАПЛИНУ

18 декабря 1964

Дорогой Вадим Николаевич!

Письмо получил. Я только что вышел из больницы, где провалялся больше двух месяцев, и, как бы ни увлекательно рассказывали Вы о медвежьих берлогах, побы-

вать сейчас в Никольске не придется — семья сидит без денег. М. б., и долго не бывать, если не удастся скоро ничего напечатать.

В Москве можете остановиться у нас, будем рады Вам. Только ни пить, ни курить уже не будем — со мной дело покончено. Собаку увидите — это ирландский сеттер, правда пока не обученный.

Что привезти? Медведя привезите — живого либо мертвого. Как видите, я много не прошу, скромный. Всем — Знаменитым Тартаренам из Никольска и окрестностей его — сердечный привет.

Эх, на зайчика бы хоть сходить.

Александр Яшин

А. А. РОМАНОВУ

19 апреля 1965

Саша!

Сегодня, 19/IV-65, я получил письмо от Васи Белова от 13/IV. Он считает, что я уже в пути. А я еще не раздобыл визу на выезд в пределы Вологодской области. Но обманывать его уже нельзя, выеду 〈...〉

Будь здоров. Васе напишу сегодня же. *А. Яшин*

Вчера мне из высокого учреждения было сообщено по телефону, что моя просьба о внеплановой *досрочной* электрификации моей родной деревни Блудно́во удовлетворена. К работам уже приступают. Видимо, в июне земляки мои, соседи получат свет. Можешь сообщить об этом Другову при случае. Возможно, что доведут линию и до моей избы на Бобришном Угоре — тоже по указанию. А ты говоришь о конфликте каком-то с председателем колхоза. Этот председатель после шума с «Вологодской свадьбой» просто перестал со мной здороваться — либо боялся, либо какой-нибудь капиталец себе на этом зарабатывал. Он может.

А. Я.

Ф. А. АВРАМОВУ

30 апреля 1965

Дорогой Федор Александрович!

Наверно, до тебя слухи уже дошли о собеседовании группы писателей с/хозяйственников 26/IV в ЦК. Си-

дели долго, с 9^{30} утра до 4-х дня. В основе разговора решения мартовского пленума по деревне, но говорить можно было обо всем. Общая атмосфера была хорошая, доброжелательная, деликатная. С мест были вызваны Викулов, Шундик, Рыленков. Залыгина, Троепольского, Иванова, Овечкина, Фоменко и др. не было.

Шел разговор и о тебе. *И очень доброжелательно* — в общем плане. Относительно новой твоей повести «Вокруг да около» пока перемен нет, бывшего письма же (или постановления?) никто не отменял. Но это ничего не значит.

Сегодня мне звонила Нина Павловна Жильцова (из ЦК), с которой ты разговаривал на «форуме». Они ищут *какой-нибудь возможности* тебя хорошо подать, восстановить твое доброе имя, чтобы ты мог спокойно работать и верить в доброе к тебе отношение. Она попросила меня передать тебе, не сможешь ли ты сам помочь им в этом. «Вокруг» переиздавать пока неудобно, тем более *отдельной* книжкой (о чем ты говорил с ней), но было бы очень хорошо, если бы ты смог дать им *новый очерк*, который бы они *смогли* дать широко, в лучших газетах и в изд. «Сов. Россия», которая теперь передана СП РСФСР.

Поверь, тебя очень хотят поддержать и поднять, только ты сам должен помочь в этом.

Я сказал (сегодня), что, кажется, ты все-таки пишешь роман, но о рассказах твоих почему-то ничего не сказал. А Нина Павловна говорила прямо о *новом очерке* — что им предложить, тебе виднее самому. М. б., ты напишешь ей? Она будет ждать от тебя весточки. Я думаю, что надо (первому) написать ей.

Я собрался к Белову, а выехать все не могу — только из-за денег. Видимо, мне дадут возможность издать избранные стихи. Но все это будет еще не скоро.

Обнимаю тебя и поздравляю с двумя праздниками сразу.

А. Яшин

На днях пошлю тебе рассказик «Угощаю рябиной».

В. В. ОВЕЧКИНУ

1 мая 1965

Дорогой Валентин!

Таких пасмурных писем я от тебя еще не получал. Только от Федора Абрамова порой приходят такие же

печальные, пожалуй, даже больше — отчаянные. Да еще мои к нему — все с надрывом. И все потому, что не пишется, руки опустились. Ленивым я раньше себя никогда не считал,— значит, либо постарел слишком быстро, либо просто всякую веру в литературу потерял и потому пропал интерес что-то делать, а ради одних денег писать уже не могу. Из-за этого — затяжной финкризис, и уехать даже в свои края не могу, нельзя же бросать семью ни с чем. А денег нет, и настроения нет. В общем кручусь в том самом чертовом колесе, в котором издавна пребывает наше с/х-во. Сегодня с утра идет мокрый снег, а мы переехали на жительство в Переделкино.

Правда, я все еще надеюсь на что-то и какого-то счастья жду. Но вряд ли хватит меня надолго.

Тебе, видимо, нужно выбираться из того климата, чуждого тебе (если не ошибаюсь). Если ты убежден, что все дело в этом, в климате, надо решиться и бежать. Для начала давай сюда, в Москву, к нам. Если ты быстро *сможешь* приехать (прилететь?), то тебя здесь подлечат и мы той порой что-нибудь изобретем и махнем в мою лесную избу. С сердцем шутить, конечно, нельзя и в самолет надо входить с оглядкой, но ведь и тянуть без конца тоже нехорошо. А к тебе здесь отношение такое доброе, что, конечно, немедленно были бы приняты все наилучшие меры, и подлечили бы тебя. Ты же сейчас почти один, дети выросли, а жену можно вызвать и позднее.

Я вот что сделаю, если не будешь в обиде. Сразу же после праздника покажу твое письмо кое-где — ну в Союзе Георгию Маркову, Воронкову, а то еще лучше в ЦК, сначала Жильцовой Нине Павловне, с которой свела судьба впервые 26/IV на собеседовании у Демичева, куда был приглашен и я.

У Демичева сидели писатели, интересующиеся деревенской темой: Михалков, Кочетов, Бубеннов, Софронов, Стаднюк, М. Алексеев, Тендряков, Шундик (из Рязани вызвали), Викулов (из Вологды вызвали), Шуртаков, Рыленков, Крутилин, Татьяничева, Франц Таурин, В. Федоров, Поповкин.

Залыгина, Троепольского, Иванова, Дороша, Ф. Абрамова, Фоменко, Овечкина и других не было, не вызвали. Общая атмосфера была очень хорошая, доброжелательная.

Между прочим, Демичев сказал и о дутых маяках, и о твоей Калиновке. Но, Валя, дорогой, для письма слишком много всего, я не одолею. Важно, что все было тихо,

деликатно, с добром. Поговорю я, право, о тебе сначала с Жильцовой и сообщу тебе. Наверно, что-нибудь придумают.

Обнимаю.

А. Яшин

В. А. КУРОЧКИНУ

27 октября 1965

Дорогой Виктор! (Отчества не знаю.)

С восторгом прочитал Вашу повесть «На войне как на войне». Не мог ни у кого здесь (я в Гагре, в Доме творчества) узнать Ваш адрес и все-таки пишу Вам наугад. Авось дойдет.

Позвольте поздравить Вас с большой победой, с большой удачей. Позвольте сказать Вам, что Вы написали великолепную книгу — и это по самому большому счету. С моей точки зрения, Ваша книга станет в ряд лучших художественных произведений мировой литературы о войне, о человеке на войне. К тому же это очень русская книга. Я думаю, что не ошибаюсь. И пусть не придет Вам в голову, что я могу как-нибудь лукавить, фальшивить, льстить Вам. Нет у меня этого ни в мыслях, ни в душе, пишу от чистого сердца.

Читал я Вашу книгу и ликовал, и смеялся, и вытирал слезы. Все удивительно тонко, достоверно, изящно, умно. И все — свое, Ваше, я не почувствовал никаких влияний. А это очень дорого.

Спасибо Вам. Дальше. Мне тут рассказывали, что будто бы Вас в Ленинграде не принимают в Союз писателей. Пожалуйста, посмейтесь над этим, и только. Посмейтесь! Не дай бог огорчаться из-за этого. 〈...〉 Ваша книга бьет по всем не умеющим писать, бесталанным, по поставленным у «руководства литературой», как же им не сопротивляться. К тому же и совести у этих людей нет. А ведь многие из них тоже о войне пишут. Смотрите на эти статьи как на рекламу, и только. Если бы не они, и я бы, наверно, долго еще не имел счастья прочитать Вашу повесть.

Для меня «На войне как на войне» выше прославленной повести А. Барбюса «В огне» и дороже и роднее Ремарка. А обаятельнейший, человечнейший Саня Малешкин имеет лишь одного предшественника Петю Ростова (больше пока я не вспомнил).

Еще раз спасибо Вам большое и низкий поклон.

Если мое имя Вам что-нибудь говорит, имейте в виду, что отныне я Ваш друг и Ваш постоянный читатель. Буду счастлив, если смогу когда-нибудь быть Вам в чем-нибудь полезным.

Дай Вам бог силы и здоровья! *Александр Яшин*

СЕМЬЕ

Воскресенье. Гагра, 21 ноября 1965

Родные мои, милые мои, все снизу доверху
и сверху донизу!!

Сегодня, 21/XI, ни одного письма от вас не было. А если бы вы писали каждый по одному письму через пять дней (через 4 дня!), я получал бы ежедневно. А если вы будете требовать от меня ответа на каждое письмо, мне придется целые дни писать письма. Неравные у нас условия.

Дорогой и любимой нашей матери большущее спасибушко за доброе письмо. Я отвечаю ей все тем же, м. б., даже в большей степени, но только пусть она делает иногда скидку и на мои настроения.

Саша, сын мой старший, наконец-то написал мне. И очень хорошее письмо написал. Но что бы ему написать сразу, как прилетел домой, и рассказ начать с дороги, с Адлера.

Пусть Саша никогда не сомневается в большой моей любви и преданности ему и верит мне, что я могу быть ему только другом и очень верным, если он того пожелает. Впрочем, это одинаково относится ко всем вам сверху донизу и снизу доверху.

А подумал ли ты, Саша, о машине, об аккумуляторе. Его бы надо не только подзарядить, а и прикрыть от холода, как это делал я в прошлом году (сначала кислотоупорной резиной, потом тряпьем).

А что ты сделал с пестиком от барклая, с пыжовником? Потерял его? Почему молчишь?

Маме: Феликсу Кузнецову не звонила о «Подруженьке»? А в журнал «Москву»? Написали ли гл. редактору «Правды Севера» о том, что меня в Москве нет и что хорошо бы получить еще один номер газеты (это в Архангельск). Я не пишу отсюда только потому, что забыл его имя-отчество. А фамилия Стегачев. ⟨...⟩

Удивительные письма от Златы и от Наташи (последняя перестала писать, как только заполучила мать). Неужели же никто из вас не станет заниматься всерьез литературной работой? Саша будет музыкантом — это ясно. А остальные?

Весь ваш. *Отец*

Здесь льют дожди, схожу в столовую и сушу ботинки и ноги — лужи кругом, не обойдешь. Правда, тепло, градусов 18—20 тепла.

Почему только 4 книжки «Боспком», а не пять? Но досылать уже не надо.

Звонил ли вам Шадрин Алексей Матвеевич, седой переводчик из Лен-да. Я его потом больше узнал, и мне он стал далеко не так интересен и приятен, как вначале. Это не то что Дейч, совсем не то.

Ф. А. АБРАМОВУ

23 июля 1966

Дорогой Федор Александрович!

Только что узнал, что Вы лежите в больнице в Архангельске — и с чем! Потрясен я, встревожен за Вас. Что случилось? Как это могло произойти? Вода, что ли, была холодная очень? Вы же никогда не жаловались на сердце. Не приехать ли мне к Вам в Архангельск.

Мне придется продавать машину, так что деньги у меня в ближайшие дни будут и я смогу сразу выехать. У меня на год отобрали автомобильные права — так что расставаться с машиной так и эдак приходится. А м. б., я даже командировку в Архангельск возьму.

Только отзовитесь, поманите пальцем — и я приеду, чтобы посидеть около Вас. Если не можете писать — продиктуйте ответ.

Ваш Александр Яшин

М. А. ЯШИНУ

1 августа 1966

Дорогой мой друг Михайло!

Кажется, с машиной придется расстаться, прав не получить. Жаль — хотелось поездить вместе с вами по ненько-Украине.

Сижу на даче, заканчиваем с матерью составление сборника для «Советской России». Едим смородину — ее очень много — и крыжовник. В Москву почти не выезжаю. А хотел послать тебе новый номер «Юного натуралиста» — отличный журнал! — но и этого, видно, не сделать. Ну, ладно, прочтешь здесь.

Мы очень рады, что вам хорошо живется.

На днях был Вася Белов с женой, они вернулись с Кавказа. Он скоро закончит рассказ о Бобришном Угоре, пришлет, почитаем вместе.

Живите дольше, раз хорошо живется, денег можем выслать еще — только дайте знать, не стесняйтесь.

Златка в Бородине, в туристском лагере.

Я с Джином каждое утро хожу за грибами.

Пойми, ты никогда не будешь для меня Майклом, ты русский человек,— ты — Миша, Михаил, Михайло, а не Майкл.

Твой прадед был Михайло Михайлович, крестьянин, но с государственным умом. На Михая — я еще шел, это все-таки славянское имя, к тому же королевское.

Обнимаю тебя. Мама здорова, я тоже. Одни мы живем дружно. Наташе спецпривет. Вот тебе мои стихи про кулика с длинным носом. 〈...〉

Отец

Ф. А. АБРАМОВУ

2 ноября 1966

А у нас Вася Белов живет! Он вернулся с Тихоокеанского. Вчера мы с ним были в Театре на Таганке — на «Павших и живых». 〈...〉

А прочитали ли Вы повесть Бориса Можаева? Что-то ни слова о ней не пишете. Эту вещь на Таганке уже готовят, Борис был там вчера тоже.

Белову я показал Ваше письмо, которое меня встревожило, предложил ему написать Вам вместе, но он пожелал написать Вам единолично. Сегодня буду звонить Плучеку, чтобы сводить Василия Ивановича в Театр Сатиры на «Теркин на том свете»,— он изъявил желание быть там, а я на него смотрю уже как на Льва Толстого...

Плюньте на лишние переживания, сидите, пишите, пока пишется, все равно ничего мы с вами сделать не сможем, не в силах. Пустобрехи мы, и только.

Ольга Берггольц звала меня в Ленинград, в Кижи. Если она уже не в больнице, я, наверно, скоро прикачу. В Кижи, конечно, сейчас не удается — только в Ленинград. Видел кинокартину по «Дневным звездам», нарevелся всласть.

Ваш Александр Яшин

К. М. СИМОНОВУ

5 ноября 1966

Дорогой Константин!

Я узнал, что у тебя готова новая книга — Дневники 1941 года. Читавшие говорили очень много хорошего, очень много, хвалили в полную силу. И еще — что затеялась возня с опубликованием.

Понимаю, что не мне лезть с разными словами, вроде того, что «перемелется — мука будет», слава богу, ты не слабый, а все-таки сказать что-то сердечное — в поддержку, что ли,— хочется. Может, тебе это нужно. Почувствуй же эту поддержку.

По отрывкам в «Правде» и в «Известиях» судить о новой книге невозможно. Говорят, что она чуть ли не лучшая твоя работа на сегодня — по цельности, по определенности позиции и суждений, по мужеству. Если бы ты нашел возможность дать мне познакомиться с рукописью, я был бы признателен.

Мое личное пусть не волнует, не беспокоит, не отвлекает тебя, ничего не горит. А поздравление с праздником все-таки прими.

Твой Александр Яшин

В. В. ОВЕЧКИНУ

6 часов утра, Кисловодск, 4 мая 1967

Дорогой мой Валентин, любимый человек!

Прости, что я ни разу не написал тебе за все это время. Твое письмо переслали мне в Кисловодск, где я л е ч у с ь в санатории Горького после двухмесячного лежания в Вологодской больнице. Буду здесь до 16 мая, потом — в Москве на съезде, если парад этот состоится. Неужели ты так и не сможешь приехать на съезд? А как же с моим Бобришным Угором? Я ведь *серьезно*

приглашал и *приглашаю* тебя туда ко мне. Там сосняк, река, озера — охота, рыба, там здоровье — для нас обоих, особенно для тебя.

А что, если бы тебе сначала подлечить сердце в Кисловодске, а потом уже ко мне? Друг мой, отнесись серьезно к этому письму, поедем поживем лето у меня в деревнях и на Бобришном Угоре. Я сейчас не пью совсем, потому что отказал желудок, потом появилась крапивница (это очень жутко) — и у тебя не было бы дурного примера перед глазами.

Прожили бы мы легко, в основном за счет охоты и на подножном корму. «Правда» обещает дать мне длительную командировку. М. б., и ты бы для них что-нибудь написал. Мы бы с тобой не ссорились, я стал бы тебя беречь. Да и не такой дурной я, когда не пью. «Волгу» я давно уже продал (пропил!). Сейчас на душе светло и кругом светло.

Ах, кабы ты смог! В Москве у меня сейчас есть отдельная кооперативная комната (на имя дочери), живу в ней я. Ты бы смог пожить со мной пока, а потом — одна ночь (9—10 часов) в поезде и 45 минут в самолете — и мы в раю. Пожалуйста, посоветуйся с врачами и напиши мне скорей. Нельзя тебе оставаться больше в Ташкенте *на лето, в жару,* поверь, нельзя. Я это очень сильно чувствую.

Один ты, что ли, там? Может, приехать за тобой кому-нибудь?

И я бы смог. Взял бы командировку в СП и вывез бы тебя.

Родной мой, я очень жду от тебя письма, ответа.

Обнимаю тебя, *Александр Яшин*

Сюда даже позвонить можно, меня вызовут из палаты. Лучше часов в 6—7 утра (а у тебя день).

СЕКРЕТАРЮ ВОЛОГОДСКОГО ОБКОМА КПСС ТОВАРИЩУ В. И. ДРУГОВУ

20 ноября 1967

Многоуважаемый Василий Иванович!

Душевно благодарю Вас за праздничное поздравление. Позвольте и мне пожелать Вам самых больших радостей в жизни, здоровья, успехов, побед.

Не сочтите за навязчивость, что осмеливаюсь напомнить о Вашем обещании помочь моим родным в г. Череповце с обменом жилплощади.

Моя тетя, сестра моего отца, она же моя крестная мать, Сорокина Анна Михайловна, пенсионерка, 75 лет, сделавшая мне в жизни много добра, и ее дочь, моя двоюродная сестра, Сорокина Раиса Александровна, 34 лет, работающая машинистом крапа в копровом цехе металлургического завода, много лет живут в маленькой сырой комнате в густонаселенной квартире без удобств.

Я не смогу быть спокоен, пока не удастся помочь этим людям. К тому же я сам хотел бы время от времени жить у них, в Череповце, вблизи Вологодского металлургического комбината,— может быть, это скажется как-то и на моей литературной работе.

Буду рад, если этот вопрос удастся решить на месте, как говорится — своими силами, и навсегда останусь благодарным Вам и Вологодскому обкому партии. Если потребуется мое присутствие, я готов выехать в любое время и в Вологду и в Череповец.

С уважением

Александр Яшин

З. К. ЯШИНОЙ

Вильнюс, 12 марта 1968

Милой, любимой, родной Злате.

У меня все в порядке. В гостинице у каждого отдельный номер. Кашляю, держусь в основном на самолюбии, кофеине и антастмане. Курю, к сожалению. Скоро буду в больнице.

Всех вас бесконечно люблю и целую. Простите меня за неровный характер.

Ваш отец

В. И. БЕЛОВУ

20 апреля 1968

Ну вот, дорогой мой, приближаются и мои сроки. Лежу я в онкологическом институте на Каширском шоссе, готовят к операции, спешат, но, видимо, все слишком за-

пущено. Обнаружили в Вильнюсе, в спецклинике, где всерьез подошли к моим жалобам и давним подозрениям и стали проверять все. Проверить же нужно было только кишечник, чего наша Литфондовская «Поликлиника для здоровых» не удосужилась сделать за 3—4 года моих жалоб ни разу: меня же винили в мнительности, в ракобоязни и т. д.

Из Вильнюса я уже приехал с почетом, в сопровождении медсестры.

Пишу обо всем этом *только тебе,* рассчитывая на твою веру в то, что я уже взрослый и—мужчина и что психика моя в полном порядке.

Вчера мне сообщили, что операцию будет делать «сам Блохин» — директор онкол. ин-та, академик. И тут почести! Того гляди, сейчас еще в печати начнут меня хвалить. А после этого уже и стыдно будет слишком задерживаться, подводить доброжелателей.

Только, пожалуйста, будь другом до конца, не пиши мне никаких сопливых слов.

Вчера мне Наташа привезла твое письмо, писанное тобою в Вильнюсе, а пришедшее из Вологды. Спасибо, дорогой, все в порядке (первого письма в Вильнюс, о котором ты сообщаешь, я не получал). Вчера Наташа достала мне и твою книгу. А сегодня сообщили, что пришла и от тебя. Поздравляю тебя ото всей души с хорошим изданием. Еще раз спасибо тебе за «Бобришный Угор», мне очень приятно было увидеть его в этом сборнике.

Относительно твоего эффектного отъезда из Вильнюса — что сейчас говорить. Я был огорчен больше тем, что на тебя обиделись хозяева. Какому-то администратору внизу в 5 ч. утра ты будто бы сказал, что уезжаешь потому, что тебя «здесь плохо принимают».

В Союзе были шокированы и даже оскорблены немного. Но все ерунда. Я сколько мог успокаивал навещавших меня секретарей и опровергал нелепые наговоры, в том числе в Москве (в разговоре с Егором Исаевым). Ты все-таки не учел, видимо, что это была у нас не частная, не личная поездка, и не отнесся к ней с достаточной серьезностью и ответственностью. Но все это мелочи, Васенька, не переживай.

Принесли наконец сигнальный экземпляр и моей книжки из «Советской России» — «Бессонница» (в нее вошли в основном две последних книжки: «Совесть» и «Босиком по земле» с изъятием таких стихов, как

«Желтые листья»). Пришлю, когда будет тираж и когда смогу.

Надеюсь, что если операция что-то даст, так мы еще побродим с тобой кое-где, поживем.

Очень тебя прошу, отнесись серьезно к своему большому таланту, безграничным своим возможностям и береги здоровье и не теряй времени на чепуху, на мелкие жалкие удовольствия. Сиди, броди, мучайся — и почаще привязывай себя к столу. Любой талант без постоянной и упорной усидчивости — ничто. На склоне лет будешь страшно жалеть каждый свой день, прожитый без пользы. Прости меня за эти банальности, но что делать, я же и о себе пишу.

Обнимаю тебя.

И еще одно (*пока* по секрету!): не забудь про место под березой, которое я тебе показывал на Бобришном Угоре. Пусть урну, но *только туда*. Добейтесь этого через начальство. Другого ничего не признаю. Может быть, это потребуется не скоро, м. б., через несколько лет,— все равно запомни! И не обвиняй меня в паникерстве. Просто лучше сказать об этом заранее, что я и делаю, а так я совершенно спокоен. Вспомни, как умирали толстовские мужики, дай бог всякому такое самообладание. Кстати, когда я ставил избу на Бобришном Угоре, я уже имел это в виду, с самого начала: только туда!

Если будешь в Москве, навести меня, я, наверно, пролежу здесь долго. Отношение ко мне здесь хорошее, со мной все время мой старый добрый друг профессор Ларионов Леонид Федорович, он меня и взял к себе. Я особенно благодарен ему за то, что он не оскорбил меня недоверием своим, вернее,— что он почтил меня своим доверием — мужским, человеческим, дружеским,— и эта сопливая врачебная этика не встала между нами.

Прости, брат, я не думал, что так много напишу, но все-таки, видимо, расчувствовался чуть-чуть...

Я очень счастлив, что с самого начала не ошибся в тебе, что с самого начала и как-то сразу почувствовал тебя, твою силу и оказался (верно же!) почти «провидцем». Только бы ты не скопытился раньше времени, родной мой!

Будь добр, не подводи и впредь. Дорога перед тобой огромная, славная, тебе предстоит совершить великий

подвиг в русской литературе. Не принимай это за выспренность, все — от души.

Саше большой поклон. Жалко, что задержал он присылку стихов и сейчас вряд ли я уже скоро смогу сделать, что обещал,— очень изматывают предварительные исследования.

Твой Александр Яшин

(А ты даже и письма уже не подписываешь — новая манера.)

К. Г. ПАУСТОВСКОМУ

20 мая 1968

Дорогой мой Константин Георгиевич!

Должно быть, это правило подходит ко всем случаям жизни: не откладывать на завтра и т. д. Меня в последние годы с особенной силой тянуло к Вам, сердце чуяло, что иначе не увижу Вас больше. И вот у меня уже было две операции (делал А. К. Блохин, профессор Янишевский и др.), явно требуется и третья, но у меня уже нет сил на нее, да и хирурги вряд ли решатся.

Позвольте сказать Вам, дорогой Константин Георгиевич, что люблю Вас, что дни, когда мы бывали вместе, считаю счастливыми днями в своей жизни, что общение с Вами очищало душу мою и возвышало ее. Спасибо Вам за все это. Я всегда гордился и горжусь Вашим добрым расположением ко мне.

Конечно, я понимаю, что не оправдал надежд, которые Вы возлагали на меня, даже из написанного почти ничего не довел до конца. И мне самому особенно трудно из-за этого.

Книжка моей лирики «Бессонница» вышла в «Советской России», ее, по-моему, хорошо оформил Володя Медведев. Но у меня пока первые экземпляры, тиража еще нет,— Вам перешлют ее, как только будет первая возможность. Обнимаю Вас.

Поклон Татьяне Алексеевне.

Ваш Александр Яшин

А. Т. ТВАРДОВСКОМУ

Москва, Каширское шоссе, июнь 1968.

Дорогой Александр Трифонович!
Сердечно благодарю вас за сердечное письмо.

Ваш Александр Яшин

РОДНЫМ И ДРУЗЬЯМ

*1968. Каширское шоссе, 6,
послеоперационное отделение*

Спасибо всем вам, родные мои. Но не надо терять время из-за меня. Вася, поезжай работать, Станислав тоже, и довольно всем курить. Не смерть страшна, страшно видеть, как люди мучаются. Очень мучаются.

Отец

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВК — газета «Вологодский комсомолец»
газ. — газета
ДП — альманах «День поэзии»
журн. — журнал
КС — газета «Красный Север» (Вологда)
ЛГ — «Литературная газета»
ЛР — газета «Литературная Россия»
НС — журнал «Наш современник»
Ок. — журнал «Октябрь»
СП — издательство «Советский писатель»
СР — издательство «Советская Россия»

КОММЕНТАРИИ

С самого начала литературной работы для А. Яшина было характерно жанровое разнообразие: стихи, рассказы, статьи, очерки, фельетоны, пьесы. Публицистика не была самостоятельным видом творчества писателя — статьи, очерки существовали как бы попутно с основными жанрами как ответвления главной его литературной дороги, хотя он уделял им много времени и сил. Сам Яшин всегда считал себя прежде всего поэтом и прозаиком, но легко переходил на тот жанр, который казался ему целесообразнее в тот или иной момент, чтобы полнее высказать свою точку зрения по волновавшим его вопросам. Он, пользуясь его же сравнением, переходил на другую волну. Не представляя своей жизни вне общественной жизни страны, Яшин становился публицистом, когда этого требовало время. Еще 31 авг. 1941 г. он записывает в дневнике: «Лучше дежурить опять по трое суток подряд, но не быть в стороне от политической, от большой жизни». Желая все видеть своими глазами, стремясь на «передовую», он много ездил по стране: таковы его творческие командировки на строительство Волго-Донского канала, на целину и другие. Результатом этих поездок и явились статьи, очерки и выступления.

Третий том собрания сочинений А. Яшина состоит из трех разделов, включающих в себя избранные статьи, очерки, часть дневников и писем, написанных им в разные периоды. Первый раздел состоит из 4-х частей: 1. Литературные портреты; 2. Очерки; 3. Статьи, заметки; 4. Выступления. Многие из публикуемых в настоящем издании произведений имеют свойства разных жанров. Одну и ту же работу Яшин мог назвать «статья-очерк», «рассказ-очерк» и затронуть в ней и литературные и жизненные темы. Начиная разговор о проблемах сельского хозяйства, о жизни крестьянства, он параллельно говорит о проблемах чисто литературных. И наоборот. В заметке «К Всесоюзному совещанию литераторов, пишущих на колхозные темы» Яшин ставит «обязательное условие»: «Литературные вопросы нельзя решать вне связи с жизнью народа. Не от книг надо идти» (ЛГ, 15/X, 1955 г.). Специфические профессиональные

вопросы творчества переплетаются с вопросами об ответственности писателя за судьбу страны. «...Нейтральных тем нет. И это не брюзжание, это хозяйственный подход к жизни»,— записывает он 3 февр. 1957 г. в книге «Золотые слова» (см. т. II, стр. 651). Основная мысль о связи жизни и литературы пронизывает все его публицистические работы и как творческое кредо звучит в статье «Что же такое структурная почва в поэзии?»: «Поэзии вне времени не существует. И почва у поэзии и у жизни одна, и одним плугом она пашется. Появятся огрехи в пахоте на ниве народной, начнет разрушаться структурность ее почвы — это немедленно отзывается и в литературе».

Забота о том, чтобы литература была совестью народа: служение людям, требовательность прежде всего к себе, борьба за очищение души — вот основные мысли и статей, и дневников, и писем Яшина. О трудности своей профессии, трудности выполнения своего долга перед родиной он писал в 1963 г.: «Литература относится к разряду вредных для здоровья профессий. Нам полагается добавочная кружка парного молока в день. А вместо молока мы часто получаем нечто другое. Правда, есть изрядное количество литераторов (и всегда они были и всегда будут!), для которых литература весьма невредное, а прибыльное (доходное!) дело, и молока они все-таки получают по несколько литров в день. Все-таки настоящие русские писатели жили не ради дешевых удач и служили народу, а не «по ведомству». В 1965 г., готовясь ко Второму съезду писателей РСФСР, Яшин записывает: «Литературное дело — не биржевая игра. Соображения конъюнктуры, спекуляция темой, именем своим, подыгрывание не всегда умным пожеланиям начальников может привести лишь к временному материальному благополучию, но сама русская литература здесь ни при чем. Пора вспомнить, что мы всерьез являемся продолжателями лучших традиций великой русской литературы, той литературы, которая называлась совестью народа, с которой считались все — слабые и сильные мира сего, на которую с надеждой взирали униженные и оскорбленные, к которой прислушивался весь читающий мир».

Помимо основной своей писательской деятельности, Яшин был занят и большим количеством текущей работы: рецензии, редактирование, преподавание на Высших литературных курсах и т. п. Поэтому на одной из страниц дневника он записал для себя задание на день самому себе: «1 сент. 1960 г. *Итак ежедневно:* прозы — 1 страница (минимум, не считая записей), стихи — ежедневно ковыряться. Статьи, работа по заказу, редактирование своих и чужих сборников — не в счет. Сидеть с 8 часов утра до 2-х часов дня — 6 часов обязательно. Остальное не в счет. Либо *шесть* часов в другое время». Режим этот то в ту,

то в другую сторону менялся, но все, что он считал «не в счет»,— так и оставалось сверх нормы.

Особый жанр — выступления. К некоторым Яшин специально готовился, но часто они были и импровизированными. Выступал он в своей жизни очень много, умел захватить публику яркостью мысли, точностью выражения ее, своим темпераментом и непосредственностью.

Дневники Яшин вел всю жизнь. Дневниковые тетради и записные книжки сохранились с 1932 г., отдельные тетради — более ранних годов. Записи велись не от случая к случаю, а изо дня в день, календарно, до конца жизни. В последние дни, когда он уже не мог писать, он диктовал и потом проверял, что получилось. Такая дисциплинированность, собранность и позволила ему определить правило своего образа жизни: «У писателей, как у колхозников, выходных дней не бывает. Ну, не должно быть!» Даже, когда мы читаем его записи о рыбалке, охоте, грибах, мы чувствуем, что он не просто уходил в лес после работы, отработав свое, но все время был «включен», человек и писатель существовали в нем слитно.

Дневники — это и отчет о прожитом дне, наброски произведений, сюжеты, зарисовки пейзажей, характеров, философские размышления — это дневниковая повесть, целые куски которой не просто фактический материал, но и художественная проза, летопись жизни, времени. Все дневники, записные книжки полны стихотворений, стихотворных набросков. Записи велись обычно в общих тетрадях и в небольших записных книжках. Примерно с 1958 г. они становятся единым целым, одно продолжает другое. Поэтому 22 июля 1958 г. Яшин помечает: «Сейчас у меня заполняются заметками одновременно две тетради: эта, как бы настольная, и другая, поменьше, карманная».

Особый характер имеют дневники военных лет. Их Яшин вел более тщательно, стараясь не пропустить ничего из пережитого. Это — документальная военная проза. В те времена, сознавая важность происходивших событий, писатель призывал вести дневники — неповторимые документы, человеческие свидетельства трагедии тех лет. «Разным писателям достались на войне разные судьбы. Те из писателей, которые не искали в трудные для родины годы легкой жизни — а таких было огромное большинство,— не выбирали, что им делать на войне. Они оказывались там, куда их послали, и делали то, что выпало на их долю... Вышло так, что Александр Яшин... нес свою службу военного корреспондента во флотской печати. ...к концу войны за его плечами был осажденный Ленинград, морская пехота, Волжская военная флотилия, Сталинград, бои на Черноморье»,— писал К. Симонов в предисловии к двухтомнику А. Яшина.

Эпистолярное наследие А. Яшина обширно. Собраны далеко не все его письма, так как писал он их почти всегда от руки, редко оставляя копии или черновики. Еще в 1947 г. он записал в книге «Золотые слова»: «Письма для писателя что прогулки для почтальона». Яшин очень серьезно относился к своим письмам, строя в них отношения с людьми, высказываясь по различным вопросам. Есть писатели, с которыми Яшин поддерживал переписку долгие годы. Есть такие, с которыми не надо было переписываться — они жили рядом. Некоторые письма являются единичными. Иногда Яшин, зная, как дорого слово поддержки, одобрения именно своего собрата писателя, откликался на понравившуюся ему публикацию, передачу по радио. Сам он подобные письма особенно ценил. В его дневнике есть запись от 21/IX-58 г.: «Удивительно нежные письма Куприна Репину (ленинградский альманах, 1958). Почему мы так не пишем друг другу?»

Письма печатаются по оригиналам, хранящимся в архиве писателя, у адресатов, а также в ЦГАЛИ.

Литературные портреты

Поэзия добра (стр. 7) — *ЛГ*, 1959, 15 окт. Статья написана в Ялте, в Доме творчества — об этом записи в дневнике: «7/X. Звонили из «Литгазеты», просили статью к 150-летию со дня рождения А. В. Кольцова. Обещал. Будут звонить 12/X в 11 ч. утра. Получил в б-ке книги Кольцова»; «8/X. Читаю Кольцова». Затем: «12/X-59 г. Ялта. Передал по телефону в «Литгазету» статью к 150-летию Кольцова «Поэзия добра» (диктовал 30 минут). Писал ее вчера весь день и всю ночь». И наконец: «15/X-59. Сегодняшний номер «Литгазеты» уже получен... Статья моя «Поэзия добра» о Кольцове есть, сокращена сильно и очень умно... — а тон остался все-таки хороший, нужный».

С большой буквы (стр. 10) — *НС*, 1963, № 4; сборник «Фадеев. Воспоминания современников» — М., *СП*, 1965. На обложке папки с рукописью есть несколько пометок об основных этапах работы и даты переговоров с составителем сборника воспоминаний о Фадееве — К. Платоновой. «Звонила Платонова Клавдия Федоровна 21/VII-62 г. Суббота. Снова 19/X, затем в начале ноября, затем 17/XI-62 г. Я пообещал, что скоро позвоню сам (в Гослит), когда напишу. *Делал заметки все время.* Начал писать 17/XI-62 г.; 22/I-63. Сделал первый вариант, показал первым Мацкину А. П. и Мирской Ю. Б. Надо расширить образ Фадеева, не бояться красок, добавить «интеллектуальности». Февраль 1963. Сдал Платоновой. Принято для сборника. 30/IV-64. Заново просмотрел, перепечатал и сдал Платоновой для сборника в СП — редактор Озеров».

А. Рубашкин в статье «Память художника» (журн. «Нева», 1969, № 10) интересно раскрывает облик автора воспоминаний: «Рядом с героем воспоминаний всегда стоит автор. Оба они — действующие лица одного произведения... Человека узнаешь по его поступкам, и таким поступком стали эти воспоминания. Есть тут не просто какие-то штрихи портрета Фадеева, а нечто большее... Совсем недавно ушел из жизни Александр Яшин... И в ту — недавнюю пору, конечно, не думали о мемуарном портрете Александра Яшина. Он появится, наверное, и все же вряд ли кому удастся так сказать о Яшине, как это сделал он сам

в очерке, посвященном Фадееву. Здесь и мужественная откровенность, и застенчивость, и прекрасное чувство природы, и необычайная простота...»

Поэзия подвига (стр. 30) — *ЛР*, 1967, 17 февр., Ольга Берггольц. «Избранные произведения в 2-х томах», Ленинград, 1967. В апреле 1966 г. Ленинградское отделение издательства «Художественная литература» предложило Яшину написать вступительную статью к двухтомнику О. Ф. Берггольц. Писатель дал согласие, но написал он ее не сразу. Окончательный вариант был послан в издательство только 12/XII-66 г. Трудно далось начало. Для разбега появляются первые записи: «1/XI-66 г. Что мне ближе у О. Б.? Стихи или проза? Ближе всего мне ее отношение к жизни. Жизнь как дневник, в нем неизбежны помарки. Но их не следует скрывать, обманывать себя и других, тогда дневнику твоему будут верить. Любопытно, как Ольга Берггольц — прозаик поправляет себя, поэтессу: «За всю блокаду я плакала один раз...» Просто суметь остаться порядочным человеком — уже подвиг. А надо всю жизнь стараться быть порядочным человеком. Это не всегда легко». Затем продолжение 8/XI-66 г.: «Представляю себе, как мучительно трудно было Ольге Берггольц начать писать свою главную книгу, пока не нашла она этот удивительный (ход) образ дневных звезд. А с чего я начну писать о ней. Мне нужно немного, но это не легче. С чем сравню ее появление в советской поэзии, в литературе. Как скажу о своем восприятии ее, о своих ощущениях ее прозы и стихов. Я люблю Ольгу Берггольц. И, пожалуй, больше за прозу, чем за стихи... Перечитал «Дневные звезды». Не могу решить, что лучше — стихи или проза. Проза как развитие поэзии...»

В статье частично был использован текст Яшина из передачи по Всесоюзному радио о выходе новой книги Берггольц «Узел». Начиналось выступление словами: «Новая книга стихов Ольги Берггольц попала мне в руки сразу после есенинских торжеств и явилась для меня продолжением праздника советской поэзии. Я не смогу говорить спокойно об этой книге...» А кончалось оно так: «Но прежде чем зазвучат стихи Ольги Берггольц, я хочу обратиться непосредственно к поэтессе, к другу моему, надеюсь, что она слушает сейчас эту нашу передачу там у себя в Ленинграде, и прошу радиослушателей извинить меня за такое уж совсем личное обращение: Ольга Федоровна! Оленька! Сестра моя родная Аленушка! Ты создала удивительную книгу! Я от всей души поздравляю тебя с выходом ее в свет. Я верю, что ее ждет большая и светлая судьба и в первую очередь, конечно, огромный успех у читателей. ⟨...⟩ Будь здорова, родная! Будь счастлива! Гордись подвигом своим!»

Для работы над статьей помогла поездка Яшина в Ленинград с единственной целью: повидаться с Берггольц. Запись в дневнике: «13 ноября, воскр. Позвонил (вчера) Ольге Берггольц и приехал в Ленинград в связи со статьей к двухтомнику Берггольц». Много лет были знакомы Яшин и Берггольц. Встречались они и на писательских съездах, в командировках, на строительстве Волго-Донского канала в 1951 году, но дружбой их связало творчество последних лет. Дарственная надпись на первой книге двухтомника, к которому Яшин написал вступительную статью: «Дорогому другу моему, брату по душе — Александру Яшину. Ольга Берггольц. 14/V-67. Ленинград».

Очерки

Мечта окрылилась (стр. 39) — газ. «Московский литератор», 1959, 29 янв. Почти каждый год, а иногда и не один раз в год Яшин бывал на своей родине. 10 апр. 1958 г. он записывает: «Поездки хороши не только тем, что видишь новое, но и тем, что старое начинаешь по возвращении видеть совсем по-новому». Статья написана через год после начала действия пассажирских авиационных линий Шарья — Никольск, Вологда — Никольск. До этого от ст. Шарья до Никольска (ок. 200 км) добирались по неделе. В юности Яшин не один раз прошел этот путь. Железных дорог в районе до сих пор нет. И сейчас каждый год речниками весной, в половодье проводится операция «Юг», когда на баржах завозят продукты (муку, соль, сахар, крупы, чай) на целый год. Об этом объявляется по областному радио.

Творческое преображение (стр. 42) — газ. «Новая жизнь», 1985, № 135. В 1931 г., после окончания Никольского педтехникума, Яшин работал учителем в Чебсаре. Статья написана по поводу поездки с выездной редакцией *ЛГ* с 25 ноября по 21 дек. 1959 г. В дневнике этих месяцев писатель ведет подробные записи выступлений учителей на теплоходе «Советский Союз». 13/XII он помечает: «Наконец-то статья моя (очерк) об учителях пошла — пишу. Сегодня должен закончить, потому что в 12 ч. ночи едем в Находку; 15/XII — утром вернулся из Находки. Прочитал свою статью... (о школе), и ее сегодня увезли на аэродром».

Тема школьного обучения всегда волновала Яшина. В незавершенной пьесе «Переходный возраст», задуманной и начатой в это время, показаны уроки литературы в старших классах — затронута проблема преподавания литературы в школе.

Дунай-река (стр. 49) — *КС*, 1985, № 235. На рукописи очерка помечено автором: «Написано по заказу АПН для «Скынтейя» (румынской газеты — *примеч. сост.*). В Румынии Яшин был с бригадой писателей (см. т. 1, стр. 617) с 27 июня по 9 июля 1961 г.

В 1961—1962 гг. у себя на родине поэт записывал с голоса причитальщицы во время свадьбы свадебные песни — кра́соты, которые он предполагал опубликовать в конце отдельного издания «Вологодской свадьбы». В данном очерке использовано несколько таких записей.

Сны сбываются (стр. 52) — *ЛР*, 1965, 1 окт. Статья написана к 70-летию со дня рождения Сергея Есенина. 6 сент. 1955 г. на вечере в Политехническом музее, посвященном Сергею Есенину в связи с 60-летием со дня его рождения, Яшин говорил о творчестве поэта. На первом листе выступления карандашом дописан эпиграф: «Есенин — не утес, не глыба. Это девятый вал лирической русской поэзии. Нахлынул и разбился. 21/Х-55 г.». Рядом пометка: «Для будущих выступлений». В этом же тексте выступления Яшин писал: «Есенин силен необычайно, необыкновенно в передаче сложной душевной жизни человека, в умении дать почувствовать тончайшие оттенки настроения, боль, тревогу, нежность, восхищение, любовь... Это умение поэта заглянуть в человеческую душу, умение и великая смелость обнажить свою душу и с предельной искренностью показать борение страстей... В поисках больших путей к сердцу читателя советские поэты не могут не обращаться постоянно к лирическому наследству Сергея Есенина... Нам не хватает есенинской взволнованности в стихах, его удивительно любовного отношения к человеку, к природе, ко всему живому на земле, что дорого сердцу. Гражданская активность нашей поэзии нередко снижается из-за неумения вести с читателем по-есенински доверительный, проникновенный разговор, от нашего невнимания к душевным интимным переживаниям человека. Рассудочность у нас часто берет верх над сердечностью, над родственной заинтересованностью в судьбе героя. Поэтому духовная жизнь советских людей богаче, сложнее и многообразнее многих наших стихов... Не должна быть легкой, легковесной и наша поэзия. Довольно хвастливых стихов!»

На одной из рабочих карточек в разделе «Стихи» сохранилась запись: «Дорога в Есенино. Перед каждой грязью она расчленяется на много тропинок, на объезды. Кончилась грязь — опять сливаются все развилки в одну дорогу. Трудна была дорога у поэта, трудна у поэзии. А сколько же дорог еще не проторенных».

Стр. 60. *«А двое из них...»* — прозаики А. Борщаговский и Е. Мальцев.

Пишет сельский сход (стр. 61) — *ЛГ*, 1967, 1 ноября. Напечатано в разделе под рубрикой: «Самое дорогое письмо». Имеет подзаголовок: «О людях сегодняшней деревни — своих читателях-земляках рассказывает писатель Александр Яшин». Получив письмо, о котором говорится в статье, Яшин послал в родную

деревню такой ответ: «Колхозникам деревни Блудново. Дорогие товарищи односельчане! Я никак не мог предполагать, что вы прочитаете мой рассказ «Вологодская свадьба» на общем собрании и решитесь написать о своем мнении в редакцию «Комсомольская правда», поэтому был особенно взволнован, получив копию вашего письма. Большое, сердечное вам спасибо за поддержку, за добрые слова. Я рад, что вы сами убедились, что никакой неправды в моем рассказе нет и что, конечно, я никого не хотел обидеть ни статьей «Ладно ли?», ни рассказом. Хочу я только одного, чтобы людям на моей родине жилось лучше. Крепко жму ваши руки. До скорой встречи. 23/II-63. Ваш Александр Яшин. Интересно бы узнать, кто читал рассказ вслух и сколько времени продолжалось чтение?»

Статьи, заметки

Мысли о русской поэзии (стр. 67) — *ВК*, 1985, № 139. Придирчивая оценка творчества уважаемых и даже некоторых любимых Яшиным поэтов говорит о том, что интересы литературы, убеждения (пусть даже спорные на то время) ставились им превыше всего. Суждения и взгляды Яшина со временем менялись. Важна его преданность литературе и строгая взыскательность к самому себе, т. к., критикуя поэтов, он искал и свои ошибки. Статья сохранилась в незавершенном виде.

Жизнь требует! (стр. 69) — *ЛГ*, 1954, 13 ноября. Об ответственности за правдивое изображение жизни Яшин еще 12/XII-52 г. писал: «О колхозах, о большой и сложной жизни, полной борьбы, трудностей, лишений, а не одних праздников, мы часто писали, как можно писать о сельскохозяйственной выставке». В книге «Золотые слова» о различиях понятий творческого и производственного процесса он пишет: «16/XI-56 г. Поэзия русского народа никогда не была на побегушках у чиновного аппарата. Советская поэзия тем более не должна быть. Производственные термины — валовой сбор, выполнение планов по сортности, по видам, наряды и прочее...— не применимы в отношении к искусству. Никакая механическая нормировка, в том числе и в распределении положительных и отрицательных героев, света и тени недопустима».

В статье «О моральном авторитете критики», помещенной под рубрикой «Предсъездовская трибуна съезда» (*ЛГ*, 1954, 9/XII), критик К. Зелинский писал об этом очерке Яшина: «Почему со свежим, хорошим чувством читалось то, что написал Александр Яшин в ходе предсъездовской поэтической дискуссии? Потому, что поэт сумел освободиться от литературщины, секционно-коридорных впечатлений и сумел соединить свои мысли о поэзии с теми живыми впечатлениями, которые он почерпнул в народной

гуще, на целинных землях, там, где по зову партии люди совершают один из гигантских наступательных маневров в борьбе за коммунизм».

Что же такое структурная почва в поэзии? (стр. 80) — *ДП*, 1956. Статья имеет подзаголовок: «Соображения в связи со статьей Н. Н. Асеева». В этом же сборнике была помещена статья Асеева «О структурной почве в поэзии», где поэт дал такое определение: «Искусство поэзии есть применение речи в самом лучшем понимании смысла слова. Лучшее понимание смысла слова влечет за собой наилучшее выражение мысли. Это и есть структурная почва стиха. Но главное отличие поэзии от прозаической, от научной мысли состоит в том, что поэтическое произведение одухотворяет все, к чему оно ни прикоснется».

В письме от 13 марта 1959 г. Асеев писал Яшину: «Александр Яковлевич, сегодня перечел Вашу статью в прошлогоднем «Дне поэзии», которая была как бы откликом на мою «Структурную почву». Единственно, кто откликнулся по-человечески, без всяческих подозрений и домыслов в мой адрес, это были Вы. Давно мы с Вами не встречались, не обменивались сердечными словами. И потому-то, перечтя статью Вашу, я позвонил Вам домой...»

Поэт — прежде всего личность (стр. 84) — *ЛГ*, 1961, 12 окт. под заглавием «Поэзия. Сердце. Время». В дневнике есть запись от 13 сент. 1961 г.: «На днях сдал статью в «Литгазету» — к съезду — «Поэт — прежде всего личность», в которой использовал не пошедший в «Литгазете» очерк о поездке в Румынию и свою речь в Бухаресте на дискуссии по вопросам поэзии. Напечатана накануне XXII съезда. Из-за этой статьи долго не работал».

Ладно ли? (стр. 88) — *ЛГ*, 1962, 4 окт. Авторское название: «Давайте успокоимся и подумаем!..», очерк-статья. Записи в дневнике: «Закончил 18/IX-62 г. Много раз перепечатывал, кроил. Сдал в «Литгазету» 4 окт. Много дней сентября писал статью для «Литгазеты» о делах никольских. Перепечатывали несколько раз. Она появилась под заглавием «Ладно ли?»... Очень волновался и волнуюсь».

После опубликования этой статьи Яшин получил много писем. Письмо от 15/X-62 г. секретаря Никольского райкома КПСС Вологодской обл. начиналось словами: «Александр Яковлевич! Дорогой! Молодец! Статью «Ладно ли?» прочитали все еще до вашего письма. Читали вслух, вся наша братия была в райкоме... Все одобрили. Считаем — вопрос поднят очень и очень правильно!.. За статью голосуем все обеими руками... Сегодня приехал из Вологды. Было совещание о выполнении гос. планов по молоку, мясу и т. д. Выступал сам. Признал Вашу статью полностью. В неко-

торых местах выступления ссылался на статью... Одним словом, статья признана...»

Читатели присылали не только письма-отклики, но и письма-статьи с соображениями по поводу наболевших вопросов. Записей в папке с рукописью статьи очень много. Инструктору Сокольского райкома КПСС Вологодской области Н. Куликову Яшин отвечал: «Я сейчас хочу дать в печать еще одну-две статьи по неотложным и больным вопросам сельского хозяйства. Хочется хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь помочь делу и мужикам нашим».

О моих корнях (стр. 97) — журн. «Советская литература на иностранных языках», 1963, № 5; Яшин А. Я. Рогатый Пегас (М., *СР*, 1956), статья автобиографична и помещена в книге: Яшин А. Избранные стихотворения (М., Радуга, 1984), на английском языке.

Литература и язык (стр. 100) — журн. «Вопросы литературы», 1967, № 6. Статья — ответ на анкету журнала. Вопросы анкеты в сокращенном виде: 1) Возникает ли языковый строй Ваших произведений в какой-то мере непроизвольно, «сам собой», или проблема языка всякий раз встает перед Вами как относительная проблема?.. 2) ...Какую языковую традицию русской литературы Вы считаете наиболее живой и современной сегодня и наиболее близкой Вашей творческой индивидуальности?.. 3) Считаете ли Вы, что передача речи героя-современника во всей ее характерности противопоказана языку художественного произведения? 4) Как, по Вашему мнению, отражается сегодня на языке взаимовлияние прозы и поэзии?

За новогодним столом (стр. 102) — *КС*, 1968, 1 янв. Новелла, поэтическое поздравление в прозе — суть отношения Яшина к вологодской земле. Написано в Москве.

Вместо ответа на анкету о народности поэзии, о национальных и классических традициях ее (стр. 103) — *ДП*, 1968. Сохранился вариант статьи, написанной Яшиным в больнице. На рукописи помечено: «Переписал, отправил письмо в секцию поэтов СП 24/IV-68 г.». При опубликовании в *ДП* статья подверглась редакторской правке.

Выступления

Поэзия и жизнь (стр. 105) — *ЛГ*, 1954, 24 декабря; сборник «Второй Всесоюзный съезд советских писателей» — стенографический отчет, М., *СП*, 1956 г.

О новой поэтической книге (стр. 113) — печатается впервые.

О полете космонавтов Беляева и Леонова (стр. 113) — печатается впервые. Текст этого выступления почти не отличается

от первой записи его в дневнике. Здесь уместно привести заметку Яшина о первом в мире полете человека в космос (*ЛГ*, 1961, 13 апр.), напечатанной под рубрикой «Современники о своем герое»: «Даже зарифмовать ничего не могу! — Так волнуюсь! Сначала мне показалось, что Гагарин Юрий Алексеевич — мой земляк: у нас в Вологде очень много Гагариных. Оказалось, что он из Гжатска. Все равно — земляк, навеки родной всем нам человек, человек земли, брат всему человечеству. Вот и узнали мы его фамилию. Скоро увидим и его самого — живого, здорового, счастливого. А придет время — узнаем имена всех пока неизвестных, но великих, умных советских людей, наших земляков. Очень я счастлив сегодня, наверно, не меньше самого Юрия Гагарина».

ДНЕВНИКИ

Из военных дневников. 1941—1942 (стр. 117) — *Ок*, 1975, № 4, 5. На первом листе первой военной тетради написано: «Адрес моей матери: п/о Пермас Вологодской обл. Никольского р-на, дер. Блудново. Горчакова Евдокия Григорьевна. В случае моей смерти — дневник, стихи, записи, вещи переслать ей». Сохранилось 5 таких общих тетрадей, исписанных мелким убористым почерком. Частично сохранились блокноты и записные книжки, а также тетрадь учета работы по числам. Там, где в тексте помечено: [*Из блокнота*.], вставлена запись по указанию автора. Текст дневников в тетрадях чередуется с рисунками, газетными вырезками-вклейками (очерки, заметки, стихи А. Яшина, сообщения ТАСС о ходе войны и т. п.).

Дневники военных лет — это хроника военного времени. И во фронтовых условиях Яшин вел записи каждый день. Фиксируется только самое главное из слышанного, виденного, пережитого — все факты отобраны обстановкой — нет времени писать лишнее. Отсюда сжатость, краткость — здесь уже все сокращено. Обстоятельства являются как бы редактором. Даже во время боев, в дороге Яшин ведет записи в походном блокноте, где часто строчка на строчку налезает из-за спешки и усталости. Если позволяло время, такие заметки он переносил в тетрадь в более литературном и расшифрованном виде. Непрерывность записей: будни, события, мелочи, а за этим — война. В другом месте по-другому, а здесь так...

Существующий объем дневников несколько превышает публикуемый. В настоящем издании печатаются материалы, представляющие наибольший интерес для читателя — первая часть дневников (ленинградского периода) до перевода Яшина на Волгу.

Высокая оценка дана дневникам в рецензии В. Андреева

«У истоков судьбы» (*Ок*, 1978, № 9) на книгу Яшин А. Дневники 1941—1945 (М., *СР*, 1977): «Вряд ли найдется человек, кого оставит равнодушным рассказ о войне... не только вобравший в себя большие и малые вехи этой народной войны, но и сохранивший обаятельный, неприглаженный образ автора, его резкий, ломкий голос, его напряженные раздумья.

По богатству наблюдений, фактичности, лаконизму и художественной силе, наконец, как пример необыкновенной отзывчивости автора на чужую боль эти дневники станут в один ряд с лучшими произведениями документальной прозы о войне.

Особенно хотелось бы обратить внимание на то, как от записи к записи в дневниках раскрывается история души поэта, раскрывается с предельной искренностью и правдой чувств, без позы и фальши. Здесь берет начало щемящая интонация яшинского лирического самоанализа, в ней — предощущение его лирических «исповедей» 50—60-х годов...

В дневниках сохранено то напряжение творческого духа, без которого нельзя себе представить подлинного художника. В эти годы формируется ядро послевоенного творчества Яшина... Эти страницы — великолепная психологическая проза, прорыв поэта в шестидесятые годы. Разной оказалась судьба яшинских замыслов. Но то, что именно в годы войны зарождались основы яшинской лирической прозы, светлых и тревожных стихотворений, которые позже вошли в сборники «Совесть» и «День творения», — это несомненно».

В заключение Андреев пишет, что дневник «...дает нам возможность пройти с поэтом сложный путь становления таланта, ощутить эпоху в учащенном пульсе его духовной жизни, увидеть истоки послевоенной судьбы русского поэта и прозаика Александра *Яшина*».

Подробный анализ дневникам дан в статье А. Хабаровой «Сквозь душу поэта» (журн. «Волга», 1979, № 2).

Стр. 117. *Гали* Александровна Громыко училась на одном курсе Литинститута вместе с Л. Татьяничевой и А. Яшиным.

Стр. 119. Александр Айзикович *Льговский* — друг Яшина по Никольскому педтехникуму. В семье Льговского Яшин жил в свой первый приезд в Москву. Их дружба прошла через всю жизнь. На фронте Льговский был разведчиком. Умер в 1968 г.

Стр. 120. Слава Владимировна *Щирина* — см. т. 1 наст. изд., стр. 600. *Елена* Сергеевна Смирницкая — см. т. 1 наст. изд., стр. 603. Дети Смирницкой — Яков (р. 1937), Татьяна (р. 1939).

Стр. 122. *ЛФ* — Литературный фонд Союза писателей. *...о Блуднове* — деревня, где родился Яшин.

Стр. 123. *...от Ани...* — Анна Львовна Рожавина — в то время студенткой была на практике в Сталинграде.

Стр. 124. *...к Сорокиной Августе.* — Августа Михайловна Сорокина — сокурсница Яшина по Никольскому педтехникуму.

Стр. 125. *...в ЗУРе.* — ЗУР — Запольский укрепрайон.

Стр. 126. Н. Ю. *Денисевич* — генерал-майор — участник штурма Зимнего дворца и гражданской войны, один из первых организаторов морской пехоты на КБФ. Тогда, в 1941 г., комендант ЗУРа. Умер в 1965 г.

Стр. 129. *«Балтийский залп».* — Для газеты Запольского укрепрайона было утверждено название «Залп балтийцев» — *«ЗБ». ПО* — политотдел. *...комиссара Бережного.* — С. Д. Бережной — военком и начальник политотдела 1-й бригады речных кораблей Волжской военной флотилии (июнь 1942 — май 1943), после войны начальник ПУ флота на Тихом океане, член Военного совета ряда флотилий, в дальнейшем контр-адмирал.

Стр. 131. *ВМФ* — Военно-морской флот.

Стр. 135. *ОБМП* — Отдельный батальон морской пехоты.

Стр. 140. *КП* — командный пункт.

Стр. 141. *Елена* Христофоровна *Первенцева* — см. т. 1 наст. изд., стр. 601. *«Боевого залпа».* — «Боевой залп» («БЗ») — многотиражная газета Ижорского укрепрайона.

Стр. 142. *КЭЧ* — Квартирно-эксплуатационная часть.

Стр. 143. *К/ф* — краснофлотец. *ППД* — полевой пулемет Дегтярева.

Стр. 144. *ДНО* — Дивизия народного ополчения.

Стр. 146. *«Мы вместе с тобою лежали в окопе»* — см. т. 1 наст. изд., стр. 603.

Стр. 149. *Забрались в Елизаветино, в скотный двор.* — Этот случай лег в основу повести «Единомышленники».

Стр. 152. *ДП* — ручной пулемет Дегтярева.

Стр. 153. ИУРа... — ИУР — Ижорский укрепрайон.

Стр. 155. *«КБФ»* — «Красный Балтийский флот», в то время газета Краснознаменного Балтийского флота — КБФ.

Стр. 156. *«Русскому здорово, немцу — смерть».* — Первое название этого стихотворения «Не хочу голубого неба», окончательное — «Русские мы».

Стр. 161. *...«Фашистские мародеры грабят население», «Тыловики».* — Очерки для фронтовых газет, которых было написано Яшиным очень много. *...к раненому Попову...* — Попов — родовая фамилия писателя, Яшин — литературный псевдоним по имени отца.

Стр. 162. *ССП* — Союз советских писателей.

Стр. 181. *...со Звонковым...* — Петр Иванович Звонков — боевой репортер «КБФ», погибший при выполнении редакционного задания. Ежегодно 5 мая флотская газета «Страж Балтики» (бывш.

«Красный Балтийский флот») присуждает своему лучшему военкору приз имени П. И. Звонкова.

Стр. 182. *...от Филиппова...*— Александр Гаврилович Филиппов — знакомый Яшина по учебе в Литинституте. В годы войны и некоторое время после нее был главным редактором «Сталинградской правды».

Стр. 195. *По площади Урицкого...*— так после революции до 1944 г. называлась Дворцовая площадь в Ленинграде.

Стр. 196. *ВМИ* — Военно-морское издательство.

Стр. 197. *Опергруппу подбирали в Пубалте...*— Вишневский, перечисляя, дает творческую и боевую характеристику каждому члену опергруппы.

Стр. 209. *«Богатыри Невы»...*— Имеется в виду «Ленинградская поэма».

Стр. 211. *...комиссара Рогова...*— И. В. Рогов — в то время начальник Главного политического управления ВМФ. С 1944 г.— генерал-полковник. Умер в 1949 г.

Стр. 218. *ГВК* — госпиталь выздоравливающих командиров. *ВМГ* — военно-морской госпиталь.

Стр. 219. *Ольга* Рожавина (Элька) — сестра А. Л. Рожавиной. В мае 1941 г. Яшин неделю был в командировке в Сталинграде, где познакомился с А. Рожавиной, работавшей в то время в редакции газеты на практике. В июле этого же года, выехав на фронт, Яшин по дороге к месту назначения в Ленинграде знакомится с семьей А. Рожавиной. Романтически-восторженное ожидание боевых подвигов, вдохновлявшие герои романа Л. Толстого «Война и мир» — все это способствовало особому восприятию только что увиденных людей. В малознакомом городе, в трагической обстановке он всеми силами старается помочь этим людям, спасти их... И рождается жизненный сюжет, главным героем которого становится он сам. Часть событий, описанных в дневнике, использована в «Ленинградской поэме». Например, историю спасения голодных детей, запертых в квартире, рассказала про своих братьев и сестер санитарка Полина Карельская. (См. т. III, стр. 214.) В поэме вся эта сцена спасения происходит с главной героиней — Ольгой.

Стр. 229. *...стих-е «Письмо».*— Стихотворение Л. Татьяничевой, опубликованное в сборнике «Верность». Челябинск, 1944.

Стр. 232. *Минзаг* — минный заградитель.

Стр. 236. *...Шарьи.* — Шарья — ж.-д. станция недалеко от г. Кирова. С этой станции пешком, на лошадях, позже — на машине, затем на самолете Яшин добирался до г. Никольска, до дер. Блудново. *...на Глубоком...*— Разным участкам реки Юг местные жители дали свои названия. Глубокое находится рядом с Бобришным Угором в окрестностях дер. Блудново.

Бобришный Угор. Из дневников 1958—1968 годов (стр. 246) — *Ок.*, 1980, № 1, 2. Дневники Яшина имеют деление как по времени, так и по темам и складываются в самостоятельные книги дневниковой прозы. В карточках (заготовках для работы) есть раздел «Бобришный Угор» — задуманной писателем повести, материал для которой он собирал очень давно. Записей много: «Это, по существу, тоже «Босиком по земле», только в прозе, а главное — более полно и последовательно. Основная мысль: уход в природу, породнение с ней». На обороте карточки: «Запросить из Вологды. «Летопись Вологды»... Включить в повесть о Бобришном Угоре деревенских своих...»; «*Бобришный Угор.* Начать с картинок природы. На Бобришном Угоре: утро, туман, день, закаты. Здесь мы катались на «собственных ягодицах», чтобы убедиться, что земля поката. Потом — затор на реке. Разговоры со сплавщиками. Охота на зайца с пред. колхоза. Сговор с районным начальством. Никаких законов. Варианты договоров. Как все казалось просто, и каким все оказалось сложным, трудным — билеты на лес, поиски стройматериалов, кирпич, шифер у Воронина, гвозди и навесы в леспромхозе, смола. Показать район, коз, кирпичный завод, городскую квартиру Воронина. И — водка, водка, без нее ни шагу. А разве в любом городе или, скажем, у нас в Переделкине не то же самое...»; «*Бобришный Угор.* Смысл в том, чтобы дать разные характеры современных крестьян и других жителей деревни.., приспособившихся к колхозным условиям жизни». «Почему угор называется Бобришным? Откуда я знаю? Чуть дальше Бобришного Угора, вниз по реке, есть еще Бобрихи — сенокосы и Бобришный мыс. Я эти места и Бобришный Угор люблю с детства. Но разве достаточно этого, чтобы писать и печатать о Бобришном Угоре? — так могут меня спросить. А почему нет? Я люблю, мне интересно писать о Бобришном Угоре, и я верю, что это же будет интересно и для других». «*Чистый бор — Бобришный Угор.* Хотел человек закрыть глаза на все, жить для искусства, для вечных тем, а жизнь (мужики) не отпустила его от себя...»; «*Бобришный Угор.* Захламленность леса, — раньше этого не было, каждый убирал сучки после себя. Эпиграф: Чем дальше в лес, тем больше дров».

Непосредственным материалом для этой повести являются дневники последних десяти лет. Они и есть дневниковая повесть о «возвращении» писателя на родину и в творчестве и буквально. Каждый приезд Яшина на вологодскую землю — ступенька его духовного роста. К. Симонов, побывав на Вологодчине в 1971 г., писал: «Наверно, мне, никогда не видевшему Яшина там, у него на родине, на Вологодчине, не хватало полного понимания всей силы связей его с родной ему землей, с ее старым и новым, с ее испытаниями, печалями и радостями» (Избр., 1972, т. 1).

Конец дневников — конец жизни. По завещанию Александр Яшин похоронен на Бобришном Угоре. О том, чем являлся для него Бобришный Угор и построенный на нем дом, какие планы он с этим связывал, Яшин рассказал в заметке «Путешествие за новой книгой»: «...На родине моей, на высоком Бобришном Угоре, над рекой Юг, меня ждет охотничий домик. Там мне хорошо пишется. Герои моих стихов и рассказов живут в окрестных деревнях, знакомых с детства. Там я написал книгу стихов «Босиком по земле»... там же писались повести «Сирота» и «Вологодская свадьба». С Бобришного Угора я хожу по всему Никольскому району, иногда перебираюсь в соседние — Кичменгско-Городецкий и Великоустюгский.

В наше бурное время, когда жизнь деревни меняется буквально с каждым годом, для литератора мало совершать эпизодические поездки по стране, важно быть постоянно связанным с каким-либо одним местом. Воспоминаний детства и юности писателю хватает ненадолго. Быстро меняется не только внешний облик деревень, но и природа, а главным образом люди...» (*ЛГ*, 1965, 3 июля).

Стр. 246. *...с Наташей, Златой, Сашей...* — дети А. Я. и З. К. Яшиных: Наталия (р. 1945), Злата (р. 1947), Александр (1949—1965). *...у Сани...* — Александра Антипьевна Горчакова (р. 1919) — сводная сестра писателя. *...на Свою реку...* — название сенокоса на Юг-реке. Различные места по реке Юг имеют свои названия, это объясняет сам автор в своих записях к «Бобришному Угору»: «Из Блуднова куда ни пойдешь через поля на выгоны — попадешь на реку. В одной стороне «Своя река», в другой «Переволоки», дальше «Глубоково», «Баданиха», «Дресва», «Мыс» и т. д. — а река все одна и та же. «Смиряжиха», «Черемушки», «Перебор». *...под Шёлковым.* — Шёлково — деревня в 7—9 км от дер. Блудново, родина бабушки поэта Авдотьи Павловны Поповой (см. т. 1 наст. изд., стр. 602).

Стр. 247. *...Пермас* — центральная усадьба колхоза «Родина» в 10 км от дер. Блудново. Старое название колхоза — «Красный пахарь». ...в *Скочково...* — дер. в 6—7 км от дер. Блудново, родина матери писателя. *...бывшем соборе.* — Сретенский собор — одно из немногих каменных зданий бывшего уездного города Никольска.

Стр. 248. ...на *Суборьской лог* — одно из местных названий. Все леса, поля, лога, сенокосы, участки р. Юг, ручьи, болота имеют местные названия.

Стр. 249. *...а не парочки!* — Парочка — народный костюм: сарафан, праздничная кофта с воланами, лентами, кружевами. Дополнялся наряд длинным фартуком. До шестидесятых годов на никольской земле парочка была обычной одеждой — и будничной и праздничной.

Стр. 251. ...*из Никольска Першаков, Чекалов, Зелянин* — в то время секретари райкома партии г. Никольска и пред. райисполкома. *«Электроход»* — детская игрушка на батарейке.

Стр. 253. ...*для «Юг-реки».* — «Юг-река» — так первоначально называлась книга стихов «Совесть» (1958) (см. т. 1 наст. изд., стр. 611).

Стр. 255. ...*на съезд писателей.*— Первый Северо-Двинский губернский съезд пролетарских писателей проходил 11—15 июля 1929 г. в Великом Устюге. Запись автобиографична. *Повесть.*— Это запись для повести «Для кого строился дом». В архиве осталось много материала для этой, как писатель считал, главной его повести или романа.

Стр. 257. *Ребята ликуют.*— Сыновья А. Я. и З. К. Яшиных — Миша и Саша.

Стр. 258. ...*Макаровский с семьей, Ананьев...* — в то время секретарь райкома партии г. Белозерска и пред. райисполкома.

Стр. 260. ...*дождались Малкова...*— В. М. Малков — в то время директор книжного издательства г. Вологды.

Стр. 261. *К «Слуге народа»...*— «Слуга народа» — незавершенный роман Яшина. Первая его часть «В гостях у сына» закончена и частично опубликована в газ. «Красный Север».

Стр. 266. ...*у Анны Михайловны.*— Анна Михайловна Сорокина (1898—1970) — тетя Яшина по отцу. У Анны Михайловны и ее дочери Раисы Александровны Бренчаниновой писатель останавливался в Череповце. ...*Яшка Овденёнок...* — деревенское прозвище отца Яшина, сына Авдотьи Павловны Поповой. Авдотья на вологодском наречии звучит: Овдотья, поэтому Овденёнок. Иногда в шутку письма своим детям Яшин подписывал: «ваш отец Олёксандр».

Стр. 268. ...*подавать и «Свиней».*— «Свиньи» — первоначальное название повести «Выскочка».

Стр. 269. ...*у Анны Григорьевны...*— Анна Григорьевна Попикарова (р. 1902) — младшая сестра матери писателя (см. т. 1 наст. изд., стр. 614).

Стр. 270. ...*вместо троек...*— Далее идет подробная запись, использованная писателем для повести «Вологодская свадьба».

Стр. 271. ...*жена Анатолия Михайловича...* — Анатолий Михайлович Коноплев (р. 1933) — двоюродный брат А. Яшина, сын брата матери — Михаила Григорьевича.

Стр. 272. ...*Паля, мать.*— Пелагея Коноплева (1913—1985) — жена брата матери — Василия Григорьевича Коноплева, погибшего на войне. Он был товарищем А. Яшина в детские годы.

Стр. 273. *Василий Ильич отвез...*— Василий Ильич Попикаров (р. 1930) — сын Анны Григорьевны, двоюродный брат Яшина.

Стр. 274. *...во главе с Павликом Березиным...* — Павел Станиславович Мико — сын подруги З. К. Яшиной — Березиной. *...для книжки «Человеку...»* — одно из предполагаемых названий книги «Босиком по земле». *Родные забытые слова*: *понебы* — место над полочкою, сверх икон, до самого потолка; *шировега* — брусника с толокном; *санапал* (сантрапал) — буян, нахал и забияка, обидчик; *починок* — выселение на починки, места, расчищенные от леса; *подизбица* — зимовка, маленькая изба; *грудки* — свежий творог; *галаха* — брюква; *залётка* — любимый; *залавок* — глухая лавка в передней с подъемной крышкой; *суденка* — шкаф в крестьянской избе, обычно долгий и низкий, от печи по стене или по перегородке; самая лавка стряпух от печи вдоль стен, она служит столом; *промёжек* — ряд или валóк скошенного сена или часть зарода (долгого скирда) между двух стожаров (кольев); *годильная* — дельная, путная, годная, способная; *заспа* — засыпка в похлебку, крупа; *потки* — пичужки, мелкие певчие птицы; *посконь* — холст, лучший, крестьянский, рубашечный; *просужий* — хороший, милый. *«По дороженькам знакомым...»* — первая строчка поэмы А. Яшина «Алена Фомина».

Стр. 275. *Пишу второй отрывок...* — Имеется в виду повесть «Чистые руки».

Стр. 277. *В Блуднове Горчаков Александр Васильевич...* — брат мужа сводной сестры А. Яшина. В то время работал продавцом.

Стр. 279. *В летовище...* — летний выпас коров, обычно расположенный вблизи деревни. В Блуднове летовище — место выпаса частных коров. *Это с баланиной?* — Баланина — верхняя узкая часть ствола, хлыста. *С Саней и Павлом Ивановичем идем...* — Павел Иванович Горчаков — деревенское прозвище Паша-хорошо — брат отчима А. Яшина — Антипы Ивановича. *Вечером с Павлом Евгеньевичем и его Сашей...* — Павел Евгеньевич Сорокин — муж двоюродной сестры А. Яшина, охотник, рыболов, один из действующих лиц рассказа «Две берлоги». Саша — сын Павла Евгеньевича.

Стр. 280. *...стоить тысяч 12—13.* — Денежная стоимость иногда дается в старом значении, иногда после реформы 1961 г.

Стр. 282. *...пошел Васютка...* — Василий Павлович Горчаков (р. 1940) — сын сводной сестры Яшина — Сани, Александры Антипьевны.

Стр. 283. *...бригадир Миша Кутузов...* — Михаил Иванович Горчаков (р. 1933) — деревенское прозвище: Миша Баринов, Миша Кутузов — двоюродный брат А. Яшина, сын сестры отца писателя — Аграфены Михайловны Поповой (1906—1934).

Стр. 284. *У В. П. Горчакова...*— Василий Петрович Горчаков — в то время зав. райфинотделом, уроженец дер. Блудново.

Стр. 285. *Дрыгин Анатолий Семенович...*— в то время и до 1985 г. секретарь Вологодского обкома партии.

Стр. 292. *...Трапезникову, что буду...*— Н. А. Трапезников — в то время первый секретарь райкома партии г. Никольска.

Стр. 293. *Приехали Воронин Николай Михайлович...* — в то время председатель колхоза «Каменный». Ему посвящено стихотворение «И стали мы пить чаек...».

Стр. 298. *Поездка в Городцы.* — Дальние сенокосы дер. Блуднова. *Рассказ.* — Имеется в виду рассказ «Лауреат» (см. т. 1 наст. изд., стр. 627).

Стр. 300. *Это о Гармане...*— Николай Прокофьевич Горчаков — муж родной сестры А. Яшина — Нины Яковлевны (1919—1939). Деревенское прозвище — Гарман — был в Германии.

Стр. 301. *Приехали Фролов и Вася Оботуров.* — Леонид Фролов — писатель, Василий Оботуров — критик — в то время сотрудники газеты «Никольский коммунар», с 1963 г. переименованной в «Авангард». *...на машине Каплина...* — Вадим Николаевич Каплин — см. т. 1 наст. изд., стр. 620.

Стр. 315. *Меня с Сашей...*— Александр Григорьевич Горчаков — старший брат матери поэта. О нем была задумана писателем повесть «Дядя Саша».

Стр. 318. *...легло бы в повесть о Саше.*— Задумана была повесть и в стихах и в прозе о сыне Саше. *...летовище Антипки Полыжонка* — Антипа Иванович Горчаков. Здесь как прозвище дается. *...Дуни Яшихи* — деревенское прозвище матери Яшина по первому мужу — Якову. *...мать, Мария и я.*— Мария Антипьевна (р. 1930) — сводная сестра Яшина, переселившаяся после замужества в дер. Вырыпаево.

ПИСЬМА

В настоящем издании письма расположены по хронологии. Напечатаны они были в разные годы в «Дне поэзии», журналах «Север», «Дружба народов», «Октябрь»; газетах — «Литературная Россия», «Литературная газета», «Красный Север», «Вологодский комсомолец», «Коммунист», «Авангард». Письма эти перекликаются именами адресатов и содержанием со всем творчеством Яшина: поэтическим, прозаическим и публицистическим. Они органически связаны с его дневниками. За ними встает его живой облик, голос.

Письма кратко представляют биографию писателя, начиная с его первого приезда в Москву, после окончания Никольского педтехникума, в здании которого теперь находится школа-интер-

нат им. А. Яшина, и до «возвращения» — последних писем-завещаний, где он просит отвезти себя на Бобришный Угор. Письма с войны в Литинститут, дружеские письма к писателям разных поколений, отклики на литературные и общественные события, хлопоты о создании в Вологде писательской организации, о писателях-вологжанах, забота о родном колхозе, о родных и близких ему людях, письма жене, детям, которым он начинает писать очень рано, в которых он — семьянин, воспитатель.

Стр. 333. *В Педтехникум города Никольска — ...Александр Попов* — см. т. 3 наст. изд., стр. 390.

Стр. 335. *И. Л. Сельвинскому* — см. т. 1 наст. изд., стр. 601. В то время Сельвинский был главным редактором журн. «Октябрь». Речь идет о поэме «Мать и сын». *...Первенцевой* — см. т. 1 наст. изд., стр. 601.

Стр. 336. *С. В. Щириной* — см. т. 1 наст. изд., стр. 600.

М. М. Пришвину — см. т. 1 наст. изд., стр. 607, т. 2, стр. 667—669. *Правлению колхоза «Красный пахарь»...* — Сейчас этот колхоз называется «Родина» и объединяет несколько деревень, включая дер. Блудново.

Стр. 339. *А. С. Ольхону* — Анатолий Сергеевич Ольхон (Пестюхин) (1903—1950) — писатель, уроженец г. Грязовца Вологодской обл. Ответ на письмо Ольхона, в котором он спрашивает о состоянии «литературного бытия» в Вологде и о возможности туда переехать.

Стр. 340. *А. А. Фадееву* — Александр Александрович Фадеев (1901—1956) — см. т. 3 наст. изд., стр. 10. Почти сразу после войны Яшин начинает работу по созданию в Вологде литературного центра. На своем личном опыте он знал, как нужен такой творческий союз писателей, и еще до создания литературного объединения пытается связать пишущих людей, живших в разных районах области, друг с другом. В 1948 г. на литературном вечере в Вологодском пединституте он знакомится с поэтами — С. Викуловым, В. Дементьевым, А. Романовым.

Стр. 341. *С. П. Щипачеву* — Степан Петрович Щипачев (1899—1979) — поэт. Восторженное отношение Яшина к Щипачеву было непродолжительно. На Алтае Яшин находился в творческой командировке с 22 апр. по 28 авг. 1954 г., где, окончив курсы, получил права тракториста. *...был библиотекарем ф-ки им. Маркова...* — см. т. 1 наст. изд., стр. 21.

Стр. 345. *К. М. Симонову* — Константин Михайлович Симонов (1915—1979) — писатель, друг Яшина со студенческих лет. В Кисловодске Яшин жил подолгу, т. к. ему, больному астмой, там легче дышалось. *...ждем от тебя со Съезда...* — Симонов уехал из Кисловодска на XX съезд КПСС. *...состояния творческой сосредоточенности, которое я здесь с удовольствием и с пользой для себя на-*

блюдал.— В дневнике А. Яшина есть запись от 26/I-56 г.: «В 9 ч. вечера ушел к К. Симонову. Присутствовал при диктовке романа стенографистке Нине Павловне... Я старался не шевелиться, не мешать». С 1968 г. К. М. Симонов был членом комиссии по литературному наследию А. Яшина, участвовал в сооружении памятника Яшину на Бобришном Угоре — и организационно и материально.

Стр. 346. *К. М. Симонову* — см. т. 1 наст. изд., стр. 610 — примеч. к стих. «Орел».

Стр. 348. *А. А. Горчаковой* — см. т. 3 наст. изд., стр. 393.

Стр. 349. *Н. Н. Асееву* — см. т. 3 наст. изд., стр. 386.

Стр. 350. *И. Л. Сельвинскому* — на это письмо Сельвинский ответил 23/V-60 г.: «Дорогой Александр! Вчера вернулся домой после четырехмесячного валандания по больницам. Писем накопилось много. Среди них самое драгоценное: Ваше. ⟨...⟩ Милый Саша! Сколько, должно быть, было у Вас разочарований, если Вы так по-юношески воспринимаете мою нескромную личность. Как бы там ни было — чудесно уже то, что на свете вопреки всему существуют еще такие отношения, которые не укладываются ни в какие деляческие рамки. Ради этого стоит жить! ⟨...⟩ »

Стр. 351. *Б. А. Чулкову* — Борис Александрович Чулков (р. 1932) — поэт. Чулков в своих воспоминаниях о Яшине (*КС*, 1973, 27 марта) рассказывает о поддержке Яшина его, начинающего тогда поэта, о том, что Яшин первым выслал рекомендацию для приема в Союз писателей, сам присутствовал на заседании приемной комиссии в Москве и что «...он же послал и поздравительную телеграмму... Да что говорить! Под такими же словами и чувствами к Александру Яковлевичу могли бы в разное время подписаться и С. Викулов, и А. Романов, и В. Белов, и В. Коротаев, и О. Кванин и... Н. Рубцов, и... С. Чухин. Всем он помог, глава и староста нашего вологодского литературного «цеха»!..»

Стр. 353. *А. А. Романову* — Александр Александрович Романов (р. 1930) — поэт. См. т. 2 наст. изд., стр. 655.

Стр. 355. *И. Г. Эренбургу* — Илья Григорьевич Эренбург (1891—1967) — писатель. Имеется в виду публикация в журн. «Новый мир» книги Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

Стр. 356. *А. Т. Твардовскому* — Александр Трифонович Твардовский (1910—1971). *...Может быть, в зоопарк...*— Одно время для большей связи с народом писатели были прикреплены к партийным организациям различных учреждений г. Москвы. Так как зоопарк находится рядом с Союзом писателей, то некоторые писатели встали на учет туда.

Стр. 359. *Ф. А. Абрамову* — Федор Александрович Абрамов (1920—1983) — писатель. *...повесть Залыгина в «Новом мире»?* — Имеется в виду «На Иртыше». *...книгу Казакова «Голубое и зеле-*

ное».— В дневнике Яшина есть запись от 12 ноября 1965 г.: «Перечитываем рассказы Ю. Казакова... Я снова и два раза подряд прочитал «Кабиасы». Этот рассказ и еще «Трали-вали», да, пожалуй, многие — вероятно, всегда будут вызывать у меня зависть и восторг. А «Кабиасы»-то ультрасовременный рассказ. Чего ж я молол, будто почти весь Казаков, при всем его художническом великолепии, находится где-то в начале XX или в конце прошлого столетия?»

Стр. 361. *В. Н. Каплину* — см. т. 1 наст. изд., с. 620.

Стр. 367. *М. А. Яшину* — Михаил Александрович Яшин (р. 1953) — сын писателя. Летом 1966 г. Михаил вместе с сестрой Натальей отдыхал под Киевом, куда собирался к ним приехать отец. *...с Джином...* — см. т. 1 наст. изд., стр. 622.

Стр. 368. *Ф. А. Абрамову* — речь идет о повести Бориса Можаева «Из жизни Федора Кузькина» («Живой») — журн. «Новый мир», 1966, № 7.

Стр. 371. *В. И. Белову* — Василий Иванович Белов (р. 1932) — писатель. *...это была у нас не частная, не личная поездка...* — Весной 1968 г. Яшин участвовал в Декаде литературы и искусства РСФСР в Литве. Это была последняя поездка писателя.

Стр. 375. *Родным и друзьям... Вася, поезжай работать, Станислав тоже...*— Василий Иванович Белов — писатель; Станислав Александрович Попов (р. 1923) — двоюродный брат Яшина (Попова).

З. К. Яшина, Н. А. Яшина

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

произведений, помещенных в 1—3 томах
Собрания сочинений А. Яшина

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ

Литературные портреты

Очерки

Статьи, заметки

Выступления

ДНЕВНИКИ

ПИСЬМА

Яшин А. Я.

Я 96 Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 3. Статьи; Очерки; Дневники; Письма/Сост., подгот. текста, коммент. З. Яшиной и Н. Яшиной.— М.: Худож. лит., 1986.— 415 с.

В том включены избранные статьи, очерки, заметки, выступления А. Яшина, фрагменты из дневников 1941—1942 гг. и 1958—1968 гг., а также часть писем.

Я $\frac{4702010200\text{-}340}{028(01)\text{-}86}$ подписное **ББК 84Р7**

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ЯШИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ ТРЕТИЙ

Редактор *О. Новикова* Художественный редактор *Т. Самигулин* Технический редактор *Е. Полонская* Корректоры *О. Наренкова, Г. Киселева*

ИБ № 3050

Сдано в набор 24.01.86. Подписано в печать А—10633 от 15.06.86 г. Формат 84×108$^1/_{32}$. Бумага типографская № 1 . Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 21,84. Уч.-изд. л. 23,21. Тираж 50 000 экз. Изд. № III-1004. Заказ № 37. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

